АНЕКДОТЫ,

КАСАЮЩІЕСЯ

до

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

собранные

ИВАНОМЪ ГОЛИКОВЫМЪ.

Изданіе третіе,

исправленное, дополненное и умноженное.

МОСКВА, 1807.

Въ Университетской Типографіи.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ третьему изданію сихъ Анекдотовъ.

Особамъ, имѣющимъ у себя всѣ изданные мною Томы Дѣяній ПЕТРА Великаго, *изъ коихъ въ XVII Томѣ* Дополненія *къ онымъ содержатся* и Анекдоты, *при первомъ воззрѣніи на сіи вновь издаваемые показаться оные могутъ для нихъ уже излишними: но естьли однакожъ благоволятъ ихъ разсмотрѣть, то найдутъ 1) между ими не малое число новыхъ, отысканныхъ мною уже по изданіи первыхъ и столько же, можетъ быть, достойныхъ ихъ вниманія; 2) увидятъ въ новомъ семъ изданіи всѣ прежніе очищенными отъ имѣвшихся въ нихъ типографическихъ и писцовыхъ погрѣшностей, вновь пересмотрѣнными и дополненными многими Историческими сравненіями, подобіями и разными примѣчаніями; и посему не только имѣть ихъ будутъ полнѣйшими и въ новомъ видѣ, но и найдутъ для себя новую еще матерію къ сужденію о помянутыхъ прибавленіяхъ, нужны ли суть оныя или излишни?*

Чтожъ касается до тѣхъ, кои, сколько мнѣ извѣстно, желали имѣть

у себя Анекдоты *сіи, но не могли, потому что оные особенно не продавались, а купить всѣ 30 Томовъ, одни по недостаткамъ своимъ были не въ состояніи, а другіе хотѣли имѣть только ихъ однихъ, а не всѣ Томы, и посему, издавая ихъ однихъ, имѣлъ я въ предметѣ и то еще намѣреніе, чтобы удовлетворить и послѣднихъ сихъ особъ желанію.*

Впрочемъ же, ежели читатели найдутъ въ нихъ удовольствіе: то обязаны они за то благодарностію не мнѣ, а извѣстному по своимъ добродѣтелямъ мужу, Никитѣ Никитичу Демидову, *котораго единственно пособіемъ и великодушною щедростію, приведенъ я былъ въ состояніе издать въ свѣтъ, какъ всѣ осьмнадцать Томовъ* Дополненія къ Дѣяніямъ ПЕТРА Великаго, *такъ и сіи* Анекдоты. *Сколько же бы многихъ открылись способности, естьлибъ находилось у насъ больше таковыхъ благотворительныхъ поощрителей къ трудящимся!*

ПРЕДИСЛОВІЕ,

приложенное при первомъ изданіи Анекдотовъ сихъ.

Подъ названіемъ *Анекдотовъ* разумѣются такія повѣствованія, которыя въ свѣтъ не изданы, и которыя слѣдовательно не многимъ только извѣстны; достовѣрность же таковыхъ преданій зависитъ отъ слѣдующаго: 1) Ежели повѣствуемое въ нихъ взято изъ подлинныхъ записокъ, или частныхъ журналовъ тѣхъ временъ; 2) ежели особы, предавшія ихъ словесно, были или очевидцами повѣствуемаго, или удостовѣрены о истиннѣ того отъ современниковъ, заслужившихъ уваженіе; 3) ежели оные подтверждаются преданіемъ, отъ самаго того же времени изъ рода въ роды преходящимъ, и которое не противорѣчитъ самой Исторіи; — и таковые Анекдоты по справедливости заслуживаютъ Историческую достовѣрность.

Источники издаваемыхъ мною Анекдотовъ о ПЕТРѢ Великомъ показаны подъ каждымъ изъ нихъ; и благоразумные Читатели сами могутъ сдѣлать изъ того заключеніе, заслуживаютъ ли они Историческую вѣроятность? И такъ, не приводя иныхъ

тому какихъ-либо доказательствъ, изъясню только аллегорическое изображеніе, приложеннаго здѣсь *эстампика*: оной срисованъ въ точности съ собственной ПЕТРА Великаго печати, каковая видна на многихъ своеручныхъ Его къ частнымъ особамъ письмахъ; на ней представленъ самъ Онъ, стоящій на колѣняхъ съ молотомъ и долотомъ, и обдѣлывающій изъ мрамора *статую* державныя *Россіи*, которая уже до колѣней обработана; вверьху ея изображается въ сіяніи *Божество*, споспѣшествовавшее Ему въ великой сей работѣ; по сторонамъ изображены флотъ и архитектура, яко Его же многотрудныхъ рукъ дѣло; внизу, подъ щитомъ герба Россійскаго, лежатъ орудія воинскія, прославившія ее побѣдами, и проч. Мысль достойная Зиждителя Россіи!

Печать сія въ окружности своей не болѣе дватцати-пяти-копѣешника; а здѣсь она для большей ясности увеличена.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Анекдотамъ, находящимся въ сей книгѣ.

АНЕКДОТЫ

О ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

1.

Отвращеніе ПЕТРА Перваго отъ воды въ дѣтствѣ.

Всѣ Лѣтописи наши согласны въ томъ, что въ Государѣ ПЕТРѢ I съ самаго нѣжнаго дѣтства Его примѣчена была особенная склонность къ воинскимъ упражненіямъ (*); но склонность сія ограничивалась сухопутными только экзерциціями, а не простиралась на водныя, хотя и слушалъ Онъ охотно отъ учителей своихъ описанія морскихъ сраженій.

Причину сего открываетъ намъ рукопись Г. *Крекшина*, которую называю я обыкновенно *Дневникомъ*, то

(*) Зри Томъ I *Дѣяній ПЕТРА Великаго.*

А

есть, что Онъ въ дѣтствѣ своемъ крайне бывъ испуганъ водою, имѣлъ отъ оныя отвращеніе (*).

Мы опишемъ здѣсь все, касающееся до сего произшествія.

Царица *Наталія Кириловна*, мать Ироя нашего, въ вешнее время посѣщала монастыри, и при переѣздѣ чрезъ

(*) Странно однакожъ, что Г. *Миллеръ*, столь впрочемъ осторожный изыскатель древностей и произшествій историческихъ, отрицаетъ справедливость рукописи сей, равно какъ и того, будтобы Ирой нашъ не былъ въ потѣшной ротѣ своей барабанщикомъ, называя и то и другое баснею, отъ *Страленберга* выдуманною. Сіе Гна. *Миллера* мнѣніе подтверждаетъ и другой, не меньше важный Писатель, Г. *Болтинъ*, въ книгѣ своей на *Леклерка*; но отдавая симъ, толико именитымъ Мужамъ, всю впрочемъ справедливость, не можно отнюдь согласиться съ ихъ о семъ мнѣніемъ. Они не хотѣли, какъ видно, взять на себя труда разсмотрѣть сего, что рукопись оная и общее о семъ же преданіе старѣе *Страленберга*, которой писалъ свою исторію въ Сибири, куда онъ послѣ плѣна своего подъ Полтавою былъ сосланъ; а рукопись *Крекшина*, какъ самъ онъ увѣрялъ меня, писана имъ до 1709 году, и взята изъ записокъ первыхъ лѣтъ царствованія Монарха, и общаго о томъ преданія, о которомъ безъ сомнѣнія наслышался отъ Россіянъ и Г. *Страленбергъ*, среди которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ. Хотя же и то правда, что сей Шведъ не изъ числа

одинъ ручеекъ, отъ наводненія сдѣлавшійся нарочитою рѣкою, имѣя пятилѣтняго сего сына своего на рукахъ спящаго, и сама нѣсколько воздремавшая, шумомъ сильно стремившагося ручья сего и крикомъ людей пробудившись и, увидя воду въ каретѣ, и оную нѣсколько наклонившуюся и

достойныхъ во всемъ вѣроятія Писатель, какъ то показано сіе во *Введеніи къ Дѣяніямъ ПЕТРА Великаго*; а сія самая недостовѣрность его болѣе еще подтверждаетъ справедливость рукописи оной. Онъ выдумывалъ только то одно, чѣмъ бы могъ очернить славу Великаго Государя, приписывая Ему изъ мщенія, яко побѣдителю соотчичей Его, жестокость и другіе пороки; но выдумывать Ему такія происшествія, которыя не только не обезславливаютъ Его, но дѣлаютъ еще Ему и честь, отнюдь не совмѣстно съ ненавистью къ Россіи сего Писателя. Да и какъ можетъ придти въ голову плѣнному иностранцу такая странность, ежелибъ онъ не наслышался о ней, какъ выше сказано, отъ самыхъ Россіянъ!

Впрочемъ подтверждали мнѣ повѣствуемое рукописью *Крекшина* и многіе почтенные старцы, а Г. *Крекшинъ* о справедливости сего не однократно увѣрялъ меня же клятвенно; какое же можетъ быть большее сего удостовѣреніе, когда современники Великаго Государя согласно утверждали сіе? Да и въ причинѣ, наведшей страхъ сей младому Государю, ничего нѣтъ страннаго и невѣроятнаго.

опрокинуться готовою (по крайней мѣрѣ страхъ представилъ ей сіе), сильно закричала. Царевичь, отъ сего крика пробудившійся, увидя блѣдность испуганной матери, воду въ каретѣ и шумное стремленіе воды, столько пораженъ былъ страхомъ, что тогда же получилъ лихорадку.

Таковое сильное впечатлѣніе въ сердцѣ младаго Государя произвело такое отвращеніе отъ воды, что Онъ не могъ взирать на рѣку, на озеро и даже на прудъ равнодушно; и хотя Онъ всячески старался скрывать сей страхъ свой, однакожъ примѣтенъ оной былъ по тому, что никогда не видали Его ни плавающаго по водамъ, ни переѣзжающаго въ бродъ чрезъ рѣку, и ниже чтобъ когда либо искупался Онъ въ рѣкѣ, или въ прудѣ, что продолжалось даже до четырнадцатилѣтняго Его возраста.

Въ сіе-то время освободился Онъ отъ страха сего слѣдующимъ образомъ:

Князь *Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ*, занимавшій при Немъ мѣсто дадьки, предложилъ *Его Величеству* позабавиться псовою охотою; и хотя младый Государь не любилъ сей охоты

и во всю жизнь свою оною не занимался (*); но при семъ случаѣ, изъ уваженія къ прозьбѣ сего Князя, согласился на оное. Во время сей забавы Князь, желая истребить въ Государѣ страхъ отъ воды, съ намѣреніемъ завелъ Его къ берегамъ рѣки Истры. Монархъ, увидя рѣку, остановилъ коня своего. Князь спросилъ тому причины, и Государь, съ видомъ огорченнымъ сказалъ: куда ты завелъ меня? Къ рѣкѣ, отвѣтствовалъ Князь. *Ваше Величество* видите, сколь утомилися лошади и запылились охотники, такъ нужно лошадямъ дать отдохнуть и прохладиться, а людямъ

(*) „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ одинъ Писатель, „что человѣкъ, забавляющійся мученіемъ невиннаго звѣря, и взирающій съ пріятностію „на смерть такой твари, которая не дѣлаетъ „вреда, долженъ имѣть сердце жестокое и „безчувственное. Такой человѣкъ взирать будетъ и на смерть человѣка съ столь же хо„лодною кровію, или еще и съ пріятностію; „и по сему колико должно отдалять желаніе „отъ псовой охоты при воспитаніи дѣтей „знатныхъ людей, а особливо Царскихъ! ибо „какъ возмогутъ они чувствовать удовольствіе, „отъ милосердія произходящее, въ жизни своей, когда уже въ юности привыкнутъ взирать на мученіе и смерть невиннаго звѣря?“ и проч.

вымыться. Родитель Твой, заключилъ Князь, часто сіе дѣлывалъ, и въ сей рѣчкѣ самъ купывался, и — не дожидаяся отвѣта — поѣхалъ чрезъ оную; а между тѣмъ всѣ охотники, по предварительно данному приказу, раздѣвшись въ мигъ очутились въ рѣкѣ купающимися. Сначала на сіе досадовалъ Монархъ; но увидя Князя переѣхавшаго и съ другаго берега приглашающаго Его къ себѣ, постыдился показать себя страшащимся воды, и сдѣлавъ, такъ сказать, нѣкоторое насиліе себѣ, осмѣлился въѣхать въ рѣку и переѣхать оную. Всѣ бывшіе при *Его Величествѣ* и за нимъ слѣдовавшіе, вѣдая страхъ Его, обрадовались сему, да и самъ Монархъ ощутилъ уже въ себѣ отъ сего переѣзду нѣкое удовольствіе.

Царь, Братъ Его, узнавши о семъ, чрезъ нѣсколько времени пригласилъ Его съ собою въ село Измайлово, въ которомъ было нѣсколько прудовъ, способныхъ къ купанію. Онъ далъ тайно приказъ молодымъ своимъ царедворцамъ, что когда будетъ Онъ съ Царемъ, братомъ своимъ, прогуливаться у прудовъ, чтобъ они разрѣзвяся сталкивали другъ друга въ воду.

Все сіе было исполнено; и хотя младый Государь крайнее на сіе оказалъ негодованіе; но сіи, однако же молодые люди, по данному же приказу раздѣвшись, начали въ водѣ купаться и рѣзвиться. Рѣзвость сія мало по малу разсмѣшила младаго Государя, и Онъ уже смотрѣлъ на то съ такимъ равнодушіемъ, что наконецъ согласился на предложеніе Брата своего, и Самъ съ Нимъ послѣдовать ихъ примѣру; и съ того времени совершенно миновалось отвращеніе Его отъ воды.

Въ семъ-то селѣ Монархъ вскорѣ послѣ сего нашелъ старый и брошенный ботикъ, которой возбудилъ въ Немъ чрезвычайное желаніе къ заведенію морскихъ силъ; и по сему-то назвалъ Онъ его *Дѣдушкою Россійскаго флота*, какъ-то сіе всѣмъ уже извѣстно.

И мы видѣли, что коль сильное было Его сначала отвращеніе отъ воды, тѣмъ сильнѣе родилось въ немъ безстрашіе къ плаванію на самыхъ уже моряхъ, и даже въ самыя бурныя времена; а сіе доказываетъ, что не было въ Немъ ни одной такой страсти, которой бы не могъ Онъ преодолѣть въ себѣ, какъ-то сіе под-

твердится ниже; а между тѣмъ одинъ безстрашія Его на морѣ примѣръ представимъ въ слѣдующемъ анекдотѣ.

2.

Неустрашимость Государева въ плаваніи по морю.

Въ первомъ Томѣ Дѣяній (стран. 259) описано постигнувшее Великаго Государя крайнее бѣдствіе въ безопытномъ еще плаваніи Его на Бѣломъ морѣ, когда отъ жесточайшаго штурма и самые опытные мореходцы приведены были онымъ въ ужасъ, лишившій ихъ всякія рѣшимости, кромѣ одного Его и простаго кормщика; и какъ на семъ морскомъ суднѣ находилось нѣсколько иностранцовъ, взятыхъ Имъ съ собою изъ Архангельска, то одинъ изъ сихъ о семъ бѣдственномъ приключеніи изъясняется тако: „Когда Царь въ 1694 году „отъ пристани Архангельской вы„ѣхалъ въ Океанъ: то такая страш„ная поднялась буря, что всѣ съ „Нимъ бывшіе пришли въ чрезвычай„ной ужасъ, и стали молиться, при„уготовляяся къ смерти; одинъ только

„младый Государь казался нечув-„ствительнымъ къ ярости свирѣп-„ствующаго моря. Онъ равнодушно „возложа на себя обѣщаніе, ежели „благовременной подастся случай и „не воспрепятствуютъ Государствен-„ныя нужды, побывать въ Римѣ, и „отдать поклоненіе мощамъ Св. Апо-„стола *Петра*, своего патрона, по-„шелъ къ кормщику, и веселымъ ви-„домъ ободрялъ къ должности всѣхъ „уныніемъ и отчаяніемъ пораженныя „сердца.„

Смотри о семъ Acta Eruditorum, anno 1708 pag. 218.

Сіе засвидѣтельствованіе важно, яко отъ иностранца, и само по себѣ почтено быть не можетъ пристрастнымъ; но мы дополнимъ еще здѣсь оное. Помянутый кормщикъ былъ тамошній Нюхонской волости крестьянинъ *Антипъ Пановъ*: онъ только одинъ съ Монархомъ въ общемъ томъ страхѣ не потерялъ рѣшимости; и какъ сей крестьянинъ былъ презнающій на тамошнемъ морѣ кормщикъ: то когда Государь пришедъ къ нему, сталъ ему въ дѣлѣ его указывать, и куда должно направлять судно, то сей съ грубостію отвѣчалъ Ему: поди

пожалуй прочь! я больше твоего знаю, и вѣдаю, куда правлю. И такъ когда управилъ онъ въ губу, называемую *Унскіе рога*, и между подводныхъ каменьевъ, коими она была наполнена, щасливо проведя судно, присталъ къ берегу у монастыря, называемаго *Петроминскимъ*; тогда Монархъ, подошедъ къ сему *Антипу*, сказалъ: Помнишь ли, братъ, какими ты словами на суднѣ меня оппотчивалъ? Крестьянинъ сей въ страхѣ падши къ ногамъ Монарха, признавался въ грубости своей и просилъ помилованія. Великій Государь поднялъ его самъ, и три раза поцѣлававъ въ голову, сказалъ: ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой; и я обязанъ еще благодарностію тебѣ за твой опьѣтъ и за искусство твое. И тогда же переодѣвшись въ другое платье, все бывшее на себѣ, измоченное даже до рубашки, пожаловалъ ему въ знакъ памяти, и сверхъ того опредѣлилъ ему же годовую до смерти его пенсію (*).

(*) Послѣднее въ Анекдотѣ семъ сообщено мнѣ отъ бывшаго Архангелогородскаго, а потомъ Московскаго первой гильдіи купца, *Михайлы Андреевича Мамонова*, слышавшаго сіе отъ самаго сего *Антипа Панова*.

3.

Кликуши.

Никакой періодъ времени не способенъ столько къ обманамъ, плутовству и коварству, какъ суевѣрной; ни въ какое иное время, какъ въ сіе, столько не возникало и не обогащалось пустосвятовъ, ханжей и лицемѣровъ; не преуспѣвало въ злостныхъ намѣреніяхъ своихъ, коварниковъ и злодѣевъ; и не находили столько способовъ тунеядцы и бездѣльники проживать на счетъ простыхъ и всему вѣру емлющихъ людей. Между множествомъ случаевъ къ обманамъ, не послѣднее было, притворное бѣснованіе, взводимое на себя по большой части подлыми бабами и дѣвками, которыя у насъ извѣстны были подъ именемъ *Кликушъ*. Сіи плутовки, среди стеченія народнаго, а паче въ церквахъ, въ праздничные и воскресные дни, начинали обманы свои паденіемъ на землю, испусканіемъ нелѣпыхъ криковъ, кривляніемъ лицъ, ломаніемъ и коверканіемъ членовъ, и среди оныхъ произносили нѣкакія глухія предвѣщанія; все же то суевѣрами принималось за дѣйствіе нечистыхъ духовъ, въ нихъ будто бы

вселившихся, а мнимыя ихЪ предвѣщанія толковались народомЪ по своему и разносились оныя повсюду сЪ прибавленіемЪ разныхЪ странныхЪ чудесЪ (*).

(*) КЪ стыду человѣческаго рода вѣрили повсюду симЪ обманамЪ, равно какЪ и колдовству, чрезЪ нечистыхЪ духовЪ будто бы бываемому.

Во времена, когда Англія вооружалась противЪ Епископства и Короля, наполнена была волшебниками и колдунами; самЪ ПарламентЪ всѣхЪ непріятелей Англіи, по успѣхамЪ ихЪ, почиталЪ колдунами, и учредилЪ коммисіи для очищенія отЪ нихЪ провинцій своихЪ; кЪ волшебствамЪ *Мерлина* отдавалось всеобщее уваженіе, и уже послѣ сихЪ мрачныхЪ временЪ, когда, то есть введена и вольность мыслить, не изцѣлились отЪ сего суевѣрія ни самыя лучшія ихЪ головы. *Мелвилевы* записки наполнены колдовствомЪ и чертями; онЪ ихЪ представляетЪ, яко произшествіями доказанными; даже *Гоббесъ*, опровергавшій самое бытіе Бога, духовЪ нечистыхЪ боялся, и проч. Описывающій все сіе заключаетЪ тако: „Почему ни мало не удивительно, что сіе закоренѣлое старинное предувѣреніе о колдовствѣ, чрезЪ столь долгое время подпиравшееся мірскою и духовною властію; зрѣлищами на костры, на коихЪ кучами сожигались колдуны, проповѣдьми и сочиненіями БогослововЪ, существуетЪ еще и нынѣ вЪ АглинскихЪ деревняхЪ.„ Франція не менѣе вооружалась на колдуновЪ и ихЪ сожигала, чему одинЪ слѣдующій примѣрЪ послужитЪ доказательствомЪ. ПроповѣдникЪ, СвященникЪ

Между тѣмъ мнимобѣснующихся сихъ изъ жалости надѣляли подаяніями; пустосвяты и коварные подкупали ихъ произносить то, что было нужно, первымъ къ притворной святости, вторымъ къ какому либо ихъ интересу, или ко вреду тѣхъ, коихъ они погубить и обезславить хотѣли.

Во время ПЕТРА Великаго, а паче въ первые годы царствованія Его, много было таковыхъ *Кликушъ*, хотя

и Настоятель *Лундунскаго* монастыря Урсулинскихъ монахинь *Грандъеръ*, въ 1634 году сожженъ по обвиненію въ колдовствѣ, что будто бы онъ очаровалъ помянутыхъ монахинь, и поселилъ въ нихъ дьяволовъ; и когда сія жертва суевѣрія была уже на кострѣ, и примѣтили летавшую около его большую муху, то одинъ монахъ вскричалъ: вотъ летаетъ *Веельзевулъ*, которой сбирается унести въ адъ *Грандъерову* душу, и всѣ сему повѣрили. По сожженіи сего нещастнаго, для изгнанія нечистыхъ духовъ изъ монахинь оныхъ, опредѣленъ былъ набожный Езуитъ *Сюренъ*, и изъ записокъ его видно, сколько надѣлали ему трудовъ и подвиговъ нечистые оные духи, поселившіеся въ монахинь. По словамъ его, въ головѣ у Игуменьи жилъ духъ *Левіаванъ*, и весьма упорно держался въ ней до 5 Ноября 1635 года; *Веліамъ* изгнанъ изъ монастыря 29 Ноября *Иліануромъ* въ 1636 году; *Бегемотъ* долѣе

сей Великій Государь, бывъ врагомъ суевѣрія, и старался всячески искоренять оныхъ, изгоняя изъ нихъ дьяволовъ плетьми и другими наказаніями.

Слѣдующіе четыре Анекдота докажутъ намъ сіе наилучше.

I. Коварной *Милославской*, другъ и родственникъ съ матерней стороны Царевны *Софіи Алексѣевны*, предпріялъ утвердить на престолѣ сію Царевну, управлявшую тогда самовла-

---

всѣхъ держался и изгнанъ уже 15 Октября 1637 года, то есть, когда монахиня, въ которой онъ поселился, сдѣлала обѣщаніе путешествовать ко гробу Св. *Франциска*.

Въ тѣхъ же *Сюреневыхъ* запискахъ значится, что дьяволы оные сами себѣ противорѣчили, не устаивали въ словѣ своемъ, мало знали по Латыни, отвѣчали на вопросы сбивчиво, и проч.

Исторія сія *о Лудунскихъ дьяволахъ*, напечатанная въ Амстердамѣ въ 1693 году, доказываетъ, сколь сильно омрачены были колдовствомъ всѣ народы Европейскіе, не говоря уже о другихъ частяхъ свѣта. *Смотри Всемірнаго Путешественника Часть XVIII, и Историческій Словарь подъ литерою Гр.*; а по сему и не дивно, что вѣрили сему же сумазбродству и у насъ; но дивно то, что ПЕТРЪ Великій отъ самаго еще отрочества сему не вѣрилъ, и всячески искоренять оное старался.

стно, а лишить онаго младаго Царя, брата ея. Сколь законопреступно было намѣреніе сіе, таковы были и средства, къ сему имъ употребленныя; между прочимъ же, дабы отвратить сердца народныя отъ Монарха, а привлечь ихъ къ Царевнѣ, чрезъ преданныхъ себѣ уговорилъ обѣщаніями наградъ нѣсколькихъ изъ сихъ *Кликушъ*, а въ числѣ оныхъ и одну знатнаго отца дочь, всклепать на себя бѣснованіе. И сія послѣдняя по условію въ Успенскомъ Соборѣ въ праздничной день, когда находилась въ немъ Царевна, столь искусно сыграла данную ей ролю, что весь народъ увѣрился въ ея подлинномъ бѣснованіи, и почелъ издаемой ею странной крикъ за голосъ поселившагося въ ней и ее мучащаго діавола; не меньше же искусство въ притворствѣ оказала и Царевна: она съ великимъ по видимому благоговѣніемъ пала предъ образомъ Пресвятыя Богородицы *Владимірскія*, моля ее о изгнаніи изъ мучимой нечистаго духа; и по томъ приступя къ ней, заклинала его именемъ Божіимъ, и Пречистыя Его Матери, изыйти изъ нея; и діяволъ вопилъ, что молитвы и заклинанія ея жгутъ его

адскимЪ огнемЪ, и чрезЪ нѣсколько минутЪ сЪ страшнымЪ крикомЪ и терзаніемЪ мучимой имЪ изшелЪ, якобы изЪ нея, оставя притворщицу еле живу; ЦаревнажЪ, приведя ее вЪ чувство и взявЪ за руку, подняла ее здраву. Можно себѣ представить, колико удивленЪ былЪ непроницающій вЪ коварство сіе народЪ чудомЪ симЪ: онЪ почелЪ Царевну чудотворицею, а великаго Брата ея и всѣхЪ приверженныхЪ кЪ Нему охуждалЪ сЪ негодованіемЪ за малое уваженіе ихЪ кЪ толико святой Царевнѣ. Нѣсколько же сему подобныхЪ послѣ чудотвореній ея утвердили паче еще народЪ вЪ разположеніи семЪ, какЪ вЪ отношеніи кЪ Царевнѣ, такЪ и кЪ Монарху (*).

4.

Подобныя сему коварства.

II. УспѣхЪ коварства описаннаго полюбился Царевнѣ такЪ, что она, дабы наиболѣе привязать кЪ себѣ на-

---

(*) О семЪ кратко повѣствуетЪ и Г. *Татищевъ* вЪ своемЪ *Географическомъ, Историческомъ* и *Политическомъ Лексиконѣ въ III Части* на стран. 212.

родъ и очернить въ умахъ онаго державнаго своего Брата, употребляла многократно къ тому сей же самый способъ. Самовидѣцъ онаго, знаменитый господинъ, *Иванъ Михайловичъ Головинъ*, оставилъ намъ о семъ слѣдующее извѣщеніе. Она долго содержала на жалованьѣ своемъ многихъ такихъ кликушъ, подъ именемъ бѣснующихся; и какъ имѣла обычай часто ѣздить въ Новодѣвичій монастырь: то на канунѣ выѣзда своего одну или двухъ изъ нихъ повелѣвала тайно приводить къ себѣ, и наставляла, какъ имъ поступить во время ея проѣзда мимо ихъ; и по томъ наученыхъ сихъ плутовокъ вывозили на Дѣвичье поле и полагали при дорогѣ къ монастырю; и какъ скоро карета Царевнина, всегда тихимъ ходомъ шествующая, подъѣзжала къ которой изъ нихъ: то притворно бѣснующіяся, при зрѣніи многочисленнаго народа, всегда Царевну сопровождавшаго, и начинали нелѣпыми голосами кричать, биться и всячески тѣлокривляться. Царевна, будто бы нечаянно услышавъ крикъ тотъ, спрашивала у наученныхъ уже ею изъ придворныхъ тварей своихъ, что это за странной

крикъ? А сіи будтобы старались сначала занимать оное, и не прежде открывались, какъ по вторичному уже приказу ея, что крикъ оной произходитъ отъ какой-то бѣснующейся; но Ваше Высочество, примолвливали они, не извольте останавливаться; страшно на нее смотрѣть, какъ злой духъ ее ломаетъ. Боже мой! отвѣтствовала она, не ужь ли можно бѣдную сію оставить безъ всякой помощи? и повелѣвала каретѣ, подъѣхавъ къ ней ближе, останавливаться и двери каретныя отворять. Тутъ паки содѣйствователи коварству сему удерживали ее прозьбою, чтобъ не изволила выходить; однакожъ она тому не внимая выходила, подходила къ мнимобѣснующейся, оказывала чрезвычайные знаки своего сострапданія, и по томъ, при зрѣніи всего же народа, оградя оную крестообразно рукою, произносила съ видомъ набожнымъ сіи слова: *Христосъ Господь исцѣлилъ многихъ бѣснующихся силою своею, той же исцѣляетъ и тя рабу Божію (имярекъ) отъ всякія юзы душевныя и тѣлесныя.* Послѣ чего дѣвка или баба переставала бѣсноваться, дѣлалась тиха и приходила въ

разумъ, якобы освободившаяся отъ жившаго въ ней и терзавшаго ее діавола. По томъ чудотворица сія, надѣляя ее милостынею, отпускала, и сама при восклицаніи благоговѣющаго къ ней народа, продолжала шествіе свое къ монастырю.

Не меньшая на сей же самый конецъ хитрость Царевны сея была, въ сіи же выѣзды ея въ монастырь тотъ, по свидѣтельству того же Г. *Головина* и слѣдующая. По приказу ея должны были бы ь при ней въ выѣзды оные и докладчики дѣлъ, которые въ монастырѣ и докладывали ей всегда почти, по дѣламъ сколь важнымъ, столь и труднымъ къ рѣшенію; и она, выслушивая оныя, ни мало не думавъ, давала весьма дѣльныя резолюціи, каковымъ не токмо простой народъ, но и сами докладчики и предсѣдатели приказовъ, всегда же при ней въ выѣзды сіи присутствовавшіе, удивлялися и превозносили проницательный разумъ ея, не вѣдая того, что она тѣ самыя дѣла, по коимъ докладывали ей тогда, брала къ себѣ въ комнату, и разсматривая оныя съ умными совѣтниками, заготовляла заранѣе на сіе

время резолюціи сіи. О даемыхъ ею рѣшеніяхъ въ монастырѣ семъ упоминаетъ и Г. *Татищевъ* въ примѣчаніяхъ своихъ на Судебникъ Царя *Ивана Васильевича*.

Толиками-то и подобными симъ коварствами старались устроить путь къ отлученію Государя отъ престола, и къ возложенію короны на главу сестры Его; но всуе поучалися коварствующіе тщетнымъ! Ирой нашъ, покрываемый щитомъ Божественнаго Промысла, предъизбравшаго Его царствовати, не только утвердился на престолѣ, и до кончины своея съ толикою славою управлялъ кормиломъ Государственнымъ; но и народъ, выведенный напослѣдокъ изъ заблужденія, благоговѣлъ къ Нему, почитая въ Немъ и законнаго Государя и истиннаго Отца Отечества.

5.

О кликушахъ же.

III. Дворянка *Кутузова*, имѣвшая въ Москвѣ на Петровкѣ, близь монастыря сего имени, домъ свой, пользуяся легковѣріемъ и суевѣріемъ народа, ославила бывшій у нея Образъ

Богоматери разными будтобъ отъ него произходившими чудотвореніями, и тѣмъ привлекла множество къ оному молельщиковъ; дабы же наиболѣе увѣрить народъ о чудотвореніяхъ образа, а вмѣстѣ и о своей святости, содержала у себя нѣсколько подобныхъ плутовокъ, такихъ же то есть *кликушъ*, изъ которыхъ предъ Образомъ молитвами и заклинаніями своими изгоняла мнимыхъ нечистыхъ духовъ; а сими и подобными коварствами, сдѣлавъ себя въ умахъ народныхъ чудотворицею, знатно обогатилась.

Все сіе не могло укрыться отъ Монарха. *Его Величество*, по прибытіи своемъ въ Москву, повелѣлъ всѣхъ сихъ мнимобѣсноватыхъ при собраніи народномъ у дома *Кутузовой* наказать плетьми; онѣ принуждены были предъ народомъ же во всемъ описанномъ плутовствѣ признаться, и бывъ рецептомъ симъ, такъ сказать, изцѣлены, отданы въ работу на фабрику. Какое же наказаніе понесла *Кутузова*, неизвѣстно; а Образъ тотъ со всѣмъ богатымъ его прикладомъ Монархъ повелѣлъ отдать въ означенной монастырь.

6.

Того же доказательства.

IV. Одна баба, по злости на деверя своего, затѣяла на него, якобы онъ колдовствомъ своимъ поселилъ въ нее дьявола; дабы же довести того деверя своего до несчастія, въ церкви *Исакіевской*, во время обѣдни, въ присутствіи Государя, обыкновеннымъ притворщицамъ таковымъ голосомъ заревѣвъ, упала, билась и всячески ломалась. Монархъ тотъ же часъ повелѣлъ вывести ее изъ церкви и изгнать изъ нее дьявола плетьми, что не отлагая и исполнено. Кликуша признялась во всемъ сказанномъ, за что по указу *Его же Величества*, въ коемъ прописано какъ злодѣйство, такъ и признаніе ея, паки наказана на площади публично; а дабы пресѣчь навсегда таковое плутовство, Великій Государь за лучшее призналъ къ тому средство, публиковать во всемъ пространствѣ Россіи Указы, повелѣвающіе всѣхъ *кликушъ* таковыхъ, гдѣ оныя окажутся, отсылать въ С. Петербургъ, *и отъ того времени*, говоритъ Г. Татищевъ, *такъ оное пре-*

сѣклось, что уже нигдѣ такихъ дья-волобъ не осталось (*).

7.

Присутствіе духа въ самомъ жесто-чайшемъ разпаленіи гнѣва никогда не оставляло ПЕТРА Великаго.

Изъ Исторіи *Его Величества* видно, что и по заключеніи въ Дѣвичій монастырь Царевны *Софіи Алексѣевны*, старалась она всегда заводить тайно бунты на державнаго Брата своего, отлучившаго ее отъ правленія Государствомъ, которые однако же всегда были разрушаемы бдительнѣйшимъ Монархомъ. Но сколь должно быть сіе чувствительно сердцу Его, то удобно понять каждому; Онъ не однократно выходилъ изъ терпѣнія, и въ гнѣвѣ своемъ предпринималъ пресѣчь нить дней толико мятежныя

(*) Послѣдніе два Анекдота слышаны были мною отъ почтенныхъ стариковъ временъ Государевыхъ, о которыхъ напомнилъ мнѣ также и Г. *Татищевъ* въ помянутомъ же *Лексиконѣ* своемъ и въ показанномъ же выше мѣстѣ. Послѣднее произходило въ 1717 уже году, а первыя три въ началѣ царствованія *Его Величества.*

и злобныя сея сестры своея. Мы уже видѣли вЪ IX ТомѢ Дѣяній (стр. 319 и слѣд.), что Великій Государь, будучи вЪ такомЪ раздраженіи, изчисля всѣ ея на жизнь свою покушенія, опредѣлилЪ-было наконецЪ совершенно избавиться отЪ нее, какЪ отЪ главнѣйшаго своего злодѣ; но кЪ утушенію гнѣва Его и кЪ отмѣнѣ такого опредѣленія стоило только Г. *Лефорту* напомнить Ему, что она Ему сестра, и что ТуркамЪ только свойственно омокать руки вЪ крови родныхЪ своихЪ. И такЪ вмѣсто казни удовольствовался ОнЪ самоличнымЪ только ей выговоромЪ; но слезами ея толико еще умягчился, что соединилЪ сЪ ея слезами и свои, и выходя отЪ ней, произнесЪ тому же *Лефорту* сіи слова: *Она имѣетЪ великой разумЪ, но жаль, что столько зла.*

А какЪ и послѣ сего прощенія она не преставала заводить подобные же бунты и умыслы на жизнь толико великодушнаго Брата и Государя своего: то МонархЪ вЪ открывшійся одинЪ изЪ таковыхЪ заговоровЪ, желая узнать отЪ ней самой нѣкія обстоятельства онаго, пріѣзжаетЪ вЪ монастырь, входитЪ кЪ ней сЪ свер-

кающими гнѣвомъ глазами, уличаетъ ее новыми на жизнь свою умыслами, и требуетъ ея признанія и отвѣтовъ на вопросы свои. Сколь ни явны были Государевы улики, но она однакожъ ни въ чемъ не признается; сего еще не довольно: гордость ея колкостію, такъ сказать, упрековъ Монаршихъ разбужденная, разгорячаетъ ее, и сколь колкими, столь и оскорбительными выраженіями защищаяся, обвиняетъ въ мятежахъ тѣхъ Его самаго. Толикая непризнательность, непокоривость и ѣдкость отвѣтовъ ея выводятъ Монарха изъ терпѣнія; Онъ въ крайней запальчивости, сказавъ, что одна смерть ея доставитъ Ему безопасность, — умри злодѣйка! — и выхватываетъ на пораженіе ея мечь свой. Въ самое сіе мгновеніе, бывшая при Царевнѣ двенадцатилѣтняя служившая ей дѣвушка становится между Государемъ и Царевною, бросается къ ногамъ Государевымъ, и ухватившись за оныя, вопіетъ: что Ты дѣлаешь, Государь? вспомни, она родная Тебѣ сестра! Слово сіе останавливаетъ Его, мечь выпадаетъ изъ рукъ Его, и Онъ помолчавъ съ минуту, прощаетъ паки мятежную и непокорную сестру,

а дѣвушку цѣлуетъ въ голову, говоря: спасибо дѣвочка, я тебя не забуду; успокоивается и выходитъ (*).

Изъ всѣхъ побѣдоносцевъ наибольшій есть тотъ, кто побѣждать можетъ страсти свои, а паче гнѣвъ, говоритъ одинъ Писатель.

Ирой нашъ, по горячему темпераменту своему, не рѣдко распалялся крайнимъ гнѣвомъ; но присутствіе духа Его и въ такомъ положеніи никогда Его не оставляло. Ниже увидимъ мы сему еще сильныя доказательства, а между тѣмъ приведемъ здѣсь тому же одинъ примѣръ.

Онъ въ одно время за дерзновенныя слова того же самаго *Лефорта* крайнимъ воспылалъ на него гнѣвомъ, и что особливо замѣтить должно, то было сіе при одной пирушкѣ, когда и винные еще пары затмѣвали нѣсколько разсудокъ Его. Въ такомъ кипя-

(*) Дѣвушка сія по смерти Царевны чрезъ нѣсколько лѣтъ постриглась въ томъ же монастырѣ, наречена *Евфросиніею*, и въ глубокой старости скончалась предъ симъ не болѣе, какъ лѣтъ за семь. Она всегда сіе разсказывала всѣмъ знакомымъ своимъ; нѣкіе изъ нихъ и понынѣ живы, которые сами сіе слышанное отъ нее разсказываютъ другимъ; и я бы могъ наименовать ихъ, но нѣтъ на то ихъ воли.

щемъ, такъ сказать, гнѣвъ, выхвата изъ ноженъ кортикъ свой, устремился на пораженіе его; но любимецъ сей, знавши Его совершенно, не уклонился отъ Государя ни мало; онъ, обнажа грудь свою: рази! сказалъ, ревностнаго Твоего слугу, вотъ грудь его! Въ мигъ выпадаетъ изъ рукъ Его оружіе, и вмѣсто пораженія бросается въ его объятія и проситъ прощенія. Аббатъ *Милотъ*, описывающій сіе, въ удивленіи восклицаетъ: „Убійца *Клитовъ* „*Александръ* тѣмъ меньшаго достоинъ извиненія, чѣмъ лучше ПЕТРА I „получилъ онъ воспитаніе.„

8.

Государь прощаетъ одного злодѣя, на жизнь его умышлявшаго; но судъ Божій казнитъ его.

Изъ Дѣяній же Великаго Государя извѣстно, что во время втораго Стрѣлецкаго бунта, воздвигнутаго тою же сестрою его чрезъ *Шакловитаго*, Монархъ отъ тайно устремленнаго на него нападенія сего злодѣя спасся уходомъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь; что виновные въ зло-

дѣйскомъ томъ совѣщаніи Стрѣльцы, поражены бывъ страхомъ, уходомъ Его причиненнымъ, прибѣгли къ милосердію прогнѣваннаго ими Государя въ помянутый монастырь, и получили отъ великодушія Его прощеніе; и что *Его Величество* удовольствовался только опредѣленіемъ предать казни однихъ зачинщиковъ сего заговора и бунта.

Въ числѣ сихъ зачинщиковъ злодѣйскаго заговора того, которые содержались уже въ томъ же монастырѣ подъ стражею, находились три родные брата. Престарѣлая мать ихъ, узнавъ о близкой казни всѣхъ ихъ, рѣшилась просить Государя о ихъ помилованіи. Съ симъ намѣреніемъ дождавшись выхода Государева въ церковь, упала къ ногамъ его, и съ слезнымъ рыданіемъ молила о помилованіи ихъ, представляя, что она умретъ безъ нихъ нужною и голодною смертію, вопія: Кто будетъ меня кормить? кто старость мою призритъ, Надежа Государь, когда я бѣдная останусь безъ нихъ? Младый Монархъ, выслушавъ терпѣливо все сіе и узнавъ, кто сіи дѣти ея, сказалъ ей: „Я простить

„ихъ не могу, не наруша справед-
„ливости и своея должности; они,
„забывъ страхъ Божій и свое крест-
„ное цѣлованіе, возстали на меня,
„законнаго своего Государя, а слѣдо-
„вательно и на все отечество, ко-
„тораго спокойствіе дороже мнѣ и
„самой жизни моей." Онъ винилъ
также и самую ее, что она конечно
не пеклася о вкорененіи изъ дѣтства
въ сердца ихъ страха Божія, и
какъ видно потворствомъ своимъ из-
баловала, и тѣмъ къ злодѣйствамъ
ихъ поводъ подала. Съ симъ словомъ
оставилъ ее Государь.

Старуха, дождавшись выхода *Его Величества* изъ церкви, паки пала предъ Нимъ, и проливая слезы, вопіяла: Прости, Надежа Государь! прости преступныхъ дѣтей моихъ, ради Господа Бога, Пречистой Богоматери и Святыхъ Чудотворцевъ *Сергія* и *Никона*, даруй имъ жизнь, и проч. Снизходительнѣйшій Государь паки все выслушавъ, велѣлъ ей встать и говорилъ: „Слушай старуха! ежели Богъ поставилъ меня „Царемъ, и вручилъ мнѣ мечь право-„судія, для охраненія спокойствія об-„щаго: то не прогнѣвлю ли я Его,

„спасая враговъ онаго? и не навлеку „ли тѣмъ и на себя, подобно *Саулу*, „гнѣва Его, и отъ попомсшва про-„клятія? Я самъ плачу съ тобою о „пролитіи крови злодѣевъ, но долж-„ность превозмогаетъ сожалѣніе; и „такъ должны дѣти твои, яко зло-„дѣи и злодѣи нераскаянные, уме-„реть, поелику были уже они уча-„стниками и перваго бунта, и многой „неповинной крови пролитія, но об-„стоятельствами временъ спаслись „отъ заслуженной ими казни.“

Мать, бросясь паки къ ногамъ Государевымъ, ухватила оныя, и обливая ихъ слезами, молила о помиловании по крайней мѣрѣ хотя одного изъ нихъ, которой бы закрыть могъ очи ей и похоронить ее. Тронутый Государь наконецъ жалостію сказалъ: „Ну! что дѣлать? Я „даю тебѣ одного, выбери сама изъ „нихъ, кого ты болѣе любишь;“ и обратяся къ сопровождающимъ себя, сказалъ: „Отведите ее къ нимъ въ „тюрьму; пусть она изберетъ одного „изъ трехъ преступныхъ дѣтей сво-„ихъ, и выпустите его съ нею изъ „монастыря.“

Печальная мать сія, приведенная къ нимъ, бросилась на шею сперва къ старшему, и въ положеніи таковомъ пребыла около четверти часа; по томъ къ среднему, и подобно же обнявъ его, рыдала, не произнося ни единаго слова, а напослѣдокъ къ меньшему; и такимъ образомъ долго колебалась, котораго бы изъ нихъ избрать. Наконецъ бывъ понуждаема рѣшиться, избрала меньшаго, и тогда же была съ нимъ выпущена изъ темницы.

Но сей избавленный отъ казни злодѣй, идя съ матерію изъ монастыря, въ самыхъ Святыхъ воротахъ подкнувшись, упалъ навзничь, разбилъ себѣ темя, и тотъ же часъ испустилъ духъ.

Донесено о семъ Государю, и *Его Величество*, ужаснувшись суду Божію, не попустившему злодѣю остаться въ живыхъ, палъ на колѣни предъ Образомъ Спасителя, и умиленною душею молилъ, да отпуститъ ему согрѣшеніе, нарушеніемъ правосудія отъ Него ему ввѣреннаго имъ учиненное; и по томъ вставши и обратяся къ предстоящимъ, сказалъ: *Я согрѣшилъ яко человѣкъ, простя изъ жалости зло-*

дѣя, не достойнаго жизни; но судъ Божій рѣшилъ инако, не попустя остаться ему живу; а сіе пребудетъ всегдашнимъ мнѣ наставленіемъ, не прощать злодѣевъ, вредныхъ обществу. Страшитесь, заключилъ младый Государь, *преступники нераскаянные, строгости правосудія, ввѣреннаго мнѣ!* Послѣ сего осужденные судомъ злодѣи были казнены (*).

9.

Отрицаніе отцовъ отъ посылки дѣтей своихъ въ чужія земли для ученія.

Мы видѣли, что младый Государь, пылая, такъ сказать, желаніемъ насадить въ подданныхъ своихъ всякое познаніе, предпріялъ послать многихъ дѣтей знатнаго своего Дворянства въ чужія земли для ученія, и обьявилъ о томъ отцамъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ повиновались тому въ молчаніи,

(*) Адмиральша *Марья Іонишна Головина*, невѣстка *Ивана Михайловича Головина же*, любимца Государева, слышала сіе отъ сего свекра своего, бывшаго сему очевидцемъ; и между прочимъ разсказывала сіе отцу своему духовному, почтенному Протоіерею Архангельскаго Собора, *Петрѣ Алексѣевичу*, отъ котораго сообщено сіе и мнѣ.

не смѣя противорѣчить младому и горячему Монарху; но большая часть осмѣлились отсовѣтывать ему оное, говоря между прочимъ: „Гдѣ нашимъ „ребятамъ спознать заморскія хит„рости! ихъ разума на то не ста„нетъ, и потому понапрасну только „великой коштъ издержанъ будетъ.“

(Сколь сіе отрицаніе и упорство было чувствительно младому Государю, оное описано уже мною въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь помѣстимъ на грубыя оныя слова увѣщательную рѣчь Государеву, сохраненную намъ преданіемъ.)

„Какъ! съ жаромъ произнесъ мла„дый Монархъ, какъ! развѣ мы не „отъ одного Творца произведены, и „не отъ одного праотца происходимъ? „развѣ мы одни гнѣвною Природою „лишены разсудка и ума? развѣ въ „насъ однихъ вложены сердца грубыя „и выродочныя, неспособныя къ об„разованію и воздѣланію? развѣ мы „одни изключены отъ славы мудро„сти человѣческія? Нѣтъ! нѣтъ! „мнѣніе таковое была бы хула на Соз„дателя и крайняя неблагодарность; „мы имѣемъ такія же руки, глаза и „составъ тѣла, какія имѣютъ и про-

„свѣщенные народы; слѣдовательно „имѣемъ равныя же съ ними и ду- „шевныя способности. Нуженъ толь- „ко намъ къ тому руководитель и „наше на оное согласіе; а тогда и „разбудятся аки отъ сна душевныя „наши дарованія. И самые просвѣ- „щенные народы были прежде грубы „и незнающи; дѣти ихъ и нынѣ рож- „даются, равно какъ и наши, столь же „несвѣдущими, и одно только вос- „питаніе различаетъ ихъ отъ на- „шихъ дѣтей.“

Почти подобная сей рѣчь помѣщена и иностранцами, бывшими тогда (въ 1689 году) въ Москвѣ съ посольствомъ Цесарскимъ, напечатанная въ Лейпцигскихъ ученыхъ дѣяніяхъ. Acta Eruditorum Lipſienſia, an. 1708, каковую младый Государь произнесъ при семъ случаѣ отцамъ дѣтей тѣхъ, коихъ назначилъ въ посылку. А сіе доказываетъ, что она не вымышлена, и точно въ 1689 году была говорена Монархомъ; но изъ слѣдствія однакожъ видно, что упорство знатныхъ и, можно сказать, всѣхъ почти подданныхъ его, принудило Великаго Государя остановить до времени сію посылку дѣтей; ибо изъ Исторіи Его

видно, что первая таковая посылка не прежде послѣдовала, какъ уже въ 1696 году, то есть предъ самымъ Государевымъ отъѣздомъ въ Голландію

Между же тѣмъ неудовольствіе на *Его Величество* за сіе намѣреніе произвело многіе на жизнь его заговоры, отъ которыхъ очевидно спасало его провидѣніе Божіе, какъ-то и изъ слѣдующихъ анекдотовъ откроется.

Франциска I называютъ Французы *отцемъ наукъ своихъ, и что онъ любовію къ нимъ обязанъ не воспитанію, а способности своего разума и тонкости своего вкуса.* Мы сіе же самое съ большимъ еще основаніемъ сказать долженствуемъ о нашемъ Ироѣ.

10.

Монархъ нечаянно входитъ въ неизвѣстной ему домъ, находитъ въ ономъ заговорщиковъ на жизнь свою, и забираетъ ихъ подъ стражу.

„Естьли бы всѣ чувствовали (говоритъ Сократъ) царствующее по „вселенной согласіе, то никогда бы

„не могли почесть слѣпаго случая „причиною толь многихъ повсюду, по „правиламъ удивительныя премудро„сти, совокупленныхъ дѣйствій ко „всеобщей пользѣ. Естьли бы Все„вышнее Существо не содѣйствовало „расположенію, размноженію и общему „сохраненію существъ, и не бдѣло бы „безпрестанно о нихъ: то какъ бы „статься могло, чтобъ въ такой „чудно составленной и такъ великой „машинѣ, никакого въ толь многіе „вѣки не воспослѣдовало безпорядка?“

Естьли же сей знаменитый язычникъ толико увѣренъ былъ о истиннѣ существующаго въ мірѣ семъ провидѣнія Божія: то постыдно бы было Христіанину меньше быть увѣрену въ истиннѣ сей, когда утверждаетъ оное же еще и слово Божіе и Исторія свѣта, которая есть то зерцало Провидѣнія, въ коемъ неослѣпленное предразсудками око усматриваетъ ясно пути судебъ Божіихъ, правящихъ участію народовъ и царствъ міра. Сей-то промыслъ Божій не меньше ощутителенъ и въ чудесномъ избавлени Ироя нашего отъ множества явныхъ и тайныхъ на жизнь яго заговоровъ. Мы сіе въ дѣяніяхъ Его и

въ дополненіяхъ къ онымъ видѣли; но здѣсь представимъ новое тому доказательство.

Объявленное въ предшествующемъ анекдотѣ намѣреніе ПЕТРА Великаго, послать въ чужія земли юношей Россійскихъ для ученія, возмутило паче еще суевѣрные умы, особливо же чиновниковъ мятежнаго Стрѣлецкаго корпуса. Они дѣлали разныя тайныя совѣщанія, какъ бы удобнѣе сбыть имъ съ рукъ такого Государя, которой заводитъ новизны, противныя, по ихъ мнѣнію, православному закону. Одна изъ таковыхъ злодѣйскихъ шаекъ, около 1695 году, то есть за годъ до *Циклерова* заговору, собралась въ одномъ домѣ зимою въ 8 часу по полудни, и надобно думать, что было сіе весьма тайно; однакожъ въ ту самую ночь, и въ томъ же часу, Великій Государь, по частому обыкновенію своему, поѣхалъ въ санкахъ по улицамъ Московскимъ, имѣя при себѣ одного только деньщика своего *Дурнова*; но пріѣхавъ къ Арбатскимъ воротамъ, остановилъ лошадь свою, и углубяся въ размышленіе, простоялъ на одномъ мѣстѣ около четверти часа. Помянутой деньщикъ, видя сіе, осмѣлился

сказать ему: *Долголь, Государь, стоять намъ здѣсь?* Монархъ, какъ бы опомняся отъ сего вопросу, сказалъ просебя: *поѣхалъ было я туда, а надобно заѣхать не туда.* И такъ поворотя лошадь, вьѣхавъ въ переулокъ, называющійся *Хлѣбнымъ*, и остановяся у одного дому, вышелъ изъ санокъ, послалъ на оныхъ деньщика сего къ караульному Офицеру гвардіи своей съ повелѣніемъ, чтобъ онъ съ двенадцатью гранодерами, не мѣшкая ни мало, пришелъ къ тому дому; а самъ безъ шуму вшелъ въ калитку на дворъ и въ покои, изъ которыхъ во второмъ нашедъ сидящихъ за столомъ и подпивающихъ четверыхъ изъ чиновниковъ Стрѣльцовъ, коихъ онъ всѣхъ зналъ по имени: *что вы дѣлаете здѣсь, ребята?* сказалъ имъ Монархъ.

Можно себѣ представить, коль должно было замѣшать ихъ нечаянное таковое посѣщеніе; они даже не могли на вопросъ сей ни слова произнести; но Монархъ вывелъ ихъ изъ того замѣшательства и страху, сказавъ, что онъ, ѣздя по Москвѣ въ саняхъ, прозябъ, и видя огонь, заѣхалъ въ сей домъ обогрѣться, и по щастію нашелъ еще въ немъ и зна-

комыхъ. Ободренные симъ милостивымъ отзывомъ отвѣтствовали, что они званы хозяиномъ на пиво, что самое подтвердилъ и вошедшій между тѣмъ хозяинъ дому; и потомъ, наливъ они стаканъ пива, осмѣлились поднести *Его Величеству.* Монархъ выпилъ оной, и разговаривалъ съ ними и съ хозяиномъ о дѣлахъ ничего почти незначущихъ до того самаго времени, въ которое должно было уже прибыть Офицеру; и потомъ сказавъ имъ, что онъ обогрѣлся и пора ему съ ними разстаться, вышелъ изъ комнатъ. Они хотѣли было Его проводить; но Государь, остановя ихъ въ дверяхъ, затворилъ оныя и приперъ.

Офицеръ съ командою былъ уже у воротъ, и Монархъ повелѣлъ оному сихъ четырехъ гостей забравъ привести въ Преображенскъ; а хозяину сказать его Указомъ, чтобъ онъ и домашніе его подъ смертною казнію не дерзнули сего произшествія никому открывать.

Разпросы, по одиначкѣ имъ учиненные, замѣшали и разбили ихъ, такъ что принуждены были они наконецъ признаться въ совѣщаніи сво-

емъ на жизнь Государеву. Причиноюжъ того, по словамъ ихъ, была несносная имъ служба, предпочтеніе, оказываемое солдатамъ, а паче вводимыя новости, противныя, по мнѣнію ихъ, закону и старинному обыкновенію, и намѣряемая имъ посылка дѣтей ихъ въ еретическія земли, и проч. Они были наказаны и посланы въ Сибирь, и все сіе произведено такъ тайно, что никто онаго не провѣдалъ, и не знали даже, куда сіи четыре чиновника дѣвались.

Такъ разрушалъ Монархъ многіе на священную Особу Свою заговоры! Но какимъ образомъ узналъ Великій сей Государь домъ тотъ, и собравшихся въ оной заговорщиковъ, сіе осталося неизвѣстнымъ (*).

Слѣпому ли же впрочемъ случаю злодѣи сіи должны были сіе приписать, или тайному промыслу Божію, наказывающему злодѣянія? о семъ предоставляю судить Читателю; но слѣ-

---

(*) Произшествіе сіе предано сыномъ сего деньщика, Капитаномъ *Иваномъ Васильевичемъ Дурновымъ*, слышавшимъ то отъ отца своего, бывшаго тому очевидцомъ; а мнѣ сообщено отъ покойнаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Михайла Ивановича Веревкина*.

дующій анекдотъ, кажется, рѣшитъ вопросъ сей.

11.

Одинъ злодѣй съ соннаго Государя дважды стрѣляетъ изъ пистолета, но въ оба раза оной осѣкается.

Анекдотъ, о которомъ повѣствовать начинаю, доставленъ мнѣ въ разныя времена отъ трехъ особъ, согласныхъ въ томъ, что предпріявшій лишить жизни Монарха былъ издавна зараженъ ядомъ изувѣрства, представлявшимъ ему въ Государѣ еретика и разорителя старинныхъ обыкновеній и обрядовъ, которыхъ изувѣры не различали отъ сущности самыя вѣры. Первой изъ сихъ особъ именуетъ его деньщикомъ Государевымъ, не открывая имени; а два послѣднихъ говорятъ, что то былъ *Кикинъ*, называя его комнатнымъ Государевымъ. А какъ и деньщики *Его Величества* могли называться комнатными же, яко неотлучно при комнатѣ Его находившіеся по очереди: то и можно слово *комнатнаго* принять за деньщика, и деньщика за *комнатнаго*; но какъ бы то ни было, различіе сіе не отъемлетъ вѣро-

ятія въ существѣ дѣла, согласно всѣми повѣствуемаго. Извѣстно же, что *Кикинъ* и деньщики *Его Величества* имѣли свободной къ нему всегда входъ, и не рѣдко оставлены были Монархомъ въ спальнѣ его до того самаго времени, пока онъ заснетъ, и тогда уже выходили они изъ оныя. Сіе-то самое время избрано было на произведеніе замышленнаго убійства. Извергъ, предпріявшій оное, имѣлъ при себѣ заряженный пулею пистолетъ; онъ направляетъ оной на самое сердце заснувшаго крѣпкимъ сномъ Государя; спускаетъ курокъ, но оной осѣкается. Злодѣй неудачею сею смущается и выходитъ; и злодѣйство остается неизвѣстнымъ.

Чрезъ нѣкоторое же время проклятый изувѣръ предпріемлетъ паки то же. Онъ перемѣнилъ кремень, пробовалъ многократно курокъ; и увѣряся въ исправности его, приходитъ ввечеру къ Государю; оставляется имъ, какъ и прежде, въ спальнѣ до заопочиванія своего; — и извергъ паки направляетъ въ заснувшаго Монарха выстрѣлъ; но Провидѣніе Божіе, по недовѣдомымъ смертному судьбамъ, допустившее *Равальяку* убить *Ген-*

рика IV, своего Гоударя, покрыло щитомъ своего заступленія нашего Ироя: пистолетъ, какъ и прежде, осѣкся.

Сколь ни злобнымъ изувѣрствомъ напоено было сердце изверга сего, однакожъ не могло оно не поразиться на тотъ разъ, толь явнымъ доказательствомъ существующаго промысла Божія, сохраняющаго Помазанника своего. Ему впечатлѣлось тогда, что естьли онъ, не отлагая ни секунды, не засвидѣтельствуетъ того признаніемъ и раскаяніемъ своимъ, то сила Вышняго мгновенно поразитъ его. Словомъ, онъ рѣшился разбудить Государя и признаться въ своемъ злодѣяніи. Монархъ разбужается, и первое слово его было: *что здѣлалось?* Но преступникъ говоритъ Ему! Государь! я посланъ къ Тебѣ отъ Бога посломъ, возвѣстить, что Онъ содержитъ Тебя въ своемъ покровительствѣ, и что никакая адская злоба злодѣевъ Твоихъ не сильна погубить и ниже повредить Тебя. При окончаніи сихъ словъ злодѣй падаетъ на колѣни, и показывая ему пистолетъ: посмотри, Государь! сказалъ, сколь онъ хорошъ, и которой никогда не

осѣкался; но два раза мною извергомъ направляемъ бывъ на отнятіе жизни Твоея, въ оба раза осѣкался. Толь явное покровительство Божіе, спасающее Тебя, видя рѣшился возвѣстить Тебѣ, не отлагая ни мгновенія, и съ сею хранящею васъ силою Вышняго поздравить. Теперь голова моя въ твоей волѣ, и я недостоинъ болѣе тяготить собою землю.

Монархъ, выслушавъ сіе, всталъ съ постели, и оставя преступника въ положеніи его, нѣсколько разъ прошелъ по комнатѣ, не говоря ни слова, и наконецъ обратяся къ нему, сказалъ: *Пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ. Покровительство Божіе раскаяніемъ твоимъ болѣе еще ощущаю; Богъ тебя проститъ!* и послѣ сего не отмѣнилъ Онъ милости своея къ нему.

Впрочемъ и не утверждая заподлинно, чтобъ извергъ сей былъ *Кикинъ*, можно однако же о немъ сказать, что крайняя неблагодарность его къ толико благодѣющему ему Государю, всю его къ себѣ довѣренность, милости и щедроты во зло обратившему, доказываетъ чудовищное его сердце, способное къ самымъ величайшимъ злодѣйствіямъ.

Мы видѣли изъ Исторіи Государевой, что онъ вознесенъ былъ отъ *Его Величества* на достоинство Президента, и въ XI Томѣ Дополненія (стр. 68 и 69) показали, что неблагодарнѣйшій злодѣй сей, по слѣдствію въ дѣлѣ хлѣбныхъ и другихъ Адмиралтейскихъ подрядовъ, приличенъ былъ въ похищеніи казенныхъ интересовъ, по которому судомъ отписано было все знатное имѣніе его, и самъ онъ посланъ въ ссылку; но что Великій Государь присланное отъ него прошеніе принялъ съ такою милостію, что простилъ его во всемъ, возвратилъ изъ ссылки, отдалъ паки ему отписанное его имѣніе, и оставилъ въ прежнемъ его толь важномъ званіи. Но къ чему послужила и сія безпримѣрная поистиннѣ милость? Къ вящшему отвращенію его отъ Особы толико великодушнаго Государя. Его-то злодѣйствомъ до толикаго степени развращенъ былъ Царевичь *Алексѣй Петровичь*! по его-то совѣтамъ ушелъ онъ изъ Россіи, и толикія оскорбленія нанесъ Великому своему Родителю! онъ-то былъ слѣдовательно главнѣйшею причиною бѣдствія нещастнаго сего Царевича; и

сіе-то уже наконецъ принудило правосуднаго Государя поступить съ нимъ, какъ съ нераскаяннымъ злодѣемъ. Но кажется, что *Его Величество*, и тогда еще, желая лишиться въ немъ ума тонкаго и способнаго къ важнымъ препорученіямъ, расположенъ былъ еще простить его, ежелибъ только увѣриться могъ въ сердечномъ его раскаяніи. И въ семъ-то намѣреніи (какъ увѣряли меня) благоволилъ онъ, наканунѣ казни его, еще его видѣть и спросить, что принудило его употребить умъ свой въ толикое зло? Какой же отъ него получилъ на сіе Монархъ отвѣтъ? *Умъ* (сказалъ нераскаянный сей злодѣй) *любитъ просторъ, а отъ тебя было ему тѣсно.*

Великій Государь удивился толикому ожесточенію его, и тогда-то уже получилъ онъ соразмѣрную злодѣяніемъ своимъ казнь (*).

(*) Изъ Особъ, сообщившихъ мнѣ сей анекдотъ, первый былъ почтенный старецъ Г. *Бухвостовъ*, Императорской Библіотеки Библіотекарь; а послѣдніе два суть Коммисаръ *Крекшинъ* и Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Михайла Ивановичъ Веревкинъ*, которой увѣрялъ при томъ меня, что наслышался объ ономъ и о

12.

Натуральная острота разума Государева.

Читавшіе Исторію Великаго Государя, безъ сомнѣнія замѣтили, что былъ Онъ выше предразсудковъ своего времени; но что особливаго достойно замѣчанія, то сія природная острота разума Его, въ самой еще юности, представляла Ему всѣ вещи въ точномъ ихъ видѣ.

Слѣдующій анекдотъ докажетъ сіе яснѣе.

При дворѣ невѣстки Его, супруги Царя *Ивана Алексѣевича*, Царицы *Параскевы Ѳеодоровны*, не только терпимы были юродивые, ханжи, пустосвяты и всякіе уроды, но и почитаемы еще были за святыхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и за имѣющихъ даръ пророчества. У многихъ изъ нихъ цѣловали руки, и воздавали честь, приличествующую истиннымъ угодникамъ Божіимъ. Изъ числа послѣднихъ въ особливомъ находился уваженіи и почитаніи одинъ шалунъ

послѣднемъ произшествіи отъ современниковъ же ПЕТРУ Великому, и между ими отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*.

юродивый, который былъ изъ подьячихъ, по имени *Архилъ Тимоѳеевичъ*. Младый Государь явно негодовалъ на сіе, презиралъ сихъ притворныхъ тунеядцовъ, осмѣивалъ и укорялъ почитающихъ ихъ за святыхъ; и будучи еще шестнадцати лѣтъ, обыкновенно называлъ дворъ помянутыя невѣстки своея гошпиталемъ уродовъ, ханжей, шалуновъ и лицемѣровъ; и которые, при посѣщеніи *Его Величества* сея Царицы, не смѣли и являться на глаза Его (*).

13.

Того же другое доказательство.

Въ бытность Монарха въ первой разъ въ чужихъ краяхъ, пріѣхалъ въ Москву одинъ обманщикъ монахъ Грекъ, и объявилъ, что онъ привезъ съ собою неоцѣненное сокровище, а именно часть срачицы Пресвятыя Богородицы. Онъ представленъ былъ Царицѣ *Евдокіи Ѳеодоровнѣ*, разсказалъ ей составленную имъ повѣсть, откуда, какимъ

(*) О семъ же самомъ упоминаетъ и Г. *Татищевъ* въ предисловіи своемъ на I Томъ Исторіи Россійской.

зомъ и чрезъ какія руки дошла до него сія срачица; коликихъ стоило ему трудовъ и иждивенія пріобрѣтеніе оныя, что онъ единымъ движимъ усердіемъ, дабы сія святыня не осталася въ областяхъ невѣрныхъ, и не могла бы поругаема и осмѣяна быть и совсѣмъ погибнуть, привезъ ее въ Россію, яко въ Государство благочестіемъ и вѣрою Святою сіяющее. Довольно было и сей басни, съ лицемѣрною святостію произнесенной, для увѣренія Царицы и Двора Ея. Однакожъ монахъ, дабы совершеннѣйшее словамъ своимъ доставить довѣріе, требовалъ, чтобъ принесены были горящіе угли, на кои бы могъ онъ возложить сію святую срачицу, вѣря несомнѣнно, что не прикоснется ей огнь. Царица пригласила Патріарха и нѣсколькихъ изъ знатнѣйшихъ особъ духовныхъ; при нихъ положена была срачица на горящія уголья, объята пламенемъ, и разкалилася какъ желѣзо, но изъятая и остуженная явилася невредима и убѣленная аки снѣгъ. Всѣ ужасомъ и удивленіемъ объемлются, удостовѣряются о словахъ монаха, лобызаютъ оную со благоговѣніемъ, яко истинную Богородицыну

срачицу, полагаютЪ ее вЪ богатый ковчегЪ и вносятЪ сЪ церемоніею и пѣніемЪ вЪ церковь. ОбманщикЪ награждается щедро сверхЪ его чаянія, и уѣзжаетЪ изЪ Государства.

Вскорѣ послѣ сего пріѣзжаетЪ МонархЪ; доносятЪ Ему о всемЪ томЪ сЪ подробностію, и поздравляютЪ Его сЪ симЪ новымЪ сокровищемЪ духовнымЪ. Младый Государь, не видавЪ ее еще, предузнаетЪ уже обманЪ; приказываетЪ ее принести кЪ себѣ, и доказываетЪ, что всѣ они обмануты мошенникомЪ; что лоскутЪ тотЪ не иное что, какЪ изЪ аміанта, или несгараемаго каменнаго льна вытканЪ; спрашиваетЪ, гдѣ тотЪ монахЪ? но онЪ, какЪ сказано, уже убрался сЪ деньгами и подарками за границу (*).

Многіе подобные сему обманы, открытые МонархомЪ, и Г. *ШтелинЪ* представляетЪ вЪ АнекдотахЪ своихЪ, которые и мною помѣщены вЪ разныхЪ мѣстахЪ Дѣяній и Дополненія;

(*) ОтЪ Коммисара *Крекшина*, и Г. *Болтинъ* вЪ I Томѣ на *Леклерка* о семЪ же самомЪ написавЪ, увѣряетЪ, что наслышался онЪ о семЪ отЪ многихЪ стариковЪ.

но здѣсь еще представимъ мы одинъ сему примѣръ.

14.

Того же третіе доказательство, и совокупно чрезвычайной памяти его.

Великій Государь, въ пути своемъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ воскресный день заѣхалъ въ *Иверскій* монастырь, и по отслушаніи Святыя литургіи, снизшелъ на прозьбу Архимандрита, посѣтилъ келью его со всею бывшею при Немъ свитою. Монархъ, пристально смотря въ лице Архимандрита того, сказалъ: лице твое мнѣ знакомо, и кажется я видѣлъ тебя міряниномъ еще въ Москвѣ. Сей отвѣтствовалъ, что онъ въ первые еще имѣетъ щастіе видѣть очи *Его Величества*; но Монархъ однако же увѣряется, что Онъ конечно его видалъ, и вызвавъ его въ другую келью, спрашивалъ наединѣ: *Не былъ ли ты въ давнихъ лѣтахъ въ Москвѣ?* скажи правду и не опасайся никакого зла, въ чемъ я даю тебѣ вѣрное мое слово. Архимандритъ падши къ ногамъ Его, просилъ прощенія, что хотѣлъ отъ *Его Величества* скрыть позоръ свой.

Я давно уже, но не помню года, когда прибывЪ вЪ Москву, сдѣлался затворникомЪ вЪ палаткѣ подЪ папертїю церкви *Василїя Блаженнаго.* ТакЪ ты-то, перебилЪ рѣчь его МонархЪ, былЪ тотЪ, который вставлялЪ вЪ окно образЪ Богоматери, якобы плачущей о грѣхахЪ человѣческихЪ? Я тотЪ самый страдникЪ, Всемилостивѣйшїй Государь, отвѣтствовалЪ вЪ страхѣ АрхимандритЪ. МонархЪ доволенЪ былЪ признанїемЪ его, и что не ошибся вЪ чертахЪ лица толь давно видѣннаго имЪ человѣка; и вошедЪ паки сЪ нимЪ вЪ гостинную келью, велѣлЪ ему разсказать при всѣхЪ то коварство, какимЪ заставлялЪ онЪ плакать образЪ, и свое похожденїе. Должно было повиноваться. „Я, поникнувЪ очи, на-„чалЪ говорить АрхимандритЪ, вы-„мѣнявЪ образЪ Знаменїя Пресвятыя „Богородицы, на задней онаго сторо-„нѣ, противЪ самыхЪ глазЪ сдѣлавЪ „двѣ лунки, клалЪ вЪ оныя Грецкїя „губки, напитанныя водою, и обилЪ „сторону ту искусно китайкою, такЪ „что обману примѣтить было не мо-„жно; вЪ зрачкахЪ же глазЪ прокололЪ „булавкою непримѣтныя двѣ скважи-„ны, и когда приходили кЪ образу

„люди, что я обѣими руками держа „его, большими перстами подавливалъ „тѣ мѣста, подъ коими лежали губки „оныя, и изъ глазъ сквозь скважинки „тѣ катились водяныя капельки. Симъ „образомъ, отъ усердія богомольщи-„ковъ, набравъ я нарочитую сумму „денегъ, удалился съ оными въ пу-„стыню N. N., въ коей сдѣлался строи-„телемъ, и по томъ произведенъ былъ „въ Игумены, а по нѣкоемъ времени „добился въ сей монастырь и въ Ар-„химандриты."

По окончаніи сего чистосердечнаго признанія вспомнилъ Монархъ, что въ малолѣтствѣ Его Царевны, Сестры Его, однажды подозвали Его съ собою помолиться плачущему образу Богоматери; и какъ-де подозрѣвалъ я въ обманѣ: то смотря пристально тогда на лице монаха сего, впечатлѣлось оное въ воображеніи моемъ столько, что при первомъ послѣ того съ нимъ нынѣ свиданіи, такъ примѣтнымъ показалось мнѣ оное, что хотя-де онъ и устарѣлъ уже, не могло оно не показаться мнѣ знакомымъ. Великій Государь, разсказавъ сіе, по данному своему слову, оставилъ его при своемъ мѣстѣ; а повелѣлъ только

образъ тотъ, оставленной симъ Архимандритомъ въ пустынѣ, взять въ Синодъ, дабы не былъ онъ, какъ говоритъ Монархъ, и впредь орудіемъ корыстолюбія монаховъ, и народнаго обмана и суевѣрія (*).

Но заключимъ мы все, до суевѣрія таковаго относящееся, словами Г. *Болтина* (стр. 5?0, I Тома на *Леклерка.*): „Вѣкъ тогдашній благовремененъ былъ „пустосвятству, обману и подлогамъ; „ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣ„рили, но пользу свою обрѣтали и „обманщиковъ обогащали; нѣкоторые „видѣли обманъ, но говорить не смѣли, „и таковыхъ было не много. Сколько „вещей обыкновенныхъ, простыхъ, „ничего незначущихъ, принято было „за святыню, за предметъ почтенія, „уваженія! Отъ времени ПЕТРА Вели„каго прекратилися таковыя чудо„творенія, перевелися плутовства и „плуты при духовенствѣ просвѣщен„номъ.“

(*) Отъ Адмиральши *Марьи Іонишны Головиной*, слышанной ею отъ свекра своего Адмирала *Ивана Михайловича Головина же*, а мнѣ доставленъ отъ духовнаго ея отца, Протоіерея Архангельскаго Собора, *Петра Алексѣевича.*

15.

Объ отмѣнѣ крестнаго ходу въ недѣлю Вайй.

Того же натуральнаго просвѣщенія Монаршаго служитъ доказательствомъ, что Великій сей Государь изъ бывшихъ при Патріархахъ Россійскихъ въ церквѣ обрядовъ, стариною и народнымъ умозаключеніемъ утвержденныхъ, въ младыхъ же еще лѣтахъ своихъ, и именно около 1697 году, отмѣнилъ всѣ такіе, кои унижали достоинство и важность православныя церкви, а нѣкіе и величество сана Царскаго, и которые многимъ, а паче иностранцамъ, казалися непристойными и соблазнительными, а въ народномъ умоначертаніи слишкомъ увеличивавшими особу Патріаршую. Изъ таковыхъ былъ крестной ходъ въ недѣлю Вайй.

Я надѣюсь, не непріятно будетъ для любопытныхъ, знать церемонію хода онаго, котораго описаніе находится въ книгѣ, изданной на Нѣмецкомъ языкѣ *Ѳеофиломъ Вармундомъ*, въ 1698 году, да въ Латинской книгѣ N. Bergii de ſtatu Eccleſiae & religionis

Moſcoviticae, Holmiae, an. 1704. Сочичинители оныхъ увѣряютъ, что были они самовидцами хода того, и вотъ какъ произходилъ оный.

Ходу оному предшествовало: 1. низменное возило объ одной лошади, на которомъ утверждено было древо, украшенное искуствомъ вѣтвями, листьями, цвѣтами и разныхъ родовъ плодами, и на которомъ сидѣли четыре мальчика въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли: *Осанна благословенъ грядый* и проч. За онымъ: 2. шли діаконы и попы въ церковныхъ своихъ облаченіяхъ, съ святыми хоругвями, крестами, иконами и кадильницами. За ними: 3. шествовали Бояре, Князья, Сигклитъ Царскій и многіе чиновники, по два въ рядъ, имѣя въ рукахъ, одни лавровыя и другихъ деревъ зеленыя вѣтви, другіе искуствомъ сдѣланныя и украшенныя вербы. По томъ являлись: 4. Цари *Іоаннъ* и *Петръ Алексѣевичи* въ великолѣпныхъ Царскихъ одеждахъ, поддерживаемые четырмя Боярами въ богатыхъ платьяхъ. *Ихъ Величества*, въ знакъ своего смиренія ко Христу, въѣзжавшему во Іерусалимъ на осляти, коего представлялъ тогда

Патріархъ, вели за длинные повода лошадь его, къ которой придѣланы были большія уши, дѣлавшія ее похожею на осла; она покрыта была до земли чернымъ тонкимъ сукномъ, и Патріархъ сидѣлъ на оной, спустя обѣ ноги на одну сторону, облаченный въ полную святительскую одежду, блистающую драгоцѣнными каменьями, жемчугами и златомъ, имѣя на главѣ Патріаршую драгоцѣнную шапку, а въ правой рукѣ Св. Крестъ, коимъ осѣнялъ народъ; предъ нимъ множество мальчиковъ очищали дорогу и устилали путь ризами. 5) Съ обѣихъ сторонъ и позади Патріарха слѣдовали въ богатыхъ облаченіяхъ Митрополиты, Архіепископы, Епископы, Архимандриты и прочее знатное Духовенство, а за ними клиръ Патріаршій, съ книгами, свѣщами и кадилами, воспѣвавшими тропарь праздника. 6. За клиромъ шли гости и лучшее купечество, послѣдуемое всякаго рода гражданами и народомъ.

Ходъ сей начинался изъ большаго Успенскаго Собора, къ лобному на Красной площади мѣсту, съ котораго Патріархъ давалъ благословеніе народу; а потомъ слѣдовали въ цер-

ковь *Василїя Блаженнаго*, вЪ коей находился придЂлЪ вшествія Христова во Іерусалимъ, и по отправленіи вЪ ономЪ молебнаго пЂнія, тЂмЪ же порядкомЪ возвращался вЪ СоборЪ. Во все время сего и обратнаго ходу продолжался во всЂхЪ церквахЪ колокольный звонЪ.

Таковые же вЪ день сей крестные ходы отправлялися и по всЂмЪ тЂмЪ городамЪ, вЪ коихЪ находилися Архіереи, которые заступали мЂсто Патріарха, а конюшаго должность отправляли первые Градоначальники. Ходы начинались изЪ соборныхЪ храмовЪ вЪ опредЂленныя на то церкви (*).

16.

МонархЪ заблаговременно разславляетЪ вЪ народЂ будущее затмЂніе солнечное, что оно есть натуральное, а не чудесное.

Самыя малЂйшія обстоятельства важны вЪ дЂлахЪ великаго человЂка, особливо же когда они обЪясняютЪ умоначертаніе народа вЂка того. ИзЪ

(*) Исправдено и умножено изЪ старинныхЪ нашихЪ рукописей.

таковыхъ есть слѣдующее: Великій Государь вѣдая, что суевѣріе народа пріемлетъ все то, чего не разумѣетъ, за чудесное, и извлекаетъ изъ онаго какія-либо нещастныя слѣдствія, вѣдалъ также и то, что многіе въ числѣ онаго есть и такіе плуты, которые, не вѣря тому сами, но по интересамъ своимъ желая возмутить умы народа, умышленно толкуютъ то превратно.

Поелику же *Карлъ XII* въ первые годы былъ въ великой славѣ, и успѣхъ въ войнѣ съ нимъ казался многимъ сомнителенъ, наступающее же затмѣніе солнечное, о которомъ вѣдалъ Монархъ чрезъ Астрономическое изчисленіе ученыхъ, могло вложить въ однихъ нещастное войны той предзнаменованіе, а другимъ подать случай къ злобреднымъ толкованіямъ: того ради заблаговременно и писалъ Онъ ко многимъ изъ знатныхъ своихъ подданныхъ, какъ-то: къ Адмиралу *Ѳедору Алексѣевичу Головину*, къ Князю *Ромодановскому*, къ *Нарышкину*, къ ученнѣйшимъ изъ Архіереевъ, и къ другимъ изъ начальствовавшихъ тогда особамъ, дабы они старались разгласить въ

народѣ и вразумить оной о томъ будущемъ затмѣніи солнечномъ, что оно есть натуральное, а не чрезъестественное, и чтобъ по тому не принято было оное за какое-либо предзнаменованіе, а паче за нещастное.

Такъ-то Великій Государь старался все предусматривать, и отвращать всякія въ народѣ сомнѣнія и устрашенія. Одно изъ сихъ писемъ помѣщается здѣсь подлинникомъ.

„Господинъ Адмиралъ!

„Будущаго мѣсяца въ первый день „будетъ великое солнечное затмѣніе; „того ради изволь сіе поразгласить въ „нашихъ людяхъ, что оное будетъ, „дабы въ чудо не поставили; понеже „когда люди про то вѣдаютъ прежде, „то не есть уже чудо.“ Сіе было въ 1705 году.

Подобную предосторожность учинилъ Монархъ и въ 1709 году, въ разсужденіи ожидаемаго не за долго до Полтавскія баталіи солнечнаго же затмѣнія; письма его о томъ ко многимъ же доказываютъ оное. Такія же предосторожности бдительный сей Кормчій корабля Государственнаго предпринималъ и при всякихъ какихъ либо мнимыхъ чудесныхъ явленіяхъ и

произшествіяхъ, въ какое бы то время ни было, не упуская ни минуты времени, что все доказываетъ сколько природную остроту Его ума и неусыпное за всѣмъ смотрѣніе и наблюденіе, столько и суевѣріе черни, удобной къ поколебанію самымъ ничтожнымъ какимъ приключеніемъ, или какимъ либо внушеніемъ злонамѣренныхъ людей.

17.

Благоговѣйное почитаніе Его таинствѣ Святыя Евхаристіи.

Но естьли Великій Государь осмѣивалъ суевѣріе; естьли открывалъ обманы изувѣровъ, ханжей и плутовъ, на прельщеніе народа и для своего интереса вымышляемые: то столько же, или и болѣе почиталъ онъ истинную набожность, и изъявлялъ оную самъ публично. Благоговѣйное почитаніе, какое имѣлъ онъ ко Святой Евхаристіи, покажетъ намъ слѣдующее, самовидцами оставленное намъ изустное преданіе.

Мы видѣли въ Дѣяніяхъ Его, что дѣятельнѣйшій Монархъ, гдѣ бы Онъ ни былъ, ежедневно почти выѣзжалъ

въ какое либо Присудственное Мѣсто; или на работы, на ученія воинскія, на биржи, въ торговые ряды, или для посѣщенія кого, и всякой разъ, когда случалось Ему встрѣтиться съ Святыми дарами, несомыми священникомъ къ какому болящему, обыкновенно сходилъ съ своей одноколки, или санокъ (каковые экипажи по большой части при выѣздахъ своихъ употребляль Онъ), и не только воздалъ онымъ благоговѣйное поклоненіе, но какую бы Онъ ни имѣлъ нужду, оставляя оную на тотъ часъ, подходилъ къ священнику, бралъ онаго подъ руку, и велъ въ домъ болящаго, какого бы тотъ ни былъ званія и состоянія. Народъ при видѣ сего поражался благочестивою набожностію Государя, проливалъ радостныя слезы, и сопровождалъ Его; по пріобщеніи же священникомъ Святыми сими дарами больнаго, благочестивый Государь подходилъ къ постелѣ его, поздравлялъ его соединеніемъ со Христомъ Спасителемъ и говорилъ, что естьли онъ принялъ Его съ истинною вѣрою, то сей всесильный Спаситель и Искупитель нашъ изцѣлитъ его болѣзни душевныя и тѣлесныя; и я, примолвли-

валъ Монархъ, не сомнѣваюсь увидѣть тебя въ скорости оздоровѣвшимъ и при должности, и прочее сему подобное.

Таковое великодушнѣйшее снизхожденіе Самодержца приводило въ радостное, такъ сказать, волненіе охладѣвавшую кровь больнаго, и служило для него цѣлительнѣйшимъ бальзамомъ, которой тѣмъ большее производилъ надъ нимъ дѣйствіе, что Монархъ присылывалъ къ больному, хотябъ онъ былъ матросъ, солдатъ, или самый бѣднѣйшій изъ гражданъ, ежедневно навѣдываться о состояніи его; и присланный въ такомъ случаѣ обыкновенно говаривалъ, что Государь прислалъ ему здоровье, и проч. Ежели же кто изъ нихъ былъ бѣденъ, то сопровождалъ оное денежною помощію, присылкою къ нему своего лѣкаря и безденежнымъ отпускомъ лѣкарствъ.

Особа, предавшая намъ сіе, и бывшая не однократнымъ свидѣтелемъ таковаго благочестиваго дѣйствія и посѣщенія Государева, увѣряла, что рѣдкой изъ сихъ больныхъ не выздоравливалъ, и весь-де даже народъ вѣрилъ тому, и обыкновенно

говаривали тогда о таковомъ боль номъ, котораго посѣщалъ Монархъ *онъ не умретъ: Государь его посѣщалъ* (*).

18.

О розыскѣ одного знатнаго Боярина и о приходѣ въ застѣнокъ Патріарха съ иконою.

Мы выше упомянули, что суевѣріе Царицы, Его Супруги, способствовало къ заключенію ее въ монастырь а сей Анекдотъ покажетъ намъ и другую причину, много тому же способствовавшую.

Родственникъ сей Царицы, Бояринъ - - - имѣлъ отчину въ смежности съ деревнями, принадлежавшими Московскому Архангельскому Собору Крестьяне его, испотворованные, такъ сказать, господиномъ своимъ, всегда обижали соборныхъ, по какой причинѣ

(*) Особа сія есть предупомянутый же Адмиралъ *Иванъ Михайловичъ Головинъ.* Невѣстка его *Марья Іонишна Головина же* сіе слышанное отъ него многимъ разсказывала, въ томъ числѣ и отцу своему духовному, Протоіерею Архангельскаго Собора, *Петру Алексѣевичу*, отъ котораго и мнѣ сіе сообщено.

не рѣдкія произходили между ими ссоры, и жалобы послѣднихъ не были внимаемы. Однажды по случившемуся спору въ землѣ, бояринъ или не войдя въ разбирательство сихъ споровъ и ссоръ, или, что и вѣроятнѣе, обманутый управителемъ своимъ, насказавшимъ ему объ азартничествѣ якобы соборныхъ крестьянъ, въ надеждѣ на знатность свою, далъ письменное повелѣніе управителю своему, въ случаѣ сопротивленія соборныхъ крестьянъ, бить ихъ до смерти. Уполномоченный такимъ образомъ управитель болѣе еще сталъ притѣснять соборныхъ, и отъ сего произошла драка, и крестьяне перваго, бывъ сильнѣе послѣднихъ, убили на мѣстѣ побоища до смерти 10 человѣкъ соборныхъ.

А какъ въ сіе самое время прибылъ Монархъ въ Москву изъ перваго своего въ чужіе краи путешествія; и соборяне вѣдая, что Государь, по сохраняемому Имъ благоговѣйному почитанію къ памяти Родителя своего, прибудетъ въ Соборъ, для поклоненія гробу Его и совершенія по Немъ панихиды, заготовили челобитную, въ намѣреніи положить тогда оную на

гробѣ Царскомъ, и тѣла убитыхъ крестьянъ повелѣли привезти въ Москву. Въ самомъ дѣлѣ Монархъ прибылъ въ Соборъ, и по отслушаніи панихиды, по обыкновенію, пришедъ ко гробу Родительскому для поклоненія оному, усмотрѣлъ наономъ бумагу, и спросилъ у Протопопа: что это за бумага? Отецъ Твой, отвѣтствовалъ Протопопъ, проситъ Тебя, Великій Государь, защитить отъ обидъ соборную церковь. Бояринъ Твой - - - убиваетъ до смерти крестьянъ, принадлежащихъ оной, и суда на него нѣтъ. Монархъ беретъ бумагу и прочитываетъ; доказательства въ оной насилія боярскаго были описаны ясно; они ссылалися на самое письмо его, въ коемъ онъ повелѣвалъ управителю своему бить до смерти въ его голову, и съ коего приложена была и копія, которую они достали. Между же тѣмъ, въ продолженіе панихиды, и самыя тѣла подвезены къ Собору, дабы Государь, по выходѣ изъ онаго, могъ самъ ихъ увидѣть. Излишно упоминать, сколь таковое насиліе и безстрашіе должны были прогнѣвить Его, особливо же въ такое время, когда происходили розыски и казни бун-

товавшимъ Стрѣльцамъ, и когда по слѣдствіямъ открывалися тайные оныхъ единомышленники и изъ знатныхъ. Государь выходитъ изъ собора; Протопопъ указываетъ *Его Величеству* на тѣла убитыхъ по приказу боярскому. Монархъ зрѣніемъ симъ паче еще раздражается. Онъ не отлагаетъ времени на изслѣдованіе такого дѣла, которое ясное имѣетъ уже о себѣ доказательство, и повелѣваетъ тотъ же часъ послать въ волость боярскую, поелику не въ дальнемъ была она отъ Москвы разстояніи, и привезти управителя того со всѣми его бумагами, и шествуетъ прямо въ Константиновскую башню, въ которой производились розыски, приказавъ туда же привезти и боярина, на котораго дошли до Него жалобы. А какъ о всемъ происходившемъ въ Соборѣ уже дано было знать виноватому: то успѣлъ онъ между тѣмъ увидѣться съ Патріархомъ, и убѣдить его о предстательствѣ за себя у Государя. Наконецъ приведенъ былъ въ башню оную сей нещастный. Гнѣвъ, съ каковымъ спросилъ его Монархъ, писалъ ли онъ такое письмо къ управителю своему, привелъ его въ замѣ-

шательство, и онъ не могъ отъ того отрещися. Послѣ чего никто уже не смѣлъ заступать за него; но Патріархъ однако же принялъ сію смѣлость: онъ взялъ образъ Богоматери, писанный Святымъ *Петромъ* Митрополитомъ, и пришедъ въ башню оную, возгласилъ: сама Владычица небесная ходатайствуетъ за нещастнаго.

Раздраженный симъ паче еще Государь отвѣтствуетъ ему: „За чѣмъ „пришелъ ты сюда съ иконою? Какое „тебѣ здѣсь дѣло? Поди отсюда ско„рѣе, и поставь сей святый Образъ „въ подобающее оному мѣсто. Вѣдай, „что я боюся Бога и чту Пресвятую „Его Матерь, можетъ быть, больше „тебя, и вѣдаю, что воля Ея и Бога, „которой, давъ мнѣ скипетръ, тре„буетъ отъ меня правосудія ввѣрен„ному мнѣ народу. Поди и знай луч„ше свою должность (*).“

(*) Рѣчь сія Государева записана и у *Іоан. Георгія Корбе*, Секретаря посольства Цесарскаго, бывшаго въ семъ 1698 году въ Москвѣ, какъ видно изъ ученыхъ дѣяній, писанныхъ на Латинскомъ языкѣ (зри Acta eruditorum Lipsiensia an. 1708); все же прочее взято изъ преданія соборянъ Архангельскихъ, сообщеннаго мнѣ помянутымъ Протоіереемъ *Петромъ Алексѣевичемъ*.

Правосудїе въ дѣлахъ каждаго, безъ различїя степени оказываемое, говоритъ одинъ Писатель, *есть основанїемъ вѣрности и послушанїя подданныхъ.* А другой: *Естьли владычество правосудїя поколеблется, то не останется уже ничего неколебимаго.*

19.

О табакѣ.

По невѣжеству тогдашняго времени вѣрили всякимъ бреднямъ; явилася книга, и сказываютъ съ Греческаго на Славянскїй языкъ переведенная, въ которой табакъ названъ проклятымъ и богомерзкимъ, а употребленїе его грѣхомъ смертнымъ; въ слѣдствїе сего учинено было отъ Патрїарха запрещенїе употреблять оный, что и указомъ Царя *Михаила Θеодоровича* въ 1634 году подтверждено, съ предписанїемъ строгаго наказанїя преступникамъ онаго; а по четырнадцати лѣтахъ указъ сей внесенъ безъ отмѣны и въ Уложенье. ПЕТРЪ Великїй, стараяся истребить изъ мнѣнїя народа своего древнїя суевѣрїя и предразсудки, на мѣста ихъ не вводилъ ничего безполезнаго, и позволя Агли-

чанамъ ввозить табакъ въ Россію, къ употребленію его подданныхъ своихъ не понуждалъ, закона Отца своего не нарушилъ и не порицалъ, но силѣ его отъ дѣйствія упраздниться безмолвнымъ образомъ попустить благоволилъ. Нечувствительно сталъ оный входить въ употребленіе; что видя Патріархъ и клиръ церковный, упомянутое запрещеніе табаку съ клятвою на употребляющихъ оной возобновили; однакожъ привычка многихъ къ табаку тѣмъ не унялась. Когда же Монархъ, по выѣздѣ своемъ изъ чужихъ краевъ, отдалъ продажу онаго въ Москвѣ одному купцу на откупъ за 15,000 рублей въ годъ: то Патріархъ сего откупщика со всѣмъ его домомъ отлучилъ отъ церкви. Какъ же въ семъ случаѣ поступилъ Великій Государь? Онъ, не употребя власти своея, и не хотя дать указа въ отмѣну, какъ сказано, закону Отца своего, умѣлъ уговорить Патріарха къ перемѣнѣ его мыслей: Онъ представилъ ему, что употребленіе табаку попущено въ Россіи для иностранцовъ, пріѣзжающихъ и живущихъ въ ней, и чего запретить имъ не можно; а привычка у нихъ къ оному такъ велика, что естьли запретить

употребленіе его, то значитъ оное будетъ запретить въѣздъ ихъ въ Россію, и проч. И такъ Патріархъ снялъ святительскую клятву свою съ помянутаго дому невиннаго откупщика.

О семъ самые иностранцы писали, какъ въ Лейпцигскихъ дѣяніяхъ ученыхъ видѣть сіе можно.

20.

Произшествіе о украденномъ кубкѣ во время гощенія Его Величества у иностраннаго купца.

Извѣстно изъ Исторіи ПЕТРА Великаго, что *Его Величество* крайне ласкалъ пріѣзжавшихъ въ Россію купцовъ иностранныхъ; Онъ не рѣдко посѣщалъ ихъ въ Нѣмецкой слободѣ, пріѣзжая къ нимъ на ассамблеи и ужины, изъ коихъ особливо любилъ онъ Голландскихъ *Бранта*, *Любса*, *Гутфеля* и *Голла*; желая же вложить склонность къ нимъ и къ ихъ обхожденіямъ въ невѣстокъ и сестеръ своихъ, привозилъ иногда и ихъ на таковыя вечеринки.

Въ одно время Монархъ пригласилъ съ собою старшую невѣстку

свою, Царицу *Марѳу Матѳѣевну*, къ *Голлу* на ассамблею. *Его Величество* имѣлъ привычку пить изъ одного кубка, или стакана. Иностранцы, зная сіе, поставляли предъ Него обыкновенно одинъ, изъ коего онъ въ каждой пріѣздъ свой пивалъ. *У Голла* былъ для *Его Величества* къ сему назначенъ одинъ серебреной кубокъ съ крышкою, весьма искусной работы.

Послѣ ужина продолжались разныя забавы, какъ-то: музыка, танцы и проч. Монархъ, захотя пить, попросилъ меду; но видя, что ему не подаютъ онаго, сказалъ хозяину: естьли весь медъ изошелъ у тебя, такъ вели подать полпива. Сей отвѣтствовалъ, что медъ есть, но кубка того, изъ коего *Ваше Величество* жалуете пить, не могутъ отыскать, и сказываютъ де, что во время убирки со стола пропалъ оной. По этому, сказалъ Государь, его украли. Но вору должно быть въ домѣ. Я, примолвилъ Монархъ, его найду, и тотчасъ приказавъ запереть вороты дому, и никого не выпускать изъ онаго, и ниже изъ покоевъ на дворъ, вышелъ самъ, велѣлъ всѣмъ людямъ бывшимъ на дворѣ предстать предъ себя, спрашивалъ

у каждаго: не выходилъ ли кто изъ покоевъ на дворъ послѣ стола? Одинъ изъ нихъ сказалъ, что видѣлъ выходящаго къ каретѣ Царицыной пажа Ея Величества. Пажъ сей былъ *Юрловъ*. Монархъ пошелъ къ сей каретѣ, и пересмотря все въ ней, нашелъ спрятанной тотъ кубокъ.

Все сіе происходило безъ шуму, и Царица ничего того почти и не примѣтила, меньше же еще думала, чтобъ кто изъ ея людей что могъ сдѣлать непристойное. Симъ все дѣло кончилось, и Монархъ казался по прежнему спокоенъ; но при разъѣздѣ распростяся съ хозяиномъ и гостьми, подойдя къ невѣсткѣ своей, потихоньку сказалъ ей: завтра по утру въ восемь часовъ пришлите ко мнѣ пажа Вашего *Юрлова*, которому нѣчто надобно приказать.

Царица, по прибытіи въ комнаты свои, празвала къ себѣ сего пажа, спрашивала у него, не сдѣлалъ ли онъ въ домѣ *Толстовомъ* чего непристойнаго; ибо де Государь велѣлъ тебя завтра прислать къ себѣ, чего де никогда прежде не бывало. Сей, упадши къ ногамъ Ея, признался въ кражѣ кубка, и что самъ Государь

нашелъ оной въ каретѣ Ея, гдѣ онъ его спряталъ. Что ты сдѣлалъ, проклятой! сказала Царица: вишь Государь разсѣчетъ тебя, и вѣчно напишетъ въ матросы, *или* по крайней мѣрѣ въ солдаты. Слезы, страхъ и раскаяніе пажа сего въ такую привели жалость добросердечную Царицу, что Она, давъ ему нѣсколько червонныхъ, велѣла спасаться, какъ онъ знаетъ. Виноватый тотожъ ночью выбрался изъ Москвы, и ушелъ, какъ послѣ узнано, на Вологду.

Монархъ, по утру не видя въ назначенной отъ него часъ *Юрлова*, послалъ за нимъ къ Царицѣ; но сія отвѣтствовала, что не могли его сыскать. *Его Величество*, увидяся съ Нею, открылъ Ей, что сей молодой человѣкъ сдѣлалъ Ей и всему *Двору* нашему позоръ, укравъ у *Голпа* кубокъ, и должно его за столь постыдное воровство наказать; а безъ того де можетъ остаться онъ навсегда бездѣльникомъ и негоднымъ ни къ какой должности. Невѣстка сія призналась также, что сіе уже Она вѣдаетъ отъ него самого, но что слезы и раскаяніе его убѣдили Ее отпустить его, и что не знаетъ, куда

онъ ушелъ. Монархъ, сдѣлавъ Ей довольно чувствительной за сіе выговоръ, сказалъ, что жалость Ея погубила его, а можно бы де сего молодаго и проворнаго дѣтину еще исправить и употребить со временемъ въ какое-либо полезное служеніе (*).

(*) Отъ той же Адмиральши, слышанное ею отъ свекра же своего. Она къ сему прибавила, что сей *Юрловъ* на Вологдѣ постригся въ монахи, и нареченъ *Лѣвомъ*; что способность и разумъ его, а можетъ де быть и данные ему отъ Царицы червонцы, отличили его при домѣ Архіерейскомъ; что проходя разныя должности духовныя, достигъ наконецъ до сана Архіерейскаго въ Воронежскую Епархію. И такъ, продолжала она, хотя де и избавился онъ наказанія Государева, но судъ де Божій наказалъ его: онъ поссорился съ Губернаторомъ, и другъ другу искали погибели. По вступленіи на Престолъ Императрицы *Анны Ивановны*, Губернаторъ тотъ, получа объ ономъ изъ Сената указъ, послалъ къ Архіерею, чтобъ онъ былъ въ Соборъ для молебствія о вступленіи Императрицы на Престолъ, и для приведенія Чиновниковъ и гражданъ къ присягѣ; но Архіерей отъ того отрекся неполученіемъ отъ своего Правительства о томъ Указу. Губернаторъ паки велѣлъ ему сказать, что онъ получилъ изъ Сената Указъ, которому долженъ онъ вѣрить; однакожъ къ нещастію онъ презрѣлъ

21.

Грубость Воронежскихъ гражданъ, тронувшая чувствительно Государя.

Ежели мы видѣли выше (въ 9 анекдотѣ) описанную грубость знатнаго дворянства, то какая уже должна быть оная въ нижнемъ званіи людей, а паче отдаленныхъ отъ столицы? Сему доказательство представится въ слѣдующемъ анекдотѣ.

Великій Государь, устроя въ Воронежѣ корабельную верфь, многократно пріѣзживалъ въ городъ сей. Въ великой постъ *Его Величество* потребовалъ кислой капусты; послано было за оною къ членамъ Магистратскимъ, состоявшимъ изъ тамошняго купечества; но сіи, бывъ тогда въ

то, сказавъ, что будетъ ожидать о томъ Указа изъ Святѣйшаго Сvнода.

Губернаторъ отправилъ о семъ нарочнаго въ Сенатъ курьера, описавъ самыми черными красками то отреченіе его. Сіе было причиною, что лишенъ онъ былъ Архіерейства и священства, взятъ въ Москву, гдѣ высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ ссылку. А хотя де въ царствіе Императрицы *Елисаветы Петровны*, въ концѣ 1742 году, онъ изъ ссылки и возвращенъ и Архіерейство ему дано, однакожъ безъ Епархіи, и жилъ въ Знаменскомъ Московскомъ монастырѣ по смерть свою.

собраніи, посовѣтовавъ о томъ, заключили, что естьли де одинъ разъ дадимъ оной, то уже и всегда не только къ Государю, но и ко всѣмъ при Немъ находящимся отпускать ее будемъ принуждены, а чрезъ то и у самихъ насъ скоро въ оной послѣдуетъ недостатокъ. И такъ разсудили отказать, сказавъ, что у нихъ ее нѣтъ. Монархъ послалъ одного изъ деньщиковъ своихъ осмотрѣть у самихъ тѣхъ членовъ ледники; сей нашолъ въ нихъ цѣлые чаны оной. Великій Государь, призвавши ихъ къ себѣ, представляетъ имъ съ отеческою милостію ихъ глупость и грубость, что они Государю своему, пекущемуся о ихъ благосостояніи, отказываютъ въ ничего незначущей малости, имѣя оной у себя съ излишествомъ. Не могли они не почувствовать и милости Его и своего непростительнаго поступка въ отказѣ капусты; они, упавъ къ ногамъ Его, со слезами просили въ томъ прощенія. Монархъ, сдѣлавъ имъ еще увѣщаніе, прощаетъ ихъ, пригрозя однако же, что естьли Они впредь подобное сему что учинитъ, тобъ страшились гнѣва Его.

22.

Князь Меншиковъ выбриваетъ бороды симъ членамъ и одѣваетъ ихъ въ Нѣмецкое платье къ великому удовольствію Государя.

Суевѣріе въ то время столь обладало умами, что самое, такъ сказать, ничтожное представлялось имъ грѣхами смертными, какъ-то бритье бороды, покрой платья, несообразной съ платьемъ предковъ ихъ. Самыхъ членовъ Магистратскихъ въ помянутомъ городѣ никакъ не могъ уговорить Государь обрить бороды и перемѣнить платье. Они хотѣли лучше платить штрафъ и нести гнѣвъ Его, нежели согласиться на такое, по мнѣнію ихъ, преступленіе. И хотя прискорбно сіе было *Его Величеству*, но Онъ не хотѣлъ однако же принудить ихъ къ тому властію, а ожидалъ того отъ времени и отъ лучшаго воспитанія дѣтей ихъ.

Князь *Меншиковъ*, желая угодить Государю, изготовя для всѣхъ сихъ членовъ Магистратскихъ Нѣмецкое платье, даже до рубашекъ, на канунѣ праздника Пасхи, предъ самою уже заутренею, призвалъ ихъ всѣхъ къ

себѣ, и объявилъ имъ, будто бы именной *Его Величества* указъ, чтобъ они тотчасъ, или обрили бороды и одѣлись въ Нѣмецкое платье, или бы готовились въ ссылку въ Сибирь, указавъ имъ на изготовленныя уже къ тому и подводы; и что не допуститъ онъ ихъ ниже проститься съ женами и семействомъ ихъ, но тотъ же часъ увезутъ ихъ, ежели они явятся преслушными указу.

Поднялся плачь, рыданіе и вопль бѣдныхъ сихъ поистиннѣ людей. Они упали къ ногамъ его, просили милости и заступленія его у Государя, говоря при томъ, что они готовы все сдѣлать, нежели растлить (какъ они говорили) образъ Божій, и что лучше согласятся потерять головы, нежели бороды, и проч. Головъ вы не потеряете, отвѣтствовалъ Князь; но онъ не смѣетъ просить Государя о перемѣнѣ своего указа, и такъ должны вы сей часъ садиться въ кибитки. При семъ словѣ по приказу его вошли солдаты, и готовились вести ихъ къ кибиткамъ. Предразсудокъ столь былъ силенъ, что они съ плачемъ и рыданіемъ согласились лучше ѣхать въ заточеніе, нежели лишиться бородъ;

но какѣ однако же повели ихѣ изѣ покоевѣ на дворѣ: то одинѣ изѣ нихѣ, которой былѣ помоложе, любя свою жену, при пролитіи горькихѣ слезѣ перекрестяся сказалѣ: буди воля Божія! и согласился на обритіе бороды. Тотчасѣ обрили ему оную, что видя и всѣ другіе, тѣмѣ же сожалѣніемѣ о женахѣ, дѣтяхѣ и домахѣ своихѣ бывѣ тронуты, одинѣ по другому послѣдовали примѣру товарища своего; и такѣ были они обриты и наряжены вѣ Нѣмецкое платье. Князь, видя однако же неутѣшно ихѣ плачущихѣ, хотя не былѣ онѣ и самѣ Богословѣ, утѣшалѣ ихѣ, говоря, что нѣтѣ вѣ томѣ никакого грѣха, когда волосы будутѣ обрѣзаны; но вѣ томѣ грѣхѣ, естьли будутѣ заповѣди Христовы и Апостольскія не сохранены, а одна изѣ заповѣдей сихѣ поучаетѣ, что *противляющіеся предержащей власти противляются повелѣнію Божію: нѣсть бо власть, аще не отѣ Бога.*

Все сіе продолжалось даже до заутрени; и когда уже Монархѣ былѣ вѣ Соборѣ, тогда Князь пришелѣ сѣ ними вѣ оной и поставилѣ новопреображенныхѣ сихѣ за крылосомѣ.

Монархъ сначала не примѣтилъ ихъ входа; но въ продолженіе заутрени, нечаянно оглянувшись, увидя стоящихъ въ новыхъ Нѣмецкихъ кафтанахъ одинаковаго цвѣта, и не могши никакъ узнать ихъ, подозвавъ къ себѣ Князя, спросилъ: что это за люди? Князь донесъ, что Члены здѣшняго Магистрата. Государь столько обрадовался тому, что тотъ же часъ сошелъ къ нимъ съ крылоса, и прежде еще времени поцѣловалъ ихъ каждаго, говоря: *Христосъ воскресе*! благодарилъ ихъ, что они для праздника такъ Его обрадовали, и оборачивая каждаго изъ нихъ, говорилъ: ахъ! какіе молодцы! посмотрите пожалуйте, тѣ ли вы стали, какіе были прежде? а на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу своему и пилъ ихъ здоровье.

Примѣръ сей доволенъ къ доказательству какъ того, что одинакое чувствованіе было у жителей и всѣхъ другихъ отдаленныхъ отъ столицы городовъ, такъ и того, колико желалъ Монархъ ихъ просвѣщенія.

23.
Поступокъ ПЕТРА I съ Воронежскимъ Архіереемъ Митрофаномъ.

Презрѣніе пышности и роскоши, трудолюбіе и воздержаніе, милосердіе и вспомоществованіе неимущимъ, кротость и непамятозлобіе, любовь къ паствѣ и къ отечеству, украшали сего Пастыря словесныхъ овецъ (*); овцы сіи любили его какъ отца своего; и ПЕТРЪ Великій въ отличной содержалъ его милости, какъ-то изъ слѣдующаго увидимъ.

Когда Великій Государь, устроя въ Воронежѣ верфь корабельную, сооружалъ флотъ, къ пораженію Турокъ и къ отнятію у нихъ Азова необходимо нужный: тогда сей Архіерей, отъ избытка, такъ сказать, усердія своего къ Государю и Отечеству, въ простыхъ, но сильно надъ сердцами народа дѣйствующихъ поученіяхъ, возносилъ хвалами намѣренія Государевы, и увѣщавалъ трудящихся въ работахъ и весь народъ къ ревностному содѣйствію отеческимъ попеченіямъ сего Монарха. А когда провѣдалъ онъ, что происхо-

(*) Сей Епископъ былъ первый въ Воронежѣ Архіерей.

дила въ дѣлѣ томъ нѣкоторая остановка отъ недостатка въ казнѣ денегъ: то онъ оставшіеся у него отъ благотвореній его 6000 рублей серебреными копѣйками привезъ къ Государю, и вручая оныя *Его Величеству*, говорилъ: всякой сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ нуждѣ Государственной; пріими же, Государь! и отъ моихъ издержекъ оставшіяся сіи деньги, и употреби оныя противъ невѣрныхъ.

Можно себѣ представить, съ какою милостію принялъ Монархъ толикое свидѣтельство любви къ Отечеству и нестяжанія сего добродѣтельнаго мужа. Нелестность усердія таковаго доказалъ онъ и въ продолженіи, отсылая всегда накоплявшіяся у него отъ издержекъ деньги къ Государю, а въ отсутствіе Его въ Адмиралтейское Казначейство, при запискахъ своихъ: *на ратныхъ*.

Слѣдующее же произшествіе паче еще докажетъ намъ, колико Монархъ уважалъ его добродѣтели.

Его Величество имѣлъ маленькой свой Дворецъ на островку рѣки Воронежа: входъ въ оной украшали статуи языческихъ божествъ, какъ-то:

Юпитера, *Нептуна*, *Минервы*, *Геркулеса*, *Венеры* и другихЪ. Однажды МонархЪ велѣлЪ сему Архіерею быть кЪ себѣ во ДворецЪ. Сей старецЪ тотЪ же часЪ пошелЪ; но войдя во дворЪ, увидя помянутыя статуи, вЪ числѣ коихЪ и нагую *Венеру*, поворотился назадЪ и ушелЪ. Донесли о семЪ Монарху; и *Его Величество*, не понимая причины страннаго поступка сего, послалЪ по него паки; но сей добродѣтельный впрочемЪ, но простодушный и неученый Пастырь, сказалЪ присланному: Пока Государь не прикажетЪ свергнуть идоловЪ, соблазняющихЪ весь народЪ, то онЪ не можетЪ войти во ДворецЪ Его. Великій Государь не могЪ не огорчиться на него; онЪ послалЪ вторично кЪ нему сЪ таковымЪ указомЪ: что естьли онЪ не придетЪ, то ослушаніемЪ предержащей власти подвергнетЪ себя смертной казни. ВЪ жизни моей Государь властенЪ, отвѣтствовалЪ онЪ, но не прилично Христіанскому Государю ставить языческихЪ идоловЪ, и тѣмЪ соблазнять простыя сердца; и такЪ охотнѣе онЪ приметЪ смерть, а не подтвердитЪ присутствіемЪ своимЪ сихЪ языческихЪ чтилищЪ.

Сколь ни былъ Государь раздраженъ таковымъ грубымъ отвѣтомъ и непослушаніемъ Архіерея сего: но любя и почитая въ немъ добродѣтели его, снесъ сіе терпѣливо. Поелику же происходило сіе уже предъ вечеромъ: то Монархъ, услыша благовѣстъ въ Соборѣ въ большой колоколъ, спросилъ: развѣ завтра праздникъ? Но какъ отвѣтствовано, что не было никакого, то и повелѣлъ Монархъ узнать сего причину отъ самаго Архіерея. Чтожъ отвѣтствовалъ онъ присланному къ нему? Понеже мнѣ отъ *Его Величества* сказана смерть, того ради я, яко человѣкъ грѣшный, долженъ предъ смертію своею принесть Господу Богу покаяніе, и испросить грѣховъ своихъ прощеніе Соборнымъ моленіемъ; и для сего-то назначилъ я быть всенощному бдѣнію.

Государь, получа такой отвѣтъ, вмѣсто того, чтобъ болѣе еще прогнѣваться, не могъ удержаться, чтобъ не разсмѣяться; да и тотъ же часъ послалъ ему сказать что онъ его во всемъ прощаетъ, и для того пересталъ бы тревожить народъ необыкновеннымъ звономъ; сего еще не довольно: снисходительнѣйшій Государь

повелѣлъ снять соблазнявшія его статуи. Архіерей на другой сего день увѣдавъ заподлинно, что статуи тѣ сняты, пришелъ къ Государю благодарить Его за оное. Какой былъ при семъ между ими разговоръ, не извѣстно, то только вѣрно, что Великій Государь не отмѣнилъ къ нему ни любви, ни уваженія своего; Онъ пожаловалъ еще дому Архіерейскому нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, и въ каждый пріѣздъ свой въ Воронежъ заѣзжалъ напередъ къ нему; когда же Монархъ въ одинъ пріѣздъ свой по обыкновенію заѣхалъ прежде къ нему и нашелъ его при самой уже смерти, то тронутъ былъ тѣмъ даже до слезъ. Чувствительный Государь пробылъ у него до самыя его кончины, и своими руками затворя ему очи, и давъ повелѣніе заготовить все къ приличному его погребенію, вышелъ весь въ слезахъ.

Когда же насталъ день погребенія: то Монархъ на выносъ тѣла его прибылъ со всѣми знатными, и морскими Офицерами и мастерами корабельными; и когда готовились духовные поднять гробъ его, тогда Великій Государь, обратяся къ пришедшимъ съ нимъ: стыдно намъ будетъ, сказалъ, естьли мы не засвидѣтельствуемъ на-

шея благодарности благодѣтельному сему Пастырю, отданіемъ ему последней чести; и такъ вынесемъ тѣло его сами. При словѣ семъ Монархъ принялся первый за гробъ его. А по отпѣніи погребательной панихиды, *Его Величество* паки съ Вельможами и Офицерами своими поднялъ гробъ и опустилъ оный въ землю.

Такъ Великій Государь почиталъ добродѣтели, и забывалъ досады, когда не отъ злости и коварства оныя происходили (*).

Такія благородныя чувствованія имѣлъ *Кай Юлій Цесарь*. Когда спросилъ у него однажды Консулъ *Манилій*: чѣмъ бы удобнѣе думалъ онъ снискать вѣчную славу? *Прощать легко досады; и награждать щедро вѣрность и добродѣтели*, отвѣтствовалъ сей Ирой Римскій.

24.

Монархъ самъ собою испытуетъ, довольнѣнъ ли къ насыщенію солдата опредѣленной ему паекъ?

Извѣстно всему свѣту, что Великій Государь, въ нѣжныхъ еще возра-

(*) Три сіи анекдота слышалъ я отъ Воронежскихъ старожиловъ, а послѣдній нашелъ и въ запискахъ нашихъ.

ста своего лѣтахъ, начало сдѣлалъ регулярнаго войска, въ которое записавшись самъ сначала барабанщикомъ, потомъ солдатомъ, проходилъ званія сіи не словомъ, но самымъ дѣломъ, исправляя всѣ должности оныхъ, какъ-то: стоялъ по очереди на караулѣ, спалъ съ солдатами въ одной палаткѣ, носилъ одинакой съ ними мундиръ, возилъ землю къ крѣпостному строенію на тележкѣ, собственными Его же руками сдѣланной; ту же съ ними принималъ пищу, и все сіе для того, дабы подать собою примѣръ безпрекословнаго начальникамъ послушанія, и чтобъ извѣдать собою же, можетъ *ли* солдатъ понести всю предписанную ему службу? Но все сіе происходило, какъ сказано, въ нѣжномъ еще возрастѣ лѣтъ Его, почему и казалось сіе всѣмъ игрою только дѣтскою.

Извѣстно также, что изъ сего малаго начала родилась скоро цѣлая и великая армія; что введена въ оную строгая дисциплина, опредѣлено каждому жалованье и пайки хлѣба, крупъ и соли, чѣмъ себя долженъ содержать солдатъ; и что Монархъ и по учрежденіи арміи сей проходилъ самъ

службу и жалованъ на ряду съ прочими въ чины.

Но не извѣстно можетъ быть то, что Великій Государь всякое такого рода учрежденіе не прежде издавалъ, какъ испытавъ прежде собственнымъ опытомъ, возможно ли исполнить оное? И такъ когда учредилъ Онъ помянутые солдатамъ пайки: то прежде, нежели издалъ о семъ законъ, захотѣлъ испытать собою же собственно, можетъ ли солдатъ быть пайкомъ тѣмъ сытъ? Для сего, такъ какъ и въ показанномъ нѣжномъ возрастѣ своемъ, принялъ паки на себя въ строгой точности всю солдатскую службу; и цѣлой мѣсяцъ, служа съ ними на ряду, довольствовался опредѣленнымъ солдату пайкомъ, ничего къ нему другаго не прибавляя. По таковомъ испытаніи Великій Государь, вступя паки, такъ сказать, въ права свои, сказалъ окружавшимъ его: *Слава Богу! теперь я увѣрился достовѣрно, что опредѣленный паiокъ солдату къ его безнужному продовольствію доволенъ; ибо*, примолвилъ Государь, *когда я, по возрасту и силамъ моимъ, большее количество требую пищи къ своему насыщенію, нежели многіе изъ*

солдатъ моихъ: то конечно уже каждой изъ нихъ будетъ совершенно сытъ.

Черта, отличающая Его отъ всѣхъ великихъ Полководцовъ и Законодателей!

Предавшій намъ сіе, находилъ удовольствіе разсказывать о семъ всѣмъ; достовѣрность же сего несомнительна по тому, что онъ самъ имѣлъ щастіе служить при семъ Великомъ Государѣ, въ Гвардіи Его Капитаномъ, и быть съ Нимъ во многихъ походахъ, и что сіе де тогда было извѣстно всѣмъ, и разсказываемо какъ дѣло, не подьерженное ни малому сомнѣнію (*).

25.

Монархъ выпрашиваетъ у одного купца сына и обѣщаетъ сдѣлать его щастливымъ; но сынъ сей подъ Нарвою пропадаетъ безъ вѣсти, и отецъ подаетъ на Государя ему же о томъ челобитную.

Великій Государь, отправясь изъ Москвы въ 1700 году подъ Нарву

(*) Особа сія есть Господинъ Генералъ-Маіоръ *Бахметевъ*; а мнѣ доставилъ сей Анекдотъ внукъ его, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Иванъ Ивановичъ Бахметевъ же*, многократно сіе слышавшій отъ того достойнаго ПЕТРА Великаго слуги, а своего дѣда.

имѣлъ на пути своемъ квартиру у одного посадскаго, и увидѣлъ сына его, молодца виднаго, лѣтъ осьмнадцати, которой такъ Ему понравился, что пожелалъ имѣть его въ Гвардіи своей; однакожъ хотѣлъ, чтобъ согласился на то и отецъ его. Онъ предложилъ о томъ ему, обѣщая доставить сыну его щастіе. Купецъ представляетъ Монарху, что онъ одинъ только у него и есть, и которой въ промыслѣ его великою ему служитъ помощію, и для того просилъ не отлучать отъ него. Ты не разумѣешь своей и сыновней пользы, отвѣтствуетъ Государь; я его полюбилъ, слѣдовательно можешь ты надежно положиться во всемъ на меня; при томъ же ты не навѣки разстанешся съ нимъ, но получить его обратно, и уже Офицеромъ, а можетъ быть увидишь и при такой должности, что благодарнымъ ко мнѣ останешся навсегда; и такъ не противься, другъ мой! примолвилъ великодушный Государь. Не льзя было не уступить толико убѣдительной прозьбѣ Самодержца, могшаго и безъ того взять его. И такъ Монархъ взялъ его съ собою, записалъ въ Преображенской полкъ, и отдалъ его, какъ бы на руки, Генералу *Вейду*.

Но какъ извѣстно, что въ отсутствіе Монаршее изъ-подъ Нарвы, армія Россійская разбита: то и сей молодецъ пропалъ безъ вѣсти.

Нещастный отецъ, пораженный потерею своего сына, въ которомъ одномъ только и полагалъ онъ все свое утѣшеніе, впалъ въ несказанную горесть, отсталъ отъ промысла своего, и непрестанно оплакивая его, пришелъ въ великой упадокъ и скудость. Наконецъ, по прошествіи уже одиннадцати лѣтъ, получилъ онъ письмо изъ Стокгольма, отъ Князя *Якова Ѳеодоровича Долгорукаго*, бывшаго тамъ въ полону, что сынъ его живъ и находится съ ними въ полону же. Обрадованный симъ отецъ утѣшается надеждою видѣть его паки; и узнавъ, что Монархъ прибылъ въ Петербургъ, поѣхалъ туда, и написалъ челобитную на Полковника Преображенскаго полку *Петра Михайлова*, то есть на Государя, въ которой прописалъ, съ какимъ обнадеживаніемъ Полковникъ сей взялъ у него сына его, котораго онъ лишился, впалъ въ крайнюю печаль, и отъ того отсталъ отъ промысла своего и пришелъ въ скудость; а какъ де наконецъ извѣщенъ онъ, что сынъ его живъ и находится

въ Швеціи въ полону: то и проситъ, выкупя его, возвратить ему, и за убытки, понесенные имъ, прописавъ именно, сколько ихъ, наградить его.

Сію челобитную подаетъ онъ Государю, бывшему на Адмиралтейскихъ работахъ, и проситъ въ обидѣ его учинить ему справедливое удовольствіе. Монархъ, не принимая оныя, говоритъ ему: Старикъ! ты знаешь, что есть на то учрежденныя мѣста, то и долженъ ты подать свою челобитную въ то изъ нихъ, куда она по содержанію своему слѣдуетъ, а меня не безпокоить; ибо де и ты долженъ то вѣдать, что самому мнѣ во всякое дѣло входить за множествомъ дѣлъ Государственныхъ не можно; но старецъ отвѣтствуетъ: вѣдаю, Государь, все сіе, и знаю указы Твои, чтобъ самому Тебѣ не подавать челобитенъ; но дѣло, о которомъ я прошу, иного роду, и такого, что челобитной моей не приметъ никакое Судебное Мѣсто, ибо отвѣтчикъ никому не подсудимъ. Удивленный Государь спросилъ, ктожъ бы онъ былъ такой? Ты самъ, Надежа Государь, и на Тебято престарѣлый и удрученный печалію старецъ бьетъ челомъ. При семъ

старикъ залился слезами, припоминаетъ Ему о сынѣ своемъ, съ какимъ обнадеживаніемъ Онъ его выпросилъ у него; что потеря его ввергла его въ смертную печаль, отъ которыя отсталъ онъ отъ промысловъ своихъ и совсѣмъ раззорился.

Великій Государь принимаетъ челобитную, прочитываетъ оную, и не говоря ни слова, тотъ же часъ, описавъ обстоятельство дѣла, какъ оное происходило, безъ именъ челобитчика и отвѣтчика, посылаетъ оную въ Сенатъ, съ повелѣніемъ, разсмотря рѣшить по правотѣ, долженъ ли отвѣтчикъ выкупить сына, и возвратить всѣ показываемые отцомъ его убытки, понесенные отъ печали, лишеніемъ сего сына его.

Сенатъ, получа таковое повелѣніе, рѣшилъ: „что челобитчикъ лишился „сына по тому одному, что положился „на увѣреніе отвѣтчика сдѣлать его „щастливымъ: но которой не только „не сдержалъ обѣщанія своего, но „лиша отца сына, столько лѣтъ „безъ вѣсти пропадавшаго, былъ причиною всего его нещастія; а потому „отвѣтчикъ и долженъ: 1) сына его „изъ полону выкупя, возвратить отцу;

„и 2) всѣ показанные симъ истцемъ „убытки возвратить же."

Монархъ, на другой сего день прибывъ самъ въ Сенатъ, спросилъ о семъ дѣлѣ, рѣшено ли оное? Отвѣтствовано, что рѣшено, и рѣшеніе сіе подано *Его Величеству*. Государь, прочтя оное, обьявилъ, что сей отвѣтчикъ есть Онъ самъ; благодарилъ за справедливое и безпристрастное рѣшеніе, и потомъ повелѣлъ, во чтобъ то ни стало, выкупить сего сына. А какъ упорный Король Шведскій не хотѣлъ и слышать о размѣнѣ плѣнныхъ: то должно было отдать за одного его нѣсколько плѣнныхъ Шведскихъ Офицеровъ. И такъ выкупленъ былъ сей сынъ; и Великій Государь имѣлъ удовольствіе, пожаловавъ его Офицеромъ Гвардіи, возвратить его отцу, заплатить всѣ понесенные и отъ него показанные убытки его, и сверхъ того щедро еще наградить его, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ сей сынъ въ утѣшеніе родителя остался при немъ до его смерти, а по томъ бы паки вступилъ въ службу (*).

(*) Отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Ивана Ивановича Неплюева*, и о семъ же

26.

Монархъ беретъ у одного стараго дворянина въ службу сына, а другаго оставляетъ ему; но когда и сей былъ общимъ Указомъ взятъ въ службу, возвращаетъ его паки отцу.

Во время сего же перваго подъ Нарву походу Великій Государь, въ Новогородскомъ уѣздѣ ѣдучи близъ одного дворянскаго дому, заѣхалъ въ оной; и войдя въ домъ, нашелъ хозяина престарѣлаго, и при немъ двухъ его сыновей. Обрадованный старецъ посѣщеніемъ Государя, проситъ удостоить его откушать у него; но *Его Величество*, отговоряся отъ того поспѣшеніемъ своимъ, выкушалъ у него рюмку водки, и закушавъ, спросилъ у старика: записаны ль дѣти его въ службу? нѣтъ, Надежа Государь! старость моя сему причиною; дабы отлученіемъ ихъ отъ себя не умереть мнѣ прежде времени отъ печали. Но ты знать обязанъ, от-

---

самомъ кратко упоминаетъ и *Г. Татищевъ* въ примѣчаніи своемъ *на Судебникъ* стр. 84; но жаль, что первой забылъ, котораго города былъ сей купецъ, и фамилію его, а и другой о семъ не упоминаетъ же.

вѣтствуетъ Монархъ, что службу Государственную должно предпочитать нуждамъ и прихотямъ своимъ, и вѣдаешь же ты и мои о томъ Указы. По крайней мѣрѣ, продолжаетъ Государь, долженъ бы ты былъ хотя одного изъ нихъ отдать въ службу. И такъ снисходительный Государь повелѣлъ старшаго изъ нихъ записать и взять подъ Нарву, сказавъ отцу, что во утѣшеніе старости твоей до самыя смерти твоея оставляю при тебѣ младшаго. Старикъ, хотя и съ сожалѣніемъ, принужденный разстаться съ однимъ, благодарилъ Монарха за милость Его оставленіемъ при себѣ другаго.

Къ нещастію сего стараго Дворянина, сынъ его былъ убитъ подъ Нарвою. И какъ къ другому походу велѣно было поголовно всѣмъ Дворянамъ быть на службу, и въ слѣдствіе того взятъ былъ у него и другой его сынъ: то старецъ въ неизреченной бывъ горести, дождавшись Государя, ѣхавшаго подъ оной городъ, подаетъ *Его Величеству*, и на него же самаго челобитную въ несдержаніи слова своего, по коему оставилъ онъ при немъ до смерти другаго сына его. Монархъ, при-

нимая отъ него бумагу, спрашиваетъ: На кого ты просишь? На Тебя самаго, Государь, и у Тебя же прошу справедливости, отвѣтствуетъ огорченный отецъ.

Великій Государь прочитываетъ оную, припамятываетъ обѣщаніе свое, и говоритъ старику: Прозьба твоя справедлива; но онъ взятъ въ службу по генеральной высылкѣ всѣхъ Дворянъ, а отнюдъ не для того, чтобъ не хотѣлъ я сдержать моего слова, которое не должно быть ни для чего нарушено. И такъ, заключилъ Государь, оставляю сына твоего при тебѣ по первому слову моему; и тотъ же часъ далъ повелѣніе возвратить его къ отцу (*).

Старый сей Дворянинъ до смерти своей не преставалъ превозносить, съ пролитіемъ благодарныхъ слезъ, правосудіе и милость Великаго Монарха (**).

(*) Іоаннъ, Король Французской, говаривалъ: *Ежелибъ правда и добрая вѣра изчезли; то надлежитъ отыскивать ихъ въ сердцахъ и устахъ Государей.* А таковъ точно и былъ Ирой нашъ.

(**) Отъ Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, удостовѣреннаго о семъ про-

27.

Въ критическомъ состоянiи Монархъ прiемлетъ совѣтъ отъ одного пьянаго пушечнаго мастера.

Изъ Исторiи Монаршей видимъ мы, что великiй сей Государь получилъ въ Новѣгородѣ извѣстiе о совершенномъ пораженiи войскъ своихъ подъ Нарвою, въ первую осаду города сего; и что вся артиллерiя и денежная казна достались непрiятелю.

И хотя съ ироическимъ равнодушiемъ принялъ онъ сiю печальную вѣдомость, но должно было однако же въ самой скорости имѣть ему новую артиллерiю; мѣди же, изъ коей вылить оную надлежало, не было, и достать изъ другихъ Государствъ такъ скоро ее было не можно. Естественно должно было привести сiе Монарха въ крайнее недоумѣнiе; но въ самое то время видитъ онъ расхаживающаго взадъ и впередъ, противъ окошка своего, въ размышленiи, одного худо одѣтаго человѣка, и повелѣваетъ

изшествiи отъ дяди своего роднаго *Ильи Θеодоровича Ушакова*, служившаго при ПЕТРѢ Великомъ, въ Преображенскомъ Его полку солдатомъ и каптенармусомъ.

спросить его: Чего онъ хочетъ? Сей отвѣчаетъ, что онъ пришелъ помочь горю Государеву. Монархъ повелѣваетъ представить его себѣ, и спрашиваетъ, какое имѣетъ онъ до него дѣло? Прикажите, Всемилостивѣйшій Государь, прежде поднести мнѣ чарку вина, умираю съ похмелья, а денегъ нѣтъ ни полушки. Изъ таковой смѣлости заключаетъ Монархъ, что онъ нѣчто дѣльное представить ему хочетъ, и повелѣваетъ поднести ему добрую чарку: говори же, продолжаетъ Государь. *Ваше Величество* думаете теперь о потерѣ артиллеріи, и гдѣ взять мѣди на вылитіе новой, не правда ли? Монархъ ожидаетъ продолженія такой рѣчи, которая началомъ своимъ уже интересовала его. Ну! говори же, что далѣе? сказалъ Монархъ. Прикажите, *Ваше Величество*, подать другую чарку вина, истинно не охмѣлился одною. Сколь ни должна быть досадна таковая наглость, но содержаніе начатой рѣчи было довольно важно, чтобъ дослушать оную; повелѣваетъ подать ему другую чарку. „Теперь доволенъ, про„должаетъ опохмѣлившійся: мѣди, „Государь, у тебя много; не о чемъ

„такъ о ней думать; сколько излишнихъ и ненужныхъ при церквахъ колоколовъ? что мѣшаетъ тебѣ взять цѣлую половину оныхъ, и употребить на вылитіе столькихъ пушекъ, сколько тебѣ угодно? Нужда Государственная важнѣе, нежели многіе колокола; и половины оныхъ слишкомъ довольно для того предмета, для котораго они надѣланы; а послѣ, какъ, Богъ дастъ, одолѣешь своего противника, то изъ его же пушекъ наделать можно колоколовъ сколько хочешь; къ тому жъ (заключилъ онъ) есть изъ нихъ много разбитыхъ и безъ употребленія."

Монархъ, выслушавши сіе, улыбнувшись произнесъ: *Камень, его же небрегоша зиждущіи, той бысть во главу угла.* Какое награжденіе учинилъ Государь сему пьяному, не извѣстно; а извѣстно только то, что по сему совѣту было поступлено, и въ ту же еще зиму вылита изъ нѣкоторой части колоколовъ великая артиллерія.

Пьяной сей былъ пушечной мастеръ, и одинъ престарѣлый пушкарь, знакомецъ его, и бывшій того очевидцемъ, предалъ намъ сіе (*).

(*) Сіе самое произшествіе слышалъ я и отъ Г. *Крекшина.*

Впрочемъ отъ нѣкоторыхъ приписывается сей данный Монарху совѣтъ, тогдашнему Новогородскому Митрополиту *Іову*: но сіе согласить можно тѣмъ, что Монархъ, получа отъ помянутаго пушечнаго мастера идею сію, совѣтовался о томъ съ нимъ Митрополитомъ; а сей достойнѣйшій Пастырь и аппробовалъ мнѣніе перваго, и поощрилъ къ тому Государя поданіемъ перваго примѣра, употребленіемъ на то части колоколовъ своей Епархіи, что кажется и вѣроятнѣе.

28.

Въ семъ же критическомъ положеніи Монархъ повелѣваетъ Начальнику оружейной палаты передѣлать въ деньги всю посуду серебреную и вещи, хранившіяся въ оной палатѣ.

Хотя предписаннымъ образомъ Великій Государь могъ доставить себѣ новую артиллерію на мѣсто потерянной подъ Нарвою: но денегъ достать въ то же время не такъ было легко.

Въ семъ критическомъ положеніи Монархъ писалъ въ Москву къ Начальнику оружейной палаты и Предсѣда-

шелю Приказа большой казны, Князю *Петру Ивановичу Прозоровскому*, чтобъ онъ всю посуду и вещи серебреныя, хранящіяся въ помянутой палатѣ, передѣлалъ въ деньги; и назнача сумму, какая необходимо нужна была, прислалъ оную къ нему какъ возможно скорѣе.

Князь отвѣтствовалъ, что онъ исполнитъ то повелѣніе, и чрезъ малое время въ самой вещи доставилъ *Его Величеству* требуемое число нововыбитою серебреною монетою.

Монархъ, получа сумму сію, остался въ томъ мнѣніи, что точно передѣлана посуда и вещи въ деньги: въ самомъ же дѣлѣ посуда и вещи оныя остались въ цѣлости.

Князь, бывъ еще при Царѣ *Алексѣ Михайловичѣ* главнымъ Казначеемъ и первымъ въ помянутомъ Приказѣ большія казны, изъ патріотическаго усердія, во все время казначейства своего, вступавшіе въ казну доходы Государственные сохранялъ, и изъ оныхъ въ разходы употреблялъ съ такою бережливостію, и какъ бы сказать прижимкою, что всегда оставалось

у него за разходами довольно; а изъ сихъ остатковъ отлагалъ онъ ежегодно на случай непредвидѣнной какой Государственной нужды часть; и такимъ образомъ накопилъ онъ нарочито знатную сумму. Сумма сія была у него непроницаемымъ никому таинствомъ, и онъ сохранялъ ее въ такомъ мѣстѣ, которое только ему, и можетъ быть еще одному кому изъ довѣреннѣйшихъ его была извѣстна. Такъ сіе было даже до сказаннаго нещастнаго подъ Нарвою сраженія. Когда же получилъ онъ помянутое Государево о передѣлѣ посуды и вещей повелѣніе, и увидѣлъ ту нужду для какой онъ сохранялъ накопленныя имъ деньги: тогда-то онъ употребилъ ихъ толь кстати. Онъ повелѣлъ собрать и принести въ свой домъ всю ту посуду и вещи, и разглася, что оная передѣлается въ монету, сокрылъ оную въ тайномъ же мѣстѣ; а на число требованной Монархомъ суммы, взявъ изъ оныхъ запасныхъ старыхъ денегъ, передѣлалъ въ новую монету и отправилъ оную къ Государю. Все сіе не извѣстно было, даже до одержанныхъ въ Лифляндіи надъ Шведами побѣдъ, и до пріѣзду Монарха въ Москву для

торжествованія оныхъ (*); и когда для торжества сего, между прочимъ, надобно было убрать и грановитую палату, и Великій Государь для разпоряженія сего украшенія, бывъ съ Княземъ симъ въ палатѣ оной, сказалъ: Жаль, да нечѣмъ пособить, что нѣтъ уже тѣхъ вещей и посуды, чѣмъ убиралась оная прежде. Можно и теперь убрать ее такъ же, отвѣтствовалъ Князь. Да чѣмъ? пресѣкъ его рѣчь Государь. — Посудою же. — Но гдѣ посуда? вить она передѣлана въ деньги. — Нѣтъ, не передѣлана, сказалъ на сіе Князь, а спрятана. — Какъ спрятана? перебилъ рѣчь его удивленный Государь. — Спрятана, я тебѣ сказываю. — Да гдѣжъ ты взялъ присланныя ко мнѣ деньги? — Изъ кладовой. — Изъ какой кладовой? развѣ я не знаю, что нѣтъ запасныхъ денегъ? — Не прогнѣвайся, Государь, не знаешь; у меня на случай нужды

(*) Иные относятъ сіе открытіе до коронаціи Великой Супруги *Его Величества*; но, кажется, укрывать того толь долгое время не можно и не должно было, въ разсужденіи толь великихъ нуждъ Государственныхъ, какова была описанная здѣсь, и каковыя встрѣчались въ продолженіе Шведской войны.

сбережена довольно знатная сумма, о которой кромѣ меня по сіе время никто не вѣдаетъ, и которой еще довольно осталось на таковыя же нечаянныя нужды. При семъ разсказалъ Государю все, какимъ образомъ накопилъ онъ ее.

Монархъ, нечаянностію таковою бывъ удивленъ, а вѣрностію и ревностію Князя сего пораженъ, обнялъ его, поцѣловалъ, и просилъ показать ему мѣсто то и остатки денегъ. — Изволь, покажу, отвѣтствовалъ Князь, только не прогнѣвайся, Государь, съ договоромъ: не брать съ собою *Меншикова*, и не открывать ему сей тайны, а то онъ размытаритъ всѣ остатки тѣ. Монархъ обѣщалъ сіе, и далъ слово не открывать того *Меншикову*.

Послѣ сего Князь ввелъ Государя при свѣтѣ фонаря, въ одинъ тайникъ, и показалъ ему въономъ еще цѣлой уголъ наваленныхъ денегъ. *Его Величество*, обозря оныя, своими руками отложилъ десять большихъ мѣшковъ на сторону: На что это? спросилъ у Монарха Князь. Это тебѣ, отвѣтствовалъ Государь. Мнѣ? сказалъ Князь: я бы могъ давно и всею казною сею овладѣть, не опасаяся

извѣту, ежелибъ хотѣлъ, и не боялся Бога нарушить крестное мое цѣлованіе. — Но мнѣ не надо; ты знаешь, Государь, продолжалъ Князь, что я по милости Божіей, предковъ Твоихъ и Твоей доволенъ и своимъ, и притомъ одну только имѣю дочь, которая и безъ того нарочито богата будетъ.

Читатель можетъ самъ заключить, колико таковая примѣрная вѣрность, честность и заслуга пріятны были привосудному и чувствительнѣйшему Государю! и слѣдовательно какую празнательность изъявить онъ сему честнѣйшему мужу долженъ былъ, какую признательность изъявить должны къ безкорыстію и патріотическому усердію къ Отечеству сего великаго поистиннѣ человѣка и всѣ сыны Отечества (*)!

(*) Анекдотъ сей сообщенъ мнѣ отъ Его Сіятельства Князя *Александра Александровича Прозоровскаго*, слышанной имъ, какъ онъ увѣрялъ меня, отъ почтеннѣйшаго родителя своего.

29.

О прїѣздѣ въ Петербургъ перваго Голландскаго корабля, и какъ Государь принялъ Шипора онаго.

1703 году, въ началѣ Ноября мѣсяца прибылъ въ С. Петербургъ первой торговой Голландской корабль; сколько же сему обрадовался Государь, то докажетъ слѣдующїй анекдотъ. Монархъ узналъ о семъ кораблѣ накунунѣ прибытїя его къ Котлину острову (такъ назывался тогда тотъ островъ, на которомъ построенъ Кронштатъ;) но какъ въ заливѣ между Петербурга и того острова находятся мѣли, то *Его Величество*, вмѣсто того, чтобъ послать кого провести его, принялъ оное на себя. Онъ, нарядяся матросомъ, какъ и всѣ на шлюбкѣ его одѣты были, встрѣтилъ его у мѣлей залива, взошелъ на корабль, и поздравя Шипора по Голландски съ прибытїемъ его перваго въ заводящїйся новый портъ, объявилъ, что присланъ онъ отъ Губернатора проводить его до пристани, предупреждая тѣмъ, чтобъ не наѣхать ему гдѣ на мѣль, и сказавъ сїе, сѣлъ паки въ свою шлюбку, и велѣлъ

Шипору корабля слѣдовать за собою. Такимъ образомъ щастливо проведя его, присталъ съ нимъ къ пристани, бывшей на Васильевскомъ островѣ у дома Губернатора того, Князя *Меншикова*, въ которомъ ему и всѣмъ матросамъ назначена уже была квартира. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ у пристани, пригласилъ Шипора того и всѣхъ матросовъ къ столу своему; а дабы они не имѣли заботы о кораблѣ своемъ, то явилася Гвардейская команда, и объявлено было Шипору, что прислана оная отъ Государя для караулу и безопасности корабля сего. И такъ Монархъ, введя ихъ въ домъ Княжей, посадилъ всѣхъ ихъ съ собою, между хозяиномъ и прочими знатными особами, за изготовленной уже къ приходу ихъ столъ. Тогда-то Шипоръ сей и матросы въ лицѣ провожатаго своего узнали Монарха! Можно себѣ представить ихъ изумленіе; однакожъ скоро они вышли изъ онаго, вспомня, что Великій сей Государь, въ бытность свою у нихъ въ Амстердамѣ, работалъ въ Адмиралтействѣ тамошнемъ, какъ простой плотникъ, а иногда и матросское исправлялъ званіе; а притомъ видя ласковое, или паче дружеское

его съ ними обращеніе, нѣсколько же кубковъ выпитыхъ ими напитковъ сдѣлали ихъ еще смѣлѣе, такъ что забыли они, что видѣли въ мнимомъ матросѣ Государя, и когда такимъ образомъ веселились, въ то время выгружены были изъ корабля всѣ ихъ товары въ анбары Княжіе, и показаны назначенные имъ для житья, доколѣ они пробудутъ въ Петербургѣ, покои. Наконецъ Монархъ, угостя ихъ до довольнаго, такъ сказать, степени охмѣленія, побратовался съ Шиповомъ, и отведя его въ назначенную ему комнату, пожелавъ ему съ его матросами доброй ночи, оставилъ ихъ. Поутру, прибывъ паки къ нему Государь, обьявилъ ему, что все бывшее и оставшееся на кораблѣ охраняется надежнымъ карауломъ, и потребовалъ отъ него реэстра грузу; оной состоялъ изъ разныхъ винъ и Испанской соли; далъ позволеніе безпошлинно продавать все повальною цѣною, а между тѣмъ купилъ для употребленія Двора своего знатную часть винъ и соли; рекомендовалъ всѣмъ знатнымъ Господамъ послѣдовать въ томъ примѣру своему, и въ краткое время весь сей товаръ его раскупленъ съ знатною для него

прибылью. Поелику же въ сіе время года не было въ С. Петербургѣ купеческихъ товаровъ, то Монархъ дозволилъ ему на вырученныя деньги купить, изъ заготовленныхъ для Адмиралтейства разныхъ лѣсныхъ припасовъ, смолы, поташу и смолчугу, коими Шиперъ нагрузилъ свой корабль безпошлинно же. Когда же изготовились они къ отъѣзду, то паки угощены они были за столомъ Княжимъ; и Монархъ, присутствовавшій за онымъ же, подарилъ Шипору 500 червонныхъ, и каждому матросу по 300 ефимковъ; и притомъ сказано было, что первому послѣ его торговому же кораблю оказанъ будетъ такой же пріемъ, и въ награжденіе дастся шипору 300 червонныхъ, а матросамъ по 200 ефимковъ; второму за тѣмъ кораблю, по соразмѣрности сего же, учинено будетъ награжденіе и проч. Наконецъ *Его Величество*, не взирая на толь весьма поздое время года, выпроводилъ корабль сей самъ до Котлина острова (*), обнялъ Шипора и пожелалъ имъ щасливаго пути.

(*) Тако поздое прибытіе и отбытіе корабля сего записано именно въ запискахъ того года, изъ чего видна необыкновенно бывшая въ сію глубокую осень теплая погода.

Шиморъ сей и матросы тронуты при прощаньѣ семъ даже до слезъ; имъ все время прибыванія ихъ въ Петербургѣ представлялось какъ бы пріятнѣйшимъ соннымъ привидѣніемъ; столь-то казались имъ милостивые поступки съ ними Великаго Государя чрезвычайными и неимовѣрными, каковыми они были поистиннѣ и въ самой вещи.

Толико-то желалъ Монархъ привлечь въ любимый сей градъ иностранную торговлю (*).

30.

О подобномъ Монархомъ пріемѣ перваго Аглинскаго торговаго же корабля, прибывшаго въ С. Петербургъ.

Изъ первыхъ Аглинскихъ купцовъ, которые при семъ Великомъ Государѣ прибыли въ Санктпетербургъ, былъ *Томсинъ-Фугуль и компанія*. Сей *Томсинъ*, торговавшій долгое время въ Россіи, выѣхалъ въ свое отечество уже

(*) Отъ почтеннаго старца, Московскаго купца и фабриканта *Ивана Михайловича Полуярославцова*, слышавшаго сіе отъ Голландскаго купца его пріятеля, Г. *Гутфеля*, коммисіонера *Его Величества*.

по кончинѣ *Его Величества*, съ знатнымъ капиталомъ и съ преисполненнымъ благодарности къ великому сему Монарху сердцемъ; онъ доставилъ намъ слѣдующій анекдотъ.

Первый торговый Аглинскій корабль, прибывшій къ новому С. Петербургскому Порту, не зная залива Финскаго, въ пути своемъ отъ Котлина острова до Петербурга наѣхалъ на мѣль, съ которой никакъ не могъ онъ сняться. Великій Государь, знавшій уже, когда корабль сей изъ Кроншлота отправиться былъ долженъ, поѣхалъ на встрѣчу ему, какъ и первому, въ шлюбкѣ, одѣвшись въ шиторское платье, а всѣхъ бывшихъ при немъ Господъ, должность гребцовъ исправлявшихъ, нарядилъ въ матросское. Монархъ, увидя Агличанъ трудящихся въ снятіи съ мѣли корабля своего, подъѣхалъ къ оному, и спросилъ по Голландски: что за корабль? получа же отвѣтъ, что Аглинской, но что, не зная залива сего, сбился съ фарватера и попалъ на мѣль; Великій Государь, какъ истинной Шипоръ, съ мнимыми матросами своими, тотъ же часъ принялся помогать имъ, и съ великими трудами, чрезъ цѣлой часъ

продолжавшимися, стащили его съ мѣли; и потомъ велѣлъ оному слѣдовать за шлюбкою своею, и привелъ его щасливо къ самой биржѣ. Благодѣяніе сіе было крайнѣ чувствительно Агличанину; онъ позвалъ Господина Шипора на корабль свой, и поднесъ ему лучшей шерстяной Аглинской матеріи на шипорское платье; но Господинъ Шипоръ, не взявъ подарка сего, сказалъ, что съ своего брата Шипора стыдно и грѣшно взять ему что-либо за такое дѣло, которое на морѣ имъ общее; ибо, де, легко случиться можетъ впасть и ему въ такое же нещастіе; однакоже, по усильной прозьбѣ Агличанина, обѣщалъ, въ знакъ дружбы своей, принять подарокъ его, ежели пожалуетъ онъ и съ матросами своими завтра къ нему отобѣдать. Агличанинъ сіе обѣщалъ; условились о часѣ, въ которой мнимой Шипоръ пришлетъ къ нему одного изъ своихъ матросовъ проводить въ его квартиру. Матросъ сей въ назначенной часъ къ нему явился; и Агличанинъ, нимало не воображая, чтобъ звавшій его на обѣдъ былъ другой кто, а не Шипоръ, безъ всякихъ чиновъ пошелъ съ присланнымъ.

Когдажъ сей привелъ его къ дому, предъ которымъ стоялъ на плацъ-парадѣ гвардейской караулъ, то Шипоръ спросилъ: Что это за домъ? Дворецъ Государевъ, отвѣтствовалъ провожатый. — Такъ куда же вы насъ ведете? — Къ Шипору; но я проведу васъ чрезъ Дворецъ, ибо чрезъ оной гораздо ближе, а тобъ, де, далеко было обходить. Онъ нечувствительно вводитъ его въ комнаты, и пройдя оныхъ двѣ, въ третьей Шипоръ и матросы его увидѣли одолжившаго ихъ Шипора уже въ видѣ Монарха, стоящаго съ Монархинею и окруженнаго придворными Чинами.

Можно себѣ представить, въ какое долженъ былъ онъ и матросы его приведены быть изумленіе отъ столь неожидаемыя встрѣчи. Они сдѣлались неподвижны, и не смѣли даже очей своихъ поднять; но тотъ же часъ выведены были изъ изумленія своего, когда *Его Величество*, подошедъ къ Шипору, взялъ его за руку, подвелъ къ Государынѣ, а сія крайнѣ его обласкала, и, приглася въ столовую, пошла съ нимъ въ оную; всѣ матросы туда же приглашены; Монархъ посадилъ ихъ подлѣ себя, и въ продолже-

ніе стола, разспрашивая Шипора о пути его, о товарахъ, имъ привезенныхъ и прочемъ, пилъ между тѣмъ за здоровье Короля ихъ, Парламентовъ, его Шипорское и матросовъ. Они должны были благодарить за оное подносимыми имъ кубками. Пары винные столько при концѣ стола воздѣйствовали, что нужно было ихъ отвести подъ руки на шлюбку, въ которой привезли ихъ на корабль ихъ, на коемъ уже былъ между тѣмъ поставленъ Царской караулъ для безопасности ихъ и корабля.

Въ какомъ былъ Шипоръ сей и матросы удивленіи проспавшись, удобно можетъ читатель вообразить. Агличанинъ вмѣсто назначеннаго имъ прежде мнимому Шипору подарка, того же дня поднесъ Государю и Государынѣ по штукѣ лучшаго Голландскаго полотна, и съ благоговѣніемъ изъявлялъ *Ихъ Величествамъ* благодарность свою. Подарки сіи были приняты, и онъ былъ отдаренъ за оные щедро. Предъ обратнымъ его отъѣздомъ Великій Государь, дружески съ нимъ и со всѣми матросами простяся, пожелалъ имъ добраго пути.

Я уже умалчиваю о томъ, что Монархъ споспѣшествовалъ ему, равно какъ и предупомянутому Голландскому Шипору, расторговаться съ нарочитою прибылью.

Сей великодушный Государевъ поступокъ, какъ увѣрялъ предавшій о семъ произшествіи, прославлялся во всей Англіи, и что, де, прославляться оной не престанетъ и навсегда (*).

Два сіи анекдота доказываютъ, какъ желаніе *Его Величества* привлечь въ новый и любимый свой Портъ иностранную торговлю, такъ и склонность его къ таковому роду забавъ.

31.

Колико пріятны были Монарху присутствіе духа и неустрашимость во всякомъ.

Въ теченіе Шведской войны, когда *Карлъ XII* гремѣлъ побѣдами своими въ Польшѣ и Саксоніи, ПЕТРЪ Великій,

---

(*) Отъ почтеннаго Московскаго купца Г. *Ситникова*, имѣвшаго по торговлѣ съ помянутымъ Аглинскимъ купцомъ *Томсинымъ* дружбу; а мнѣ доставленъ отъ достойнаго сына его, *Семена Дмитріевича Ситникова же.*

по мудрой осторожности, между прочимъ почелъ за нужное сдѣлать въ Кіевѣ Новопечерскую крѣпость. *Его Величество* заложилъ оную своими руками 1706 года 15 Августа, то есть, въ самый праздникъ Успѣнія Пресвятыя Богородицы, благоволилъ имѣть и обѣденной столъ у Архимандрита Печерскія Лавры.

Въ продолженіе стола, по приказу Архимандрита, долженъ былъ соборной не изъ ученыхъ, но умной старецъ, по имени *Романъ Кола*, по старинному обычаю, на большомъ подносѣ, со столькими рюмками вина, сколько присутствовавшихъ было за столомъ, обнести всѣхъ, и когда къ первому Монарху поднесъ онъ подносъ тотъ, то по неосторожности ли его, или бывъ подтолкнутъ непримѣтившимъ того Монархомъ, опрокинулъ весь подносъ на *Его Величество*, такъ что вся лѣвая сторона кафтана его облита была виномъ. Естественно должно было Государю прогнѣваться за сіе, чего всѣ, а паче Архимандритъ, со страхомъ и ожидали, какъ неминуемаго слѣдствія огорченія. Но когда однако же подносившій старецъ, ни мало не оробѣвши, съ спокойнымъ и

веселымъ видомъ въ тотъ же самый мигъ сказалъ Государю: *На кого капля, а на Ваше Величество вся благодать Божія изливается*: то Великій Государь таковымъ присутствіемъ духа старца сего такъ былъ доволенъ, что не показалъ никакого неудовольствія; но, вставши изъ за стола, поцѣловалъ его въ лобъ, и потомъ, переодѣвшись въ другомъ покоѣ, и сѣвши паки за столъ, обратилъ приключившееся, а паче рѣчь монаха, въ смѣхъ, и ко удовольствію всѣхъ, бывъ отмѣнно веселъ, хвалилъ неробкость и присутствіе духа, облившаго его.

Произшествіе сіе привело монаха сего въ такую знать, что по времени признанъ онъ былъ за достойнаго заступить мѣсто Архимандрита тоя Лавры (*).

Подобное сему произшествіе относится поньнѣ и въ духовенствѣ Малороссійскомъ, и которое не меньше

(*) Господинъ Статскій Совѣтникъ, *Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій*, сообщившій мнѣ сіе, слышалъ то неоднократно отъ дяди своего страстотерпца, Преосвященнѣйшаго *Амвросія*, знаменитаго Архіепископа Московскаго. Сего *Кони* портретъ находится въ Донскомъ монастырѣ въ кельяхъ Архимандричьихъ.

заслуживаетъ предано быть публикѣ. Оно есть слѣдующее:

По вторженіи помянутаго Короля Шведскаго, со всею его побѣдоносною арміею въ Малороссію, великій соперникъ его, противопоставляя ему вездѣ силы свои, находился самъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только требовалось присутствіе его. Въ одно время, прибывъ въ предупомянутую новопостроенную имъ Печерскую крѣпость, осмотря оную и сдѣлавъ нужныя учрежденія, и въ Лаврѣ Печерской отслушавъ святую литургію, удостоилъ посѣщеніемъ своимъ тамошняго Архимандрита въ его кельѣ, со всѣми при немъ бывшими; и по первыхъ отъ Архимандрита привѣтствіяхъ одинъ изъ соборныхъ старцовъ, по предварительно данному отъ него приказанію, изготовленной большой подносъ со множествомъ рюмокъ водки сталъ разносить; и когда подошелъ съ нимъ къ первому Монарху, то Великій Государь, занявшись на то время съ своими разговорами, не примѣтивъ подносящаго, махнувъ рукою, опрокинулъ подносъ на себя, и рюмки всѣ разбились въ дребезги.

Всѣ бывшіе тогда въ кельѣ содрогнулись, и вознегодовали на подносившаго. Архимандритъ поблѣднѣлъ, возмня, что не только монахъ, но и онъ почувствуетъ гнѣвъ *Его Величества*, а суевѣрнѣйшими принято то и за худое еще предзнаменованіе; но сверхъ чаянія присутствіе духа старца того успокоило тогда же всѣхъ. Онъ, не оказавъ ни малой робости, съ веселымъ видомъ, указавъ Монарху на разбитыя рюмки, сказалъ: *Тако сокрушиши, Великій Государь! супостатъ твоихъ*; и Монарху столь пріятно было таковое присутствіе духа въ монахѣ, что онъ не только безъ гнѣва, но и съ улыбкою отвѣчалъ ему: *Дай Богъ, чтобъ сбылось твое пророчество!* Поданъ былъ потомъ другой подносъ съ рюмками, всѣ выпили, и Государь, поблагодаря Архимандрита за угощеніе, тогожъ часа отправился въ армію.

Когда же, по одержаніи Полтавской побѣды, Монархъ, прибывъ въ Кіевъ, и въ той же Лаврѣ отслушавъ Св. литургію, благоволилъ паки посѣтить Архимандрита, то вспомнилъ о старцѣ томъ, и представленному ему сказалъ: *Пророчество, отецъ святый!*

сбылося: супостаты такъ сокрушены, какъ тѣ рюмки, кои ты сокрушилъ, опрокинувъ на меня; и похваливъ паки присутствіе духа его, тогда же далъ повелѣніе посвятить его въ знатный монастырь въ Архимадриты (*).

32.

Любопытное произшествіе при свиданіи Монарха съ Королями Польскимъ и Датскимъ.

Извѣстно, что Великій Государь многократныя имѣлъ свиданія съ Королями Польскимъ и Датскимъ. Однажды, и кажется по одержаніи уже Полтавской побѣды, бывъ они вмѣстѣ, забавлялись послѣ обѣда разными веселостями и разговорами. И когда, между прочимъ, зашла рѣчь о храбрости и безпрекословномъ повиновеніи солдатъ, то Король Датскій сказалъ: Должно неоспоримо дать преимущество его Датскимъ солдатамъ, яко старымъ и къ дисциплинѣ издавна

(*) О семъ преданіи отъ Малороссійскаго духовенства слышавъ Протоіерей Архангельскаго Собора, *Петръ Алексѣевичъ*, сообщилъ мнѣ оное. Но можетъ быть сей послѣдній анекдотъ произошелъ отъ перваго.

пріобыкшимъ; Король Польскій напротивъ отдавалъ преимущество Саксонскимъ своимъ войскамъ, приводя изъ исторіи нѣкоторые примѣры отличной ихъ храбрости. Ирой нашъ, выслушавъ оное, обратяся къ послѣднему, сказалъ: Я бы совѣтовалъ тебѣ молчать съ твоими Саксонцами; я ихъ знаю совершенно, они немного лучше трусовъ Поляковъ; а ваши (обратяся къ Датскому) солдаты, сколь они ни стары, но противъ моихъ и новыхъ никуда не годятся. Но когда они усиливалися оспоривать Монарха въ преимуществѣ солдатъ своихъ: хорошо, сказалъ потомъ Государь, сдѣлаемъ теперь пробу тому; призовите сюда по одному изъ своихъ солдатъ, кто изъ нихъ храбрѣйшій и вѣрнѣйшій, по мнѣнію вашему, и велите имъ броситься изъ окошка, покажутъ ли они къ повелѣніямъ вашимъ безпрекословную готовность; а я въ своихъ увѣренъ, ежелибъ хотѣлъ только изъ тщеславія обезчестить себя пожертвованіемъ одного изъ нихъ, тобъ каждой безпрекословно исполнилъ оное; да и настоялъ, чтобъ опытъ сей былъ сдѣланъ.

Начато сіе съ Датскаго; призванъ одинъ изъ неустрашимѣйшихъ и преданнѣйшихъ, по мнѣнію ихъ, гренадиръ. Король повелѣваетъ ему броситься изъ окна, (надобно вѣдать, что сіе произходило въ третьемъ этажѣ); гренадиръ падаетъ предъ Королемъ на колѣни, проситъ о помилованіи; но Король кажется невнемлющимъ, повторяетъ приказъ свой; гренадиръ проливаетъ слезы и проситъ, по крайней мѣрѣ, сказать вину его, и дать время на покаяніе. Ирой нашъ усмѣхнувшись говоритъ Королю: Полно, братъ! дай ему время на покаяніе, и выслалъ его вонъ; а съ твоими Саксонцами, обратяся къ Польскому, сказалъ, и пробы таковой дѣлать не надобно; опытъ сей только бы осрамилъ тебя. Наконецъ призываетъ къ себѣ Монархъ своего Офицера, велитъ ему ввести какого-нибудь изъ своихъ гренадира: вводятъ его, и Государь съ холоднымъ духомъ велитъ ему броситься изъ окна. Гренадиръ, ударя рукою по шапкѣ своей, идетъ къ окну, и перекрестяся поднимаетъ ногу на окошко. Остановись! закричалъ Монархъ, мнѣ тебя жаль, и поди вонъ. Гренадиръ оборачиваетъ-

ся, и паки дѣлаетъ честь удареніемъ рукою по шапкѣ и выходитъ.

Монархъ спрашиваетъ удивленныхъ Королей: Каковы имъ кажутся его солдаты? Признаются они, что сей подлинно неустрашимъ, и есть слѣпой исполнитель воли Государя своего; и просятъ отличить его, наградя Офицерскимъ чиномъ. Монархъ отвѣтствуетъ, что не одинъ онъ таковъ, но что и всѣ его солдаты таковы же точно; и по вашему надобно будетъ всѣхъ мнѣ пережаловать въ Офицеры. Не хотите ли, продолжалъ Монархъ, подобно же испытать и другихъ? Изберите изъ нихъ сами такого, которой бы, по мнѣнію вашему, менѣе имѣлъ духа; я увѣренъ, что и оной также поступитъ. Однакожъ Государи сіи не захотѣли пуститься на новую таковую пробу, а настояли только о пожалованіи Офицеромъ перваго. Великій Государь снисходитъ на ихъ прозьбу, призываетъ его паки, и обьявляетъ ему чинъ Офицерской; Короли же пожаловали ему по сту червонныхъ (*).

(*) Отъ г. *Крекшина*, увѣрявшаго меня лично о истиннѣ сего произшествія.

33.

Солдатъ, стоящій на часахъ, не пускаетъ Монарха въ крѣпость.

Добродѣтельный впрочемъ Императоръ Римскій *Маркъ-Аврелій* имѣлъ у себя одного сына *Коммода* и дочь *Луциллію*, выданную имъ за *Помпеяна*. *Коммодъ* поведеніями своими срамлялъ родителя и самый родъ человѣческій; а *Помпеянъ* добродѣтелями и поведеніями своими дѣлалъ ему и роду же человѣческому честь. Императоръ зналъ ихъ обоихъ совершенно; всѣ, вѣдая добродѣтели и любовь его къ подданнымъ, мнили, что онъ лишитъ наслѣдія престола сына, а удостоитъ онымъ зятя; что сдѣлать ему было тѣмъ удобнѣе, что самой законъ позволялъ отцу лишать наслѣдія сына, а усыновлять на мѣсто его, кого онъ заблагоразсудитъ: но въ томъ однако же обманулись. Онъ, по нѣжности своей къ сыну, яко къ крови своей, пожертвовалъ благомъ миліоновъ подданныхъ: но нѣжность Ироя нашего предпочла благо подданныхъ благу единороднаго же сына своего, Царевича, *Алексѣя Петровича*. Онъ, не видя

въ немъ свойствъ Царскихъ, ни желанія себя исправить, лишилъ его наслѣдія и престола. Я, говорилъ, сей отецъ отечества: *лучше отдамъ престолъ достойному чужому, нежели недостойному сыну своему* (*). Слѣдовательно,

(*) Довольно, кажется, къ заключенію о сихъ двухъ Императорахъ и одного описаннаго чувствованія ихъ въ отношеніи любви ихъ къ подданнымъ и къ общему благу Государственному. Странно однакожъ, что всѣ почти писатели представляютъ намъ перваго, по любви его къ Философіи и по правиламъ, въ превосходныхъ твореніяхъ его находящимся, образцемъ добраго Государя, основываясь на *Платоновомъ* изреченіи, *что народы будутъ блаженны, ежели Философы будутъ Царями, или Цари Философами*; странно; говорю я, сіе, когда тонкая и благоразумная критика, отдавая всю справедливость его кротости и добродѣтелямъ, находитъ въ то же время и такіе въ немъ пороки, которые помрачаютъ всѣ его добродѣтели. Вотъ какъ съ сея стороны она его изображаетъ: „*Марка-„Аврелія* страсть къ Философіи прераждалась „часто въ педанство, сопряженное съ суевѣріемъ, „которое было причиною, что предавался онъ „неоднократно великимъ дурачествамъ, собирая жрецовъ изъ всѣхъ земель, употребляя „чарованія и вводя вѣры, неизвѣстныя до „него Римлянамъ. Онъ, ища заслужить славу „Государя добраго, милостиваго и благочестиваго, впалъ въ нерадѣніе, несообразное съ „добродѣтелями Государя; и пренебрегая наказывать за преступленія, дошелъ до того, что

колико сей отецЪ подданныхЪ своихЪ долженЪ былЪ обрадоваться, когда родился у него другой сынЪ и наслѣдникЪ, котораго образовать сердце хотѣлЪ принять онЪ на себя самаго! ВЪ дѣяніяхЪ его описана уже сія

„не почиталЪ за долгЪ обЪ оныхЪ и навѣды„ваться, занимался преніями о философиче„скихЪ матеріяхЪ, и попущалЪ Губернато„рамЪ грабить провинціи; проповѣдывалЪ о „милости, о справедливости, о честности; не „имѣлЪ о правленіи даже и познанія. Покро„вительствовалЪ изключительно секту *Стои„ковЪ*, вступилЪ и самЪ вЪ оную. Частной „человѣкЪ можетЪ прилѣпиться кЪ какому„либо мнѣнію философской глупости, безЪ „всякаго изЪ того послѣдствія, но Государь „не долженЪ входить ни вЪ какую секту, ни „вЪ какую партію; онЪ есть образЪ Бога на „земли, и по примѣру его долженЪ взирать „безпристрастнымЪ окомЪ на системы, на „заблужденія, на пренія людей, и пещись равно „о благоденствіи всѣхЪ. *МаркЪ-Аврелій* даже „гналЪ ХристіянЪ по единому только излишне„му уваженію кЪ жрецамЪ и вЪ угодность Се„ната и народа, хотя и зналЪ ихЪ хорошо, „и могЪ потому отдать справедливость невин„ности и святости ихЪ нравовЪ, но не имѣлЪ ни „смѣлости, ни твердости защитить ихЪ.

„Попущеніе его вЪ разсужденіи *Фавстины*, „жены его, коей распутность волновала всю Импе„рію; СенаторЪ, Рыцарь, смѣшивались наряду у „сей новой *Мессалины*, сЪ отпущенникомЪ, „сЪ невольникомЪ, сЪ человѣкомЪ самой под„лой черни; часто призывала она предЪ себя

радость его, а здѣсь присовокупимъ къ тому еще слѣдующее того же доказательство: коль ско́ро разрѣшилась Монархиня, и дано было имя Царевичу, въ тужъ минуту послалъ Государь дежурнаго Генералъ-Адъютанта своего въ крѣпость къ Оберъ-Комменданту, дабы онъ тотъ же часъ возвѣстилъ народу сію радость пушечными выстрѣлами. Но какъ предъ тѣмъ строгое дано было отъ *Его Величества* повелѣніе, не впускать въ крѣпость никого послѣ пробитія вечерней зари, и въ слѣдствіе онаго

„гребцовъ и гладіаторовъ нагихъ и выбирала „изъ нихъ, кто казался ей способнѣйшимъ „удовлетворить ея похоти; и онъ, зная все „сіе, притворялся ничего не видѣть; и сей Го„сударь, сей великой Философъ, какъ увѣ„ряютъ, давалъ симъ осквернителямъ ложа сво„его первые чины, а по смерти толь распутной „жены внесъ ее въ число богинь, воздвигнулъ ей „храмы и чтилища, и принудилъ новобрач„ныхъ приносить жертвы новой сей богинѣ. „Съ сыномъ же своимъ поступилъ и сего хуже: „онъ ввѣрилъ воспитаніе *Коммода*, наслѣд„ника престола своего, учителямъ развращен„нымъ, и не прежде ихъ отдалилъ отъ него, „когда уже они погубили его безвозвратно; „но и сего хуже, когда новые данные ему учи„тели показались сему сыну его строгими, „то сей отецъ оказалъ слабость приставить

каждому часовому отдаваемъ былъ сей приказъ Монаршій: то стоявшій на часахъ при входѣ въ крѣпость изъ новонабранныхъ солдатъ, остановилъ сего Генералъ-Адъютанта, говоря: поди прочь! не велѣно никого впускать. — Меня Государь послалъ за важнымъ дѣломъ. — Я того не знаю, а знаю то одно, что не велѣно мнѣ никого впускать; и я застрѣлю тебя, ежели не отойдешь. — Нечего было дѣлать; онъ возвращается къ Государю и доноситъ сіе. Нетерпѣливый Монархъ въ сюртукѣ, безъ всякихъ отличій идетъ самъ въ крѣпость — и говоритъ тому же часовому: Госпо-

---

„къ нему паки прежнихъ наставниковъ, до„вершившихъ развратность его. Не лучше ли „бы было, ежелибъ вмѣсто всей философиче„ской наружности, которую *Маркъ-Аврелій* „за собою таскалъ, вмѣсто всѣхъ прекрасныхъ „нравоучительныхъ изреченій, которыя съ „жаромъ проповѣдывалъ, вмѣсто ряды Грече„скихъ Софистовъ, коею окутывалъ себя, „смотрѣлъ за поведеніемъ жены, за вос„питаніемъ сына, и естьли бы оставилъ Им„періи наслѣдника, правящаго ее съ мудростію, „а не чудовища, послужившаго ей посрамле„ніемъ и тиранномъ?"

Читатель изъ противоположности сего описанія можетъ теперь лучше сдѣлать заключеніе о ПЕТРѢ Великомъ.

динъ часовой! впусти меня. — Не впущу, отвѣтствуетъ солдатъ. — Я тебя прошу. — Не впущу, повторяетъ онъ — Я приказываю — А я не слушаю. — Да знаешь ли ты меня? — Нѣтъ — Я Государь твой. — Не знаю, а знаю то одно, что онъ же запретилъ никого не впускать. — Да мнѣ нужда есть — Ничего я слышать не хочу. — Богъ даровалъ мнѣ сына, и я спѣшу обрадовать народъ пушечными выстрѣлами. — Наслѣдника? вскричалъ часовой съ восхищенiемъ, полно правда ли? — Правда, правда. — А когда такъ, что за нужда! пусть хотя разстрѣляютъ меня завтра! поди и обрадуй народъ сею вѣстью.

Великiй Государь на минуту заходитъ къ Оберъ-Комменданту, обьявляетъ о рожденiи сына своего, повелѣваетъ тотчасъ возвѣстить народу радость сiю сто однимъ выстрѣломъ пушечнымъ, поспѣшаетъ въ Соборъ, приноситъ усерднѣйшее благодаренiе Господу при звонѣ колокольномъ; а солдата того жалуетъ сержантомъ и десятью рублями денегъ (*).

(*) Отъ Г. Коллежскаго Совѣтника *Василья Өедоровича Братищева*; и сей же анекдотъ

34.

Солдатъ на часахъ едва не закололь Князя Меншикова.

ПЕТРЪ Великій, имѣвшій нужду душевныя силы свои, истощаемыя всегдашними напряженіями размышленій, облегчать, удалялся иногда для сего въ свою токарню, и занимался трудами рукъ своихъ, что было единымъ его отдохновеніемъ. Въ одно изъ таковыхъ время, проходя въ свою токарню, приказалъ солдату, стоявшему у дверей оныя на часахъ, не впускать къ себѣ никого во все время пребыванія своего въ оной. Чрезъ четверть часа пришолъ Князь *Меншиковъ*; и спрося у часоваго: здѣсь ли Государь? хотѣлъ войти къ нему. Но солдатъ отвѣчалъ: Государь здѣсь, но не велѣлъ никого къ себѣ пускать. Меня ты можешь впустить, сказалъ Князь. Не пущу, отвѣтствовалъ паки солдатъ. Но ты знаешь, кто я. — Знаю, но не пущу. — Я имѣю до Государя нетерпящую времени нужду. — Что ты ни говори, а я знаю приказанное мнѣ. — Вѣдаешь ли ты,

---

сокращенно напечатанъ и въ Меркуріи С. Петербургскомъ, часть IV, стр. 174.

дерзкой, что я, какъ командиръ твой, велю тебя тотчасъ смѣнить и жестоко наказать? — Послѣ часовъ ты воленъ поступить со мною какъ хочешь, но прежде времени смѣнить меня не можешь; а и тогда долженъ я смѣняющему меня отдать сей же приказъ Государевъ. — *Меншиковъ* въ досадѣ хотѣлъ было, оттолкнувъ часоваго, войти; но сей, уставя противъ груди его штыкъ: Отойди! закричалъ грозно, или я тебя заколю. Князь принужденъ былъ отступить на нѣсколько шаговъ отъ яростнаго устремленія солдата. Шумъ, сдѣлавшійся отъ сего, услышавъ Монархъ, отворилъ двери, и увидя солдата, въ позитурѣ такой стоящаго, спросилъ: Что это такое? *Меншиковъ* разжаловался на солдата, что едва было онъ его не закололъ. Монархъ спросилъ у часоваго о причинѣ таковаго поступка его. Вы приказали мнѣ, отвѣтствуетъ солдатъ, не впускать къ себѣ никого, а онъ хотѣлъ было силою войти, оттолкнувъ меня; и мнѣ не оставалось инаго дѣлать, какъ заколоть его, ежелибъ онъ еще усиливаться сталъ; при чемъ разсказалъ и весь свой разговоръ съ Княземъ и угрозы его себѣ.

Великій Государь, выслушавъ сіе, сказалъ *Меншикову*: *Даниловичъ! онъ больше знаетъ свою должность, нежели ты. Мнѣбъ жаль было, ежели бы онъ закололъ тебя; и тыбъ пропалъ вмѣсто собаки.* По сему строго запретилъ ему наказывать солдата, похвалилъ поступокъ его, пожаловалъ ему пять рублей; и тогда же приказалъ придворному живописцу своему, на дверяхъ комнаты той изобразить часоваго сего въ такой точно позитурѣ, въ какой видѣлъ его Монархъ, отворя двери.

Слышавшій сіе Господинъ Статскій Совѣтникъ *Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ* отъ дяди своего *Ильи Ѳедоровича Ушакова же*, служившаго при *Его Величествѣ* въ томъ же полку Каптенармусомъ, заключаетъ, что онъ самъ, будучи Каптенармусомъ же Гвардіи, въ 1756 и 57 годахъ, видѣлъ еще сіе изображеніе при входѣ изъ сѣней въ бывшую Государеву токарню въ старомъ лѣтнемъ дворцѣ, что близъ рѣки Фонтанки.

Таковы были солдаты ПЕТРОВЫ, таковы они и нынѣ!

35.

Солдатъ изъ новобранныхъ на часахъ.

Одинъ изъ новобранныхъ солдатъ стоялъ на караулѣ въ такомъ мѣстѣ, куда, думалъ онъ, не придетъ такъ скоро командиръ его, всего же меньше ожидалъ онъ тогда самаго Государя, потому больше, что уже время было обѣденное. Сей постъ его былъ на самомъ берегу Невы или Невки; и какъ время было весьма жаркое, то и вздумалъ онъ раздѣться и искупаться. Но сверхъ чаянія своего увидѣлъ идущаго къ его посту Государя, и такъ уже близко, что успѣлъ онъ, выскочивъ изъ воды, надѣть на себя одно только исподнее платье, шляпу и перевязь, и подхватя ружье и ставъ въ позитуру, отдалъ онымъ честь и продолжалъ стоять вытянувшись. По строгости, съ каковою Монархъ желалъ, чтобъ хранима была воинская дисциплина, казалося, что онъ велитъ его какъ преступника наказать; но вмѣсто того не могъ, смотря на него, не разсмѣяться, сказавъ сопровождающимъ себя: *хоть голъ да правъ.* Онъ спросилъ солдата, давно ли въ службѣ? Недавно, отвѣчалъ часовой.

Знаешь ли ты, продолжалъ Государь; что велѣно дѣлать съ тѣми часовыми, которые оставляютъ постъ свой и кидаютъ ружье, какъ сдѣлалъ ты? Виноватъ, сказалъ солдатъ. Ну! быть такъ, заключилъ Государь, прощается сіе тебѣ какъ новику, но берегись впередъ дерзнуть что - либо сдѣлать сему подобное (*).

36.

Щедрость Монаршая въ награжденіи заслугъ.

Великій Государь, имѣя даръ проницать характеры людей, увидѣвъ полку своего Преображенскаго солдата, стоявшаго на часахъ, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ ему въ глаза, полюбилъ его и взялъ къ себѣ въ ординарцы. Сей солдатъ есть *Александръ Ивановичъ Румянцовъ* изъ Дворянъ, однакожъ очень бѣдныхъ. Разторопность, вѣрность и честность его пріобрѣли скоро всю къ нему довѣренность Великаго Государя; онъ пожаловалъ его сержантомъ въ тотъ же полкъ, и

(*) Отъ Г. *Крекшина*; и сіе же сокращенно помѣщено въ Меркуріи Санктпетербургскомъ.

вЪ семЪ званіи употребляемЪ былЪ отЪ *Его Величества* во многія важныя посылки, которыя всѣ исполнялЪ онЪ кЪ удовольствію Монарха. По заслуженіи же достоинства Капитана Гвардіи, еще важнѣйшія возлагались на него коммисіи, вЪ числѣ каковыхЪ было и сысканіе бѣжавшаго и сокрывавшагося Царевича. А по сей мѣрѣ довѣренности умножалась кЪ нему и благосклонность Монаршая; и онЪ сЪ такою всегда свободою говаривалЪ сЪ *Его Величествомъ*, какую только раждаетЪ непорочность сердца и служенія; онЪ жаловался иногда Государю на свои недостатки, но всегда получалЪ на то отвѣтЪ: *подожди!* По крайней мѣрѣ изЪясните мнѣ, сказалЪ наконецЪ РумянцовЪ *Его Величеству*: чтожЪ за причина, что, удостоивая меня всей вашей довѣренности, заставляете меня вЪ то же время претерпѣвать и вЪ самомЪ нужномЪ недостатки? — Надобно научиться терпѣнію, отвѣтствовалЪ МонархЪ; я уже тебѣ не однажды сказывалЪ, подожди! пока рука моя развернется, а тогда посыплется на тебя всякое обиліе.

Но какЪ между тѣмЪ всѣ большіе Господа видѣли кЪ нему Монаршее

благорасположеніе, и не сомнѣвались, чтобъ онъ со временемъ не былъ однимъ изъ его любимцовъ; то по сему одинъ изъ нихъ . . . . . и предложилъ ему въ невѣсты дочь свою съ тысячью душъ приданаго. Въ положеніи, въ какомъ былъ тогда Гнъ *Румянцовъ*, казалось ему предложеніе сіе столь великимъ, сколь и неожидаемымъ щастіемъ. Онъ принялъ оное съ изъявленіемъ признательнѣйшія благодарности. Условленось и назначенъ день бала и сговора, естьли только будетъ на то соизволеніе *Его Величества.*

Восхищенный таковымъ щастіемъ Гнъ. *Румянцовъ* приходитъ къ Монарху, и падши ему въ ноги, открываетъ все то, и молитъ дать на оное соизволеніе свое. Монархъ, поднявши его, спрашиваетъ, видѣлъ ли онъ невѣсту, и хорошаль она? — Не видалъ; но слышу, что она недурна и неглупа. — Слушай *Румянцовъ!* сказалъ Государь, балу быть я дозволяю, а отъ сговору удержись; я самъ буду на балѣ и посмотрю невѣсту; и буде она достойна тебя, то не буду препятствовать твоему щастію.

Въ назначенной вечеръ бала съѣхались къ отцу невѣсты всѣ родственники, пріятели и женихъ; и ожидавъ Монарха часу до десятаго, заключили, что *Его Величество*, занявшись какимъ важнымъ дѣломъ, не будетъ уже, и балъ открылся; но Монархъ однако при началѣ бала пріѣжжалъ тайно въ санкахъ; и какъ двери въ залу были отворены, то онъ, замѣшавшись между людьми, увидѣлъ невѣсту; и сказавъ про себя, но такъ, что слышать могли и другіе, въ дверяхъ стоявшіе: *ничему не бывать!* уѣхалъ. Хозяинъ и женихъ узнаютъ о семъ и приходятъ въ крайнее безпокойство.

На другой день Гнъ. *Румянцовъ* съ весьма печальнымъ видомъ предстаетъ предъ Монарха, и *Его Величество*, лишъ только увидѣлъ его, сказалъ: Нѣтъ, братъ, невѣста тебѣ не пара и свадьбѣ не бывать: но не безпокойся симъ, я твой сватъ; положись на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую. А чтобъ сего вдаль не откладывать, то приходи ввечеру, и мы съ тобою поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ль я говорю. И такъ Монархъ пріѣхалъ съ нимъ къ Графу

Матвѣеву и сказалъ хозяину: У тебя есть невѣста, а я привезъ ей жениха. Толикая нечаянность смутила крайне отца, потому паче, что казался ему женихъ недостойнымъ дочери его, яко не изъ родословныхъ Бояръ. Монархъ, тотчасъ проникши въ мысль его, сказалъ: Ты знаешь, что я его люблю, и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими. Нечего было дѣлать, какъ согласиться на желаніе такого свата, словомъ: дочь его, *Марья Андреевна*, тогда же объявлена невѣстою Гна. *Румянцова*, и ударено въ присутствіи Монарха по рукамъ; вскорѣ же за симъ воспослѣдовала и свадьба.

Молодой, толь щастливо сочетавшись, не скорбѣлъ уже больше о томъ, что никакой не получалъ отъ Монарха награды; чрезъ краткое однакожъ время, Великій Государь былъ на балѣ у Князя *Меншикова*, на которой приглашены были и молодые сіи; и въ самое то время, когда молодая танцовала, *Его Величество*, написавъ цыдулку свернулъ и велѣлъ оную отдать *Румянцову*, а сей получа ее положилъ въ карманъ, не читая; ибо не думалъ, чтобъ она заключала

въ себѣ такую важность, которая бы не терпѣла времени. Великій Государь, видя, что его не благодарятъ, приказалъ своему Адъютанту спросить у *Румянцова*, прочелъ ли онъ цыдулку? Можно себѣ представить ту радость, которую онъ ощутить былъ долженъ, увидя въ ней сверхъ чаянія пожалованна себя знатнымъ чиномъ..(*) и больщими волостьми крестьянъ. Онъ находитъ свою супругу танцующую, и не ожидая окончанія танца, беретъ ее за руку, выходитъ изъ круга, объявляетъ ей милость сію, приходятъ оба къ Государю, повергаются къ ногамъ его, и изъявляютъ со слезами благодарность свою. Тогда Великій Государь сказалъ молодому: Я вить тебѣ говорилъ, чтобъ ты подождалъ, пока развернется рука моя; теперь она развернулась (**).

(*) Бригадира. Предавшій мнѣ сіе забылъ число душъ, пожалованныхъ ему, только, де, много.

(**) Отъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Михайла Ивановича Веревкина.* Я самъ имѣлъ удовольствіе слышать о всемъ семъ отъ знаменитыя Графини *Марьи Андреевны*; но какъ не думалъ я тогда писать дѣяній Ироя моего, то, къ сожалѣнію моему, и не за-

Впрочемъ и заслуги сего мужа Отечеству были велики; но то, что произвелъ онъ такую отрасль, каковъ былъ Ирой нашего вѣка Графъ *Петръ Александровичь Румянцовъ - Задунайскій*, дѣлаетъ его въ Исторіи безсмертнымъ.

37.

Монархъ разъѣзжаетъ ночью по Москвѣ; видитъ большой свѣтъ въ домѣ одного Секретаря, заѣзжаетъ въ оной. Увѣщаніе его хозяину дому сего.

По окончаніи происходившихъ въ Москвѣ о Полтавской побѣдѣ празднествъ, въ Январѣ 710 года, Великій Государь, по обыкновенію своему, разъѣзжалъ нерѣдко ночью по улицамъ Московскимъ въ санкахъ съ однимъ только деньщикомъ своимъ. Намѣреніе таковыхъ разъѣздовъ его состояло

писалъ того, а по прошествіи немалаго времени всего слышаннаго мною отъ Ея Сіятельства припомнить не могъ; слѣдственно утверждаюсь токмо на Г. *Веревкинѣ*. Знаменитые потомки сего ПЕТРОВА любимца, ежели заблагоразсудятъ, могутъ на сіе сдѣлать свои замѣчанія и сообщить ко мнѣ, по которымъ я при другомъ изданіи сихъ анекдотовъ и исправлю.

въ томъ, чтобъ смотрѣть за стражею и тишиною города. Въ одну изъ сихъ поѣздокъ, былъ съ нимъ деньщикъ его *Полозовъ.* Въ 1 часу по полуночи Монархъ, усмотря въ одномъ домѣ великой свѣтъ, останавливается, посылаетъ того деньщика провѣдать, кому принадлежитъ домъ соть. Сей, возвратяся тотъ же часъ, доноситъ, что оной принадлежитъ одному Секретарю. Врёшь, сказалъ Государь, поди удостовѣрся подлиннѣе. Деньщикъ, возвратяся, подтвердилъ прежнее, и Секретарь сей есть Помѣстнаго Приказа, у котораго нынѣ были крестины сыну его; и онъ пируетъ съ гостьми.

Монархъ въѣзжаетъ безъ шуму на дворъ, входитъ въ покои; и найдя множество пирующихъ гостей, сказалъ: Богъ помочь Господа! Можно себѣ представить, въ какое замѣшательство притти должны гости, особливо же хозяинъ; однакожъ Великій Государь ласковымъ обращеніемъ своимъ успокоиваетъ всѣхъ, и говоритъ хозяину: Мнѣ показался необыкновеннымъ свѣтъ въ домѣ вашемъ, и я изъ любопытства заѣхалъ къ вамъ; и узналъ на крыльцѣ, что у васъ

креспшины новородившемуся сыну вашему, и причиною свѣша шакого креспинной пиръ; — шакъ поздравляю шебя съ сыномъ: какъ его зовушъ? примолвилъ Государь, какова родильница? и можно ли мнѣ ее видѣшь? и по семъ, въ предшесшвіи хозяина, входишъ въ спальню къ родильницѣ, поздравляешъ и ее съ сыномъ, цѣлуешся съ нею и кладешъ на зубокъ рубль. Хозяинъ подносишъ *Его Величеству* сладкой водки. Монархъ, прикушавъ оную, спросилъ: Нѣшъ ли анисовой? — Есшь, Всемилосшивѣйшій Государь, ошвѣшсшвуешъ хозяинъ. Перемѣнена рюмка, и Монархъ, выпивъ до половины оной, обозрѣлъ все убрансшво спальни и комнашъ, и наконецъ, пожелавъ всѣмъ веселишься, уѣжжаешъ.

Поушру рано посылаешъ караульнаго своего Офицера въ домъ Секрешаря сего; велишъ его взяшь; но не шревожь, примолвилъ Монархъ, родильницы, и для шого дождись у ворошъ выходу его, и взявъ привези въ Преображенскъ. Сіе исполнено; Монархъ былъ уже въ помянушомъ Приказѣ.

Великій Государь, поблагодаря его за вчерашнее угощеніе, спрашиваешъ,

изъ Дворянъ ли онъ? и имѣетъ ли у себя помѣстье? и буде имѣетъ, сколько получаетъ съ онаго доходу? Трепещущій Секретарь отвѣтствуетъ, что онъ не изъ Дворянъ, а подьяческой сынъ, и что помѣстья и крестьянъ не имѣетъ. Богату ли взялъ ты за себя жену? паки вопрошаетъ Государь. Не богату, отвѣтствуетъ онъ. — Изъ какихъ же доходовъ нажилъ ты такой домъ, и такіе дѣлаешь пиры? Секретарь падаетъ на колѣни и доноситъ: Все, что ни имѣю я, Всемилостивѣйшій Государь, нажито мною отъ подарковъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ Приказѣ тяжебныя дѣла; и сколько могъ упомнить, объявляетъ именно, сколько кто изъ нихъ ему далъ деньгами и припасами. Чистосердечное таковое признаніе пріемлетъ Государь милостиво. Я вижу, что ты не плутъ, и за признаніе твое Богъ тебя проститъ; но съ тѣмъ однакожъ, что буде ты изъ посяжки такой что возмешь, будешь дѣла волочить, наровя знатному, то поступлено будетъ съ тобою какъ съ преступникомъ. Обрадованный Секретарь толикою милостію, повергается къ ногамъ Государя, и клянется,

что онъ и прежде того не дѣлалъ и дѣлать не будетъ, и ни съ кого уже впредь ничего не возметъ. — Изъ благодарности послѣ справедливаго рѣшенія дѣла, по коему ты трудился, говоритъ ему паки Государь, можешь присылаемые къ тебѣ запасы взять, но отнюдь не прежде окончанія дѣла, и не прижимая тяжущихся, и берегись, пригрозя ему пальцомъ: всѣ твои поступки не скроются отнынѣ отъ меня.

Потомъ Монархъ, разчисливъ по получаемому имъ жалованью и законнымъ доходамъ, полагая въ то число и доброхотно изъ благодарности отъ Дворянъ присылаемые ему столовые припасы, назначилъ, сколько и на что долженъ онъ издерживать, и отнюдь не жить пышнѣе, и такихъ пировъ, какой онъ видѣлъ у него, не дѣлать. *Разсуди*, продолжалъ Государь, *ежели будутъ такіе дѣлать разходы Секретари, какіежъ уже въ сравненіи съ ними дѣлать должны Судьи, какіе Сенаторы, и какіе самъ Государь?* и наконецъ изъяснилъ ему именно, какое можетъ произойти зло изъ несоразмѣрныхъ доходамъ разходовъ, и сколь нужно удерживать каждаго отъ таковаго

расточенія, и дабы всякой, по пословицѣ, по одежкѣ протягивалъ ножки.

Послѣ сего Великій Государь развѣдалъ, что Секретарь сей подлинно былъ человѣкъ честной, благодарной и въ должности своей исправной. Таковое нравоученіе чаятельно было памятно во всю жизнь Секретарю сему, и всѣмъ тѣмъ, которымъ оное извѣстнымъ учинилось (*).

Изъ многихъ мѣстъ Исторіи *Его Величества*, какъ и изъ сего и другихъ ниже помѣщенныхъ анекдотовъ видимъ мы, коль великое попеченіе прилагалъ онъ, чтобъ между подданными была соблюдаема во всемъ умѣренность, а сіе приводитъ мнѣ на память мудрое о ней разсужденіе одного писателя. „Умѣренность (говоритъ онъ) есть всегда продолжающееся веселіе; она дѣлаетъ душу „свободною, довольною и способною „ко всѣмъ впечатлѣніямъ; тѣло здоровымъ, чувства изощренными, и колесо жизни нашея сохраняетъ въ „долговременномъ его обращеніи; она „веселіе юности, младость старости,

(*) Анекдотъ сей предалъ намъ самъ г. *Полозовъ*, бывшій уже въ глубокой старости.

„утѣха въ нещастіи и сопутешествен-
„ница всѣхъ радостей Природы - - - -
„Ни единъ изъ звѣрей не преступаетъ
„законовъ ея; единая только неумѣ-
„ренность человѣковъ даетъ имъ бѣд-
„ственную способность преходить
„чрезъ границы Природы, и всѣ горести,
„болѣзни, преступленія, страсти, не-
„щастія и неисчислимое множество
„золъ не токмо на себя, но и на не-
„щастныхъ потомковъ, невинныхъ
„жертвъ неумѣренности ихъ, на-
„влекаетъ."

38.

Монархъ подобно же разъѣжжаетъ по Москвѣ въ розвальняхъ, и наказываетъ озорничество.

Въ другой разъ Великій Государь къ такому же ночному разъѣзду благоволилъ употребить простыя розвальни, имѣя при себѣ одного же деньщика и кучера, которому, между прочимъ, приказано было ѣхать чрезъ Воскресенскія ворота. Предъ прибытіемъ же къ онымъ старинная карета о шести лошадяхъ, въ воротахъ оныхъ, наѣхавъ на другія розвальни же, задѣла за оныя и опрокинула;

и какъ такимъ случаемъ карета остановилась: то прежде, нежели оныя подняты и карета могла разъѣхаться, сидѣвшій въ оныхъ вытерпѣлъ отъ форрейтора и кучера нѣсколько ударовъ бичемъ. Въ сіе-то самое время розвальни Государевы прибыли къ воротамъ. Кучеръ и лакеи, увидя ихъ, кричали: а тамъ что за чортъ въ коробѣ? Монархъ привставши отвѣтствовалъ: не равенъ чортъ въ коробѣ; и тотъ же часъ велѣлъ деньщику помочь выправить опрокинутыя розвальни, остановить рыдванъ и узнать, кто въ немъ ѣдетъ? Стоило только произнести деньщику одно слово, то есть, что самъ Государь въ тѣхъ розвальняхъ, шумъ утихъ, розвальни выпровожены за вороты, и рыдванъ остановился. Деньщикъ доноситъ *Его Величеству*, что въ розвальняхъ ѣхалъ соборной дьяконъ; что кучеръ, правившій рыдваномъ, изъ одного озарничества опрокинулъ розвальни, и прибилъ дьякона, и что карета принадлежитъ такому-то боярину, и въ ней ѣдетъ его боярская жена.

Монархъ велѣлъ деньщику дать кучеру и форрейтору по нѣскольку ударовъ палкою, а боярынѣ выгово-

рить за потворство ихъ людямъ, и проч.

Поутру же *Его Величество* того же деньщика своего послалъ къ боярину тому съ таковымъ же выговоромъ, и съ повелѣніемъ, высѣчь при немъ деньщикѣ кучера, форрейтора и лакея, бывшаго при каретѣ, а за побои и за обиду, причиненныя дьякону, заплатить ему 50 рублей, и что, естьли впредь случится подобное какое-либо отъ людей его нахальство и озарничество, то за все то отвѣтствовать будетъ онъ (*).

39.

Одинъ выборной, будучи при питейномъ сборѣ, похитилъ изъ казенныхъ денегъ нѣкую сумму, раскаялся въ томъ, поднесъ оную самому Государю и получилъ отъ него прощеніе.

Въ сію же бытность *Его Величества* въ Москвѣ, одинъ изъ купцовъ,

(*) Дьяконъ сей, бывъ уже Священникомъ, въ старости своей все сіе разсказывалъ одному изъ знакомцовъ моихъ; но сей, не записавъ именъ ни дьякона, ни боярина того, чрезъ долго прошедшее время не могъ оныхъ вспомнить.

бывшій за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ выборнымъ при питейныхъ, или, какъ называли тогда, при кабацкихъ сборахъ, изъ выручаемыхъ и казнѣ принадлежащихъ денегъ присвоилъ себѣ, или, сказать лучше, похитилъ сумму, состоящую въ нѣсколькихъ тысячахъ рублей; но бывъ столько еще честенъ, что чувствовалъ всегдашнее о томъ угрызеніе совѣсти, открылъ оное на исповѣди отцу своему духовному. Но добродѣтельный и умный Священникъ тотъ сказалъ ему, что таковаго роду грѣховъ не имѣетъ онъ власти разрѣшать и прощать; а должно загладить грѣхъ сей возвращеніемъ похищенныхъ имъ денегъ казнѣ, коей онѣ принадлежали. Кающійся отвѣтствовалъ на сіе, что онъ весьма бы охотно и давно сіе учинилъ, но боится гнѣва Царева, и быть причиною нещастія жены и дѣтей своихъ. Священникъ настоялъ однакожъ о непремѣнномъ онаго исполненіи, буде желаетъ онъ загладить грѣхъ сей, удостовѣряя его при томъ, что яко отецъ Евангельскій принялъ раскаяніе заблуждшаго сына, тако приметъ и его раскаяніе Государь; и совѣтовалъ

сію сумму поднести самому Монарху, не опасаяся прогнѣвить его тѣмъ.

Совѣстный купецъ пріемлетъ искреннимъ сердцемъ совѣтъ отца своего духовнаго, полагаетъ всю сію сумму золотомъ на серебреное блюдо, приходитъ къ Монарху, поставляетъ блюдо съ деньгами, повергается въ ноги къ Государю, и, признаваяся въ похищеніи казны его, молитъ простить ему преступленіе сіе, и похищенныя имъ деньги милостиво отъ него принять.

Великій Государь приказываетъ ему встать и говоритъ: Богъ тебя проститъ! но скажи, при какомъ случаѣ присвоилъ ты себѣ сіи казнѣ принадлежащія деньги, и кто тебѣ присовѣтовалъ возвратить оныя мнѣ? Обрадованный сею милостію купецъ открываетъ то и другое искреннѣе.

Великодушный Государь толико былъ симъ раскаяніемъ и совѣтомъ Священника тронутъ, что немалую часть изъ принесеннаго тогда же пожаловалъ купцу сему, говоря: знаю я, что ты употребишь оныя на Богоугодныя дѣла; а Священника, призвавши къ себѣ, похвалилъ его благоразуміе и толь добродѣтельный посту-

покъ, пожаловалъ ему сто червонныхъ и на рясу Китайскаго атласу.

Мы впрочемъ во всѣхъ дѣяніяхъ Великаго сего Государя видѣли, что какое бы кто ни сдѣлалъ преступленіе, прощалъ оное, естьли только усматривалъ истинное раскаяніе и признаніе въ преступникѣ; и въ такомъ случаѣ обыкновенное слово его было: *Богъ тебя проститъ!* Коль же скоро единожды произнесено было имъ Священное имя Божіе, никогда уже не нарушалъ онаго неисполненіемъ запечатлѣннаго, такъ сказать, симъ великимъ именемъ даннаго своего слова.

Анекдотъ сей доставленъ намъ отъ любимаго Монархомъ Московскаго купца и шелковой фабрики содержателя, почтеннаго старца, *Ивана Михайловича Полуярославцова*, такъ какъ и другой слѣдующій за симъ (*).

40.

Снизхожденіе, милосердіе и правосудіе.

Государь въ одномъ изъ воинскихъ своихъ походовъ, не могши ѣхать онъ

(*) Мнѣ же сообщены оные отъ сына его *Алексѣя Ивановича Полуярославцова* которой сіе отъ родителя своего при многихъ случаяхъ слышалъ произносящаго ихъ со слезами.

весьма испорченныхъ дорогъ, а не меньше, дабы и солдатамъ своимъ къ безропотному снесенію труднаго похода того подать собою примѣръ, шелъ немалое разстояніе съ ними самъ. Утружденный походомъ тѣмъ Монархъ во время роздыха войска бросился на траву, и — велѣвъ одному солдату сѣсть подлѣ себя, легъ положа голову свою на колѣняхъ его. Солдатъ, дабы лучше покоиться на колѣняхъ его главѣ Монарха, нѣсколько поправлялся. Государь, не понявъ причины того, спросилъ его: не тяжело ли тебѣ, товарищъ, держать меня? — „Нѣтъ „Государь, отвѣчалъ солдатъ, бремя „мое легко; я охотно за васъ пролью „и послѣднюю каплю крови моей; но „тяжело мнѣ одно то, что ты пожаловалъ деревню нашу Господину „*Головкину*, въ которой немалое число поселенныхъ было однодворцовъ, „изъ числа которыхъ были отецъ мой, „братья, жена моя и я, и которые „потому сдѣлались крѣпостными, а „я отданъ въ солдаты.“ Монархъ, выслушавъ покойно солдата, спросилъ: правду ли ты говоришь? — Правду, отвѣчалъ солдатъ, и доказалъ истинну того довольно внятно.

По прошествіи шести или осьми мѣсяцовъ, Великій Государь, прибывши въ С. Петербургъ, въ первомъ присутствіи своемъ въ Сенатѣ велѣлъ выправиться о той пожалованной съ прочими деревнѣ *Головкину*, и были ли въ ней однодворцы? И какъ по выправкѣ найдено, что солдатъ говорилъ правду, то *Его Величество* и приказалъ деревню оную причислить паки къ казеннымъ и возвратить права обитавшимъ въ ней однодворцамъ, а солдата, наградя капраломъ, уволить отъ службы; на мѣсто же той деревни пожаловалъ *Головкину* другую, изъ толикихъ же душъ состоявшую (*).

(*) Анекдотъ сей сообщенъ мнѣ отъ неизвѣстной особы, послѣ изданія XVII Тома Дополненія къ Дѣяніямъ, содержащаго анекдоты, которой въ семъ мѣстѣ восклицаетъ тако: *не всякой ли скажетъ, какая память! какое милосердіе! какая разсмотрительность! — Чтожъ бы заслужили у него Кейты и Шверины?*

Имена сіи помѣщаетъ онъ съ намѣреніемъ, чтобъ показать различіе между ПЕТРОМЪ I и *Фридерикомъ II*, и приводитъ въ доказательство того слышанные имъ отъ одного Прускаго Офицера слѣдующіе о немъ анекдоты.

I. Король сей, славнаго въ Европѣ Инженера *Лефебра*, за то, что упали своды выстроен-

41.

Нѣжность сыновняя, и великодушіе Государево.

Стольникъ *Желябужской* впалъ въ такое преступленіе, которое, по справедливости, заслужило публичное наказаніе и ссылку, къ чему воинскимъ судомъ и былъ онъ приговоренъ, и приговоръ тотъ подтвержденъ

ныхъ имъ казармъ, довелъ до того, что онъ принужденъ былъ убить себя, давъ 30 ранъ перочиннымъ ножикомъ.

II. Другой знатной же Архитекторъ, выговорившій однажды друзьямъ своимъ о бѣдности своей и о скупости Королевской, и что Король, узнавши о сей жалобѣ его, не показывая виду неудовольствія, велѣлъ ему состроить для одного знатнаго преступника тюрьму, и, по сдѣланіи оной, его самаго заключа въ нее, приказалъ двери заклаеть кирпичемъ, замазать известью и засыпать землею.

III. Камердинеръ Его Прускаго Величества обѣщалъ бѣдному одному Офицеру просить Короля о награжденіи его, и что Король, узнавшій о семъ, далъ повелѣніе Камердинера сего арестовать, и сей нещастный, не дожидаясь аресту своего, застрѣлился.

IV. Одна нещастная мать, потерявъ семь сыновъ своихъ убитыхъ въ службѣ Королевской, упала на вахтъ-парадѣ къ ногамъ его, просила о милости посѣтить бѣдное ея, недалеко отстоящее жилище. — Король вошелъ въ ея

правосуднымъ Монархомъ. Сынъ его, человѣкъ молодой и видной, узнавшій о таковомъ приговорѣ, при выходѣ Государя изъ Дворца палъ къ стопамъ его и со слезами возопилъ: Надежа Государь! не дерзаю умолять тебя, меньше же негодовать на приговоръ, учиненной судомъ отцу моему, зная, что оной правосуденъ, а прошу только, изъ единаго милосердія твоего, преступленіе отца моего и заслуженное имъ наказаніе перенесть на меня. Онъ, при старости и слабости своей,

---

домикъ, и мать, обливаяся слезами, указавъ Его Величеству на портреты тѣхъ дѣтей своихъ, просила о помощи въ бѣдности своей. — Король, посмотря на портреты пристально, и, указавъ бывшимъ съ нимъ на одинъ изъ нихъ, сказалъ: естьли бы сего не убили, то былъ бы онъ великимъ Генераломъ. И послѣ сего, не говоря ни слова, вышелъ, и въ семъ-то одномъ состояла вся награда бѣдной матери.

V. Солдатъ, у коего оторвана была пушечнымъ ядромъ правая рука, по излѣченіи подошедъ къ Королю сказалъ: „Государь! знаю я, „что ты справедливъ и не любишь дѣлать тунеядцамъ награжденій; знаю и то, что ты „строгъ и иногда до жестокости; но прошу, „Ваше Величество, дать мнѣ пропитаніе для „того, что я не могу ни на что теперь упо„требить себя, потерявъ правую руку въ служ„бѣ вашей.“ — Король, не поднимая глазъ, вы-

наказанія таковаго перенести не можетъ, а я, по молодости и крѣпости моей, удобно оное снесу и заплачу тѣмъ ему за рожденіе свое. А симъ образомъ безъ нарушенія правосудія твоего спасу мать мою, которая не можетъ перенести толь горестнаго лишенія мужа, а малолѣтныхъ моихъ братьевъ и сестръ избавлю отъ несноснаго сиротства и безчестья всего рода нашего.

Таковою нѣжностію сыновнею къ отцу чувствительно тронутый Го-

---

нулъ изъ кармана два талера, подалъ солдату, и оборотяся пошелъ отъ него. Бѣдность, растрогана бывъ такимъ же жестокосердіемъ, принудила его въ отчаяніи схватить Короля за фалду мундира, и остановя его сказать: „Вы даете мнѣ на перчатки, а я говорю, что „у меня руки нѣтъ." Острое сіе слово, дерзость солдата и самолюбіе Королевское, дабы говорили о его снизхожденіи, убѣдили его дать сему безрукому солдату пропитаніе, хотя однако же бѣдное.

Съ содроганіемъ (заключаетъ предавшій сіи анекдоты) воображаю я злощастнаго *Тренка* — его страшную темницу, его цѣпи, его страданіе, подтверждающія жестокосердіе Короля сего, Великимъ названнаго.

Какое же различіе анекдотовъ ПЕТРОВЫХЪ, съ анекдотами *Фридериковыми*!

сударь, поднялъ его и поцѣловавъ сказалъ: *За рожденіе таковаго сына, каковъ ты, прощаю отца твоего, и возвращаю его тебѣ и семейству вашему; а тебя жалую чиномъ и мѣстомъ его, надѣяся, что исполнишь ты должность свою лучше, нежели отецъ твой.*

42.

Злостная шутка наказывается.

Иностранной Порутчикъ, принятый въ службу Генераломъ *Боуромъ*, и командированный въ Казанской гарнизонъ, чрезъ нѣсколько времени отпросился въ Москву для своихъ нуждъ, больше же, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть ему Государя, нерѣдко пріѣжжавшаго въ Москву, котораго онъ никогда еще не видалъ. Онъ прибылъ въ Москву въ такое время, когда Монархъ находился въ оной. Но случилось такъ, что онъ нѣсколько дней живя, не могъ его видѣть; а какъ срокъ наступалъ явиться ему къ командѣ, то и открылъ безпокойство свое хозяину квартиры своей, которой былъ Суднаго Приказа подъячей; сей же изъ злостной склонности своей къ шуткамъ сказалъ, что ничего не стоитъ

доставить ему случай, не только видѣть Государя, но и говорить съ нимъ; поди только на площадь предъ гаубвахту и скажи погромчае, чтобъ слышать тебя могли: *есть за мною слово и дѣло*, то и представятъ тебя къ *Его Величеству*. Иностранецъ сей, не разумѣя слѣдствія, какое влечетъ за собою слово оное, поступилъ по данному ему наставленію. Тотчасъ взяли его и съ обнаженными шпагами повезли въ Преображенскъ. Доложено было о немъ Монарху, и *Его Величество*, прибывъ самъ въ страшный Приказъ сей, велѣлъ представить его себѣ. Офицеръ сей коликимъ ни былъ объятъ страхомъ, забылъ оной при видѣ Государя, и съ радостнымъ лицемъ, упавши къ ногамъ его, сказалъ: благодарю Бога, что сподобляюся наконецъ видѣть пресвѣтлыя очи Всемилостивѣйшаго моего Царя и Государя.

Съ такимъ восхищеніемъ произнесенная рѣчь Офицера сего показалась Монарху странною. Онъ спрашиваетъ его: Какое дѣло имѣешь ты мнѣ открыть? Никакого, Государь, дѣла я не знаю, и ничего инова сказать не могу, какъ только, что радуюсь,

увидѣвъ Вашу давно желанную Особу. Но ты объявилъ у гаубвахты, что знаешь за собою *слово и дѣло*, говоритъ паки Государь. Это-то слово и доставило мнѣ щастіе увидѣть *Ваше Величество*, чего желалъ я нетерпѣливо, отвѣтствуетъ Офицеръ. Наконецъ узналъ Монархъ отъ него все происшедшее; разговаривалъ съ нимъ о многомъ милостиво, и пожаловавъ его Капитаномъ и пятьюдесятью рублями денегъ, отпустилъ; а злостнаго хозяина его за шпынство, дабы онъ впредь такъ не шутилъ, велѣлъ наказать публично (*).

43.

Попеченіе Монаршее о приведеніи фабрикъ въ лучшее состояніе, и великодушной его поступокъ съ однимъ изъ фабрикантовъ.

Монархъ, любя всѣхъ заводчиковъ, и въ особенности имениmаго изъ нихъ г. *Полуярославцова*, и желая заведенную имъ шелковую фабрику видѣть въ лучшемъ состояніи, въ каждую бытность свою

К

(*) Два сіи анекдота сообщены ко мнѣ чрезъ почту отъ неизвѣстной особы.

вЪ Москвѣ, посѣщалЪ его и фабрику его; за многое его благодарилЪ, а иное приказывалЪ переправить, давалЪ тому своеручные чертежи и изустныя наставленія; садился иногда СамЪ за станЪ, принимался за челнокЪ, и ткалЪ разныя матеріи какЪ мастерЪ.

ВЪ одну изЪ таковыхЪ бытность *Его Величества* у сего г. *Полуярославцова*, послѣ обѣда, между прочимЪ спросилЪ у него: имѣетЪ ли онЪ у себя хорошее Руское пиво? и какЪ дѣйствительно таковое у него тогда случилось, то МонархЪ, выкушавЪ стаканЪ онаго, сказалЪ: пиво очень хорошо, и я, когда случится мнѣ мимо дому твоего ѣхать, буду кЪ тебѣ заѣжжать. ВЪ одно время МонархЪ послѣ обѣда же заѣхавЪ кЪ нему, спросилЪ хозяина; но *Его Величеству* отвѣтствовано, что тотчасЪ его разбудятЪ, ибо де, послѣ обѣда онЪ уснулЪ. МонархЪ запретилЪ его будить, пошолЪ вЪ садЪ его и велѣлЪ подать себѣ кружку пива того.

Между тѣмЪ хозяинЪ проснулся; ему сказано, что Государь вЪ саду его прогуливается; онЪ негодуетЪ на домашнихЪ, что его не разбудили; одѣвается сЪ поспѣшностію, прихо-

дитъ къ *Его Величеству*, и проситъ простить его, что не могъ принять *Его Величества* какъ долгъ подданнаго ему предписываетъ: но Великій Государь на сіе сказалъ ему: *я, другъ мой, заѣзжаю къ тебѣ не съ тѣмъ, чтобъ тебя безпокоить; такъ за чтожъ мнѣ на тебя сердиться, когда ты, исправя свои утренніе дѣла, имѣешь нужду въ отдохновеніи* (*)?

44.

Продолженіе того же.

Изъ первыхъ суконныхъ фабрикъ въ Москвѣ, по изустному повелѣнію *Его Величества* заведена была одна Московскимъ купцомъ *Сѣриковымъ*; и Монархъ, доставя ему нужные къ оной инструменты, повелѣлъ ему къ назначенному сроку, сдѣлавъ пробную половинку сукна, принести оную къ себѣ. И хотя по новости дѣла сего, и по малому знанію мастера, первая сія половинка сукна весьма была плоха; однакожъ онъ долженъ былъ принести

К 2

(*) Отъ сына сего г. *Полуярославцова Алексѣя Ивановича.*

оную къ *Его Величеству* во Дворецъ. Ему показана была комната, въ которой онъ съ половинкою сукна своего долженъ былъ дождаться Монарха.

Монархиня, старавшаяся всегда угождать Великому Супругу Своему подражаніемъ, сколько могла, дѣяніямъ Его, знала купца *Дубровскаго*; и въ то же время, когда приказано было *Сѣрикову* завести ту фабрику, просила и его завести такую же у себя; снабдила его всѣмъ нужнымъ, и чтобъ къ тому же самому сроку, къ которому было приказано и *Сѣрикову*, сдѣлалъ на пробу половинку же сукна, и какъ возможно получше и подобротнѣе *Сѣриковой*, во чтобъ впрочемъ оная ни стала. Сіе желаніе Монархини г. *Дубровской* исполнилъ въ совершенствѣ, которой, сверьхъ чаянія *Сѣрикова*, явился также съ своею половинкою въ тотъ же самой покой, и положа оную на другой столикъ, ожидалъ подобно же прибытія Государева. *Сѣриковъ*, не зная ни *Дубровскаго*, ни того, чтобъ была имъ заведена фабрика, подошедъ къ половинкѣ сукна, пощупалъ, и увидя оное несравненно лучшимъ, нежели его, приведенъ былъ въ крайней страхъ отъ чаемаго гнѣва на него

Монаршаго, котораго мнилъ онъ себя по справедливости заслуживающимъ. Въ самую ту минуту отворились двери, и Государь съ Императрицею вошли. *Его Величество* былъ только въ фуфайкѣ канифасной, съ костяными пуговками, и пожаловавъ ожидавшихъ его къ рукѣ, подошедъ сперва къ половинкѣ *Сѣриковой*, пощупалъ сукно; а въ тоже время Ея Величество сказала Государю: посмотрите, батюшка, каково вамъ покажется сукно моего-то фабриканта? Монархъ, не говоря ни слова, подошелъ и къ сей половинкѣ, и пощупавъ также сукно, сказалъ: *Дубровской!* изъ какой шерсти дѣлалъ ты сукно свое? Не могъ не признаться *Дубровской*, что дѣлано оно изъ одной пуши. А ты, *Сѣриковъ*, изъ какой? спросилъ у сего послѣдняго Государь. Изъ обыкновенной стригушки, отвѣчалъ онъ трепещущимъ голосомъ. Послѣ сихъ отвѣтовъ Монархъ, обратяся къ Государынѣ, сказалъ: чтожъ ты хвастаешь своимъ-то сукномъ! оно никуда не годится; и ты, *Дубровской*, впередъ не выщипывай пуши одной, ты перепортишь у меня тѣмъ всю шерсть; а старайся изъ стригушки дѣлать по-

лучше: ибо (заключилъ Государь) мнѣ надобно столько сукна, чтобъ одѣть всю армію мою, не выписывая иностраннаго; а это, указывая на сукно *Сѣрикова*, сказалъ паки Государь Супругѣ своей, чѣмъ дурно? оно дѣлано изъ стригушки, какова она ни есть, цвѣтно, плотно и для солдата прочно и тепло. — Благодарствую, господинъ *Сѣриковъ!* я увѣренъ, что ты постараешься получше сего дѣлать. Таковое милостивое ободреніе возбудило въ г. *Сѣриковѣ* ревностнѣйшее желаніе угодить возлюбленному Государю, и съ сего времени неусыпное прилагалъ онъ попеченіе о доведеніи фабрики своей до лучшаго состоянія.

Впрочемъ, колико Монархъ доволенъ былъ и началомъ еще сихъ фабрикъ, о томъ можемъ мы судить изъ письма *Его Величества* къ Князю *Меншикову*, писаннаго въ послѣднихъ числахъ Декабря еще 1705 году. „Сукна „дѣлаютъ, (точныя Его слова) и „умножается дѣло сіе зѣло изрядно, „и плодъ даетъ Богъ изрядный, и я „сдѣлалъ себѣ кафтанъ изъ него къ „празднику (Рождества Христова).“

45.

Продолженіе о фабрикахъ же.

Великій Хозяинъ сей, когда ни бывалъ въ Москвѣ, хотябъ то было и на краткое время, никогда не оставлялъ того, чтобъ не осмотрѣть ему самому всѣ фабрики Московскія: свидѣтель сему сей же самый г. *Сѣриковъ*. Онъ при всякомъ случаѣ со слезами разсказывалъ, что Великій Государь, въ каждую бытность свою въ Москвѣ, не только заѣжжалъ на его фабрику, не только ничего не оставлялъ не осмотрѣвъ, не только давалъ всегда наставленія, какъ лучше что исправить, что вновь сдѣлать; но и училъ Самъ ткачей, садяся за станы, и ткавши обьяснялъ всѣ подробности и пріемы, нужные въ искуствѣ тканья.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній *Сѣриковой* фабрики, осматривая, по обыкновенію своему, всѣ работы въ оной, сдѣланныя сукна, матеріалы, припасы, ходя самъ по кладовымъ и по анбарамъ, и повелѣвая каждый изъ нихъ отпирать; и такимъ образомъ въ одномъ анбарѣ усмотря Государь немалое число по-

ловинокЪ каразеи, спросилЪ: для чего столь много лежитЪ у него оной? *СЂриковЪ* отвЂчалЪ на сіе, что велЂно было ему УказомЪ изЪ Адмиралтейства сдЂлать видимое здЂсь количество каразеи на мундиры матросовЪ, но послЂ, продолжалЪ *СЂриковЪ*, сіе отмЂнено, почему вся она и осталась на рукахЪ моихЪ. ТакЪ для чего же ты ее не продаешь? спросилЪ МонархЪ. — Не покупаютЪ, Всемилостивѣйшій Государь, ибо никому она не надобна, а для подкладки солдатскихЪ мундировЪ обязались дЂлать другіе фабриканты, назвавЪ ихЪ поименно. — ТакЪ видь тебЂ убытокЪ? — ЧтожЪ дЂлать, Надежа Государь! — Почему стоитЪ тебЂ аршинЪ? — По 28 копЂекЪ. — ДоволенЪ ли ты будешь барышомЪ по гривнЂ на рубль? — Я бы, отвЂчалЪ паки *СЂриковЪ*, радЪ былЪ сбыть ее сЪ рукЪ и безЪ барыша. — БезЪ барыша-то, братЪ, недолго наторгуешь, заключилЪ Государь; и потомЪ обратяся кЪ *Меншикову*, сказалЪ: *Данилычь! вели завтра же всю сію каразею принять, и раздЂлить ее по гошпиталямЪ; она очень годится для больныхЪ на одЂяла.*

Сіе исполнено въ точности; и *Сѣриковъ*, съ прибылью по гривнѣ на рубль сбывъ ее съ рукъ, чрезъ нѣсколько дней получилъ и деньги (*).

Впрочемъ читатели видѣли въ Дѣяніяхъ *Его Величества*, коликое прилагалъ онъ стараніе о заведеніи въ Малороссіи лучшихъ иностранныхъ породъ овецъ, дабы можно было со временемъ обойтися Россійскимъ фабрикамъ безъ выписки иностранной шерсти, и сколь уже далеко въ томъ успѣлъ. Множество ихъ разведено и роздано фабрикантамъ съ обязательствомъ, чтобъ не только оныя у нихъ не перевелись, но и умножались бы время отъ времени; однакожъ по кончинѣ *Его Величества* полезное сіе заведеніе разрушилось.

46.

Монаршій гнѣвъ на браковщика Голландца за пристрастной его бракъ пеньки, и высылка его за границу.

По заведеніи въ Санктпетербургѣ Адмиралтейства, поставка нужнаго

(*) Два сіи анекдота доставилъ мнѣ Московской купецъ *Михайла Андреевичъ Мамоновъ*, слышавшій оныя отъ самаго г. *Сѣрикова*.

для онаго количества пеньки возлагалась на города, торговавшіе оною. Расположенная часть на городѣ Калугу привезена была въ Адмиралтейство купцемъ того города *Алферовымъ.*

Браковщикъ Адмиралтейской, изъ Голландіи выписанной и въ службу Государеву принятой, замѣтивъ смиренность и робость купца сего, вздумалъ что-нибудь сорвать съ него; и на сей конецъ забраковалъ пеньку, имъ привезенную, угрожая ему еще и гнѣвомъ Государевымъ. Устрашенный симъ купецъ просилъ его сдѣлать милость, не доносить о семъ Государю, обѣщавая служить ему; но въ самое сіе время Монархъ входитъ въ анбаръ, гдѣ бракъ сей происходилъ. Бѣдной поставщикъ трепещетъ; Государь узнаетъ все происшедшее, разсматриваетъ самъ пеньку; и бравъ многія оной горсти между колѣнъ, встряхиваетъ и разнимаетъ ихъ по мастерски; видяжъ ее первой доброты, прогнѣвался на пристрастнаго браковщика, говоря ему: *бездѣльникъ! у васъ нѣтъ такъ хорошаго и шолку, какова сія пенька.* Потомъ повелѣлъ всю сію пеньку принять, а браковщика

выгнать изъ службы, и выслать за границу.

Могло ли же что-нибудь подобное укрыться отъ прозорливости сего Великаго Государя (*)?

47.

Отеческое попеченіе Монарха о переведенныхъ на житье въ С. Петербургъ всякаго званія людяхъ.

Что первоначальные жители Санктпетербурга были переселенцы изъ разныхъ городовъ всякаго званія, сіе извѣстно уже всякому; но какое Великій Государь прилагалъ о нихъ попеченіе, тому послужитъ доказательствомъ и одинъ слѣдующій анекдотъ.

Въ одной мѣщанской фамиліи, переселенной изъ Серпухова, по прозванію *Ямщиковой*, занемогъ старшій сынъ сухоткою. Великій Государь въ началѣ болѣзни сей узнаетъ о семъ, и присылаетъ къ больному своего Лѣкаря; а дабы по стариннымъ предразсудкамъ не пренебрегали они его

(*) Отъ ближняго сродника сего *Алферова*, Калужскагожъ купца *Якима Алферова*, слышавшаго сіе отъ самаго отдатчика.

предписаній, то чрезъ нѣсколько дней Самъ навѣщаетъ больнаго, приказываетъ ему и старику отцу его, чтобъ они исполняли въ точности всѣ предписанія Лѣкарскія, и что Самъ онъ за ними того назирать будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сей Отецъ подданныхъ, когда ни выѣжжалъ для осмотру работъ, заѣжжалъ и къ сему больному, что благоволилъ продолжать до самаго выздоровленія сего *Ямщикова.* Въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ Монархъ увидѣлъ старика, отца семейства того, метущаго дворъ. — Странно сіе показалось *Его Величеству.* — Онъ говорилъ ему, что таковаго роду работа ему, яко начальнику фамиліи и человѣку старому, не прилична: ужъ не принуждаютъ ли тебя дѣти твои къ таковымъ работамъ? спросилъ его наконецъ Монархъ. Нѣтъ, Надежа Государь! отвѣтствовалъ старикъ, они еще и отводятъ меня отъ работы; но я не привыкъ быть празднымъ, и пока силы мои есть, тружусь; сія работа по силамъ моимъ. Монархъ похвалилъ его за сіе; однакожъ войдя въ избу, спрашиваетъ дѣтей его, а паче старшаго больнаго: не заставляютъ ли они работать старика от-

ца своего? Но всѣ подтвердили справедливость словъ отцовскихъ. Радъ я, сказалъ на сіе Государь, что ошибся въ моемъ заключеніи: но естьли бы, продолжалъ Государь, увѣдалъ я, что нѣтъ отъ васъ должнаго почтенія отцу, тобъ ощутили вы весь гнѣвъ мой; ибо де, непочитающіе давшихъ имъ жизнь суть самыя неблагодарнѣйшія твари; а неблагодарность изъ всѣхъ пороковъ есть наигнуснѣйшій.

Въ продолженіе сказанныхъ посѣщеній, Великій Государь, заставая иногда сѣмью сію за обѣдомъ, обыкновенно говаривалъ: хлѣбъ да соль! а однажды благоволилъ съ ними обще и отобѣдать. Достовѣрность бытія сего есть несомнительна; она воспоминается потомками сихъ *Ямщиковыхъ* съ восхищеніемъ, изъ которыхъ правнукъ помянутаго старика по матери, С. Петербургской купецъ *Иванъ Вонифатьевъ*, въ послѣднюю мою въ Петербургѣ бытность (въ 1789 году) былъ еще живъ, отъ котораго я все описанное здѣсь и заимствовалъ.

48.

Монархъ пируетъ съ плотниками.

Изъ показанныхъ переведенцовъ цѣлая слобода плотниковъ поселена была на Охтѣ. Великій Государь построилъ въ оной церковь во имя *Св. Іосифа Древодѣля.* По освященіи оныя, на которомъ самъ онъ присутствовалъ, далъ знатный столъ плотникамъ, и за онымъ пировалъ съ ними равно какъ старшій изъ нихъ, безъ наималѣйшихъ чиновъ и вида величества. По окончаніи стола давъ повелѣніе угощать ихъ всѣмъ, что къ веселью ихъ потребно, и пожелавъ имъ столь же весело препроводить остатокъ дня, поѣхалъ, оставя ихъ въ несказанномъ удовольствіи (*).

49.

Хозяйственной его за всѣмъ присмотръ.

Въ числѣ таковыхъ же переведенцовъ былъ нѣкто изъ купцовъ пивоваръ по прозванію *Лапшинъ.* Великій Государь, по всегдашнему своему обыкновенію разъѣзжая по работамъ, заѣжжалъ и на

(*) Отъ Адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева.

пивоварню сего *Лапшина*; и увидя однажды изъ устья печнаго выпахивающій немалый огонь, сказалъ ему: *Лапшинъ*! вижу я, что ты и не думаешь о береженіи дровъ; и указывая на пламень: смотри, сколько у тебя попусту пропадаетъ ихъ; ты видишь только подъ носомъ, что около Петербурга нынѣ лѣсу много, и дрова дешевы; а не разсуждаешь, что безъ бережи и самые большіе лѣса истребиться могутъ въ короткое время; и такъ должно тебѣ передѣлать печь и сдѣлать оную такъ, чтобы траты таковой дровъ отнюдь не было. Потомъ потребовалъ бумаги, начертилъ ему планъ сей печи, и объясня ему оной, сказалъ наконецъ: когда передѣлаешь печь по сему плану, то я пріѣду и посмотрю, нѣтъ ли какой еще ошибки. Но видно однакожъ, что Великій Государь или не доволенъ былъ печью сею, или пивоварами своими, которыхъ предразсудки были почти непобѣдимы: сіе заключить можно изъ того, что великій хозяинъ Сей выписалъ изъ Голландіи пивоваровъ, и построилъ на Выборгской сторонѣ каменныя на Голландской манерѣ пивоварни, которыя нерѣдко

посѣщая, совѣтовалъ всегда съ пивоварами тѣми о возможнѣйшемъ уменьшеніи дровъ въ вареніи пива (*).

Читатели впрочемъ видѣли изъ Дѣяній *Его Величества*, колико онъ занимался во всю свою жизнь береженіемъ лѣсовъ во всемъ пространствѣ Имперіи своей, и сколь много въ томъ успѣлъ.

50.

Монархъ, ѣхавъ на обѣдъ къ Князю Меньшикову, заѣжжаетъ къ матросу, и по прозьбѣ его у него кушаетъ.

Изъ Исторіи *Его Величества* извѣстно, что Князь *Меньшиковъ* часто угощалъ Монарха обѣденными и вечерними столами. Въ одно время звалъ онъ Ихъ Величества къ обѣденному столу, къ которому также приглашены были имъ всѣ иностранные Министры и многіе знатные Господа. Монархъ, давъ слово быть къ нему, поѣхалъ прежде для осмотрѣнія работъ Адмиралтейскихъ; между же тѣмъ Монархиня и всѣ гости прибыли къ нему *Меньшикову*.

(*) Отъ сына сего *Лапшина* Ивана.

Великій Государь, по осмотрѣніи работы, и по учрежденіи всего нужнаго, и самъ поѣхалъ къ нему же въ обыкновенномъ почти лѣтнемъ экипажѣ своемъ, то есть въ одноколкѣ. Матросъ ожидавшій Монарха на дорогѣ, упалъ предъ одноколкою его на колѣни; Государь остановился и спросилъ: чего онъ хочетъ? Богъ даровалъ мнѣ сына, а Тебѣ Государь матроса, отвѣтствовалъ сей; удостой посѣтить его. Государь спросилъ, далеко ли онъ живетъ? — Близко. — Хорошо, сказалъ Монархъ. И такъ въ предшествіи матроса, Великій Государь поѣхалъ за нимъ, и вошелъ въ хижину его. Родильница поднесла *Его Величеству* на деревянной тарелкѣ чарку вина. Монархъ, поздравя ее съ сыномъ, выкушалъ, и положилъ на тарелку два рубли. Столъ у хозяина былъ уже накрытъ, на которомъ стоялъ пирогъ съ морковью и яицами. Монархъ, отломя кусокъ пирога, закушалъ. А какъ между тѣмъ хозяинъ, поставя на столъ же горячія щи, хотя отвѣдай батюшка, сказалъ, матросскихъ-то щей: то сего и довольно было къ убѣжденію *Его Величества*; онъ ихъ отвѣдалъ, ему оныя полюби-

Л

лись; присѣлъ и довольно ихъ покушалъ. Потомъ выпилъ поднесенной ему стаканъ пива, пожелалъ хозяевамъ добраго здоровья, поѣхалъ; и прибывъ къ Князю уже въ третьемъ часу, просилъ у гостей извиненія, что онъ заставилъ ихъ такъ долго дожидаться себя: ибо де Богъ даровалъ мнѣ новаго матроса, и я не могъ отказать отцу его, чтобъ къ нему не заѣхать и не отвѣдать его щей (*).

Государь не будетъ совершенно знать внутренняго состоянія бѣдныхъ изъ подданныхъ своихъ, ежели погнушается заглядывать своими очами въ хижины ихъ, сказалъ одинъ писатель.

56.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ избавляется изъ плѣна Шведскаго рѣшимостію достойною его, и приводитъ въ Ревель фрегатъ Шведской.

Извѣстно, что сей знаменитый мужъ, за учиненнымъ отъ Короля Шведскаго подъ Нарвою договоромъ, задержанъ съ прочими Генералами

(*) Отъ *Крекшина.*

въ плѣну, и отведенъ въ Стокгольмъ; и какъ *Карлъ* XII иногда не хотѣлъ согласиться на размѣнъ плѣнныхъ, то онъ съ прочими и содержался въ ономъ, яко плѣнникъ, до 1711 году. Сей достойный Россіянинъ, въ показанномъ году, освободился изъ плѣна слѣдующимъ образомъ.

Правительство Шведское разсудило часть плѣнныхъ Россіянъ, содержавшихся въ Стокгольмѣ, перевести моремъ въ Готтенбургъ; въ числѣ сихъ былъ и Князь сей. А какъ на фрегатѣ томъ находилось Россіянъ больше нежели Шведовъ: то сего и довольно было вложить ему мысль, овладѣть фрегатомъ и уѣхать на ономъ въ Россію. Онъ сообщаетъ намѣреніе сіе сотоварищамъ своимъ, и они охотно соглашаются слѣдовать во всемъ мужеству и примѣру его. Князь опредѣляетъ на исполненіе предпріятія своего вечеръ субботы, то есть, когда въ вечернюю службу залоютъ всемирную славу, и допоютъ до сихъ словъ: *дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи*, въ мигъ броситься всѣмъ имъ на Шведовъ, обезоружить ихъ, и овладѣть фрегатомъ. Все сіе исполнено въ точности; они какъ львы при

послѣднемъ словѣ бросились на невоображавшихъ того Шведовъ, обезоружили ихъ, и противящихся однихъ покололи, другихъ постолкали въ море, третьихъ повязали и заключили подъ палубу; оставили свободнымъ одного только Шипора; и Князь, приставя къ груди его шпагу, сказалъ: Ежели хочешь ты быть живъ, то вези насъ къ Кроншлоту или къ Ревелю; но берегись измѣнить! Не осталось инаго ему, какъ или умереть, или повиноваться; онъ избираетъ послѣднее, приводитъ фрегатъ въ Ревель и входитъ въ гавань съ пушечною пальбою. Сколь ироическій таковый поступокъ пріятенъ былъ Монарху, то можетъ удобно представить себѣ читатель; *Его Величество*, бывъ тогда въ Петербургѣ, въ письмѣ своемъ къ Князю *Меньшикову* называетъ освобожденіе его изъ плѣну чудеснымъ. Коль же скоро Князь прибылъ къ Монарху, то *Его Величество* обнялъ его, и неоднократно цѣлуя, выхвалялъ неустрашимую его рѣшимость. Слезы радости, пролитыя Княземъ при семъ свиданіи, прослезили самаго Монарха и всѣхъ бывшихъ при томъ. Скоро посемъ Великій Госу-

дарь обѣявилъ его Сенаторомъ и поручилъ ему сверхъ того Коммисаріатъ (*).

Великія достоинства сего знаменитаго Князя увидимъ мы въ послѣдствіи сихъ анекдотовъ неоднократно.

52.

Ироическои поступокъ одного Россіянина, содержавшагося въ Стокгольмской темницѣ въ оковахъ; и признательность къ оному Великаго Государя.

Предупомянутое происшествіе толико огорчило правительство Шведское, что всѣ почти плѣнные Россіяне, оставшіеся въ Стокгольмѣ, были скованы, и содержались въ разныхъ темницахъ съ великою суровостію, аки злодѣи. Въ числѣ сихъ плѣнныхъ находился Новгородскій купецъ *Иголкинъ*, которой, до войны еще Швед-

---

(*) Въ числѣ освободившихся съ Княземъ *Долгоруковымъ* изъ плѣна находился и Олонецкой купецъ, по прозванію *Чаплинъ*; сего *Чаплина*, яко ревностнаго участника рѣшимости Княжой, Великій Государь содержалъ до смерти его въ великой милости. Родственники сего *Чаплина* доставили мнѣ анекдотъ сей, подтвержденной и Адмираломъ *Алексѣемъ Ивановичемъ Нагаевымъ*.

ской, торговывалъ въ Швеціи и научился языку ихъ. И какъ извѣстно, что *Карлъ XII* началъ войну съ Россіею тѣмъ, что всѣхъ Россіянъ, бывшихъ тогда въ Швеціи, какого бы ни были они званія, повелѣлъ задержать въ плѣну; и такъ сей *Иголкинъ* съ 1700 году содержался въ неволѣ сей; а по уходѣ Князя *Долгорукаго*, какъ выше сказано, всѣ Россіяне были окованы и разведены по разнымъ тюрьмамъ.

Иголкинъ содержался въ одной изъ нихъ до возвращенія *Карла XII* изъ Турціи, и до начавшихся чрезъ Барона *Герца* мирныхъ переговоровъ. Въ сіе-то время сей достойный Россіянинъ, услыша отъ двухъ на караулѣ въ темницѣ той стоявшихъ солдатъ, говорившихъ между собою обидныя и ругательныя слова Россійскому Государю, не могъ сего вытерпѣть; онъ увѣщалъ ихъ, чтобъ они унялись и не дерзали ругать Великаго Государя, которой есть помазанникъ Божій. И почему де знаемъ мы ихъ дѣла, за что они одинъ съ другимъ воюютъ? — Но солдаты съ ругательствомъ презря его увѣщаніе, продолжали дерзкой свой разговоръ.

Иголкинъ призываетъ унтеръ-офицера, жалуется ему на тѣхъ часовыхъ, и проситъ унять и наказать ихъ, яко ругателей Великаго Государя; но и сей унтеръ-офицеръ также оное презрѣвъ, смѣялся только жалобѣ его.

Чтожъ сей Россіянинъ предпріемлетъ? Онъ рѣшился самъ доставить себѣ надъ солдатами управу; онъ бывъ росту высокаго, и сложенія крѣпкаго, молча и какъ бы безъ намѣренія подошедъ къ нимъ, бросается на нихъ какъ изступленной, вырываетъ у одного ружье и штыкомъ его закалаетъ сперва вооруженнаго, а потомъ и обезоруженнаго; и исполня ироическое сіе дѣйствіе, ожидаетъ спокойно своего жребія. Офицеръ караульный съ командою вбѣгаетъ въ темницу; схватываютъ ироя, ни мало уже не противящагося; оковываютъ страшными цѣпями, и доносятъ о произшедшемъ вышшему начальству; и на вопросъ: Какъ онъ осмѣлился убить солдатъ? отвѣчаетъ съ неустрашимостію: *Я, какъ вѣрный подданный своего Государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою, пролить за честь его послѣднюю каплю крови моей;*

слыша же священное имя его ругаемо, увѣщавалъ ихъ уняться; они презрѣли оное; я призвалъ унтеръ-офицера, жаловался ему на нихъ, но и сей вмѣсто удовольствія смѣялся только надо мною, и паче еще поносить стали великую Особу помазанника Божія! Чтожъ осталось мнѣ дѣлать? я долженъ былъ или отмстить ругателямъ смертію, или пролить свою кровь. Но правосудный Богъ помогъ мнѣ наказать тѣхъ дерзкихъ ругателей; теперь участь моя въ вашихъ рукахъ, дѣлайте что вамъ угодно; я, по исполненіи долгу моего, презираю всѣмъ и безъ страху готовъ принять смерть за честь моего Государя.

Рѣчь сія толь чрезвычайная сдѣлала судей безгласными; они, повелѣвъ заключить его паки, не смѣли учинить никакого о немъ приговора, не донеся съ подробностію Королю своему. *Карлъ XII*, почитая и въ непріятеляхъ своихъ великой духъ, пораженъ бывъ, прочтя доносимое, вскричалъ: *въ толь грубомъ народѣ толь великій человѣкъ!* Онъ повелѣваетъ его привести къ себѣ; и какъ уже происходили тайные между имъ и Рос-

сiйскимъ Государемъ о мирѣ переговоры, и онъ видѣлъ себя принужденнымъ искать у великаго соперника своего дружбы: что и рѣшился отослать *Иголкина* къ Государю его, не сомнѣваяся, что приметъ оный будетъ за великiй подарокъ; описалъ притомъ съ подробностiю ироическое *Иголкина* дѣйствiе, поздравляя *Его Величество* съ такимъ подданнымъ, какихъ у него, по мнѣнiю его, или нѣтъ, или очень мало (*).

(*) Ежели со вниманiемъ прочтемъ Исторiю Россiйскую, то множество найдемъ мы въ Россiянахъ примѣровъ таковыхъ ироическихъ дѣйствiй, проистекавшихъ изъ вѣрности и усердiя къ своимъ Государямъ, и изъ ревнованiя ко славѣ и чести отечества. Но колико бы еще таковыхъ же отличительныхъ отъ прочихъ народовъ, въ сынахъ отечества нашего нашлось примѣровъ, ежелибъ современники ихъ не пренебрегали записывать и предавать оные потомству! Я представлю здѣсь изъ послѣднихъ сему одинъ только примѣръ, но которой послужитъ за многiе.

Царь *Иванъ Васильевичъ* Грозной, въ лѣто 7064 (1556) отправилъ въ Царьградъ къ Султану *Магомету* знатное Посольство, съ жалобою на Крымскаго Хана *Милъ-Гирея*, и на *Калгу* Султана, съ войсками ихъ воровски вторгавшихся въ границы Россiйскiя и причинявшихъ всякородныя бѣдствiя; и съ требованiемъ, дабы Султанъ далъ на нихъ управу,

По прибытіиже Иголкина въ Санктпетербургъ, представленъ былъ онъ сѣдинами уже украшенный передъ своего Монарха. Великій Государь не могъ прочесть помянутаго о немъ

возвратилъ похищенныхъ ими въ плѣнъ людей, скотъ и имущество, и вознаградилъ за всѣ убытки.

Посольство сіе составляли Бояра: Князь *Никита Васильевичь Курбской*, *Иванъ Васильевичь* большой *Бахметевъ*, и *Иванъ Михайловичь Вырубовъ*; Окольничіе: *Андрей Васильевичь Сабуровъ*, *Иванъ Васильевичь Вэнмковъ*, *Иванъ Михайловичь Чаплинской-Айгустовъ*; Думные Дворяне: *Иванъ Михайловичь Скуратовъ*, *Иванъ Васильевичь* меньшой *Чертовъ*, *Иванъ Васильевичь Колокольцовъ*, *Василей Александровичь Крекшинъ*, *Иванъ Ивановичь Барановъ* и *Иванъ Васильевичь Сафоновъ*.

Знаменитые Послы сіи, бывъ представлены Султану, отъ имени Государя своего принеся на помянутыхъ Хана и Калгу жалобу, требовали на нихъ управы, и полнаго удовольствія за всѣ причиненныя ими опустошенія.

На сіе отвѣтствовалъ напыщенный величіемъ своимъ Султанъ, что подданные его Ханъ и Калга ходятъ на Русь войною для того, что Царь вашъ за многіе годы не присылаетъ къ нему выходовъ и дани.

О какой дани говорите вы, возразили Послы, мы не вѣдаемъ; а знаемъ только то, что Великій Царь нашъ никого не страшится и никому никакой не даетъ дани; и что они присланы къ нему для требованія только на посаженцовъ его управы и удовольствія; и что,

писанія не прослезяся; и потомъ обратяся къ предстоящимъ, вотъ, сказалъ, образецъ вѣрности! подошелъ къ нему,

---

буде онъ Султанъ сей управы не дастъ и удовольствія за грабежи и разоренія ихъ не учинитъ, то Царь управится съ ними и самъ собою.

Прогнѣванный таковою рѣчью Султанъ сказалъ: Знаютъ ли они, что онъ есть стражъ гроба Господня, имѣетъ подъ властію своею многія государства и безчисленныя силы? и что буде Царь вашъ не пришлетъ къ нему за многіе годы выходовъ и дани, то велитъ Хану и Татарамъ и впредь не только разорять Русь, плѣнить народъ, но и самаго Царя плѣннымъ привести къ нему!

Знаменитѣйшіе сіи Россіяне, возпылавъ гнѣвомъ и мщеніемъ, возгласили: Ты стражъ не гроба Господня, но адскія пропасти: и ты смѣешь думать, что можешь плѣнить великаго Восточнаго Царя, и преславное царство Руское разорить! Знаешь ли ты, что Великій нашъ Государь во власти своей имѣетъ сильныя царства и многихъ ордъ Царевичей держитъ при себѣ вмѣсто холопей, которой силенъ есть низпровергнуть и въ прахъ обратить все живое царство? и съ послѣднимъ словомъ первый изъ пословъ Князь *Курбской*, обнажа мечь свой, устремился на пораженіе Султана, окруженнаго Пашами и Янычарами, не допустившими его совершить нанесеннаго того удара.

Послѣ безпримѣрнаго сего ироическаго дѣйствія Султанъ, приведенный въ несказанное изумленіе и гнѣвъ, сказалъ оградившимъ его Визирямъ и Пашамъ: Видите ли вы неслыхан-

обнялЪ его сЪ горячностію, поцѣловалЪ вЪ голову, и признался, что толь отличная вѣрность его кЪ нему достойна соразмѣрной награды: проси у меня, другЪ мой, что тебѣ угодно; я все тебѣ обѣщаю.

Тронутый толикою милостію *Иголкинъ*, проливая радостныя слезы, говорилЪ Монарху: У меня, Надежа Государь, по милости Божіей и Твоей,

---

ную дерзость ПословЪ РускихЪ, которые вЪ палатѣ моей, среди всѣхЪ васЪ, смѣли устремиться сЪ мечемЪ на мое пораженіе? Учините приговорЪ, чего страшное преступленіе сіе достойно.

Послы многочисленною толпою ЯнычарЪ были отведены вЪ квартиру ихЪ, и вЪ оной заключены. ДиванЪ занялся приговоромЪ о казни ихЪ; а СултанЪ между тѣмЪ изЪ гнѣва перешелЪ, такЪ сказать, вЪ удивленіе о толико безпримѣрной вѣрности Посольской кЪ своему Государю, и за честь его безстрашно готовыхЪ пожертвовать жизнію своею; и когда составлявшіе СовѣтЪ донесли ему о приговорѣ своемЪ, что предать ПословЪ лютой казни, то СултанЪ сказалЪ имЪ: „Видите ли вы ПословЪ сихЪ, како говорятЪ вЪ неволѣ и за „Государя своего стоятЪ и умираютЪ, тако „и вы ближніе мои люди, Визири и Паши, „когда отЪ мене куды посланы имате быти „вЪ ин[illegible] государствы, или и вЪ ихЪ царство, должны есте и за мене стояти и „умирати.„

столько еще осталося въ Новѣгородѣ доходу, что могу прожить онымъ остатки дней моихъ безъ нужды; и потому нечего мнѣ больше желать, какъ только носить на себѣ Твою Монаршую милость.

Но Государь отвѣчалъ на сіе: Нѣтъ! я не буду спокоенъ, ежели не награжу тебя; и такъ воля моя есть непремѣнная, чтобъ обьявилъ ты мнѣ, что тебѣ надобно. — Когда уже такъ, сказалъ старикъ, то повелите находящійся въ Новѣгородѣ близъ дому моего кабакъ отдать мнѣ. Монархъ на сіе отвѣтствовалъ улыбнувшись: Ежели бы ты просилъ у меня и весь

Послѣ сего Султанъ не только простилъ Пословъ, но и во всѣхъ требованіяхъ ихъ удовольствовалъ, и одаря съ великою отпустилъ честію (а).

Къ какому снисхожденію не меньше чаятельно содѣйствовало и воображеніе о толь безпримѣрной неустрашимости Россіянъ.

* * *

(а) Выписано изъ книги Посольской, въ коей описаны походы на службу Пословъ сихъ въ Царьградъ; а мнѣ выписку сію доставилъ достойный потомокъ одного изъ сихъ Пословъ, Его Высокопревосходительство *Петръ Ивановичъ Вырубовъ*. Возможно ли же, чтобъ и таковое ироическое дѣйствіе Россіянъ не было внесено въ Исторію?

Новгородъ, не могъ бы тебѣ отказать.

Сверхъ того *Иголкинъ* въ прибавокъ къ кабаку принужденъ отъ Монарха получить довольно знатное количество денегъ за полонное терпѣніе и ревность его, какъ изъяснялся Государь, съ которыми и отпустилъ его при Указѣ въ Новгородъ.

Съ сего времени Великій Государь инако не называлъ его, какъ дѣдушкою, и никогда не проѣжжалъ Новагорода, не посѣтя его. Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній Монархъ, увидя внука его молодца лѣтъ двагцати, и полюбивъ его, сказалъ *Иголкину*: дѣдушка! отдай мнѣ внука своего; я запишу его въ мой полкъ (Преображенской), и мѣсяца чрезъ три сдѣлаю его Офицеромъ, и постараюсь о его щастіи. Но дѣдушка сей отвѣчалъ на то: Нѣтъ Государь, не могу я съ нимъ при старости разлучиться; у меня только и радости что онъ, да и дѣлами моими безъ него управлять будетъ некому. На повторительныя же убѣжденія Монаршія старикъ сказалъ: у Тебя Государь и кромѣ того, чтобъ помнить о внукѣ моемъ, есть дѣлъ и

заботъ безъ числа; а потому легко станется, что Ты про него и забудешь. Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка? перебилъ рѣчь его Монархъ, я никогда не забываю заслугъ. Словомъ: *Иголкинъ* напослѣдокъ принужденъ былъ исполнить волю Государя своего.

Его Величество, взявъ его съ собою, записалъ въ Преображенской свой полкъ въ солдаты; но частыя его отлучки, крайнія заботы о всемъ, а паче о начавшихся тогда съ *Карломъ XII* мирныхъ переговорахъ, по которымъ онъ большею частію находился въ Лифляндіи близъ Конгресса, были причиною, что въ самомъ дѣлѣ забытъ былъ сей внукъ. Прошло три мѣсяца, прошло уже и пять, а онъ оставался еще все солдатомъ. Огорченный симъ дѣдъ его писалъ ко внуку, чтобъ попросился въ отпускъ, или и безъ спросу пріѣхалъ къ нему непремѣнно. По послѣднему онъ и исполнилъ.

Иголкинъ, увѣдомясь, что Монархъ прибылъ въ С. Петербургъ, пріѣхалъ туда и самъ со внукомъ. Онъ, заготовя челобитную въ Сенатъ на Полковника Гвардіи Преображенскаго полку, *Петра Михайлова*, и прописавъ

вѣ оной все происходившее, жаловался горестно на неустойку его вѣ своемѣ словѣ. И когда Государь былѣ вѣ Сенатѣ, подаетѣ оную; но ее не принимаютѣ, обѣявляя, что сей Полковникѣ есть самѣ Государь; а Государь нигдѣ не подсуденѣ.

Старикѣ поднимаетѣ вопль, жалуется на свою обиду; а какѣ зданіе Сената состояло тогда вѣ низенькихѣ мазанкахѣ, то происшедшій отѣ вопля того шумѣ дошелѣ, какѣ желалѣ *Иголкинѣ*, до ушей Государя; и *Его Величество* спросилѣ о причинѣ онаго. На сіе отвѣтствовано: какой-то безумной старикѣ проситѣ сѣ воплемѣ принять отѣ него челобитную на Полковника Преображенскаго полку; и хотя де ему толкуютѣ, что Полковникѣ сей самѣ Государь, на котораго не можно нигдѣ принять челобитной, но онѣ де кажется непонимающимѣ сего, и неотступно проситѣ о принятіи ее. Государь, вѣроятно, узнавѣ *Иголкина* по голосу, и вспомня неисполненное ему свое обѣщаніе, ахѣ! сказалѣ, онѣ не безуменѣ; я знаю кто онѣ, и я виноватѣ предѣ нимѣ; примите у него челобитную, введите его сюда и помирите меня сѣ нимѣ.

Принята челобитная, прочтена, и потомъ введенъ и самъ старикъ; онъ вошедши кланяется всѣмъ низко, а на Монарха и не смотритъ. Тогда Князь *Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ*, знавшій его въ полону, зачалъ говорить первый: старинушка! Государь признается, что виноватъ предъ тобою; помирися съ нимъ; но онъ, проливая слезы, отвѣтствуетъ: какая мнѣ польза въ признаніи его, когда внукъ-то мой и по сю пору еще солдатомъ? Встаетъ самъ Монархъ, подходитъ къ нему и съ чувствительностію говоритъ: дѣдушка! я виноватъ, забылъ обѣщаніе мое; но какъ должно было внуку твоему быть уже два мѣсяца назадъ Прапорщикомъ, то нынѣ за вину мою жалую его Подпоручикомъ; — помиримся!

Старикъ проливая, но уже отъ радости, а не отъ печали слезы, говоритъ Монарху: когда такъ, Государь, то я не истецъ; Богъ тебя проститъ! Монархъ обнялъ его, поцѣловалъ, и посадя съ собою въ одноколку, привезъ его къ Государынѣ и разсказалъ ей все происшедшее. Монархиня оправдала просителя, и похвалила признательность Великаго Супруга своего. Ихъ Величе-

ства удостоили его посадить за столъ свой; внукъ пожалованъ и отпущенъ съ дѣдушкою въ Новгородъ на такое время, сколько онъ захочетъ продержать его при себѣ (*).

53.

Признательность Монаршая и снисхожденіе Его на дерзновенной поступокъ Г. Головина.

Въ продолженіе со Швеціею войны, одно изъ главнѣйшихъ попеченіе Монарха было о продовольствіи арміи провіантомъ. Когда же, по разбитіи *Карла XII* подъ Полтавою, театръ военныхъ дѣйствій изъ Малороссіи перенесенъ въ Лифляндію, откуда происходили отправленія флотовъ въ разныя мѣста, въ томъ числѣ и въ самую Швецію: то и настояла нужда доставлять на армію и флотъ провіантъ въ С. Петербургъ; но доставленіе въ оной было тогда весьма еще затруднительно.

(*) Происшествіе сіе записано мною изъ словъ Новогородскаго Дворянина *Флора Исаковича Неплюева*; а потомъ получилъ я сіе и на письмѣ отъ Ректора Новогородской Семинаріи, Архимандрита *Транквиллина*.

А какъ въ 1710 году понадобилось онаго большее предъ прежнимъ количество: того ради Монархъ, по прибытіи своемъ изъ Москвы въ С. Петербургъ, и повелѣлъ Князю *Меньшикову* предложить, будто бы отъ себя, Господамъ Сенаторамъ, составлявшимъ часть Сената, о собраніи и доставленіи въ сію невостроющуюся столицу свою, къ Маю или Іюню мѣсяцу, недостающаго немалаго числа хлѣба; а я де, примолвилъ Государь, и самъ къ вамъ буду.

Князь предложилъ Господамъ Сенаторамъ, что *Его Величеству* потребно еще знатное количество хлѣба для удовольствованія онымъ арміи, а паче флота къ его отправленію въ море; и какъ де Государь къ такому скорому времени не доумѣваетъ, откуда бы оной взять, то по причинѣ того находится въ крайнемъ о семъ безпокойствіи; и вы, продолжаетъ Князь, сдѣлаете великую угодность Монарху сысканіемъ удобнѣйшаго средства къ доставленію потребнаго того количества хлѣба. Господа Сенаторы, по нѣсколькихъ о средствахъ того разсужденіяхъ, не могли сыскать удобнѣйшаго, какъ собрать требуе-

мое количество хлѣба съ крестьянъ Новогородской, яко ближайшей Губерніи, расположа на душу, по чему придетъ.

Меньшиковъ, желая угодить Государю, постарался къ пріѣзду Его заготовить о семъ и опредѣленіе, которое въ самомъ дѣлѣ заготовлено и Сенаторами подписано, кромѣ *Ивана Михайловича Головина*, не бывшаго на то время въ собраніи Сенаторовъ, за случившимися ему нуждами по Адмиралтейству.

Надобно вѣдать, что сей Господинъ *Головинъ* прикомандированъ былъ Монархомъ на время присудствовать въ Сенатѣ.

По подписаніи помянутаго опредѣленія прибылъ Монархъ; Гг. Сенаторы донесли *Его Величеству*, что они, извѣстяся чрезъ Князя *Меньшикова* о нуждѣ, какую *Его Величество* имѣетъ въ хлѣбѣ, опредѣлили собрать оной, по краткости времени, съ крестьянъ Новогородской Губерніи; ибо де изъ дальнихъ Губерній ни собрать, ни привезти онаго въ Петербургъ къ обьявленному имъ времени не можно. Опредѣленіе сіе прочтено, и Монархъ по нуждѣ былъ онымъ доволенъ. Но,

какъ сказано, не было тогда въ собраніи Г. *Головина*, то *Его Величество* и повелѣлъ послать за нимъ; по прибытіи котораго предложено было ему определеніе оное. Но сей достопочтенный сынъ отечества, приказавъ Секретарю читать оное, при каждой почти строкѣ, качая головою, говорилъ: куда какія умныя головы! слышь ты! (сие было присловіе его); а по прочтеніи взялъ определеніе, и не говоря ни слова, разодралъ оное пополамъ, и сталъ писать на бѣломъ листѣ, ворча нѣчто про себя.

Таковый дерзкій поступокъ устрашаетъ всѣхъ Сенаторовъ и прогнѣвляетъ Монарха: *Его Величество* вскакиваетъ съ креселъ, подбѣгаетъ къ Г. *Головину*; но видя его покойно пишущаго, присутствіе духа его останавливаетъ Его за креслами *Головина* до окончанія пишемаго имъ. Можно себѣ представить, сколь должно быть пріятно Монарху, когда прочелъ Онъ изъ-за него все написанное имъ; содержаніе его было слѣдующее: *Стыдно и грѣшно Сенаторамъ возлагать на отягченной и безъ того народъ новое бремя, когда сами они безъ большаго отягощенія поднять могутъ оное на*

себя; и для того настоящую нужду въ провіантѣ наполняютъ они изъ собственнаго своего запаснаго хлѣба, которой есть у нихъ въ Петербургѣ и въ ближнихъ деревняхъ ихъ; въ слѣдствіе сего Иванъ Головинъ пріемлетъ на себя поставить десять тысячь четвертей.

Написавъ сіе, не обращая на Государя глазъ своихъ, подалъ листъ сей сотоварищамъ своимъ, сказавъ: *слышь ты, вотъ какое надобно опредѣленіе!* подписывайтежъ сколько кто сможетъ; а на насъ смотря подпишутъ и всѣ знатные по мѣрѣ своей. Устыжены бывъ симъ всѣ Сенаторы и Князь *Меньшиковъ*, подписали каждой по столькужъ, а послѣдній втрое, чему потомъ соревновали и всѣ знатные.

Когдажъ Великій Государь благодарилъ за такое усердіе Г. *Головина*, то сей на оное отвѣтствовалъ: не за что, Государь, благодарить: мы всѣ по возможности должны Тебѣ помогать; и Ты, чаю, по исправѣ велишь взятое отъ насъ число, всѣмъ намъ со временемъ возвратить (*).

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева.*

Между всѣми добродѣтелями въ Государѣ нѣтъ ни единыя, говоритъ одинъ Писатель, *которая бы болѣе сіяла въ собственномъ своемъ свѣтѣ, какъ преодолѣніе самаго себя. Множество являетъ Исторія Александровъ, множество гордецовъ безумныхъ, множество разорителей и опустошителей свѣта; но весьма мало побѣдителей страстей своихъ.*

Въ Исторіи Ироя нашего видѣли мы, колико выше былъ Онъ страстей своихъ; а многіе и изъ слѣдующихъ анекдотовъ подтвердятъ сіе.

54.

Прокуроръ Коллегіи Адмиралтейской напоминаетъ Государю, яко Шаутбенахту, что онъ не въ очередь подаетъ свой голосъ.

Извѣстно, что Великій Государь въ учрежденную имъ въ 1684 году первую регулярную роту солдатъ, имѣя еще 12 лѣтъ отъ рожденія, внесъ и себя въ списокъ рядовыхъ, и не словомъ, но дѣломъ исправлялъ на ряду съ сотоварищами своими всю должность и работы солдатскія; а равно сему и по морской службѣ на-

чалЪ служить вЪ АмстердамѢ сЪ корабельнаго юнка и матроса, и по обѢимЪ онымЪ службамЪ производимЪ былЪ по очереди, или по линіи вЪ чины. НамѢреніе мудраго сего Монарха, таковымЪ необыкновеннымЪ Самодерцамъ прохожденіемЪ службы, было Его достойно, а именно: 1) ОнЪ хотѢлЪ принятіемЪ на себя, такЪ сказать, *рабія зрака*, исторгнуть изЪ сердецЪ БоярЪ и родословныхЪ особЪ и самый корень вреднаго стариннаго *мѢстничества*, которое гнѢздилось еще вЪ нихЪ, и симЪ образомЪ искоренить совершенно гидру оную; 2) дабы подать вЪ СебѢ самомЪ примѢрЪ Дворянству своему сЪ нѢжныхЪ еще лѢтЪ ко вступленію вЪ службу и кЪ безпрекословному повиновенію; и 3) дабы утвердить ненарушимо порядокЪ вЪ произвожденіяхЪ вЪ чины не по породѢ, а по службѢ и достоинству.

ТакимЪ образомЪ Великій Государь отЪ самыхЪ нижнихЪ званій, происходя по порядку изЪ чина вЪ чинЪ, до 1709 году дошелЪ вЪ службахЪ сухопутной до ГенералЪ-Маіора, а вЪ морской до Шаутбенахта. По сему послѢднему чину занималЪ онЪ и мѢ-

сто въ присудствіи Адмиралтейской Коллегіи, и какъ Шаутбенахтъ, давалъ по очереди свой голосъ.

Въ одно время бывъ онъ на работахъ Адмиралтейскихъ разсерженъ неисправностію корабельныхъ мастеровъ, вошедъ въ Коллегію, сѣлъ по обыкновенію на своемъ Шаутбенахтскомъ мѣстѣ; и когда отъ Прокурора Коллегіи, котораго мѣсто занималъ тогда Полковникъ *Скорняковъ-Писаревъ*, предложено было одно дѣло къ слушанію, и Государь началъ по оному первой разсуждать; тогда Прокуроръ остановя его, сказалъ: не вамъ Г. Шаутбенахтъ должно начинать; есть васъ моложе, а по закону надлежитъ подавать голоса снизу съ самаго младшаго члена, и такимъ образомъ по порядку доходить до старшаго. Монархъ, бывъ уже, какъ сказано, гнѣвенъ, отвѣтствовалъ ему: какъ ты смѣешь мнѣ это сказать! — смѣю, возразилъ Прокуроръ, ибо моя есть должность сохранять порядокъ законной. — Знаешь ли ты, сказалъ паки Государь, съ кѣмъ ты такъ говоришь? — Съ Шаутбенахтомъ. — Ты позабылъ, что за дерзость таковую можешь потерять голову. — О! отвѣт-

ствовалъ Прокуроръ, это голосъ Государской; но когда такъ, такъ на что же гаерствовать; оставь сіе мѣсто, оно не Ваше, и займите Свое, (указавъ на мѣсто Государево), тогда стану предъ онымъ на колѣна, буду записывать карандашемъ всѣ ваши слова и почитать ихъ за Имянные Указы Государевы, которому я обязанъ безпрекословно повиноваться присягою, совѣстію и закономъ Божіимъ. Прогнѣванному Государю столь показались дерзкими всѣ слова его, что Онъ въ крайнемъ гнѣвѣ и дрожащимъ голосомъ крикнувъ на него: *молчи дерзкой!* всталъ со стула, взялъ шляпу, вышелъ изъ присудствія, сѣлъ въ свою одноколку и поѣхалъ во Дворецъ. Монархиня, увидя его въ томъ сильномъ гнѣвѣ, съ нѣжностію спросила его: что съ тобою сдѣлалось, батюшка? — Бездѣльникъ *Писаревъ* одурачилъ и осрамилъ меня. — Боже мой! отвѣтствовала Государыня, онъ уже не разъ тебя оскорбляетъ; для чего же Вы не отлучите его отъ своей Особы? Вы тѣмъ избавите себя отъ досадъ, которыя отъ дерзости его могутъ и впредь тебѣ случиться. — *Не могу, не могу сего я сдѣлать, Ка-*

тинька. — *Для чего же не можешь? Ты Государь. Не могу!* повторяетъ паки Монархъ: *онъ мнѣ надобенъ, ибо всегда говоритъ правду, а сверхъ того могъ бы я тѣмъ устрашить другихъ говорить мнѣ оную.* Сіе послѣднее произнесъ онъ уже умягченнымъ голосомъ (*).

Тако Великій сей Государь, по горячему своему темпераменту, нерѣдко прогнѣвлялся на говорящихъ ему грубо колкую истину; но не только прощалъ имъ оное, но прашивалъ еще у нихъ послѣ прощенія, и усугублялъ любовь и милости свои къ таковымъ сынамъ отечества, какъ сіе видѣли мы въ особѣ Г. *Головина,* и увидимъ ниже въ особъ Князя *Долгорукова* и прочихъ; а изъ сего можно заключить, что Монархъ и у сего Г. *Писарева* подобно же просилъ прощенія: заключеніе сіе потому вѣроятнѣе, что Великій Государь не только его отъ себя не отлучилъ, но и всегда имѣлъ къ нему отличное уваженіе; Онъ возвелъ

(*) Отъ родственника его, почтеннаго старца, Князя *Семена Сергѣевича Львова;* а мнѣ доставилъ анекдотъ сей слышавшій отъ него Г. Генералъ-Порутчикъ *Иванъ Матвѣевичъ Толстой.*

его посл҄ѣ въ Сенатъ въ достоинство Оберъ-Прокурора и нерѣдко поручалъ ему отправленіе должности и Генералъ-Прокурора.

55.

Монархъ обвиняется судомъ въ отнятіи у Рижскаго гражданина гака, и которой паки ему возвращается.

Великій Государь, по завоеваніи Риги, бывъ тамъ въ первые, наградилъ услуги Генералъ-Фельдмаршаловъ, Графа *Шереметева* и Князя *Меньшикова*, пожалованіемъ имъ немалаго числа въ завоеванной землѣ сей гаковъ, изъ числа которыхъ послѣднему достался одинъ принадлежавшій Рижскому гражданину.

Гражданинъ сей, не зная никакихъ за собою преступленій, менѣе же еще, чтобъ онъ чѣмъ-либо оскорбилъ *Его Величество*, осмѣлился къ новому Государю своему притти и объясниться, что онъ ни въ чемъ предъ *Его Величествомъ* не провинился, и ни малѣйшей не подалъ причины ко гнѣву Его; и потому не понимаетъ, за что родовой его гакъ, по Указу *Его Величества*, отнятъ у него и отданъ Князю *Меньшикову*.

Монархъ, выслушавъ оное терпѣливо, сказалъ ему безъ гнѣва: Ежели ты правъ, то можешь принадлежащее тебѣ отыскать судомъ. — Но на кого и гдѣ могу я просить? — На *Меньшикова* и въ здѣшней Ратушѣ; естьлижъ дѣло сіе коснется и до меня, то и я отвѣтствовать буду долженъ, сказалъ Монархъ: ибо де когда кто находится здѣсь, то ктобъ онъ ни былъ, подлежать долженъ и законамъ здѣшнимъ. Удивленный таковымъ отвѣтомъ гражданинъ, и не видя ни малаго въ Монархѣ гнѣва, спрашиваетъ паки: И такъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вы позволяете мнѣ принесть за сіе жалобу? — Никто не можетъ у тебя отнять права защищать себя, заключаетъ Монархъ.

Гражданинъ сей, написавъ челобитную на Князя *Меньшикова*, яко на насильнаго завладѣтеля наслѣдственнаго гака его, подаетъ оную въ Ратушу; но Судьи не принимаютъ оныя, обьясняяся, что гакъ его съ прочими пожалованъ Князю по Имянному *Его Величества* Указу; слѣдовательно прозьба твоя относится на Высочайшее лице самаго Госу-

даря; а Государя судить они не могутъ. Гражданинъ объявляетъ, что онъ изъяснялся о семъ съ самимъ Государемъ, и *Его Величество* именно повелѣлъ ему просить о семъ въ Ратушѣ. По многимъ разсужденіямъ наконецъ челобитная сія принята; и найдено, что такъ его точно ему принадлежитъ, и что въ Указѣ, коимъ пожалованы *Меньшикову* таки, не объявлено ни вины его, и ниже имени его не воспомянуто. Въ слѣдствіе чего отряженъ одинъ членъ къ Князю *Меньшикову* съ донесеніемъ ему о сей на него прозьбѣ, и что по законамъ здѣшнимъ, Его Свѣтлость долженъ притти въ Ратушу и выслушать сію прозьбу и приговоръ Ратушской; но Князь отвѣтствуетъ, что онъ така того не отнималъ, а пожалованъ ему отъ Монарха. Все сіе чрезъ Члена же Ратушскаго представлено *Его Величеству*, и Монархъ подтвердилъ отвѣтъ *Меньшикова*. Такъ что же приказать изволите? Говоритъ присланной Членъ. — Дѣлайте, что законы ваши повелѣваютъ; и буде такъ тотъ дѣйствительно принадлежитъ гражданину тому, то я долженъ буду на оное отвѣтствовать. — Въ такомъ случаѣ,

Всемилостивѣйшій Государь, должно будетъ *Вашему Величеству* самому пожаловать въ Ратушу къ отвѣту. — Хорошо, сказалъ Государь, когда повѣстите мнѣ, я буду.

Дѣло разсмотрѣно вновь; такъ приговорено возвратить законному онаго владѣльцу, и Монарху о семъ повѣщено.

Великій Государь по таковой повѣсткѣ тотчасъ пришелъ въ Ратушу; встрѣтили Его у крыльца, и Монархъ взошедъ съ ними въ присудственную палату, повелѣлъ имъ сѣсть; а на особомъ стулѣ и самъ сѣлъ. Прочли ему дѣло; спросили: не имѣетъ ли *Его Величество* къ оному чего прибавить? И когда отвѣтствовалъ Государь, что не имѣетъ; тогда прочтенъ другой законъ, по коему повелѣвалось при заключеніи дѣла не быть въ палатѣ ни просителю, ни отвѣтчику; и Монархъ вышелъ въ другую палату. Заключеніе учинено: проситель оправданъ, а отвѣтчикъ обвиненъ. Позвали паки Монарха въ присудственную палату, и прочли рѣшительное заключеніе. Великій Государь, выслушавъ оное, благодарилъ ихъ за безпристрастіе въ рѣшеніи

дѣлъ, поцѣловалъ каждаго въ голову, и сказалъ: что когда Государь ихъ повинуется закону, то да не дерзнетъ никто противиться оному! — и такъ тотъ возвращенъ просителю.

Достопамятное сіе происшествіе слышалъ въ Ригѣ, въ 1765 году, бывшій по торговлѣ товарищъ мой Московской купецъ *Иванъ Волковъ* отъ самаго сего гражданина, которой, бывъ въ глубокой старости и Ратсгеромъ сей же Ратуши, разсказывалъ сіе, будучи съ нимъ вмѣстѣ въ компаніи, проливая слезы (*).

Кто не заключитъ изъ послѣднихъ словъ Великаго Государя, сказанныхъ въ Ратушѣ, что въ возвращеніи така того, и въ производженіи дѣла о немъ, не другое было намѣреніе *Его Величества*, какъ только то, чтобъ собственнымъ своимъ примѣромъ утвердить силу и важность законовъ, особливо же въ отношеніи къ новымъ Его подданнымъ?

(*) Сожалительно, что Г *Волковъ* позабылъ фамилію сего гражданина, и выправиться объ оной не было большой нужды прежде; потому паче, что не имѣлъ еще я тогда и намѣренія издавать что-либо о Монархѣ.

Когда власть дѣйствуетъ въ сходственность законовъ, тогда она, говоритъ Мармонтель въ Велизерѣ, *основана на волѣ и силѣ цѣлаго народа; тогда не имѣетъ она иныхъ непріятелей, кромѣ однихъ злыхъ людей, общихъ враговъ; тогда всякой, кто участіе беретъ въ сохраненіи порядка и спокойства общества, есть оберегатель, рожденный отъ власти ихъ покровительствующей, и тогда каждой гражданинъ во врагѣ Государевомъ видитъ своего собственнаго.*

56.

Сравненіе дѣлъ Царя Государя Алексѣя Михайловича съ дѣлами великаго его сына.

Неутомимый въ дѣлахъ Государь болѣе всего бережливъ былъ на время; Онъ жалѣлъ проводить безъ пользы и одинъ часъ онаго; Онъ не терпѣлъ никогда, даже и во время стола, праздныхъ, или ничего важнаго не заключающихъ въ себѣ разговоровъ; но обыкновенно разсуждалъ о какихъ-нибудь полезныхъ и наставительныхъ матеріяхъ; и для того-то не позволялъ онъ, чтобъ были при столахъ его и самые служители, которые, подавъ

кушанье на столѣ, должны были тотъ же часъ выходить. Онъ о послѣднихъ говаривалъ, что сіи люди смотрятъ только каждому въ ротъ и часто, толкуя слова превратно, разсѣваютъ оныя столь же превратно и въ народъ.

Сколь важными предметами въ разговорахъ занимался Государь и за столомъ, покажетъ намъ слѣдующій анекдотъ. Въ 1714 году Монархъ, со многими знатными Господами бывъ на одномъ пиру, завелъ рѣчь о дѣлахъ Царя родителя Своего, бывшихъ въ Польшѣ, и о великихъ препятствіяхъ, чиненныхъ ему отъ Патріарха *Никона*. Всякой изъ присутствовавшихъ за столомъ дѣлалъ о томъ свои разсужденія, между которыми Графъ *Мусинъ-Пушкинъ* сталъ выхваляшь дѣла *Его Величества*, и напротивъ унижать дѣла Царя родителя его, говоря между прочимъ, что: Ежели какія при немъ и были важныя дѣла, то оныя отнести должно больше *Морозову* и другимъ искуснымъ его Министрамъ, а не ему. Великій Государь едва могъ дослушать оное, не изъявя гнѣва своего; выслушавъ же далъ ему почувствовать свое неудо-

вольствіе сими словами: *ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою, болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу;* и вставши изъ-за стола, подошелъ къ Князь *Якову Ѳедоровичу Долгорукову*, сидѣвшему еще за столомъ, и ставши за его стуломъ, сказалъ: *Дядя! я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть; но какъ разсужу, то и увижу, что ты меня и Государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренне и благодарю; нынѣ же тебя спрошу и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемѣрную правду скажешь.*

Князь на сіе сказалъ Государю: Изволь сѣсть! а я подумаю. И какъ Монархъ подлѣ него сѣлъ, и всѣ присутствовавшіе обратили на него свое вниманіе, желая слышать судъ его: то сей Катонъ Россійскій, подумавши немного, и по повадкѣ большіе свои усы поглаживая, началъ такъ:

„Государь! сей вопросъ не льзя „кротко изъяснить, для того, что „дѣла разныя: въ иномъ отецъ Твой, „а въ иномъ Ты больше хвалы и благо-„даренія нашего достоинъ. Главныя

„дѣла Государей, по коимъ они отлы-
„чаются, три: Первое, внутренняя
„разправа, и главное дѣло Ваше есть
„*правосудіе*; въ семъ отецъ Твой боль-
„ше сдѣлалъ, нежели Ты: онъ сдѣ-
„лалъ намъ уложенье, по коему и ны-
„нѣ мы судимся; но когда и Ты о
„семъ прилѣжать будешь, то можетъ
„быть и превзойдешь его, и пора уже
„Тебѣ о томъ и думать. Второе, *военныя*
„*дѣла*; отецъ Твой много чрезъ оныя
„хвалы удостоился, и пользу великую
„государству принесъ, и Тебѣ устрое-
„ніемъ нѣсколькихъ регулярныхъ
„войскъ путь показалъ; но по немъ
„несмысленные почти всѣ его учреж-
„денія такъ разорили, что Ты почитай
„все вновь дѣлалъ и въ лучшее состоя-
„ніе привелъ: однакожъ я, много ду-
„мая о томъ, еще не знаю, кого бо-
„лѣе хвалить? но конецъ войны тво-
„ея прямо намъ то покажетъ. Третіе,
„*въ устроеніи флота, въ союзахъ* и
„*поступкѣ съ иностранными*; Ты да-
„леко большую пользу государству,
„и себѣ честь пріобрѣлъ, нежели
„отецъ Твой, и сіе все самъ, надѣ-
„юсь, за правду примешь. Чтожъ
„разсуждаютъ, яко бы Государи како-
„выхъ Министровъ умныхъ или глу-

„пыхъ имѣютъ, таковы ихъ и дѣла; „но я противно разумѣю: мудрый „Государь умѣетъ мудрыхъ и совѣт„никовъ избирать и вѣрность ихъ на„блюдать; и такъ у мудраго не мо„гутъ быть глупые Министры; по„неже онъ о достоинствѣ каждаго „разсудитъ, и правые совѣты отъ „неправыхъ и вредныхъ различить „можетъ.„

Великій Государь, съ великимъ вниманіемъ все сіе выслушавъ, разцѣловалъ его и сказалъ Хрістовы слова: *Благій рабе и вѣрный! въ малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю.*

Предавшій намъ сіе (*) заключаетъ, что все слышанное и видѣнное имъ *Меньшикову* и другимъ весьма было прискорбно, и всѣ мѣры прилагали озлобить на него Государя, но не успѣли ничего.

Мы съ удивленіемъ читаемъ въ Исторіи Аглинской о твердости *Виліама Гаскоаня*, одного изъ главныхъ государственныхъ Судей, оказанной при слѣдующемъ случаѣ: Одинъ молодой

(*) *Василій Никитичъ Татищевъ*, достовѣрнѣйшій всего сего свидѣтель.

придворной Господинъ, любимецъ наслѣднаго Принца, за учиненное преступленіе взятъ былъ Судіею онымъ подъ стражу. Принцъ приходитъ въ Судъ и съ жаромъ требуетъ его свободы: но *Гаскоань* съ холодностію отвѣчаетъ: „Ежели желаете вы спа„сти преступника, то просите о „томъ Короля, вашего Государя и от„ца; онъ одинъ имѣетъ право про„стить его.„ Отказъ сей распаляетъ Принца гнѣвомъ; и онъ обнажаетъ шпагу свою и угрожаетъ Судьѣ смертію, ежели онъ тотъ часъ не исполнитъ его требованія. Неустрашимый *Гаскоань* повелѣваетъ Принцу, за оказанное имъ презрѣніе къ закону, итти прямо въ тюрьму. Твердостію таковою Принцъ поражается, приходитъ въ разсудокъ, съ почтеніемъ покаряется приговору, и идетъ въ тюрьму. *Генрихъ IV*, отецъ его, узнавъ о всемъ семъ, поднимаетъ руки къ небу и въ восторгѣ радости произноситъ: *О Боже! какимъ благодареніемъ я Тебѣ не долженъ, что Ты даровалъ судію, которому ничто не можетъ воспрепятствовать быть справедливымъ, и сына, которой имѣетъ твердость жертвовать своимъ сердцемъ*

повиновенію, требуемому отъ него закономъ.

Какого же не заслуживаетъ уваженія и сего нашего Судіи безпристрастіе и твердость въ сужденіи о дѣлахъ Самодержца своего; болѣе же еще снисхожденіе Монарха, съ такою благодарностію и признательностію принявшаго оное!

Сей великій по истиннѣ мужъ, къ которому лесть и клевета никогда приступны не были, нерѣдко распаленный гнѣвъ Великаго Монарха укрощалъ правотою своею, и мудрыми противорѣчіями своими склонялъ Его отмѣнять даже и данные уже Имъ Указы, кои недовольно были обдуманы, какъ-то увидимъ мы сіе и изъ слѣдующихъ анекдотовъ.

57.

Запальчивость Государева, въ которой едва не закололь Онъ Князя Долгорукова; неустрашимость сего Князя, и признательность Монаршая.

Въ одно время, когда Государь былъ гнѣвенъ, Князь *Яковъ Ѳедоровичь Долго-*

руковъ прибылъ къ *Его Величеству*, и по, неизвѣстно, какому-то дѣлу бывъ съ мнѣніемъ Монарха несогласенъ, оспоривалъ оное, и дерзко утверждалъ свое, чѣмъ, и до того гнѣвнаго уже, Государя толико раздражилъ, что Онъ, выхватя изъ ноженъ кортикъ, устремился было на его пораженіе; но сей неустрашимый и вѣрный подданный, ухватя Монарха за руку, *Постой*, сказалъ, *Государь! честь Твоя дороже мнѣ жизни моей. Что тогда скажетъ о Тебѣ свѣтъ, естьли Ты своими руками умертвишь вѣрнаго подданнаго, и за то только, что онъ осмѣлился Тебѣ противорѣчить въ дѣлѣ, которое онъ иначе понималъ? Когда тебѣ голова моя надобна, не опогоняя своихъ рукъ, вели ее снять палачу на площади; тогда сочтутъ казнь мою за какое-нибудь важное злодѣйство, и Ты останешься безъ порицанія; судить же Тебя будетъ со мною одинъ только Богъ.*

Таковою рѣчью, сколько впрочемъ ни была она дерзка, погасаетъ запальчивость Государева; Онъ устыжается, повергаетъ кортикъ и уходитъ отъ него, не сказавъ ни слова; и по нѣсколькихъ минутахъ входитъ паки

въ комнату ту, и проситъ у него въ поступкѣ своемъ прощенія (*).

Подобное сему же происшествіе предалъ намъ и Г. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, *Аѳанасій Леонтьевичъ Афросимовъ*, съ тою только разностію, что оное было на шлюбкѣ, на которой Монархъ ѣхалъ съ Княземъ *Долгоруковымъ* изъ Кроншпата; и что онъ Г. *Афросимовъ* на оной бывъ тогда гребцомъ, былъ слѣдовательно и очевидецъ онаго.

Какихъ бы, казалось, печальныхъ послѣдствій не надлежало ожидать отъ характера толь горячаго въ Самодержцѣ, въ минуту до толикія крайности раздражиться готоваго? *Александръ*, въ подобномъ гнѣвѣ, убивающій друга своего, котораго имѣлъ онъ въ лучщемъ изъ подданныхъ своихъ *Клитѣ*, сему служитъ доказательствомъ. Но въ самомъ пылу гнѣва внимать гласу колкой истинны; и не только признаваться предъ произносившимъ оную, и раздражившимъ его подданнымъ, но и просить у него въ томъ прощенія, есть присутствіе духа

(*) Отъ Деньщика Государева г. *Шемякина*, мнѣ сообщилъ оное почтенный сынъ его Генералъ-Маіоръ *Иванъ Степановичъ Шемякинъ*.

вѣроятіе превосходящее: таковъ однако же былъ Ирой нашъ. Вышеприведенные подобные сему примѣры запальчивости, и въ ту же минуту укрощеніе оной, относительно къ Царевнѣ сестрѣ Его и къ Г. *Лефорту*, равно какъ и слѣдующіе анекдоты сіе же доказываютъ.

58.

Сей же Князь Долгоруковъ оспориваетъ подписанное Государемъ опредѣленіе; и Государь за оное благодаритъ его.

По новости Санктпетербурга, и по неопытности торгующихъ хлѣбомъ, мало его было привозимо въ оной; а изъ завоеванныхъ у Швеціи провинцій, яко долговременною войною разоренныхъ; равно какъ и изъ ближнихъ Губерній, не могли онаго доставать въ довольномъ количествѣ; и потому надлежало вызывать подрядчиковъ, и привозить оной съ Низу; отъ чего происходила иногда опасность въ претерпѣніи въ немъ недостатка. Въ одно изъ таковыхъ время по рапортамъ оказалось, что въ магазейнахъ оставалось для пропитанія войска хлѣба только на одинъ мѣ-

сяцъ; буде же бы скупить оной у торгующихъ, то, по небольшому оставшемуся у нихъ количеству, необходимо оголожены бъ были жители; а идущій съ Низу водою подрядной хлѣбъ не могъ, по расчисленію времени, придти прежде двухъ или и трехъ мѣсяцовъ.

Великій Государь, бдящій неусыпно за всѣмъ, предложилъ Сенату, чтобъ употребилъ онъ все стараніе свое, удобнѣйшимъ и неотяготительнымъ народу средствомъ, предупредить ожидаемый недостатокъ въ хлѣбѣ, и отвратить неминуемую опасность голода.

Сенатъ, по долгомъ разсужденіи, не могъ сыскать инаго къ тому средства, какъ таковое же, какое и въ предупомянутомъ подобномъ же анекдотѣ показано, то есть, собрать по четверику съ души крестьянской Новогородской, яко ближайщей къ С. Петербургу, губерніи.

Монархъ, бывъ занятъ безчисленными заботами и попеченіями, и не имѣвъ времени входить въ сіе разсужденіе Сената, подтвердилъ то определеніе его, повелѣвъ немедленно послать, куда слѣдуетъ, о томъ Указы,

съ таковымъ однакожъ прибавленіемъ, чтобъ къ сбору того хлѣба опредѣлить людей добрыхъ и честныхъ, дабы не могло быть какихъ-либо въ томъ злоупотребленій. Въ слѣдствіе сего учинено опредѣленіе и всѣми Сенаторами подписано, кромѣ одного Князя *Долгорукова*, котораго на то время не было въ Сенатѣ, и заготовлены по оному всѣ Указы. Когда же Князь сей по изготовленіи всего того прибылъ въ оной: то и подано ему опредѣленіе, подписанное, какъ сказано, всѣми Сенаторами и утвержденное самимъ Государемъ, по которому за тѣмъ только не посланы Указы, что имъ не подписано еще опредѣленіе.

Князь, прочитавъ опредѣленіе, и не говоря ни слова, потребовалъ сургуча и огня; собравъ всѣ заготовленные Указы, и съ онымъ опредѣленіемъ сложа вмѣстѣ, запечаталъ; и, ни слова же не говоря, вышелъ изъ Сената и поѣхалъ къ обѣднѣ.

Всѣ Господа Сенаторы, таковымъ поступкомъ удивленные, одни сожалѣли о немъ, а большая ихъ половина внутренне радовались, что *умникъ сей* (такъ его въ ироческомъ мо-

жетъ быть смыслъ называли они тогда) непремѣнно подпадетъ подъ тяжкой гнѣвъ Государя, яко по такому дѣлу, которое не терпитъ отсрочки и утверждено *Его Величествомъ.* Тотчасъ доносятъ о семъ Монарху, бывшему тогда въ Адмиралтействѣ, присовокупя къ тому, что онъ подобные остановки въ дѣлахъ несоглашеніями и спорами своими всегда причиняетъ, и даже до того, что дерзаетъ иногда и самое высочайшее Его повелѣніе презирать, какъ де то и въ семъ нужномъ дѣлѣ оказалъ онъ себя. Недоброжелательствующіе изъ нихъ уже внутренне торжествовали о неминуемомъ, по ихъ мнѣнію, низверженіи его.

Монархъ, прочтя донесеніе сіе, прогнѣвляется, пріѣзжаетъ тотъ же часъ въ Сенатъ, спрашиваетъ *Долгорукова*; увѣдомляется, что онъ уѣхалъ къ обѣднѣ; посылаетъ за нимъ, чтобъ былъ въ Сенатъ. Посланный объявляетъ ему Монаршее повелѣніе, но Князь на оное сказалъ только: *слышу.* Прогнѣвленный Монархъ, не видя пріѣзду его, посылаетъ по него паки, чтобъ тотъ же часъ былъ къ Нему. Посланный получаетъ отъ него

таковой же отвѣтъ, какъ и прежде: *слышу*; и остается въ церкви. Монархъ, и по повторительной сей посылкѣ, не видя пріѣзду его, паче еще рездражается; а сотоварищи, нелюбившіе его за правоту и противорѣчіе, не упускаютъ случая сего, въ большее озлобленіе привести на него Государя. Одни изъ нихъ, пожимая плечами, будто бы про себя говорили: *какое дерзкое упорство!* а другіе и самому Монарху: *Ваше Величество* можете изъ толикаго противоборства воли Вашей заключить, какую уже мы должны сносить досаду отъ упорства и противорѣчія его, по дѣламъ всегдашнюю остановку причиняющаго, и всѣ наши резоны съ презрѣніемъ отвергающаго. Огорченный всѣмъ симъ до крайности Государь посылаетъ по него въ третіе, и приказываетъ сказать ему, что: естьли онъ съ симъ посланнымъ не придетъ, то вѣдалъ бы, что поступлено будетъ съ нимъ, какъ съ ослушникомъ и презрителемъ верховной власти. Посланный пересказываетъ ему всѣ слова прогнѣваннаго Государя; но Князь, не отвѣчая ничего, молится, повторяя нѣсколькократно въ слухъ слова

Хрістовы: *воздадите Божія Богови, а Кесарева Кесареви.* Посланный спрашиваетъ: Что онъ прикажетъ донесть Государю? донеси, сказалъ Князь, все, что ты видишь и слышишь. Сей доноситъ отвѣтъ его и слышанныя имъ слова, въ молитвѣ его повторенныя; но обѣдня между тѣмъ окончалась, и Князь вскорѣ за послѣднимъ посланнымъ самъ пріѣзжаетъ въ Сенатъ. Сколь былъ прогнѣвленъ на него Государь, оное оказалось при входѣ его. Монархъ подбѣжалъ къ нему, одною рукою взялъ его заворотъ, а другою выхватилъ свой кортикъ, говоря: Ты долженъ умереть, какъ противникъ Государевъ и ослушникъ воли и повелѣнія его! Князь, не теряя духа, разкрывъ грудь свою, сказалъ: Вотъ грудь моя! я безъ ужасу готовъ принять смерть за правду; и Ты будешь *Александръ*, а я *Клитъ.* При сихъ словахъ Монархъ опускаетъ руки и отскакиваетъ отъ него на нѣсколько шаговъ, какъ бы чего испугавшійся; и по семъ, поглядя ему въ глаза съ полминуты, сказалъ: Какъ ты осмѣлился остановить опредѣленіе, утверржденное мною? — Ты самъ повелѣлъ мнѣ, отвѣтствуетъ Князь, пред-

ставлять Тебѣ истинну, и стараться о пользѣ Твоей и народа Твоего: такъ могу ли по совѣсти исполнять то, что противно истиннѣ и пользѣ Твоей и народной? Монархъ, уже умягченный таковымъ отвѣтомъ, спросилъ его: Но гдѣжъ возмемъ мы хлѣбъ? Развѣ хочешь ты видѣть печальное слѣдствіе голода? — Нѣтъ, Государь, сохрани насъ отъ того Богъ! и средство къ отвращенію мнимой сей опасности не стоитъ таковаго безпокойства, въ каковомъ я теперь вижу Тебя и сихъ Господъ, (указавъ на Сенаторовъ). Средство сіе, продолжалъ Князь, въ нашихъ рукахъ, и удобнобъ могли оное выразумѣть, ежелибъ только хотя немного поусерднѣе объ ономъ подумали, съ тою еще выгодою, что подданные Твои Новгородской губерніи, болѣе другихъ отъ войны тяготы понесшіе, не будутъ обременены симъ новымъ налогомъ. Какое же средство? вопрошаетъ паки совершенно успокоившійся уже Государь. — Изволь-ка сѣсть, Государь, я Тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ. Монархъ и всѣ Сенаторы сѣли; и Князь продолжалъ: провіантъ Твой будетъ сюда по крайней мѣрѣ не прежде,

какъ чрезъ два мѣсяца; а до того времени есть у меня столько-то кулей муки; на продовольствіежъ дому моего надобно мнѣ только половина, или немного побольше; слѣдственно около половины есть у меня излишняго; у Князя *Меньшикова*, за всѣми его разходами, какъ я заподлинно знаю, останется гораздо еще больше половины; у Адмирала тожъ; у того и того столько-то; и такъ наименовавъ всѣхъ поименно, разочтя, что у всѣхъ излишняго, за двумѣсячнымъ употребленіемъ своимъ, останется гораздо еще болѣе, нежели сколько онаго потребно до прибытія ожидаемаго провіанта на продовольствіе войска и бѣдныхъ гражданъ, сказалъ: сіи остатки возьмите у насъ, яко ненужные намъ, и такимъ образомъ никакой не будетъ нужды; а какъ придетъ ожидаемой хлѣбъ, то и можешь Ты всѣмъ намъ, взятой у насъ возвратишь новою мукою, мы же довольнѣе еще останемся, что вмѣсто лежалой получимъ свѣжую; войско Твое и всѣ будутъ снабдѣны, а бѣдные крестьяне Новогородскіе не потерпятъ излишней сей тягости; да не думаешь ли Ты, Государь, продолжалъ

паки Князь, чтобѣ крестьянинѣ могѣ вѣ такомѣ случаѣ раздѣлаться однимѣ четверикомѣ? Нѣтѣ! ему мало будетѣ на раздѣлку сію и двухѣ; воры коммисары сыщутѣ кѣ тому средство; они подѣ предлогомѣ, что мука дурна, прогорькла и проч., не станутѣ ее принимать, и крестьянинѣ принужденѣ будетѣ сѣ поклонами просить, чтобѣ хоть вдвое да взяли, только бы его не мучили. А какѣ я уже сказалѣ, что губернія Новогородская отѣ войны гораздо болѣе предѣ другими чувствуетѣ отягощенія, и многіе вѣ ней сѣ нуждою едва и себя сѣ сѣмействомѣ своимѣ прокармливаютѣ: то разсуди, заключилѣ Князь, какая бы это была для нихѣ тягость!

Монархѣ, выслушавѣ все сіе сѣ великимѣ вниманіемѣ, обратяся кѣ другимѣ Сенаторамѣ, кои всѣ молчали, сказалѣ: Чтожѣ вы молчите и не противорѣчите? правдуль онѣ говоритѣ или нѣтѣ? Тогда принуждены были всѣ они признаться, что Князь говоритѣ дѣльно и справедливо; изѣявили охотность свою отдать всѣ свои избытки хлѣба. Вижу я, заключилѣ Государь, смотря на нихѣ, что можно вамѣ упорство и противорѣ-

чія его сносить. Наконецъ Великій Государь въ чувствительныхъ выраженіяхъ благодарилъ Князя, и признаваяся въ неразсмотрительности своей, что положился на представленное ему отъ Сената мнѣніе, и въ напрасномъ своемъ на него гнѣвѣ, просилъ въ томъ у него прощенія.

Признательность таковая въ Самодержцѣ, и прошеніе у подданнаго прощенія, не есть ли драгоцѣннѣйшимъ всѣхъ бриліантовъ украшеніемъ короны его (*)?

59.

Тотъ же Князь Долгоруковъ вторично оспориваетъ Государевъ Указъ, и подобно же получаетъ отъ Его Величества благодареніе за оное.

Въ другое время Великій Государь, имѣя нужду въ немаломъ количествѣ муки и другаго хлѣба для флота, прислалъ въ Сенатъ Указъ, повелѣвая доставить къ веснѣ означенное

(*) Анекдотъ сей сообщенъ мнѣ отъ Г. Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, которой онъ слышалъ отъ дяди своего *Ильи Ѳедоровича Ушакова же*, служившаго при семъ Великомъ Государѣ въ гвардіи.

въ ономъ количество хлѣба изъ Низовыхъ мѣстъ, дабы непоставкою онаго не остановить флота.

Прочтенъ въ полномъ собраніи Указъ сей; но Князь *Долгоруковъ*, по выслушаніи онаго, качая головою, сказалъ: спустя лѣто да въ лѣсъ по малину, но полно можно извинить Государя безчисленными Его заботами, что не обдумавши написалъ Указъ сей. Ну какъ можно (продолжалъ онъ) исправиться къ веснѣ поставкою сюда изъ такой дали хлѣба, упустя время? а хотябъ и положить, что съ нуждою поставить можно, но въ такомъ случаѣ станетъ онъ вдвое; а самъ же Онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ. Сказавъ сіе, положилъ тотъ Указъ подъ сукно.

Тотчасъ донесено о семъ Государю; и *Его Величество* немедленно прибывъ самъ въ Сенатъ, спросилъ съ досадою, исполнено ли по послѣднему Его Указу? Не исполнено, отвѣтствуетъ на сіе Князь; ибо исполнить онаго не можно. Монархъ со гнѣвомъ, перебивъ его рѣчь, сказалъ: Отъ тебя всегда противорѣчія я слышу; съ чемъ же я флотъ мой выпроводить могу? Не гнѣвайся Государь, но выслушай

сперва. — Ну что такое? — А вотъ что: время уже упущено, и вычислилъ, что изъ столь дальнихъ мѣстъ поставить въ Петербургъ онаго къ веснѣ никакъ не можно; а хотябъ, продолжалъ Князь, и можно было исправиться, но станетъ онъ цѣною почти вдвое, такъ за чѣмъ же такая напрасная трата въ деньгахъ, въ коихъ Ты еще и нужду имѣешь? А ежели еще и при всемъ томъ не можетъ онъ къ тому времени поставиться, какъ-то и думать можно, то не станешь ли Ты болѣе еще тогда на насъ гнѣваться? А можно и безъ того исправиться, и флоту Твоему въ свое время вытти въ море. Да какъ же? сказалъ Государь. А вотъ какъ, продолжалъ паки Князь: у меня скоро будетъ сюда хлѣба больше, нежели сколько на употребленіе дому моего надобно; у *Меньшикова*, я слышу, идетъ его и гораздо большее количество, нежели сколько ему надобно; да чаю и у всѣхъ у нашей братьи тожъ, такъ Ты Государь и можешь у всѣхъ насъ излишки тѣ отобрать; а я навѣрное надѣюсь, что сихъ излишковъ будетъ столько, сколько Тебѣ надобно; буде же бы того и мало

было, то можно для Твоей нужды и изъ настоящей пропорціи намъ по нѣскольку ущербить, но до того, чаю, не дойдетъ; а между тѣмъ не торопяся, въ свое время и безъ передачи въ цѣнѣ, хлѣбъ сюда доставить; тогда Ты Государь всѣмъ намъ, какъ и прежде было, взятое у насъ количество отдашь, такъ и Ты и мы всѣ будемъ безъ убытку, а хлопотъ-та уже никакихъ и не будетъ. Вотъ для чего, заключилъ Князь, исполнить-та Указу Твоего было не можно.

Монархъ, выслушавъ оное, поцѣловалъ его въ голову, и сказалъ: спасибо дядя! ты право умнѣе меня, и ненапрасно называютъ тебя *умникомъ*. На сіе Князь отвѣчалъ, нѣтъ Государь, не умнѣе, но у меня меньше дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать, а и тутъ иногда ошибаюсь; у Тебя же ихъ безъ числа, такъ и недивно, что Ты иного и не обдумаешь.

Послѣ сего Государь, взявъ свой Указъ, при всѣхъ оной разодралъ.

Толико-то Великій Государь любилъ правду, хотя оная и очень была груба; и такъ-то не стыдился при-

знаваться, ежели что докажутъ Ему справедливо, хотя бы то было и въ точную противность даннаго отъ Него повелѣнія!

Слѣдующій анекдотъ паче еще подтвердитъ сіе заключеніе.

60.

Третично оспоривает Князь Долгоруковъ Указъ Его Величества.

Не за долго до заключенія съ Швеціею мира, Монархъ, присудствуя въ Сенатѣ, повелѣлъ для Петербургскихъ и въ окрестностяхъ онаго производимихъ работъ, сдѣлать по прежнему нарядъ работниковъ изъ губерній.

Но сей же Князь, съ обыкновенною ему смѣлостію и чистосердечіемъ, сказалъ на сіе Монарху: пора бы уже Тебѣ губерніи-та отъ сего и освободить! Такъ по твоему, пресѣкъ Монархъ рѣчь его, надобно работы остановить? Знаменитой мужъ сей вмѣсто отвѣта на сіе сказалъ Государю: время уже обѣдать, а хлѣбъ соль не бранитъ; пожалуйте ко мнѣ откушать, такъ я Тебѣ скажу, что и наряду-та работниковъ изъ губер-

ній не надобно, и работы-та Твои не остановятся.

Хорошо, сказалЪ на сіе Государь, поѣдемЪ, и что-то я отЪ тебя услышу?

По пріѣздѣ вЪ домЪ Княжой, послѣ рюмки водки, хозяинЪ заговорилЪ: теперь Государь у Тебя война слава Богу приходитЪ кЪ окончанію и арміи Твоей по крайней мѣрѣ половина безЪ дѣла: то естьли опредѣлишь Ты и однихЪ праздныхЪ солдатЪ кЪ работамЪ симЪ, давая имЪ сверхЪ жалованья заработныя деньги, по чему и другимЪ работникамЪ платится, тогда и они и губерніи Твои весьма будутЪ тѣмЪ довольны; а особливая выгода отЪ того будетЪ еще и та, что солдаты Твои, стоя на квартирахЪ безЪ дѣла, не избалуются.

Признательнѣйшій МонархЪ благодарилЪ его за такое наставленіе, и УказЪ свой уничтожилЪ (*).

Слѣдующій за симЪ анекдотЪ, для большаго доказательства безпредѣль-

---

(*) Два сіи анекдота получилЪ я отЪ Г. Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*, служившаго при семЪ же ВеликомЪ Государѣ, засвидѣтельствованные и *Аврамомъ Петровичемъ Ганнибаломъ*.

наго снисхожденія Великаго Государя, и таковыя же признательности, займу я у Г. Профессора *Штелина*.

61.

Величіе духа въ Государѣ и снисхожденіе его на сдѣланное Сенаторомъ Долгоруковымъ преступленіе изъ патріотическія ревности.

ПЕТРЪ Великій, (говоритъ Г. *Штелинъ*) при самой очевидности яснаго оскорбленія Величества своего, умѣлъ себя воздерживать, доколѣ не изслѣдовано было дѣло въ точности; и естьли находилъ, что погрѣшность происходила изъ любви къ Отечеству и имѣла предметомъ пользу Государственную, то не только прощалъ, но и благодарилъ еще виноватаго за усердіе его ко благу Отечества.

Его Величество при первомъ начатіи работы большаго Ладожскаго канала опредѣлилъ, чтобъ владѣльцы деревенъ Новогородской и Петербургской губерній, посылали на работу оную крестьянъ своихъ; и будучи въ Сенатѣ, самъ подписалъ Указъ о семъ

Князь *Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ*, къ коего прозорливости и опытности

Великій Государь имѣлъ отличное уваженіе и довѣріе, занятъ будучи другими важными дѣлами, случившимися въ тотъ день, не присудствовалъ тогда въ Сенатѣ; и потому не зналъ, что безъ него произходило въ ономъ.

На другой день, когда надлежало приступить къ исполненію Указа онаго, прибылъ онъ въ Сенатъ, и по обыкновенію своему прежде всего спросилъ: о чемъ вчера въ Сенатѣ было разсуждаемо? Ему подали подписанный всѣми Сенаторами протоколъ, въ которомъ записано было Монаршее повелѣніе о томъ, чтобъ крестьяне Новогородской и Санктпетербургской губерній употреблены были для копанія Ладожскаго канала

Князь, по прочтеніи онаго, началъ съ жаромъ говорить, что таковое повелѣніе противно государственной пользѣ, и что о томъ должно Государю непремѣнно и въ самой скорости доложить, дабы не поспѣшествовать конечному разоренію сихъ и безъ того уже предъ прочими истощенныхъ губерній. И какъ онъ продолжалъ ревностно оспоривать сіе недовольно обдуманное опредѣленіе, то дабы убѣдить его, что того перемѣнить уже

не льзя, предложили ему подписанное самимъ Государемъ опредѣленіе: но *Долгоруковъ*, слѣдуя единой ревности своей къ пользѣ общей, къ изумленію всего Сената, разорвалъ сіе подписанное Монархомъ опредѣленіе. Всѣ Сенаторы ужаснувшись, встали съ мѣстъ своихъ и спрашивали его: знаетъ ли онъ, что сдѣлалъ, и что ему будетъ за толь дерзостный поступокъ? Знаю, что я сдѣлалъ, отвѣтствовалъ онъ; и буду за сіе отвѣтствовать предъ Богомъ, предъ Государемъ и предъ Отечествомъ.

Въ самое сіе время ПЕТРЪ Великій вошелъ въ Сенатъ. Онъ удивился смятенію Сенаторовъ и спросилъ: Что значитъ необыкновенный сей шумъ? Генералъ-Прокуроръ съ трепетомъ подалъ *Его Величеству* подписанное имъ и *Долгоруковымъ* изодранное опредѣленіе. Монархъ симъ произшествіемъ въ началѣ приведенный въ сильной гнѣвъ, спросилъ Князя съ жаромъ: Что побудило его сдѣлать столь неслыханное преступленіе противу верховной власти? Ничто иное, какъ ревность моя къ Твоей славѣ и къ благосостоянію Твоихъ подданныхъ. Не гнѣвайся на меня, ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ,

продолжалъ онъ; я надѣюсь на Твое благоразуміе, что Ты собственную свою землю не хочешь разорить такъ, какъ *Карлъ XII* разоряетъ свою. Ты потoропился дать сіе повелѣніе и не размыслилъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ сіи губерніи, которыя доселѣ больше, нежели всѣ вмѣстѣ провинціи Россійскія въ настоящую войну претерпѣли, сколько въ нихъ людей вымерло, и сколь великъ въ оныхъ нынѣ недостатокъ въ народѣ? Что препятствуетъ Тебѣ къ работѣ сего, необходимо нужнаго для Твоего Петербурга канала, взять работниковъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой по немногу? Онѣ несравненно болѣе могутъ дать людей, нежели сіи двѣ безлюдныя почти губерніи, и онѣ отъ того немного потерпятъ. Сверхъ того есть у Тебя довольно военноплѣнныхъ Шведовъ, коихъ Ты, вмѣсто собственныхъ своихъ подданныхъ, къ сей тяжкой работѣ употребить можешь.

Монархъ все сіе выслушалъ съ написаннымъ на лицѣ Его удовольствіемъ. Все это хорошо, сказалъ Онъ; но на чтожъ драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что сіе такая дер-

зость, которая нигдѣ не можетъ быть стерпима? — Въ этомъ-то только я и виноватъ, Государь, что не утерпѣлъ, отвѣтствовалъ сей вѣрной подданной. Послѣ сего Монархъ нѣсколько подумалъ, и обратяся къ прочимъ Сенаторамъ, сказалъ: Хотя я было такъ сперва и положилъ, однакожъ сіе дѣло еще разсмотрю, и дамъ Сенату мое послѣднее о томъ повелѣніе. На семъ дѣло сіе и остановилось; въ послѣдствіи же Великій Государь для копанія Ладожскаго канала нашелъ другія средства, по точнѣйшему разсмотрѣнію онаго, чаятельно съ *Долгоруковымъ*, на коего Онъ толико полагался. Вскорѣ потомъ отправилъ на работу оную нѣсколько тысячь военноплѣнныхъ Шведовъ (*).

62.

Князь Меньшиковъ жалуется Государю на Князя Долгорукова; слѣдствіе о томъ.

Великій Государь, для приведенія въ лучшій порядокъ Коммисаріатскихъ

(*) Г. Профессоръ *Штелинъ* слышалъ все сіе отъ Горнаго Совѣтника фонъ-Гейстера, которой де разсказывалъ о томъ, какъ о из-

дѣлъ, поручилъ оныя въ вѣденіе сего же Князя *Долгорукова.* Въ одно время, по недостатку синяго сукна, отпустилъ онъ на одинъ *Меньшикова* полкъ на плащи солдатамъ, вмѣсто синяго, зеленое сукно. *Меньшиковъ*, не зная причины, для чего сего цвѣту сукно отпущено, вообразилъ, что сдѣлано то въ угодность его, дабы, то есть, полкъ его отмѣнить отъ другихъ, поелику одни только гвардейскіе полки имѣли зеленые плащи, и былъ симъ отличіемъ весьма доволенъ. Но какъ по прошествіи опредѣленнаго срока мундиру, отпущено было на плащи въ томъ же его полкъ по прежнему синее сукно: то *Меньшиковъ*, принявъ сіе за обиду себѣ, посылаетъ къ Князю *Долгорукову* одного изъ тварей своихъ, котораго онъ изъ низкаго званія, за приверженность къ себѣ и наушничество, производя изъ чина въ чинъ, рекомендаціями своими и прозьбою у Государя, довелъ напослѣдокъ до Полковника. Онъ приказываетъ сему Полковнику спросить, для чего

вѣстномъ всему Петербургу происшествіи; а я нѣсколько словъ прибавилъ къ оному слышанныхъ мною отъ Коммисара Г *Крекшина.*

на полкъ его прислано сукно не такого *колеру*. Полковникъ сей, или не вслушавшись, или не разумѣя, что значитъ слово *колеръ*, и позабывъ оное, пришедши къ нему, отъ имени приславшаго его говоритъ: что Его Свѣтлость проситъ Ваше Сіятельство дать ему знать, для чего на полкъ его отпущено сукно не того *калибра*? — Что ты говоришь? — Не того *калибра*, повторяетъ Полковникъ. Глупъ братъ ты, сказалъ ему Князь, да и тотъ таковъ же, кто тебя и въ полковники-та произвелъ; и съ тѣмъ его отпустилъ.

Полковникъ сей, возвратяся съ такимъ отвѣтомъ, разсказалъ Его Свѣтлости все, какимъ словомъ отпотчивалъ его Князь *Долгоруковъ*. *Меньшиковъ*, принявъ все то на свой счетъ, положилъ непремѣнно отмстить ему.

А какъ въ сіе время Великій Государь возложилъ на Господъ Сенаторовъ, чтобъ строеніе кораблей происходило подъ ихъ смотрѣніемъ, дабы же никакіе отговорки не имѣли уже мѣста, тобъ каждой изъ нихъ взялъ на себя особой корабль, и за оной отвѣтствовалъ, въ числѣ которыхъ въ угодность *Его Величества* и Князь

Меньшиковъ принялъ на себя построенiе одного корабля. Сей любимецъ Государевъ, имѣвшiй предъ другими болѣе способовъ, корабль свой построилъ прежде всѣхъ, при спускѣ котораго присудствуя самъ Монархъ со всѣми Сенаторами, былъ весьма веселъ, и благодарилъ его *Меньшикова* за поспѣшное построенiе онаго. При семъ-то случаѣ положилъ онъ отмстить чувствительнѣйшимъ образомъ Князю *Долгорукову*; онъ представилъ помянутаго Полковника *Его Величеству*, какъ несносно обиженнаго *Долгоруковымъ*, и дерзость его, которой де не только Полковника сего, но и того, кто его въ Полковники произвелъ, разругалъ, называя и того и другаго дураками; при чемъ Полковникъ сей сталъ предъ Монархомъ на колѣни, и просилъ защитить себя отъ сего Вельможи.

Князь *Долгоруковъ*, не вѣдая о происходившемъ, спокойно сидитъ съ нѣкоторыми Господами за особымъ столикомъ и подписываетъ съ ними; но Адъютантъ его, бывшiй потомъ Сенаторомъ, *Ѳедоръ Васильевичъ Наумовъ*, слышавшiй ту *Меньшикова* и Полковничью жалобу, предварилъ о томъ

Князя, сказавъ ему на ухо тѣ на него навѣты; но сей, презирая оное, сказалъ съ холодностію: пусть ихъ жалуются какъ хотятъ.

Между тѣмъ Монархъ донесеннымъ ему весьма огорчился на *Долгорукова*; онъ, подошедъ къ нему, сказалъ съ гнѣвнымъ видомъ: давно ли я у тебя въ дураки попалъ? Но Катонъ нашъ равнодушно отвѣтствуетъ Монарху, что вопросъ сей его удивляетъ; ибо того и въ мысль ему притти не можетъ. Государь спрашиваетъ его паки: говорилъ ли ты присланному къ тебѣ отъ *Меньшикова* Полковнику, что онъ дуракъ, а таковъ же и тотъ, кто его произвелъ въ Полковники? — Говорилъ, отвѣтствуетъ Князь. Но ктожъ жалуетъ въ Полковники? пресѣкаетъ рѣчь его Государь, вить это я, слѣдовательно и я у тебя дуракъ. — Нѣтъ, Государь, сего Ты на свой счетъ принять не долженъ; Вы знаете, какъ я Васъ разумѣю; а сіе сказано мною о *Меньшиковѣ*, которой дурака того, изъ подлости и изъ измѣнничья сына производя довелъ до Подполковника, котораго Ты по его же убѣжденію уже пожаловалъ въ Полковники. Но Тыбъ, по правдѣ своей,

конечно не пожаловалЪ вЪ такой чинЪ, ежелибЪ *АлександрЪ* похвалою службы его Тебя кЪ тому не убѣдилЪ; но спроси, гдѣ онЪ служилЪ и чѣмЪ себя отличилЪ, то окажется вся его заслуга вЪ коварномЪ только ласкательствѣ и вЪ наушничествѣ ему *Александру*. — Какого же измѣнника онЪ сынЪ? спросилЪ паки МонархЪ. Казненнаго такого-то стрѣльца, отвѣтствовалЪ Князь; я о семЪ узналЪ достовѣрно и хотѣлЪ было Тебѣ о томЪ сказать, но Ты меня самЪ предупредилЪ; при чемЪ разсказалЪ Монарху, за что онЪ назвалЪ его дуракомЪ. Поелику же *Его Величество* вѣрилЪ во всемЪ сему мужу, то и обратился весь гнѣвЪ Его уже на *Меньшикова*: однако же не давЪ онаго ему почувствовать, помолчавЪ немного, сказалЪ *Долгорукову*: хорошо дядя, я все сказанное тобою изслѣдую; и тогда же вЪ удовлетвореніе обиды, причиненной ему, Полковника того приказалЪ арестовать и отвести вЪ крѣпость.

Можно себѣ представить, сколь оборотЪ такой былЪ чувствителенЪ *Меньшикову*; и онЪ не смѣлЪ уже тогда предстательствовать за того лю-

бимца своего, а увидѣлъ себя принужденнымъ, для спасенія его искать помощи въ семъ же Князѣ.

И такъ на другой сего день *Меньшиковъ* пріѣхалъ къ *Долгорукову*, и какъ бы не зная разговоровъ его съ Государемъ, касательно себя, говорилъ ему: Вы не сдѣлали нещастія ни одному человѣку, то можно ли было ожидать, чтобъ погубили ни въ чемъ предъ тобою невиннаго Полковника? Не я его погубилъ, а ты самъ, отвѣтствовалъ онъ; ты конечно не то ему приказывалъ сказать мнѣ, что онъ совралъ, за что и назвалъ я его дуракомъ; и тебѣ бы должно снестися прежде со мною, а не жаловаться Государю. *Меньшиковъ* признался, что онъ виноватъ, и просилъ его съ покорностію спасти Полковника того, котораго онъ любитъ. Хорошо, сказалъ сей добродѣтельный мужъ, но надобно для сего дождаться спуску моего корабля; тогда я не упущу случая просить о немъ Государя; а оной, примолвилъ Князь, скоро поспѣетъ, ежели ты поможешь мнѣ въ работникахъ, которыхъ у меня маловато, и достать ихъ не могу.

Меньшиков, не распуская своихъ работниковъ, тогоже еще дня всѣхъ ихъ прислалъ на *Долгоруков* корабль, и чрезъ нѣсколько дней оной заготовленъ къ спуску.

Монархъ, въ своемъ же присутствіи спустя его на воду, имѣлъ на ономъ и обѣденной столъ, данный строителемъ, за которымъ присутствовали *Ея Величество*, и всѣ знатные, въ числѣ которыхъ и Князь *Меньшиков*.

Сколько былъ Монархъ веселъ и доволенъ строителемъ и угостителемъ, сіе доказалъ *Его Величество* послѣ стола. Онъ взявъ Супругу свою за руку, подошелъ къ Князю, и сѣвши подлѣ него, говорилъ Монархинѣ: *Дядя нашъ больше намъ другъ, нежели подданный; никто столько насъ не любитъ, какъ онъ: всегдашняя правда, говоренная имъ мнѣ, и ревность его къ Отечеству сіе доказываетъ ясно, и ты обязана его столь же много любить, какъ и я. Проси, другъ мой, у меня, что тебѣ угодно*, сказалъ наконецъ Государь Князю, *я все для тебя сдѣлаю.* Хорошо, сказалъ Князь, посмотрю, сдѣлаешь ли, о чемъ Тебя попрошу. Сдѣлаю, повторилъ Государь. Такъ

простите же арестованнаго Полковника; я больше ни о чемъ Тебя не трружу.

Великій Государь похвалилъ его великодушіе, и тотъ же часъ простилъ его и освободить повелѣлъ.

Князь, возблагодаря Монарха, тужъ минуту предупомянутаго Адъютанта своего послалъ къ Полковнику сему, объявить о семъ Указѣ Государевомъ, и велѣлъ притомъ сказать ему, что естьли Государь самъ о чемъ будетъ спрашивать его, чтобъ сказалъ ему всю правду, не осмѣляся отнюдь что-либо утаить, а паче солгать; но до сего однако же не дошло: *Его Величество* уже не видалъ его; ибо въ наказаніе Князя *Меньшикова* опредѣлилъ его въ одну дальную крѣпость Коммендантомъ, куда и долженъ былъ онъ на другой день, по освобожденіи своемъ, отправиться (*).

(*) Отъ Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника *Веревкина*, слышанное имъ отъ родственниковъ упомянутаго *Ѳедора Васильевича Наумова*.

63.

Довѣренность Государева къ томужъ Князю Долгорукову.

Великій Государь, однажды разговаривая съ симъ же Княземъ о разныхъ важныхъ матеріяхъ, между прочимъ, когда дошла рѣчь до полковъ гвардіи, то *Его Величество* сказалъ: Я благодарю Бога, что гвардію мою довелъ до такого степени совершенства, что она можетъ служить всей арміи моей достойнымъ къ подражанію образцомъ. Я знаю, отвѣтствовалъ на сіе послѣднее Князь, что она добра; да есть *ли* изъ Офицеровъ оной такіе, на которыхъ бы Ты во всемъ полагаться могъ, паче же касательно до некорыстолюбія, безпристрастія и вѣрности? Есть, перебилъ рѣчь его Государь, и много, а особливо два изъ нихъ достойны всей моей довѣренности. Кто таковы сіи два? спросилъ Князь. Ты ихъ знаешь, отвѣчалъ Государь. Да я и всѣхъ знаю, но о сихъ отличныхъ догадаться не могу. — Я къ тебѣ ихъ завтра пришлю; посмотри ихъ. На другой день въ 5 часовъ поутру явились къ Князю Гг. *Ушаковъ* и *Волковъ*, доложа ему, что при-

слалъ ихъ къ Его Сіятельству Государь, и что онъ имъ прикажетъ?

Князь вступилъ съ ними въ пространной разговоръ, котораго содержаніе было должность вѣрноподданническая, съ какимъ усердіемъ и ревностію обязаны всѣ исполнять Начальничьи, а паче Верховной Власти повелѣнія, и проч.; и какъ разговоръ сей продлилъ Князь до того времени, въ которое надлежало имъ быть у должностей своихъ, то они откланиваяся спрашиваютъ: что Его Сіятельство приказать имъ изволитъ? Ничего, отвѣтствовалъ Князь. — Чтожъ они могутъ сказать Монарху, пославшему ихъ къ нему? Ничего, паки сказалъ Князь, а я самъ увижусь съ Нимъ; да что такъ торопитесь? примолвилъ онъ, вы можете еще побыть у меня и поговорить. — Никакъ не можно остаться намъ долѣе; ибо насталъ тотъ часъ, въ которой мы должны быть у должности. — Ну такъ прощайте, заключилъ Князь.

Великій Государь, того же дня увидяся съ *Долгоруковымъ*, спросилъ его: каковы показались ему Офицеры? Я ихъ знаю, отвѣтствовалъ Князь; но не зналъ только того, что Ты ихъ отъ

прочихъ такъ отличаешь. *Ушаковъ* подлинно хорошъ, продолжаетъ онъ; а другой хотя можетъ быть столь же вѣренъ, но мнѣ показался онъ плоховатъ. — Нѣтъ, нѣтъ, дядя, перебилъ Государь, не смотри на видъ, онъ не хуже *Ушакова* исправить можетъ все, что ему ни поручи; однимъ словомъ, заключилъ Государь, я равно на обоихъ ихъ положиться во всемъ могу; и ежелибъ я такихъ много у себя имѣлъ, тобъ могъ себя назвать совершенно щастливымъ. Правда, отвѣтствовалъ Князь, не всѣ съ равными родятся способностями; но добрыхъ и способныхъ людей найдется много, когда не ослабѣвая примѣчать Ты ихъ будешь, и достойному воздавать достойное; и спасибо Тебѣ, что Ты о семъ и рачишь (*).

Въ краткихъ сихъ словахъ Князь сей заключилъ все то, что читаемъ мы въ *Велизерѣ*, касательно до благодѣяній, раздаемыхъ Государями изъ единой милости. „Хотя (говоритъ „въ немъ Г. *Мармонтель*) склонность „въ Государѣ къ благодѣяніямъ и по-

(*) Отъ Сенатора *Григорья Николаевича Теплова*.

„хвальна, но надобно однакожъ оную „умѣрять; ибо естьли слѣдовать ей „безъ разсмотрѣнія, и не имѣть въ „раздаваніи оныя за правило правосу-„дія, то сдѣлается она нечувстви-„тельно противнымъ ей порокомъ. „Все, что даетъ Государь изъ единой „милости, то отнимаетъ у заслугъ „и достоинствъ, а таковая милость „есть источникомъ болѣзней государ-„ственныхъ." Соревнительство и по-„ощреніе живитъ сѣмена дарованій и „добродѣтелей, а самонравная милость „умерщвляетъ оныя.

„Самонравная милость прилѣпляет-„ся токмо къ искателямъ оной, а „прямое достоинство мерзитъ про-„исками; твердая душа не можетъ из-„гибаться по кривымъ стезямъ при-„дворныхъ.„

Кто же изъ Самодержцевъ лучше наблюдалъ всѣ сіи правила, какъ нашъ Ирой? Сіи Господа *Ушаковъ* и *Волковъ*, равно какъ *Румянцовъ*, *Шафировъ*, *Ягу-шинской*, *Остерманъ*, *Боуръ* и множество имъ подобныхъ, были одни изъ мѣлкихъ Дворянъ, другіе изъ низкаго званія людей, но достоинства ихъ не укрылись подъ бѣдностію, и всѣ они получили отъ *Его Величества* на-

грады и милости, соразмѣрныя ихъ дарованіямъ.

64.

Сей же Князь повелѣваетъ одному обиженному Сенатомъ подать на Сенатъ, а въ томъ числѣ и на себя Государю челобитную.

Всемирная Исторія доказываетъ намъ, что отъ самаго изобрѣтенія дѣланія вина, а гдѣ виноградъ не произрасталъ, крѣпкихъ напитковъ, люди большею частію предавались излишеству употребленія оныхъ, и сіе не въ разсужденіи токмо простаго народа, но знатныхъ людей, и самихъ ироевъ, каковы на примѣръ были въ древности *Бахусъ* и *Геркулесъ*; и пьянство не токмо не обезславливало ихъ, но и до того еще помянутые ирои прославлены, что были даже обоготворены; и празднества, въ честь перваго установленныя, сопровождались самымъ безобразнѣйшимъ пьянствомъ; да и всѣ Греки, подражая имъ, долго не знали мѣшать воды съ виномъ. Чаша же втораго, вмѣщавшая въ себѣ нѣсколько бутылокъ, нерѣдко обращалась въ рукахъ и самихъ

Государей, изъ которыхъ славный *Филиппъ Македонскїй* почитался за великаго питуха, и хвалился еще тѣмъ; что подало причину сказать о немъ *Демосѳену*, что сїе качество его не есть царское, а грецкой губки. *Александръ*, сынъ его, по одержанїи одной изъ побѣдъ своихъ, предложилъ за столомъ своимъ сопирующимъ съ нимъ Офицерамъ награжденїе тому, кто изъ нихъ выпьетъ больше. *Промахъ* превзошелъ въ томъ другихъ и получилъ за то золотой вѣнецъ; но торжество его продолжалось недолго: чрезъ три дни онъ отъ сея побѣды умеръ, и смерть его послѣдуема была сорокью Офицерами, оспоривавшими у него честь въ покальномъ томъ сраженїи; да и самъ *Александръ*, не хотя уступить *Геркулесу* и въ попойкѣ, при одной пирушкѣ, бывъ уже пьянъ, выпилъ полную чашу его, и подражанїе сїе стоило ему также жизни. *Персы*, не взирая на жаркость климата своего, не знали въ питїи вина никакой умѣренности; Царь же ихъ *Дарїй* I особливо славился тѣмъ; а *Киръ младшїй*, хотя доказать Грекамъ, что онъ большими обладаетъ дарованїями, нежели старшїй братъ

его, *Артаксеркс Мнемон*, между прочимъ хвалился и тѣмъ, что онъ больше его выдерживать можетъ крѣпкихъ напитковъ. Сія склонность къ попойкамъ господствовала и въ Европѣ и даже по воспріятіи уже Христіанскаго закона; въ Германіи не прежде она переставать стала, какъ въ исходѣ XVII вѣка; въ Англіи, Польшѣ, Франціи и проч. равномѣрно же пивали, и не только мущины, но и женщины; не воздержнѣе были и Университеты и школы: всѣ нововступавшіе въ оныя, записывались, такъ сказать, въ служеніе *Бахусу*, съ нѣкоторыми еще торжественными обрядами, а въ Швейцаріи и до-нынѣ въ пирушкахъ часто напиваются до пьяна. Не чуждо было обыкновеніе сіе, такъ же какъ и прежде, и Дворцовъ Государей. Въ средніи уже времена *Лудовикъ* XI не изъ послѣднихъ почитался питуховъ, и за столомъ его получили особенную похвалу тѣ, кто больше выпивать могъ. Самый наилучшій изъ Королей Французскихъ *Генрихъ* IV говаривалъ, *что естьли любитъ онъ попить, то для того, чтобъ развеселить духъ.* Такимъ образомъ, по всеобщей къ попойкамъ склон-

носпи, не могли большимъ воздержаніемъ предъ другими народами (*) похвалиться и наши предки. Употребленіе напитковъ въ пирушкахъ нашихъ, не токмо между простымъ народомъ, но и между знатными людьми, продолжалось даже за времена ПЕТРА Великаго, (**) между прочимъ о святкахъ при славливаніяхъ, при семъ Государѣ

(*) Всѣ путешественники согласны въ томъ, что они находили у всѣхъ народовъ склонность къ попойкамъ, а особливо къ водкѣ, паче же у дикихъ, и проч.

(**) „Еще въ царствованіе Императрицы *Ели-* „*саветы Петровны*, говоритъ Г. *Болтинъ*, „и то только въ столицахъ, стали частію „зазирать пьянство, однакожъ изъ друже- „скихъ бесѣдъ рѣдко выходили, не напившися до пьяна и проч.„ разумѣя сіе о знатныхъ людяхъ. Касательно же до временъ Великаго Родителя ея, то пивали повсюду много. Между прочимъ подтверждаетъ сіе имѣющееся у меня письмо Фельдмаршала Графа Шереметева къ *Его Величеству*, которымъ онъ благодаритъ его за увѣдомленіе о рожденіи Царевича *Петра Петровича*; и что получа сію радостную вѣсть, всѣ случившіеся тогда у него Генералы, между которыми были Князь *Репнинъ*, *Лештокъ*, *Глѣбовъ*, *Лесси* и другіе, воздавъ хвалу Богу, *бысть между ими шумъ и дыханіе бурно*, и что были зѣло, зѣло веселы; описывая съ великою откровенностію все произходившее тогда между ими при попойкѣ той.

происходившихъ, преступившіеся въ чемъ-либо противъ постановленнаго обряда отъ начальствовавшаго компаніею славельщиковъ *Князя Папы Зотова*, наказывались большими покалами, и тѣмъ образомъ одного изъ нихъ отправилъ онъ и на тотъ свѣтъ; слѣдовательно склонность къ попойкамъ таковымъ не можетъ приписана быть однимъ предкамъ нашимъ, когда была она общею и всѣмъ другимъ народамъ, равно какъ и всѣмъ Европейцамъ.

Предисловіе сіе нужно и для слѣдующаго анекдота.

Полковникъ *Блеклой* имѣлъ въ Сенатѣ тяжебное дѣло съ помянутымъ *Зотовымъ*. Сенаторъ Князь *Яковъ Өедоровичь Долгоруковъ*, почитая на сторонѣ перваго справедливость, увѣрилъ его, что дѣло рѣшится въ пользу его; и Г. *Блеклой* крайне положился на слово и справедливость сего Катона нашего; но сверхъ чаянія соперникъ его оправданъ, а онъ обвиненъ. А какъ опредѣленіе оное между прочими подписано и Княземъ симъ, то онъ, пришедъ къ нему, жаловался ему на него же самаго; и сей безпристрастный судія повторяетъ ему, что онъ дѣйствительно правъ; но

онъ долженъ былъ осужденіе его подписать; да и приказалъ ему непремѣнно подать на сіе рѣшеніе Сената, а въ томъ числѣ и на него самаго, аппелляціонную челобитную Государю.

Сей исполняетъ оное; Монархъ спрашиваетъ его, не принимая еще оныя: что значитъ сія бумага? — Челобитная на Сенатъ, отвѣтствуетъ Г. *Блеклой*. Но подписалъ ли опредѣленіе *Долгоруковъ*? вопрошаетъ паки Государь; и услыша, что подписалъ, принялъ челобитную, прочелъ, велѣлъ взнести къ себѣ дѣло, разсмотрѣлъ оное, и нашедъ дѣйствительно его правымъ, призываетъ къ себѣ *Долгорукова*, и спрашиваетъ у него о семъ дѣлѣ. Сей отвѣтствуетъ, что *Блеклой* правъ, а *Зотовъ* виноватъ. Да какъ же ты подписалъ обвиняющее его опредѣленіе? спрашиваетъ паки Государь. Сильная рука *Зотова* превозмогла, говоритъ Князь; нынѣ наступили святки, а онъ брата моего по злобѣ на него уже опоилъ, то есть-либъ я обвинилъ его, была бы можетъ быть и мнѣ отъ него та же участь; а какъ Ты, Государь, заключаетъ Князь, передѣлаешь и насъ обвинишь, такъ не на кого будетъ ему и сердиться.

Правосудный Государь не былъ однакожъ доволенъ симъ извиненіемъ Князя; онъ оправдавъ *Блеклова*, положилъ на всѣхъ Сенаторовъ знатный штрафъ; а Князя оштрафовалъ предъ другими вдвое, для того, заключилъ Государь сіе рѣшеніе свое, что онъ всѣхъ ихъ казался безпристрастнѣе (*).

65.

Сего же Князя совѣтъ принимаетъ Монархъ съ благодарностїю, касательно рекрутскаго набора.

Великій Государь прислалъ въ Сенатъ Указъ о новомъ наборѣ рекрутъ; а какъ наборъ сей случился прежде обыкновеннаго, то когда прочтенъ былъ сей Указъ въ Сенатѣ, Князь *Долгоруковъ* съ негодованіемъ сказалъ: Доголь быть симъ разорительнымъ народу и государству наборамъ? и, по обыкновенію своему въ такихъ случаяхъ, положилъ оной подъ сукно. Исправлявшій тогда должность Оберъ-Прокурора, гвардіи Маіоръ *Иванъ*

(*) Отъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Ивана Ивановича Неплюева.*

Ильичь Дмитріевъ-Мамоновъ Большой, и всѣ Сенаторы, говорятъ ему: Какъ ты осмѣливаешься остановить исполненіе Имяннаго Указа? *Я* знаю, что дѣлаю, отвѣтствуетъ Кн. *Долгоруковъ.* Тотчасъ доносятъ о всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ его Монарху, и можетъ быть, по досадѣ на него, и съ прибавленіемъ.

Великій Государь, хотя и увѣренъ былъ о ревности сего патріота, но не могъ не прогнѣваться на него за такую дерзость: онъ призываетъ его къ себѣ, и выговариваетъ ему о томъ съ досадою. Но Князь отвѣтствуетъ: Государь! Ты отецъ подданныхъ своихъ, такъ не ужъ ли не чувствуете Вы скорби и разоренія ихъ отъ такихъ частыхъ наборовъ рекрутскихъ? Не ужъ ли не трогаютъ васъ слезы, рыданіе и вопль отцовъ, дѣтей и женъ сихъ бѣдныхъ людей при разлукѣ съ ними? Не ужъ ли не чувствуете, сколько рукъ отнимается отъ земледѣлія? Ежелижъ бы хорошенько подумали о семъ, тобъ конечно сыскали средство, по крайней мѣрѣ на сей разъ, обойтись и безъ рекрутскаго набору.

Сколь ни долженствовала показаться такая рѣчь Монарху огорчительною, но Онъ не могъ однакожъ не тронуться оною, и безъ досады сказалъ *Долгорукову*: Какоежъ средство сыскать можно обойтись безъ рекрутъ, когда они къ наполненію полковъ необходимо нужны? А вотъ какое, отвѣтствуетъ сей Князь: Ты знаешь, Государь, сколько понынѣ находится рекрутовъ въ бѣгахъ, и кроются отъ страха наказанія въ лѣсахъ, изъ которыхъ многіе вдались въ воровство и разбои; отвѣдайте простить всѣхъ ихъ за побѣги, и увѣрьте ихъ, что буде они добровольно отъ публикованія Указа явятся чрезъ полгода, или какъ изволишь назначить срокъ: то никакого какъ имъ, такъ и укрывающимъ ихъ не будетъ наказанія. Я надѣюсь, заключилъ Князь, что столько ихъ явится, сколько тебѣ нынѣ надобно.

Монархъ, выслушавшій сіе, сказалъ: Добро, дядя! отвѣдаю поступить нынѣ по твоему; и увидимъ, будетъ ли такъ, какъ ты предлагаешь.

Въ самомъ дѣлѣ такой милостивый Указъ къ бѣглымъ оправдалъ надежду Княжую, и столько ихъ явилось,

что не было уже надобности въ публикованіи на тотъ разъ рекрутскаго набору (*).

Разсуждая о таковыхъ противурѣчіяхъ и спорахъ съ Самодержцемъ своимъ сего Князя, и многихъ другихъ подобныхъ сему сыновъ Отечества, не можно не ощутить, что Великій Государь не мнилъ отнюдь о себѣ, чтобъ заключенія Его были безошибочны, и чтобъ не было другихъ основательнѣйшихъ (**). Не можно не ощутить, чтобъ вниманіемъ

(*) Отъ *Флора Исаковича Неплюева.*

(**) Фридерикъ II, Король Прусскій, названный отъ многихъ Великимъ, весьма разнствовалъ въ семъ случаѣ отъ Ироя нашего. Описывающій характеръ Графа *Герцберга*, Министра его, в немъ какъ изъясняется о семъ: „Министръ сей, въ предначертаніяхъ видовъ, „въ составленіи плановъ, и въ Кабинетскихъ „дѣлахъ крайнѣ былъ ограниченъ ревностію „Короля, которой хотѣлъ одинъ всему быть „виновникомъ и самоправителемъ. Многіе хорошіе планы, которые можно бы здѣсь привесть, предложенные имъ Королю, не приняты отъ него; ибо извѣстно, что *Фридерикъ II* неохотно смотрѣлъ, когда кто „предускорялъ его мысли; и онъ тогда дѣлалъ „противное.„ Отъ чего же сіе происходило? отъ того, по мнѣнію моему, что сей любилъ больше мнимую славу, на самолюбіи основанную; а нашъ Ирой любилъ больше Отечество, нежели славу таковую.

столь колкихъ истиннъ, и соглашеніями своими на оныя, не изъявлялъ Онъ желанія пріучить всѣхъ открывать себѣ искренне чувствованія сердецъ своихъ, и говорить съ собою такимъ же тономъ. Мы въ Дѣяніяхъ Его видѣли ясно обращенія Его съ подданными, и подданныхъ съ нимъ, коль были оныя искренни и просты, такъ что кажется, всѣ занимавшіе важнѣйшія мѣста щеголяли, и какъ бы гордились другъ предъ другомъ тѣмъ, чтобъ спорить съ Государемъ и поставлять на своемъ. Не отличаетъ *ли* и сіе одно Ироя нашего отъ всѣхъ бывшихъ до него Государей, Великими названныхъ?

Объ *Адріанѣ*, Императорѣ Римскомъ, пишетъ *Авлъ-Геллій*, что онъ ненавидѣлъ всѣхъ тѣхъ, кои были ученѣе, или умнѣе его, и многіе лищены были отъ него за то самое и жизни; а толь же было опасно и спорить съ нимъ. Его времени Философъ *Фаворинъ* говаривалъ, что для него три вещи удивительны: 1) что онъ, будучи Галлъ, говаривалъ по Гречески; 2) что бывъ евнухомъ, обвиняемъ былъ въ прелюбодѣяніи; *и* 3) что спорилъ

съ *Адріаномъ*, и не былъ лишенъ жизни. Но мало ли такихъ *Адріановъ* представляетъ намъ Исторія!

66.

Хитрость корыстолюбивыхъ купцовъ Голландскихъ.

Извѣстно, сколь малы были при Ироѣ нашемъ государственные доходы (*), и что потому нерѣдко *Его Величество* чувствовалъ нужду въ деньгахъ. Изъ Голландскихъ купцовъ, къ которымъ Монархъ былъ весьма благосклонно расположенъ, одна компанія вѣдая сію нужду, предложила *Его Величеству*, что можетъ она доставить ему новаго доходу, безъ всякаго отягощенія народа, въ годъ до миліона и болѣе рублей. Государь, благосклонно выслушавъ предложеніе сіе, желалъ знать источникъ тотъ, изъ коего они почерпнуть могутъ такую прибыль; тогда купцы сіи подали *Его Величеству* приготовленной уже ими проэктъ на письмѣ, содержаніе котораго было слѣдующее:

(*) О которыхъ видѣть можно въ XVIII Томѣ Дополненія къ Дѣяніямъ сего Государя.

I. Отдать имъ на откупъ на десять лѣтъ сборъ внутренней пошлины; а они за оное обязуются платить, сверхъ той суммы, какая изъ трехгодичной сложности выдетъ, по 30 копѣекъ на рубль, не прибавляя ни на какія вещи ни цѣны, съ каковой берется пошлина, и не увеличивая оной; слѣдовательно де ни малѣйшей тягости не прибавится ни продающимъ, ни покупающимъ тѣ вещи.

II. А за сіе требуютъ они, на толикое же число годовъ, дать имъ право покупать самимъ изъ первыхъ рукъ внутри всея Россіи всякіе продукты, произрастѣнія и издѣлья; а ими привозимые всякіе же товары продавать гуртомъ и въ розницу всякомуповольною цѣною. Изъ сихъ двухъ пунктовъ выводили они, сверхъ толь знатной прибавочной ими къ пошлиннымъ сборамъ суммы, еще и слѣдующія выгоды: 1) что сею торговлею ихъ увеличится торговля внутренняя, а слѣдовательно и Портовая пошлина; 2) что земледѣльцамъ подастся способъ къ размноженію продуктовъ своихъ; 3) Россіяне изъ ближайшаго таковаго обращенія съ иностранцами пріобрѣтутъ отъ нихъ но

выя познанія въ торговлѣ; особенно же купечество Россійское, изъ коего многіе, служа у нихъ прикащиками, узнаютъ искусство вести порядочныя книги.

Монархъ, прочтя проэктъ сей, хотя и проникъ въ скрытую въ немъ хитрость, однакожъ съ благосклонностію отвѣчалъ, что онъ о семъ подумаетъ, и дастъ имъ знать волю свою. И такъ въ тотъ же еще день, прибывъ самъ въ Сенатъ, предложилъ проэктъ тотъ Г. Сенаторамъ, желая знать на оной ихъ мнѣніе, дая притомъ знать, что онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ; а миліонъ рублей прибыли можетъ нужду сію удовлетворить.

Господа Сенаторы, по нѣкоемъ разсужденіи, признали оной полезнымъ, но одинъ изъ нихъ, и именно Князь *Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ*, во все время разсужденія ихъ не говорилъ ни слова. Великій Государь, замѣтивъ сіе, сказалъ сему послѣднему: А ты, дядя, что же ничего не говоришь? Для того, отвѣчаетъ сей, что я размышлялъ о коварствѣ предложившихъ проэктъ тотъ, и удостовѣренъ, что они дадутъ и по 50 ко-

пѣекъ на рубль пошлинной, или и больше, толькобъ имъ прибрать въ однѣ свои руки всю внутреннюю торговлю. Велите только призвать ихъ въ Сенатъ, и дайте мнѣ волю поговорить съ ними: то увидите, правдуль я говорю? Монархъ охотно на сіе соизволилъ; и какъ уже было поздо, то назначенъ къ сему завтрашній день.

На сей день всѣ Господа Сенаторы съѣхались ранѣе обыкновеннаго, и послали просить купцовъ въ Сенатъ, по прибытіи которыхъ Князь началъ съ ними говорить: что Государь пріемлетъ предложеніе ихъ милостиво; но какъ сами они вѣдаютъ, колико *Его Величество* ихъ жалуетъ, любитъ и бережетъ, какъ собственныхъ своихъ дѣтей, и для того надѣется, что они конечно прибавятъ еще къ 30 копѣйкамъ. Голландцы, желая будтобы показать, сколько они чувствуютъ милость Его, прибавили первымъ словомъ еще по гривнѣ, на увѣщаніе же Княжое и другихъ Сенаторовъ, по нѣкіихъ оговоркахъ, что могутъ они остаться въ убыткѣ, согласились однако же наконецъ, поговоря между собою въ другой камерѣ,

прибавить и еще по гривнѣ, то есть по полтинѣ на рубль. Князь, поблагодаря ихъ за усердіе, отпустилъ, обѣщаяся доложить того же еще дня о семъ Государю.

Въ самомъ дѣлѣ Князь изъ Сената поѣхалъ къ *Его Величеству*; онъ представилъ Ему, сколь они охотно прибавку ту учинили; но я Васъ Государь увѣряю, продолжалъ Князь, что они дадутъ и больше; но сколь сіе разорительно будетъ Твоимъ купцамъ и всему народу, то могутъ Тебѣ яснѣе представить сами купцы Твои; призовите только ихъ къ себѣ, и поговорите съ ними сами о всемъ томъ.

Великій Государь, поблагодаря Князя, того же еще дня призвалъ лучшихъ изъ торгующихъ у Портовъ, въ числѣ коихъ былъ и Московской гость *Евреиновъ* (*), мужъ старой, почтенной и знающій торговлю, котораго Монархъ довольно и зналъ. *Его Величество* предложилъ имъ сей Голландской проэктъ, и требовалъ на оной ихъ мнѣнія. Купцы, прочтя, поглядывали другъ на друга и молчали. Тогда

(*) *Матвѣй Андреевичъ.*

Государь сказалъ помянутому *Евреинову*, назвавъ его по имени: Чтожъ ты молчишь? тебѣ особливо надобно говорить, какъ старику, и какъ больше другихъ знающему свое дѣло. Всемилостивѣйшій Государь! отвѣтствовалъ сей, я осмѣлюся спросить у Тебя: для арміи Твоей надобныль Тебѣ холстъ, шерсть и кожи? — Безъ сомнѣнія! — Хорошо; надобно ли Тебѣ Государь еще, чтобъ Твои подданные отъ торговли богатѣли и оную въ пользу государственную распространяли? — И то неотмѣнно нужно, отвѣтствовалъ паки Государь. А когда такъ, сказалъ старикъ, то я доношу Тебѣ, естьли отдашь всю внутреннюю Русскую торговлю однимъ Голландцамъ, то все погибнетъ безвозвратно; они, яко люди весьма богатые, скупать будутъ всѣ наши продукты и произрастѣнія одни; и въ 10 лѣтъ не только разорятъ купцовъ Твоихъ, но и самихъ крестьянъ, унижая годъ отъ году цѣну оныхъ; да и Портовая торговля претерпитъ великой упадокъ: ибо, что будутъ покупать другіе иностранные купцы, когда у однихъ Голландцовъ въ рукахъ всѣ наши будутъ товары? А

Ты, Государь, ту прибыль, какую они Тебѣ обѣщаютъ, съ лихвою назадъ имъ отдашь, покупая у нихъ для арміи Твоей и холстъ и кожи и все нужное, а можетъ быть и самой хлѣбъ, такою цѣною, какую они назначатъ. Чтожъ они баютъ, что могутъ научить насъ порядочнѣе вести торговлю: то напротивъ они и то знаніе, какое мы уже имѣемъ, у насъ отнимутъ. Кто имъ велитъ научать насъ тому, что вредить можетъ собственной ихъ пользѣ? Да и могутъ ли, заключилъ *Евреиновъ*, успѣвать въ такомъ случаѣ какія-либо Твои, въ разсужденіи торговли и фабрикъ, заведенія, когда они все приберутъ въ свои руки (*)?

Великій Государь, со вниманіемъ выслушавъ все сіе, сказалъ: Спасибо старикъ, что ты дѣло разумѣешь; и такъ Голландцамъ было отказано.

Изъ всего сего заключить можно, что не льзя, чтобъ толико остро-

---

(*) О хитростяхъ и честности купцовъ Голландскихъ нигдѣ такъ ясно видѣть не можно, какъ въ Исторіи завоеванія ихъ въ Индіяхъ, особливо же въ отношеніи заключаемыхъ ими тамъ трактатовъ и договоровъ съ Индѣйскими владѣльцами.

умный Монархъ не проникъ въ коварство предлагавшихъ, какъ-то мы съ самаго начала сего анекдота замѣтить не оставили; но онъ однако же, любя дѣлать все съ совѣту и пользоваться искренностію подданныхъ, не только предлагаетъ Сенату своему оное на разсужденіе, но и призываетъ купцовъ, и яко въ дѣлѣ, до части ихъ относящемся, болѣе свѣдущихъ, желаетъ знать ихъ мнѣніе, какъ бы для повѣрки собственныхъ своихъ заключеній, и благодаритъ ихъ за совѣтъ (*).

Въ похвалу *Карла V* Короля Французскаго, писатели того времени говорятъ, что никакой Государь не любилъ столько, какъ онъ, совѣтоваться в всякомъ дѣлѣ съ другими. Мы сіе же самое съ большимъ еще основаніемъ сказать можемъ о нашемъ Ироѣ. Онъ доказалъ собою истинну словъ одного ученаго, то есть: *что мудрый не гордится своими знаніями, но охотно пріемлетъ наставленіе другихъ.*

(*) Отъ потомка, показаннаго купца, г. *Михайлы Абрамовича Евреинова.*

67.

Подобная же хитрость Голландцовъ, но также отринутая.

Когда Голландцы ничего не успѣли въ разсужденіи показаннаго своего проэкта, а увидя, что Россійскія суконныя фабрики начали заводиться и время отъ времени успѣвать, съ другой же стороны, какъ и въ предшествующемъ анекдотѣ мы видѣли, зная Государеву нужду въ деньгахъ, то желая въ самомъ началѣ, такъ сказать, подорвать заводимыя въ Россіи тѣ фабрики, предложили *Его Величеству* планъ, по коему обязывались десять лѣтъ ставить на всю его армію сукно, съ уступкою противъ Русскихъ суконъ у аршина по гривнѣ.

Великій Государь, хотя также проникъ въ коварство сего плана, но желая узнать и на оное мнѣніе Сената своего, отослалъ планъ сей въ оной, повелѣвая чрезъ три дни представить себѣ на то мнѣніе ихъ.

Господа Сенаторы, не проникнувъ намѣреній коварныхъ сихъ Голландцовъ, принялись за изчисленіе только прибыли, сколько оной получитъ казна отъ таковыя уступки въ де-

сять лѣтъ, и увидя, что знатная составится изъ оной сумма, безъ дальнихъ размышленій признали планъ сей за полезной. Одинъ только изъ нихъ тотъ же Князь *Долгоруковъ*, молчавшій до того, объявилъ свое мнѣніе, что онъ съ ними не согласенъ, и плана коварныхъ Голландцовъ не аппробуетъ; а какіе имѣетъ на то резоны, обѣщалъ изъясниться на письмѣ; прибывъ же изъ Сената въ домъ свой, посылаетъ просить къ себѣ знакомаго ему Московскаго суконнаго фабриканта *Симонова*, бывшаго тогда въ Петербургѣ. Сей приходитъ; Князь предлагаетъ ему планъ Голландцовъ, и требуетъ отъ него на оной мнѣнія.

Сумма, говоритъ *Симоновъ*, уступаемая Голландцами, довольно велика, и что имъ по той цѣнѣ ставить своихъ суконъ не можно. Но сею казенною прибылью до основанія разорятся всѣ, съ толикимъ трудомъ и иждивеніемъ заведенныя Россійскія фабрики; и мы всѣ, продолжаетъ *Симоновъ*, должны будемъ ихъ бросить, а обученные дѣлу суконному люди разойдутся, и какъ отвыкли они отъ крестьянскихъ работъ, то сдѣлаются, ежели не ворами, такъ по крайней мѣрѣ ни

къ чему негодными тунеядцами; когда же такимъ образомъ фабрики изчезнутъ, и заводители оныхъ разорятся, то вновь заводить ихъ по прошествіи десяти лѣтъ будетъ еще труднѣе; чтожъ тогда останется дѣлать; не принуждена ли уже будетъ казна у тѣхъ же самыхъ Голландцовъ доставать сукна, и такою цѣною, какую они сами назначатъ? Изъ сего Ваше Сіятельство заключить можете, не во вредъ ли невозвратной мнимая сія Голландцами обѣщаемая прибыль будетъ казнѣ и всѣмъ намъ? Къ тому же и то представить надобно, что естьли казна нынѣ и лишнее платить будетъ своимъ фабрикантамъ за сукна, то вся трата сія въ томъ только состоять будетъ, что изъ казны перейдетъ нѣкая сумма въ руки подданныхъ, а не вывезена будетъ въ иноплеменныя государства; богатство же подданныхъ не есть ли богатство государственное?

Князь, выслушавъ сіе и поблагодаря за то, отпустилъ его.

Между тѣмъ Сенатъ, не дождавшись отъ Князя обѣщаннаго имъ изъясненія, чрезъ три дни донесъ *Его Величеству*, какъ о своемъ мнѣ-

ніи, такъ и о несогласіи съ ними *Долгорукова*, отъ коего не могли они изтребовать причинъ тому.

Монархъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: Какіе онъ имѣетъ резоны несоглашенію своему съ товарищами его?

Князь пересказываетъ *Его Величеству* весь свой разговоръ съ *Симоновымъ*, и заключаетъ: вотъ тѣ причины, для чего я несогласенъ съ ними.

Великій Государь, возблагодаря чувствительно за усердіе его и поцѣловавъ его въ голову, сказалъ: Я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не были таковы и впредь. И такъ помянутый Голландцовъ проэктъ, какъ и первой, былъ отвергнутъ. *Симоновъ* получилъ подобную же отъ признательнѣйшаго Государя благодарность; и должно себѣ представить, что Великій Государь не оставилъ конечно изъясниться подробнѣйше о семъ съ послѣднимъ (*).

(*) Отъ суконнаго фабриканта г. *Сверикова*.

68.

Происшествіе, касающееся до Князя же Долгорукова, по которому попалъ-было онъ однажды подъ гнѣвъ Монаршій

Сей ревностнѣйшій изъ слугъ *Петровыхъ* Мужъ впалъ-было однажды, хотя и неумышленно, въ искушеніе, прогнѣвавшее Государя, о которомъ онъ однакожъ сожалѣлъ во всю свою жизнь, какъ-то слѣдующій анекдотъ докажетъ намъ.

Во время слѣдствія, производившагося надъ Княземъ *Гагаринымъ*, которой, по богатству и знатности своей имѣлъ многихъ сильныхъ защитниковъ, и въ числѣ ихъ Князя *Меньшикова*, а чрезъ него и самую Императрицу, когда виновный сей опасался изъ судей своихъ паче другихъ Князя *Долгорукова*, яко неприступнаго ни къ какому лакомству и пристрастію: то приложено было всевозможное стараніе поколебать добродѣтель сего *Катона*.

Хотя же, по строжайшему безпристрастію его, не смѣлъ никто показаться къ нему съ какими-либо подарками, замѣчено однако же,

что онъ любилъ при покупкѣ вещей, нужныхъ ему, выторговывать въ цѣнѣ, и даже покупать и такія, какія хотя были ему и не надобны, но казались слишкомъ дешевыми. Съ сей-то стороны покусилися, по дѣлу сему, уловить его, въ чемъ отчасти и удалось имъ: подкупленъ былъ любимой его дворецкой, которой предложилъ Князю, что *Гагаринъ*, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, между прочими вещами своими продаетъ богатую Персидскую или Китайскую, чего, де, я за-подлинно не знаю, палатку, за самой безцѣнокъ; она, де, стоитъ по меньшей мѣрѣ пяти тысячь рублей (хотя въ самомъ дѣлѣ стоила она и гораздо болѣе), а просятъ за нее полторы тысячи: не прикажете ли, продолжаетъ коварной дворецкой, поторговать ее? можетъ, де, быть можно будетъ выторговать немало и изъ сей цѣны.

Князь, ни мало не подозрѣвая дворецкаго своего, котораго онъ любилъ, сказалъ ему: Можно ли ее видѣть? Не знаю, сказалъ сей коварникъ; но я постараюсь о томъ. На другой день, будто бы онъ стараніемъ своимъ, чрезъ посредство пяти рублей, имъ на то издержанныхъ, досталъ ее для

показанія Князю; ему она весьма полюбилась, а особливо потому, что была дешева; онъ поручилъ дворецкому сему ее поторговать; сей чрезъ нѣсколько будто бы дней, торгуя ее, купилъ за тысячу рублей. Князь находкою сею такъ былъ доволенъ, что изъ онаго родилось въ немъ большое сожалѣніе о судимомъ Князѣ *Гагаринѣ*, и замѣчено, что онъ послѣ сего не такъ уже строго судилъ о его дѣлахъ.

Но, какъ извѣстно, никакія ходатайства за сего преступника, никакіе подкупы, пронырства и хитрости, не могли его у правосуднаго Государя защитить, а прямаго средства къ спасенію своему нещастный сей Князь или не зналъ, или не хотѣлъ онаго употребить, то есть, на увѣщаніе Государево признаться во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, которое бы одно могло его спасти: ибо истинное раскаяніе въ погрѣшеніяхъ своихъ всегда склоняло Монарха на милость (*).

По совершеніи казни надъ симъ нещастнымъ, недоброжелатели Князя

(*) Ниже въ особенномъ анекдотѣ увидимъ мы о семъ обстоятельнѣе.

Долгорукова внушили Государю, что онъ съ казненнаго взялъ взятки, и именно пребогатую такую-то палатку, которая, де, и нынѣ у него въ домѣ находится.

Можно себѣ представить, сколь долженъ былъ раздражиться на него Государь, почитавшій всегда въ немъ безкорыстіе и безпристрастіе за непоколебимыя добродѣтели. Онъ призываетъ его къ себѣ, и со гнѣвомъ говоритъ ему: Правда ли, что ты съ *Гагарина* взялъ взятки? Князь отвѣтствуетъ, что неправда, и что какой-нибудь бездѣльникъ обнесъ его у *Его Величества.* Монархъ уличаетъ его палаткою оною. Она мнѣ не подарена, и никто не смѣлъ мнѣ и предложить о томъ отъ стороны *Гагарина*, отвѣтствуетъ онъ, а куплена дворецкимъ моимъ за тысячу рублей, и деньги тѣ я самъ выдалъ. Знаю я, сказалъ на сіе Монархъ, что ты выдалъ тысячу рублей; но сія тысяча осталась у плута дворецкаго твоего, а ты за тысячу рублей имѣешь такую палатку, которая стоитъ болѣе 5000, да и повелѣлъ оную принести къ себѣ, и какъ въ самомъ дѣлѣ она несравненно стоила больше за-

плаченныхъ за нее денегъ, то Монархъ сказалъ: Можно ли за тысячу рублей купить ее? и ты еще запираешься въ бездѣльничествѣ своемъ.

Пристыженный симъ Князь впервые еще поклялся передъ Монархомъ, что онъ отнюдь не почелъ сіе за взятки, или за хитрость и, разсказавъ вточности всѣ слова дворецкаго своего, просилъ въ неумышленномъ семъ преступленіи своемъ прощенія, и что онъ впредь никогда уже не впадетъ въ подобное искушеніе.

Дворецкой былъ о семъ допрошенъ, и признаніемъ во всемъ оправдалъ Князя; онъ былъ наказанъ какъ бездѣльникъ и, по прозьбѣ его же Князя, не хотѣвшаго отнюдь имѣть уже плута сего у себя, посланъ въ ссылку.

Монархъ принялъ паки *Долгорукова* въ прежнюю свою милость, проговоря однако же ему, что естьли онъ впредь подобное сему что учинитъ, тобъ не пѣнялъ уже на Него; ибо, де, Я, заключилъ Государь, не для кого не нарушу правосудія.

Послѣ сего Князь сей столь былъ остороженъ, что никогда у Дворянъ и у находившихся въ службѣ не покупалъ ничего, не доложась Государю,

а тѣ, кои имѣли по Сенату или въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ какія дѣла, не осмѣливались и подобнаго уже покушенія надъ нимъ сдѣлать (*).

(*) Отъ Г. *Крекшина.*

Служба сего рѣдкихъ достоинствъ мужа началась при Царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ* во 179 году (1672) Стряпчимъ, и въ томъ же году пожалованъ Стольникомъ; при Царѣ *Θеодорѣ Алексѣевичѣ* былъ въ Казанскомъ разрядѣ Воеводою, и велѣно ему писаться Намѣстникомъ Симбирскимъ; при ПЕТРѢ Великомъ во 184, 190 и 191 годахъ былъ Комнатнымъ Стольникомъ; въ 197 былъ въ Крымскомъ походѣ; въ 198 въ Судномъ Московскомъ Приказѣ судьею; въ 203 году былъ въ Низовомъ и Азовскомъ походахъ; въ 205 паки присудствовалъ въ Судномъ Приказѣ, и въ томъ же году возложено на него охранять границы со стороны Крыма, и пожалованъ ближнимъ Стольникомъ и Воеводою съ вичемъ, а потомъ Бояриномъ, и въ Азовскомъ походѣ Сходнымъ Товарищемъ Боярина и главнаго Воеводы *Алексѣя Семеновича Шеина*; въ 207 году поручены ему взятые у Турокъ города. Въ 1700 году Февраля 18 пожалованъ начальникомъ Приказовъ Иноземческаго и Рейтарскаго и Генераломъ Коммисаромъ; въ семъ чинѣ подъ Нарвою взятъ былъ *Карломъ XII* за даннымъ отъ него словомъ въ полонъ. Какимъ образомъ избавился онъ изъ плѣна сего, то показано выше. Скончался послѣ 49-лѣтней службы 1720 году Іюня 24, имѣя отъ рожденія около семидесяти лѣтъ.

69.

Строгое правосудіе.

„Правосудіе, говоритъ одинъ Пи-
„сатель (*), есть царь добродѣте-
„лей, и заключаетъ въ себѣ множе-
„ство благодѣяній, коими оно надѣ-
„ляетъ смертныхъ. Оно есть бичь

Погребенъ, въ присутствіи Государя, въ Петербургѣ; онъ былъ тогда Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ и Ревизіонъ-Коллегіи Президентомъ; онъ женатъ былъ на двухъ женахъ, изъ коихъ первая изъ роду Наумовыхъ *Іуліана*, вторая изъ роду Князей Черкаскихъ *Ирина*: отъ первой имѣлъ дочь Княжну Анну, бывшую за флота Порутчикомъ *Алексѣемъ Петровичемъ Шереметевымъ*; отъ второй дочь же, которая на пятомъ году жизни своей скончалась.

Сей великій мужъ имѣлъ пословицы:
Любить Царя, любить Отечество.
Царю правда лучшій слуга.
Служить, такъ не картавить; картавить, такъ не служить.

ПЕТРЪ Великій, истинный цѣнитель достоинствъ, внималъ его противорѣчіямъ, съ свойственною Князю сему грубостію смѣшаннымъ, и всегда обращалъ оныя въ пользу Государственную. Имя сего добродѣтельнаго мужа и твердость его никогда не будутъ забвенны; но колико онъ тѣмъ обращаетъ къ себѣ почтенія, толико пріумножаетъ онаго Ирою нашему, довѣренностію своею къ нему доказавшему, колико онъ ненавидѣлъ лесть.

(*) Графъ *Оксенштирнъ*.

„преступленій и ужасъ злодѣевъ; оно „изтребляетъ порокъ, обуздываетъ „дерзость, защищаетъ невинность, „награждаетъ добродѣтель, хранитъ „миръ и тишину въ государствѣ. „Древніе (продолжаетъ онъ) изобра-„жали правосудіе въ Коронѣ, дабы „чрезъ оную означить важность, ве-„личество и славу, неразлучно сопря-„женныя съ онымъ; въ одной рукѣ „держащее скипетръ, означающій пол-„ную его власть, которой никто про-„тивиться безъ прогнѣвленія Бога и „безъ вреда государственнаго не мо-„жетъ; въ другой вѣсы въ равновѣсіи, „изъявляющія непоколебимую истин-„ну, которую ни прибытокъ, ни пре-„имущество, ни милость, ни довѣ-„ренность, ни одобреніе, покривить „не могутъ; съ покрываломъ на глазахъ, „означающимъ безпристрастіе его, по „которому друзья, непріятели, бога-„тые и знатные, всѣ ему равны."

Великій Государь, въ себѣ самомъ старавшійся представить такое изображеніе правосудія, не нарушалъ онаго ни для чего.

Въ предшествующемъ анекдотѣ видѣли мы въ немъ сему примѣръ казнію знатнаго Вельможи Сибирскаго,

то есть Губернатора, Князя *Матѳѣя Петровича Гагарина*; а сей покажетъ намъ яснѣе еще оное въ дѣлѣ того же самаго Князя.

Коль скоро Великій Государь извѣстился чрезъ доносъ о противныхъ закону и должности поступкахъ сего Губернатора: то, не утверждаяся на доносѣономъ, призываетъ къ себѣ одного изъ заслуженныхъ и любимыхъ своихъ Полковниковъ - - - - - - вручаетъ ему инструкцію и повелѣваетъ ѣхать въ Сибирь подъ другимъ званіемъ, и по дорогѣ въ обширной той Губерніи стараться разспрашивать у жителей о поступкахъ Губернаторскихъ; а пріѣхавъ въ Тобольскъ, естьли не можетъ онъ укрыть пріѣзда своего отъ начальства тамошняго, то дать о себѣ такой тонъ, что ѣдетъ онъ на Китайскую границу по коммисіи, касательно Китайцовъ, или какъ онъ за лучшее, смотря по обстоятельствамъ, разсудитъ; и остановяся, будто бы для какихъ нуждъ своихъ, стараться всевозможно подъ рукою обо всемъ написанномъ въ инструкціи развѣдывать; и буде узнаетъ въ томъ или другомъ которомъ преступленіи его виннымъ,

вЪ такомЪ случаѣ, по данному ему же Указу, которой тогда же МонархЪ вручилЪ ему, запечатать кабинетЪ его, и какія вЪ немЪ найдетЪ письма, всѣ, запечатавЪ же, привезти кЪ нему Государю. Я надѣюсь, заключилЪ МонархЪ, на тебя, что во всемЪ томЪ поступишь, какЪ долгЪ вѣрнаго и честнаго Офицера повелѣваетЪ. СказавЪ сіе, обнялЪ его, примолвивЪ: Поѣзжай сЪ БогомЪ.

Коммисія сія не укрылась отЪ Ея Величества: Она, покровительствуя сего Князя, призываетЪ кЪ себѣ тайно Полковника того и проситЪ, что естьли, паче чаянія, узнаетЪ онЪ вЪ самомЪ дѣлѣ о какой неизправности Губернатора, то чтобЪ сокрылЪ оное отЪ Государя.

Сколь ни вѣренЪ былЪ ПолковникЪ сей, но прошеніе Монархини такЪ было убѣдительно, что онЪ принужденЪ дать *Ея Величеству* вЪ томЪ слово. Между тѣмЪ извѣщенный о всемЪ семЪ Князь *ГагаринЪ* умѣлЪ и сЪ своей стороны, по пріѣздѣ Полковника того вЪ ТобольскЪ, такЪ обласкать, что онЪ обѣщалЪ и ему поступить по обратномЪ пріѣздѣ его

такъ, какъ онъ обѣщалъ и Ея Величеству.

Великій Государь, или возымѣвъ какое на Полковника того подозрѣніе, или желая изпытать вѣрность его, чрезъ нѣсколько дней, послѣ отправленія его, посылаетъ туда же тайно одного изъ деньщиковъ своихъ, повелѣваетъ ему, пріѣхавъ въ Тобольскъ, буде не запечатаны посланнымъ предъ нимъ Полковникомъ бумаги Губернаторскія, запечатать оныя, и всѣ ихъ привезти съ собою, а между тѣмъ по запечатаніи, по данному ему Указу, о важнѣйшихъ преступленіяхъ его развѣдать, и что объ ономъ узнаетъ, донести вточности, пріѣхавъ обратно.

Сей деньщикъ имѣлъ между прочимъ и то повелѣніе, чтобъ ѣхать сколько можно скрытнѣе, не обьявляя о себѣ, кто онъ и за чѣмъ ѣдетъ въ Сибирь, а паче не дать какого-либо подозрѣнія Полковнику тому, есть-ли съ нимъ встрѣтится. Но онъ однако же съ нимъ разъѣхался, и Полковникъ сей по пріѣздѣ поступилъ такъ, какъ желала Ея Величество, донеся Монарху, что онъ никакого подозрѣнія на Губернатора о какихъ-

либо преступленіяхЪ его не довѣдался, и что, де, всѣ тамЪ поступками его довольны.

Между тѣмЪ деньщикЪ, по отбытіи изЪ Тобольска Полковника, сверхЪ чаянія Губернаторскаго, прибывЪ, исполнилЪ вточности все ему предписанное; онЪ опечаталЪ и забралЪ всѣ его бумаги, узналЪ о многихЪ его преступленіяхЪ, и возвратяся донесЪ Монарху все противное донесенію Полковника, а бумаги, привезенныя имЪ, паче еще доказали пристрастіе перваго.

Можно себѣ представить, сколь прогнѣвленЪ быть долженЪ МонархЪ на Полковника онаго: ОнЪ призываетЪ его паки кЪ себѣ, доказываетЪ невѣрность его, презрѣніе воли своея и повелѣнія, даннаго ему. Нещастный сей падаетЪ предЪ *Его Величествомъ* на колѣни, признается во всемЪ, представляя вЪ извиненіе свое волю Ея Величества, которой онЪ не могЪ отказать.

Великій Государь спрашиваетЪ его: Кому ты присягалЪ вЪ вѣрности, мнѣ ли, или женѣ моей? Нечего инаго было отвѣтствовать, какЪ *Вашему Величеству*. Тогда правосуднѣйшій МонархЪ сказалЪ ему: Я самЪ предЪ

тѣмъ же Богомъ присягалъ въ душѣ моей, сохранять ненарушимо правосудіе, наказывать нарушающихъ оное, ктобъ онъ ни былъ, и искоренять всякую неправду. Въ силу сего священнѣйшаго обязательства и долгу моего, долженъ ты умереть какъ нарушитель истинны, укрыватель злодѣйства и преступникъ верьховной власти, ввѣренной мнѣ отъ Бога.

Нещастный сей поражается приговоромъ симъ, какъ громовымъ ударомъ; онъ падаетъ на колѣни, обнажаетъ грудь свою и, указывая на раны свои, полученныя за Отечество, молитъ изъ великодушнаго уваженія къ нимъ простить его.

Сколь я почитаю раны, полученныя за Отечество, отвѣтствуетъ Государь: то сіе тебѣ докажу и, преклоняся на колѣно, поцѣловалъ оныя; но ты однако же при всемъ томъ долженъ умереть: правосудіе требуетъ отъ меня сея жертвы. Тыбъ, продолжалъ Государь, тотъ же часъ долженъ былъ сказать мнѣ о противной прозьбѣ хозяйки моей. Тебѣ не должно было опасаться открытіемъ симъ произвести между мужемъ и женою какое - либо несогласіе; я зналъ бы,

какъ въ такомъ случаѣ поступить, не нарушая ни мало семейнаго спокойствія, которое мнѣ толь дорого; и такъ необходимо долженъ ты омыть преступленіе кровію своею.

Нещастный сей взятъ былъ подъ стражу; и вся милость къ нему состояла только въ томъ, что оная ему отсрочена до изслѣдованія преступленій Князя *Гагарина* и до казни его, дабы между тѣмъ имѣлъ онъ время, принесеніемъ покаянія и раскаянія о грѣхахъ своихъ, приготовить себя къ смерти (*).

Въ продолженіи увидимъ мы подобную строгость правосудія его.

70.

Монархъ наказываетъ Оберъ-Секретаря кнутомъ, и паки определяетъ его къ должности.

Изъ инструкціи, данной *Его Величествомъ* Оберъ-Секретарю Сената, ясно видно, сколь важною почиталъ Монархъ должность его, какова она и есть въ самомъ дѣлѣ, и на сей-то конецъ чинъ его сравнилъ съ чиномъ

(*) Отъ Коммисара *Крекшина* и отъ Библіотекаря Академіи Наукъ *Г. Бухвостова*.

Полковника, каковой чинъ имѣли и Камергеры Двора Его; а желая, дабы онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ непозволеннымъ средствамъ для содержанія своего, опредѣлилъ ему жалованье несравненно большее, нежели другимъ сего чина служащимъ, которое по тогдашнему времени и въ разсужденіи крайней дешевизны жизненныхъ потребностей, весьма было довольно къ безнужному содержанію и продовольствію себя.

Одинъ изъ сихъ Оберъ - Секретарей - - - -, человѣкъ весьма дѣловой и знающій законы, носилъ отличную на себѣ милость *Его Величества.* Сей Оберъ - Секретарь, ведши себя въ должности своей безпорочно, прельщенъ былъ напослѣдокъ корыстію, и изъ взятковъ кривя вѣсами правосудія, довольно обогатился, что между прочимъ и обнаружилъ построеніемъ несоразмѣрнаго состоянію своему дому.

Монархъ, отъ котораго прозорливости ничто укрыться не могло, въ одно время ѣхалъ въ Сенатъ въ саняхъ. Стоявшіе назади оныхъ два деньщика, изъ зависти къ сему Оберъ-Секретарю, завели объ немъ между собою рѣчь, какъ онъ разбогатѣлъ,

какой построилъ домъ, какъ его богато убралъ; а всѣ, де, знаютъ, что онъ не изъ Дворянъ, и никакихъ доходовъ, кромѣ жалованья, не имѣетъ. Таково-то, заключили они разговоръ свой, быть Оберъ-Секретаремъ. Разговоръ сей вели они довольно громко, съ намѣреніемъ, чтобъ Государь вслушался въ оной.

Монархъ, не подавъ однако же виду, чтобъ внималъ имъ, притворился, будто онъ прозябъ, и, подъѣзжая къ дому того Оберъ-Секретаря, сказалъ: Какъ бы заѣхать къ кому обогрѣться? а поверстиавшись съ домомъ его, примолвилъ: Да вотъ! изрядной домъ. Хозяинъ уже былъ тогда въ Сенатѣ; а хозяйку, приведенную симъ нечаяннымъ посѣщеніемъ въ смятеніе и страхъ, Государь тотчасъ успокоилъ милостивымъ и ласковымъ обращеніемъ съ нею, сказавъ: Не прогнѣвайтесь хозяюшка, что я заѣхалъ къ вамъ обогрѣться; потомъ похвалилъ домъ ихъ, любовался всѣми приборами, и просилъ показать ему всѣ покои и спальню; и наконецъ, поблагодаря ее, поѣхалъ; и прибывъ въ Сенатъ, сказалъ Оберъ-Секретарю, что былъ онъ въ его домѣ, которой, де,

такъ прибранъ, что ктобъ и тысячу душъ имѣлъ за собою, не могъ бы имѣть лучшаго.

По окончаніи присутствія, поелику Монархъ не терпѣлъ никакого отлагательства дѣлъ и продолжительныхъ слѣдствій, взялъ его въ особой покой, и наединѣ требовалъ отъ него искренняго признанія, изъ какихъ доходовъ могъ онъ такой построить себѣ домъ, и такъ богато его убрать?

Къ нещастію своему Оберъ-Секретарь сей возмнилъ, что можетъ онъ удовлетворить вопросы *Его Величества* разными увертками, относя то частію экономіи своей, частію помощи друзей своихъ, и проч.

Извѣстно же, что ничѣмъ толико не прогнѣвлялся Монархъ, какъ непризнаніемъ; Онъ изъ Сената же повелѣлъ ему слѣдовать за собою, и прибывъ въ крѣпость, требовалъ отъ него грозно во всемъ признанія. Сей, видя, такъ сказать, бѣду свою, принужденъ былъ признаться, что домъ свой построилъ изъ взятковъ, и что съ кого и за какое дѣло взялъ.

Тебѣ было, сказалъ Монархъ, таковое признаніе учинить должно въ Сенатѣ, не допуская себя до сего

мѣста; а изъ сего видно, что ты бы и никогда не учинилъ онаго, не видя предъ собою кнута. И такъ повелѣвъ безъ свидѣтелей дать ему онымъ нѣсколько ударовъ, отпустилъ его домой.

Но какъ сей наказанный, по знанію своему въ дѣлахъ, былъ *Его Величеству* нуженъ, то чрезъ три дни бывъ въ Сенатѣ, спросилъ его; но отвѣтствовано, что онъ боленъ. Монархъ, зная тому причину, призвавъ его ввечеру къ себѣ во Дворецъ, поручаетъ ему какъ Оберъ-Секретарю одно важное дѣло. Сей, падши къ ногамъ *Его Величества*, представляетъ, что онъ по законамъ не можетъ уже не токмо носить на себѣ званіе Оберъ-Секретаря, но и считаться между честными людьми; буде же *Его Величеству* угодно, чтобъ онъ вступилъ паки въ прежнюю свою должность, тобъ изъ Монаршаго милосердія указалъ очистить его прикрытіемъ знамя. Монархъ улыбнувшись сказалъ: *Дуракъ! теперь никто не вѣдаетъ того, что ты наказанъ, а тогда всякой узнаетъ, что ты битъ кнутомъ*, и сдѣлалъ ему увѣщаніе, чтобъ онъ забылъ и наказаніе свое и

всѣ проступки свои, за которые наказанъ, и вѣдалъ бы: 1. что онъ прощается не по правосудію и не по милосердію, а по надобности въ немъ; 2. что естьли впредь узнано будетъ о подобныхъ его бездѣльствахъ, тогда публично уже будетъ наказанъ, или, смотря по винѣ, и смертію казненъ, безъ всякаго милосердія (*).

71.

Подобной сему же поступокъ Монаршій съ Адмиралтейскимъ Магазейнъ-Вахтеромъ.

Изъ Дѣяній Великаго Государя видно, коль часто посѣщалъ онъ Адмиралтейскія работы, и при оныхъ обращался съ мастерами и другими служителями какъ бы равной, удостоивая каждаго именемъ товарища. Въ одну изъ сихъ бытностей его при работахъ, Адмиралтейской Магазейнъ-Вахтеръ просилъ *Его Величество* сдѣлать ему милость воспріять отъ купели новорожденнаго сына его. Снисходительнѣйшій Государь, никогда и

(*) Отъ ГенералЪ-Полиціймейстера, *Алексѣя Даниловича Татищева*, одного изъ помянутыхъ двухъ деньщиковъ Государевыхъ.

никому въ семъ неотказывавшій, сказавъ ему: хорошо! спросилъ только, далеколь онъ живетъ? Въ морскихъ слободахъ, отвѣтствовалъ сей. Такъ припомнижь мнѣ предъ выѣздомъ моимъ отсюда, сказалъ ему на то Монархъ.

Магазейнъ-Вахтеръ сіе исполнилъ; и Великій Государь, приказавъ ему стать назади одноколки своей, вмѣстѣ съ деньщикомъ его, пріѣхалъ къ нему. Онъ нашолъ домъ хотя небольшой, но чистой и весьма хорошо убранной.

Послѣ крещенія Монархъ поздравилъ родильницу, поцѣловалъ ее, и пожаловалъ на зубокъ два рубли. Хозяинъ поднесъ *Его Величеству* рюмку Гданской водки. Государь, прикушавъ оную, сказалъ ему: Кумъ! это Гданская водка; витъ она дорога и не по твоему жалованью. — *Для* такого кума, каковъ *Ваше Величество*, отвѣтствовалъ онъ, ничего нѣтъ уменя дорогова. Однакожъ, сказалъ Государь, нѣтъ ли анисовой? Подалъ и ту; и Государь, отдавъ первую, выкушалъ послѣднюю.

Кумъ сей просилъ потомъ Монарха сдѣлать ему милость, чѣмъ Богъ послалъ, откушать у него. Хорошо, сказалъ Государь; но позови, примолвилъ, того и того изъ членовъ Коллежскихъ и изъ мастеровъ корабельныхъ.

По пріѣздѣ сихъ послѣднихъ, сѣли за столъ. Великій Государь не оставилъ примѣтить, что скатерть, салфетки, посуда, вина всѣ были чужестранныя и лучшія; кушанье соотвѣтствовало приборамъ, и все доказывало изрядной достатокъ хозяина

По окончаніи стола, Монархъ поблагодарилъ кума за хорошее угощеніе, и оставя гостей, уѣхалъ.

На другой день Великій Государь прибылъ въ Коллегію, и по окончаніи присутствія повелѣлъ позвать къ себѣ того кума. — Монархъ, поблагодаря его за вчерашнее угощеніе, сказалъ: Слушай-ка, кумъ! ты живешь такъ хорошо и достаточно, что я хочу знать твои доходы, изъ какихъ ты такъ роскошничаешь? Потомъ повелѣлъ его формально о всемъ допросить; допросы сіи были слѣдующіе: изъ Дворянъ ли онъ? давно ли въ службѣ?

сколько получилЪ онЪ отЪ отца наслѣдства, и за женою приданаго? не пришло ли ему какого сторонняго наслѣдства? и по отвѣтамЪ на оные оказалось, что онЪ изЪ подьячихЪ дослужился вЪ настоящій чинЪ вЪ десять лѣтЪ; что наслѣдство отцовское и приданое за женою было весьма малое; и что со стороны ни отЪ кого никакого наслѣдства не получалЪ. По семЪ МонархЪ повелѣлЪ спросить: изЪ какихЪ же доходовЪ МагазейнЪ-ВахтерЪ тотЪ имѣетЪ такой домЪ, и все, что онЪ видѣлЪ у него вЪ домѣ? ибо, примолвилЪ Государь, изЪ жалованья его не можно того имѣть.

Трепещущій кумЪ сей принужденЪ былЪ наконецЪ признаться, что все имЪ нажито отЪ порученной ему должности непозволеннымЪ образомЪ, и именно какимЪ.

Ну кумЪ! сказалЪ тогда Государь, жаль мнѣ тебя, но нечѣмЪ пособить; правда моя требуетЪ, чтобЪ поступлено было сЪ тобою по закону, котораго я преступить не могу, дабы нарушеніемЪ онаго не подать и другимЪ повода кЪ подобному же похищенію казеннаго, или паче народнаго интереса.

Слѣдствіе, произведенное о сихъ похищеніяхъ, открыло все его плутовство; и онъ какъ преступникъ соразмѣрно своей винѣ былъ наказанъ (*).

И такъ, хотя одинъ, изъ тончайшихъ впрочемъ умовъ (**), и утверждаетъ, что „нѣтъ ни наказанія, ниже казни, чрезъ которыя бы возможно было удержать сего рода людей отъ присвоенія себѣ части изъ того, что идетъ чрезъ ихъ руки;" но Ирой нашъ доказалъ противное: Онъ показанными средствами удобно открывалъ какъ сего рода, такъ и другія хищенія, и средствъ сихъ довольно было и ко всегдашнему удержанію отъ злоупотребленій таковыхъ. Вышеозначенные анекдоты о удобности доходить до причинъ нажитковъ находящихся у должностей людей, неимѣвшихъ родовыхъ и наслѣдственныхъ имѣній, сіе же самое подтверждаютъ.

(*) Отъ Вице-Адмирала *Захара Даниловича Мишукова.*

(**) *Ришелье,* Министръ Французской.

72.

Поступокъ Великаго Государя съ одного Дворянкого, отдавшею съ службу сына своего.

Извѣстно, коликую трудность имѣлъ Великій Государь довести городовыхъ Дворянъ своихъ до того, чтобъ добровольно отдавали дѣтей своихъ въ службу.

Одна Дворянка, вдова, бывъ принуждена строгостію Указовъ разлучиться съ щитавшимся въ недоросляхъ осьмнатцатилѣтнимъ любезнымъ сыномъ своимъ, привезя его въ Петербургъ, записала въ Ингерманландской полкъ въ солдаты.

Предъ нѣсколькими же предъ тѣмъ годами, сею же вдовою отданъ былъ въ солдаты дворовой ея человѣкъ, по имени *Иванъ*. Сей, научася въ службѣ грамотѣ, проворствомъ и расторопностію своею скоро дослужился въ семъ же самомъ полку до сержантовъ; и прежній его баринъ, помянутый недоросль, сдѣлался по командѣ отъ него зависящимъ. Но городской Дворянинъ мнилъ, что сержантъ его все еще тотъ же *Ванька*, которой былъ и прежде, и что потому не

можетъ онъ имъ повелѣвать. Сіе было причиною, что не хотѣлъ онъ исполнять приказовъ его. Сержантъ за ослушаніе жестоко наказалъ его палкою; а онъ разжаловался матушкѣ своей, что *Ванька* больно прибилъ его.

Мать сія взвыла, и мнила найти на *Ваньку* сего управу у Государя; она со слезами проситъ у Монарха на него управы, объясняяся, что онъ, бывъ слугою, прибилъ своего господина не на животъ, а на смерть.

Монархъ, разспрося ее, кто тотъ *Ванька*, и кто сынъ ея, и узнавъ, что *Ванька* сержантъ, а сынъ ея солдатъ, приказалъ обоихъ ихъ къ себѣ представить, и спрашиваетъ сержанта: Зачто онъ билъ сына сей старухи? За непослушаніе, отвѣтствуетъ сержантъ; я приказывалъ ему быть въ четвертомъ часу къ ученью, а онъ преслушавъ не пришелъ; я, заключаетъ сержантъ, велѣлъ его привести силою и наказалъ какъ ослушника. Государь, бывъ на то время веселъ, и ободря его мановеніемъ, спросилъ: Да какъ ты его билъ? Сержантъ, понявъ намѣреніе Государя, поставя недоросля въ позитуру, далъ ему

еще нѣсколько ударовъ палкою, приговаривая: не ослушайся, не ослушайся! вотъ какъ я билъ его, Государь! — Мать завыла, а Монархъ сказалъ: видишь старуха, какой *Ванька*-та твой озорникъ, что и въ моемъ присутствіи не унимается; я совѣтую тебѣ поскорѣе отойти, дабы и тебѣ самой чего отъ него не досталось, вить за непослушаніе вездѣ бьютъ (*).

73.

ПЕТРЪ Великій, отдавая справедливость талантамъ, въ комъ бы оные ни были, употребляетъ одаренныхъ оными къ важнѣйшимъ должностямъ.

По старинному учрежденію избирались изъ купечества къ сборамъ казенныхъ денегъ; пошлиннымъ, кабацкимъ и прочимъ.

Великій Государь, во вторую бытность свою въ городѣ Архангельскомъ, замѣтивъ способности въ выборномъ у Таможенныхъ сборовъ Московскомъ купцѣ *Ильѣ Исаевѣ*, записалъ имя его въ карманной своей книжкѣ.

(*) Отъ Князя *Петра Никитича Трубецкаго.*

По прошествіи жъ немалаго времени, бывъ впервые въ Ригѣ по завоеваніи оныя, усмотрѣлъ, что надобенъ Ему тамъ изъ Россіянъ исправной и расторопной человѣкъ къ Таможеннымъ сборамъ; въ тотъ же часъ вспомнилъ помянутаго *Исаева*; Онъ вызвалъ его изъ Москвы, наименовалъ его Оберъ-Инспекторомъ, и опредѣлилъ къ сей должности въ тамошнюю Таможню; и сверхъ того возложилъ на него завести тамъ казенную торговлю, паче же пенькою. Сіе особливо нужно было Великому Государю для того, дабы доставить кредитъ сему важному продукту во всей Европѣ, посредствомъ строгаго брака.

Дабы же сей *Исаевъ* рачительнѣе исправлялъ возложенное на него, то опредѣлилъ ему жалованья въ годъ по 2000 ефимковъ; и сверхъ сего наименовалъ двухъ его сыновей, въ молодыхъ еще ихъ лѣтахъ, ему помощниками, каждому изъ нихъ пожаловалъ въ годъ же по 600 ефимковъ, сумма по тогдашнему времени весьма знатная, каковую получили одни только первѣйшіе государственные Чиновники.

Великій Государь удостоивалъ нерѣдко *Исаева* своеручными письмами; и изъ Исторіи *Его Величества* извѣстно, что сей избранный Имъ привелъ какъ Таможенныя, такъ и торговыя дѣла въ исправнѣйшій порядокъ, особливо же въ отношеніи къ пенькѣ, къ великой пользѣ подданныхъ и государственной (*).

54.

Второе сего же доказательство.

Князю *Меньшикову* знакомъ былъ одинъ сидѣлецъ въ гостиномъ дворѣ, человѣкъ молодой, и по бытности его нѣсколько лѣтъ въ городѣ Архангельскомъ, разумѣвшій Нѣмецкой языкъ. Великій Государь нерѣдко посѣщая гостиный дворъ не для прогулки, но для присмотру за порядкомъ торгующихъ, и входя въ лавки, естьли усматривалъ въ которой непорядочно расположенные товары, приказывалъ при себѣ иначе ихъ переложить; и по таковомъ расположеніи говаривалъ хозяину: Посмотри! не порядочнѣе ли теперь расположены твои товары?

(*) Отъ потомковъ сего Г. *Исаева*.

Войдя же въ лавку помянутаго сидѣльца, и нашедъ у него лучшій въ расположеніи товаровъ порядокъ и самаго одѣтаго въ Нѣмецкое платье, похвалилъ его за оное. При семъ случаѣ бывшій съ Монархомъ *Меньшиковъ* сказалъ *Его Величеству*, что молодецъ сей знаетъ еще и Нѣмецкой языкъ. Несказанно пріятно было сіе Государю; онъ на семъ языкѣ разспросилъ его, какого онъ города уроженецъ, естьли у него отецъ, гдѣ онъ научился сему языку, давноль живетъ въ Петербургѣ? — Порядочные сидѣльцовы отвѣты доказали Монарху, что онъ довольно былъ уменъ. *Меньшиковъ*, обѣщавшій прежде сему молодому человѣку доставить случай познакомить его съ Государемъ, велѣлъ ему имѣть у себя въ лавкѣ на такой случай хорошую водку, и къ оной закуску; и какъ былъ тогда одиннатцатой часъ въ исходѣ, то и не упустилъ онъ сего случая: Не угодно ли, Государь! сказалъ онъ, сдѣлать честь сему знакомцу моему, выкушать у него водки? Монархъ, посмотря на часы, сказалъ: Хорошо. Сидѣлицъ поднесъ *Его Величеству* Гданской водки, и поставилъ закуску. Монархъ, при-

кушавши оной, поставилЪ рюмку, и спросилЪ: ХозяинЪ ли онЪ, или сидѢлецЪ? СидѢлецЪ, ВсемилостивѢйшiй Государь, отвѢтствовалЪ сей. А сколько получаешь ты жалованья? спросилЪ МонархЪ. — Сто рублей. — ИзЪ такого жалованья несходно покупать тебѢ такiя водки, да онѢ и совсѢмЪ излишни, особливо же для тебя, сказалЪ МонархЪ; сверхЪ сего не хочу я, продолжалЪ Государь, чтобЪ ты поставилЪ на щетЪ хозяину, что покупалЪ Гданскую водку для Государя; и такЪ, не ставЪ пить оныя, вышелЪ. Но сЪ сего однако же времени великiй сей ХозяинЪ, когда ни бывалЪ вЪ гостиномЪ дворѢ, всегда кЪ сему сидѢльцу захаживалЪ вЪ лавку, и всегда что-нибудь говорилЪ сЪ нимЪ по НѢмецки; узнавЪ же больше его способности, выпросилЪ его у хозяина вЪ свою службу, повелѢвЪ однако же прежде его сосчитать и дать себѢ знать, доволенЪ ли онЪ будетЪ его исправностiю; получа же отЪ хозяина доброй о немЪ аттестатЪ, опредѢлилЪ его вЪ Портовую Таможню третьимЪ членомЪ (*).

(*) ОтЪ купца *Лапшина*, бывшаго сему очевидцемЪ: но онЪ однако же забылЪ фамилiю сего сидѢльца.

75.

Третіе сему же доказательство.

Великій Государь, будучи еще въ малыхъ лѣтахъ, не задолго до перваго своего въ чужіе краи путешествія, прогуливаяся по Московскимъ торговымъ лавкамъ, и въ панскомъ ряду замѣтивъ проворнаго одного молодаго сидѣльца, остановился у лавки его, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и изъ отвѣтовъ его узналъ его разумъ; а въ продолженіе разговоровъ свѣдавъ, что онъ разумѣетъ Нѣмецкой, Французской и Польской языки, спросилъ: Гдѣ онъ учился? Сей отвѣтствовалъ, что у отца своего. Кто же отецъ твой? вопрошаетъ паки Государь. — Посольскаго Приказа Переводчикъ. — А кто хозяинъ твой? — Московской гость *Евреиновъ.*

Монархъ напослѣдокъ повелѣлъ ему именемъ своимъ сказать хозяину его, чтобъ онъ его сосчиталъ; и взявъ аттестатъ, пришли съ отцомъ своимъ къ нему: ибо де ты мнѣ надобенъ.

Изъ сего-то сидѣльца вышелъ славной Господинъ *Петръ Павловичь Шафировъ.*

На третій день отецъ съ сыномъ предстали предъ Монарха, и сынъ поднесъ *Его Величеству* данное ему отъ хозяина о порядочномъ поведеніи его свидѣтельство. Великій Государь опредѣлилъ его въ Посольской Приказъ; и по краткомъ времени заступилъ онъ мѣсто своего отца. По семъ взялъ его Государь съ собою въ первое свое путешествіе въ чужіе краи, и употреблялъ въ важныя дѣла, которыя всегда онъ исправилъ къ великому удовольствію *Его Величества.* Заслуги и дарованія его наконецъ доставили ему достоинство Вице-Канцлерское, а потомъ Сенаторское, съ чиномъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Но сей, отличившійся заслугами и дарованіями своими мужъ, напослѣдокъ забылъ себя столько, что въ надеждѣ на свою знатность, заслуги и милость къ себѣ Государеву, причинялъ разные противные законамъ безпорядки, подвергшіе его суду, строгостію котораго приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ, имѣнія и самыя жизни. Правосудіе *Его Величества* подтвердило рѣшеніе суда сего; но милосердіе, уважа его заслуги, оставило ему жизнь, какъ-то

описано все сіе *въ Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ Его Величества* (*).

Мы съ большимъ основаніемъ сказать можемъ то же о законахъ Ироя нашего, что сказано о *Фридериковыхъ*: „Ежели въ нѣкоторыхъ случаяхъ законы его кажутся строги, но по „меньшей мѣрѣ не суть варварскіе: „мудрость его начертала ихъ против виновныхъ, милость его умѣряла ихъ для человѣковъ.„

76.

Четвертое того же доказательство.

Великій Государь, въ бытность свою въ Астрахани, осматривая между прочимъ пріѣзжихъ купцовъ лавки и анбары, и разспрашивая каждаго, откуда кто, давно ли продолжаетъ тамъ торги, хозяинъ ли кто или прикащикъ? замѣтилъ одного изъ нихъ Калмыка, и узналъ отъ него, что онъ принадлежитъ предупомянутому Московскому гостю *Евреинову*, и прозывается *Сердюковъ*. Отвѣты его на всѣ вопросы Монарха были остры

(*) Отъ внука бывшаго его хозяина *Михайлы Евреинова*, и отъ Коммисара *Крекшина*.

и основательны. *Его Величество*, полюбя его, велѣлъ ему притти къ себѣ на другой день, и, къ удовольствію своему, примѣтилъ въ немъ не одну расторопность и познаніе въ торговлѣ, но и природную еще склонность къ Механикѣ. Сего довольно было для Монарха, чтобъ употребить таланты его въ общую пользу.

По возвращеніи же своемъ въ Москву, Великій Государь призываетъ къ себѣ *Евреинова*, спрашиваетъ его, доволенъ ли онъ Калмыкомъ своимъ *Сердюковымъ*, и съ вѣрностію ли онъ исправляетъ порученное ему? *Евреиновъ* отдаетъ ему справедливость, и Монархъ изъявляетъ желаніе свое, чтобъ онъ отпустилъ его, ибо де онъ мнѣ надобенъ. *Его Величество* записываетъ *Сердюкова* въ Новогородское купечество, поручаетъ ему разныя казенныя коммисіи, а наконецъ ввѣряетъ ему Вышневолоцкія слюзы; и когда увидѣлъ, что онъ и сію важную для Петербурга должность исправилъ къ удовольствію его, отдаетъ ему слюзы оныя въ вѣчное владѣніе, и снабдѣваетъ знатными привиллегіями, которыя и содержалъ онъ въ исправнѣйшемъ состояніи къ общему удовольствію, а паче

проходящихъ слюзы оныя, по самую смерть, и которыя оставилъ въ наслѣдіе и дѣтямъ своимъ (*).

77.

Слуга награждается достоинствомъ морскаго Офицера, а господинъ его опредѣляется въ матросы.

Между множествомъ разосланныхъ Монархомъ въ чужіе краи молодыхъ Россіянъ, изъ всякаго званія людей, для изученія разнаго рода Наукъ, художествъ, рукодѣлій и торговли, находился одинъ изъ достаточныхъ Калужскихъ помѣщиковъ, по фамиліи *Спафаріевъ*. Отецъ его далъ ему слугу изъ Калмыковъ, человѣка ума остраго, ко всему способнаго и весьма вѣрнаго и приверженнаго къ дому ихъ.

Сей Калмыкъ, никогда почти не отлучаяся отъ господина своего, воспользовался преподаваемымъ ему ученіемъ, а паче касательно до морской науки; къ чему наиглавнѣйше и назначенъ былъ г. *Спафаріевъ*. Напротивъ же сей господинъ его, или не имѣя способности и раченія, или по

(*) Отъ того же Г. *Евреинова*.

стариннымъ предувѣреніямъ, яко Дворянинъ достаточный, считая для себя сего рода науку низкою и излишнею, ни въ чемъ не успѣлъ, колико впрочемъ ни напоминалъ ему о томъ Калмыкъ его. А какъ, по прошествіи назначенныхъ ученію лѣтъ, возвратился съ прочими сей *Слафаріевъ* въ Петербургъ, и долженъ былъ выдержать экзаменъ въ присутствіи самаго Монарха въ Коллегіи Адмиралтейской: то Калмыкъ сей пожелалъ быть при семъ испытаніи, дабы могъ онъ выводить изъ замѣшательства господина своего напоминовеніемъ ему, что должно отвѣчать на вопросы, а можетъ быть и для того, дабы имѣть случай выставить и себя. Но какъ бы то ни было, онъ вошелъ съ прочими предъ присутствіе Монарха, посредствомъ проворства своего, то есть, онъ забралъ съ собою всѣ рисунки, черченные при ученіи господиномъ его, которые и доставили ему входъ сей.

И такъ, прежде нежели дошла очередь до г. *Слафаріева*, Калмыкъ для напоминанія ему нужнаго употреблялъ тѣ секунды, въ которыя Монархъ, ходившій по палатѣ, оборачивался къ нимъ спиною; Государь однако же сіе

примѣтивъ, спросилъ Калмыка, за чѣмъ онъ здѣсь? Я, отвѣчалъ онъ, Всемилостивѣйшій Государь, принялъ смѣлость войти сюда съ господиномъ своимъ, для поправленія его въ случаѣ замѣшательства его въ отвѣтахъ. — Да развѣ ты что разумѣешь? — Я, *Ваше Величество*, бывъ неотлученъ отъ господина моего, старался воспользоваться преподаваемымъ ему наставленіемъ. — Монархъ, удивяся сему, сталъ Самъ его разспрашивать по части морскихъ познаній, и, къ великому удовольствію своему, нашелъ его весьма въ томъ знающимъ. Послѣ сего подобно же началъ Монархъ испытывать господина его, и нашелъ, что сколько слуга его былъ знающъ, столько онъ несвѣдущъ. Какое же правосудный Государь учинилъ рѣшеніе? Калмыку сему не только пожаловалъ вольность, но и чинъ Мичмана во флотѣ, а господина его повелѣвъ написать матросомъ, отдать въ команду ему, дабы онъ постарался научить его тому, что самъ разумѣетъ.

Калмыкъ сей въ 1723 году былъ уже морскимъ Капитаномъ, а потомъ дошелъ по службѣ и до Контръ-Ад-

миральскаго чина, и прозывался *Калмыковымъ.* (*).

78.

Снисхожденіе Государево на дерзновенный поступокъ плѣннаго Шведскаго Офицера, поносившаго Монарха и проколовшаго портретъ Его ножемъ.

Изъ Исторіи Великаго Государя видимъ мы, колико онъ почиталъ вѣрность и ревность къ себѣ въ подданныхъ своихъ; а изъ сего анекдота увидимъ, что столько же уважалъ онъ вѣрность и въ непріятельскомъ подданномъ къ Государю своему. Извѣстно, что многіе плѣнные Шведскіе Офицеры сосланы были въ Сибирь, гдѣ содержались они на свободѣ, и отъ великодушія побѣдителя своего имѣли безнужное содержаніе. Одинъ изъ сихъ Офицеровъ, довольно уже знавшій Русской языкъ, приглашенъ былъ съ прочими гражданиномъ того города, гдѣ онъ пребываніе имѣлъ, на именинной столъ; и среди попойки, по древнему обычаю въ такихъ пирушкахъ обыкно-

(*) Отъ Г. Адмирала *Нагаева.*

венной зашелъ разговоръ о продолжавшейся еще тогда войнѣ со Шведами. Нѣкіе изъ гостей превозносили похвалами храбрость и великодушіе къ побѣжденнымъ своего Монарха, а напротивъ Короля Шведскаго поносили, вычитая всѣ его несправедливости и жестокости, съ каковыми поступаемо было по его повелѣніямъ съ плѣнными Россіянами. Офицеръ Шведскій доказывалъ, что должно почтительнѣе говорить о особѣ коронованной главы; что поношеніе ихъ есть сущая клевета, — поносители однако же не унималися. Шведъ разгорячается, защищаетъ честь Государя своего всѣми силами, наконецъ выходитъ изъ предѣловъ терпѣнія, произноситъ нѣсколько словъ поносныхъ на Особу великаго соперника его, и какъ сумасшедшій бѣжитъ съ ножемъ къ портрету Государеву, стоявшему на стѣнѣ той же комнаты, и прокалываетъ оный. Хозяинъ и всѣ гости приходятъ въ крайнее изумленіе и негодованіе; схватываютъ дерзкаго Шведа, вяжутъ его и представляютъ Начальству, которое, справедливо сочтя его за важнаго преступника, при доношеніи своемъ отсылаетъ окованнаго

вЪ Москву вЪ Тайную Канцелярію. Князь *Ромодановскій*, начальникЪ сей Канцеляріи, ревнительнѣйшій поборникЪ славы и чести Государя своего, докладываетЪ *Его Величеству*, случившемуся тогда вЪ Москвѣ, о семЪ Шведѣ, какЪ о достойномЪ за дерзость свою примѣрной казни. Не горячись дядя, отвѣтствуетЪ МонархЪ; отЪ удару его я не чувствую ни малой боли (*). Надобно разсмотрѣть прежде, что принудило его кЪ таковому поступку. ВелитЪ себѣ подать присланное о немЪ доношеніе, и увидя изЪ онаго все вышеизЪясненное, не только не обвиняетЪ, но почитаетЪ еще его достойнымЪ награжденія за ревность и вѣрность его кЪ Королю своему, за честь котораго присягалЪ онЪ послѣднюю пролить каплю крови; а винитЪ больше тѣхЪ, кто, его напоя до пьяна, по-

(*) ПоступокЪ сей ГосударевЪ подобенЪ поступку вЪ подобномЪ случаѣ Константина Великаго. Когда Ѳивіяне, раскольники Египетскіе, обуявЪ энтузіазмомЪ, обругали статую сего Государя, плевали на оную и поражали каменьемЪ; и когда о семЪ представлено ему было, и онЪ побуждаемЪ былЪ кЪ строгому наказанію преступниковЪ, то сей Государь, осязая лицѣ свое, сказалЪ: я ни одной раны отЪ того не чувствую.

ношеніемъ особы Королевскія раздражили, и привели до того поступка. Шведъ, ожидавшій себѣ казни, а по меньшей мѣрѣ жестокаго наказанія, обрадованъ былъ неизреченно, услышавъ изъ устъ Великаго Государя, коего онъ толико оскорбилъ, что онъ прощается; сего еще недовольно: великодушный Государь повелѣлъ ему избрать покойнѣйшее для пребыванія своего мѣсто, и опредѣлилъ въ награду за вѣрность и ревность къ Королю его получать ему двойное содержаніе противу того, какое до того получалъ (*).

79.

Неусыпность Великаго Государя въ трудахъ.

Великій Государь, воспріявъ отъ купели Африканскаго Арапа, наименовалъ его *Абрамомъ*, и, въ память Африканскаго же славнаго въ древности Полководца *Ганнибала*, далъ ему сію самую фамилію.

(*) Отъ *Ивана Михайловича Головина.*

Сей Россійскій *Ганнибалъ*, между другими дарованіями, имѣлъ чрезвычайную чудкость, такъ что какъ бы онъ ни крѣпко спалъ, всегда на первой спросъ просыпался и отвѣчалъ. Сія чудкость его была причиною, что Монархъ сдѣлалъ его своимъ Камердинеромъ и повелѣвалъ ночью ложиться или въ самой своей спальнѣ, или подлѣ оныя.

Г. *Ганнибалъ* самъ предалъ намъ сей анекдотъ, разсказывая всегда оной со слезами, то есть, что не проходило ни одной ночи, въ которую бы Монархъ не разбудилъ его, а иногда и не одинъ разъ. Великій сей Государь просыпаяся кликивалъ его: Арапъ! и сей тотъ же часъ отвѣтствовалъ: Чего изволите? — *Подай огня и доску*, (то есть аспидную, которая съ грифелемъ висѣла въ головахъ Государевыхъ.) Онъ подавалъ оную, и Монархъ пришедшее себѣ въ мысль, или самъ записывалъ, или ему приказывалъ, и потомъ обыкновенно говорилъ: *ловѣсь и лоди сли.* Поутру же неусыпный и попечительнѣйшій Государь обдѣлывалъ сіи свои мысли, или, внеся оныя въ записную свою книжку, отлагалъ исполненіе оныхъ

до другаго времени, смотря по важножности дѣла (*).

Но какъ Великій Государь примѣтилъ въ семъ Арапѣ многія хорошія способности, могущія быть полезными Отечеству; то колико ни нуженъ былъ ему такой Камердинеръ, однако же онъ отлучилъ его отъ себя, пославъ во Францію для ученія, главнѣйше же инженерству, а по возвращеніи оттуда пожаловалъ его Офицеромъ въ Бомбардирскую роту гвардіи своей; въ послѣдствіи же достоинства его доставили ему чинъ Инженеръ-Генерала и Кавалера Святаго Александра Невскаго.

Послѣдніе сіи анекдоты заключу я словами Г. *Болтина*: „ПЕТРЪ Великій, (говоритъ онъ) отдавая достоин-„ствамъ почесть, не предубѣждался „лицепріятіемъ, или пристрастіемъ; „низкаго и вышшаго состоянія люди, „свои и чужестранные, въ рѣшеніи „семъ не имѣли у него перевѣса: свидѣ-„тельствуютъ сіе многіе изъ низкаго „званія возведенные на вышнія до-

---

(*) Мнѣ же разсказывалъ сіе слышанное отъ него Г. Дѣйствительной Статской Совѣтникъ *Михайла Ивановичъ Веревкинъ.*

„стоинства, изъ которыхъ особливо „извѣстны *Боуръ*, *Ягушинской*, *Меньшиковъ*, *Остерманъ*;„ а я прибавлю и вышеписанное (*).

80.

Замѣчанія Государевы о Г. Черкасовѣ.

Кабинетъ-Министръ Баронъ *Иванъ Антоновичъ Черкасовъ* былъ при Го-

---

(*) Можно бы здѣсь описать кратко достоинства всѣхъ сихъ избранныхъ Монархомъ мужей; но сіе оставлю я до другаго времени; здѣсь же только касательно до Г. *Остермана* выпишу изъ книги, сочиненной *Фридерикомъ* II, Королемъ Прусскимъ (*Исторія моего времени, Томъ I. Стр.* 60 Россійскаго переводу). „Времена ПЕТРА I образовали такого человѣка, „которой при преемникахъ сего Государя, по „опытамъ своимъ весьма былъ способенъ къ „понесенію бремени государственнаго правленія. „То былъ *Графъ Остерманъ*; подобно искусному кормчему, во время бурныхъ перемѣнъ, „управлялъ онъ кормиломъ государства непогрѣшительною рукою; онъ былъ родомъ изъ „Графства Маркскаго, что въ Вестфаліи, „изъ незнатнаго происхожденія: но Природа „надѣлила его дарованіями, не смотря на простую его породу. Сей Министръ зналъ Россію „такъ, какъ Верней человѣческое тѣло; онъ „былъ остороженъ, смотря, какъ того требовали обстоятельства, и удалялся отъ придворныхъ пронырствъ для того, чтобы удержать при себѣ правленіе дѣлъ.„

сударевъ Кабинетъ-Секретаръ *Макаровъ*, сначала копеистомъ, и получалъ жалованья сто рублей. Прилѣжность къ должности и способности его скоро Монархомъ были замѣчены, и пріобрѣли ему милость какъ Его, такъ и Ея Величествъ; при всемъ томъ однако же оставался онъ довольное время безъ награжденія и въ бѣдности. Въ одну осень подаетъ онъ Государю письмо, въ коемъ описавъ свою скудость, и что кромѣ ста рублей жалованья не имѣетъ никакихъ доходовъ, и которыхъ съ нуждою только достаетъ ему на содержаніе свое и семейства его, продолжаетъ: зима, Государь, приходитъ, а одѣть себя и семьи своей нечѣмъ, домишка развалился, а поправить его и обогрѣться нечѣмъ же; и заключаетъ прозьбою о прибавкѣ жалованья. Монархъ прочтя, тогда же на ономъ подписалъ: *Въ награжденіе три ста, и жалованья по три ста рублей въ годъ изъ Кабинета.* А какъ сіе происходило въ присутствіи Государыни, то Ея Величество просила при ономъ наградить его и чиномъ: онъ очень золъ, отвѣтствовалъ Государь, такъ надобно еще его поморить, дабы сдѣлался по-

мягкосерднѣе, а тогда не будетъ онъ оставленъ.

Сему Господину *Черкасову* Монархъ въ похвалахъ своихъ поручалъ разныя, а иногда и Квартирмейстерскую должность, и находятся два *Его Величества* къ нему письма касательно до послѣдней. Вотъ оныя: *Иванъ! мѣсто по твоему отводу водою и лѣсомъ довольно, да травы нѣтъ: и видно братъ, что ты проспалъ, — вставай ранѣе, дабы я съ тобою не побранился.*

II.

Иванъ! мѣсто отведенное тобою всѣмъ довольно, и за то тебѣ спасибо (*).

ПЕТРЪ.

81.

Князь Меньшиковъ жалуется Государю на Черкасова; резолюція Его Величества.

Когда отъ фискаловъ поданы были разные о преступленіяхъ Князя *Меньшикова* доносы, и когда отъ не-

---

(*) Отъ Г. Подполковника *Бартенева*, служившаго при немъ при Кабинетѣ, сообщившаго мнѣ все сіе.

пріятелей его разславлены уже были оныя преступленія его въ народѣ: помянутый Господинъ *Черкасовъ*, ненавидѣвшій его за презрѣніе, оказываемое отъ него ему, и давно уже собиравшій все то изъ дѣлъ его, что относилось не къ чести его, возпользовался доносами тѣми, и умножилъ оными выписку свою, съ намѣреніемъ, дабы употребить оную кстати. Въ одно время былъ онъ присланъ къ нему по должности; и поелику принятъ отъ него былъ, какъ ему казалось, съ большимъ прежняго презрѣніемъ, то осмѣлился сказать ему: что ежели бы о всѣхъ дѣлахъ его узналъ Государь, тобъ не столько кичиться онъ могъ свою знатностію, и не презиралъ бы такъ людей честныхъ.

Можно себѣ представить, коль досадны должны быть таковые отъ канцеляриста укоры Вельможѣ, непривыкшему слушать ни отъ кого подобныхъ. Онъ въ тотъ же еще день разжаловался на него Государю, изъясняяся, что подьячей Вашъ разругалъ меня, мужика заслуженнаго и отличеннаго Вашею милостію.

Великій Государь призываетъ къ Себѣ *Черкасова*, и говоритъ ему гнѣвнымъ голосомъ: Какъ ты смѣлъ бранить Фельдмаршала? Сей отвѣтствуетъ безъ робости, что онъ его не бранилъ, а сказалъ только, не вытерпя оказаннаго отъ него себѣ презрѣнія, въ чемъ и признаетъ себя виноватымъ: что ежели бы Государь зналъ всѣ дѣла его и не столько его любилъ, тобъ не кичился онъ своею знатностію. И какъ уже *Черкасовъ* приготовился къ сему, то все собранное о Кн *Меньшиковѣ*, а паче касательно до корыстолюбія его, донесъ *Его Величеству* Монархъ, выслушавъ все то терпѣливо, отпустилъ *Черкасова* безъ гнѣва, и — увидяся съ *Меньшиковымъ*, сказалъ: Ты самъ презрѣніемъ своимъ принудилъ *Черкасова* сказать тебѣ правду, и ежели по изслѣдованію найдется все такъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, то страшись гнѣва моего (*).

(*) Отъ того же Г. *Бартенева*.

82.

Дерзость Князя Меньшикова.

Извѣстно, что Великій Государь, не любя пышности и шуму при Дворѣ своемъ, оставилъ великолѣпіе Двора Монаршаго представлять Князю *Меньшикову*; и посему любимецъ сей имѣлъ при домѣ своемъ между прочимъ и пажей изъ Дворянъ.

Въ одно время просилъ онъ Государя, чтобъ пажей его пожаловалъ Офицерами; но Монархъ отвѣтствовалъ: Не будучи солдатами, Офицерами быть не льзя; однакожъ, примолвилъ, я о семъ подумаю. Чрезъ нѣсколько же времени Великій Государь, пославъ къ нему предупомянутаго Г. *Черкасова*, велѣлъ объявить ему свое соизволеніе, чтобъ онъ пажей своихъ записалъ въ гвардейской его полкъ въ солдаты; но Князь, не будучи симъ доволенъ, и можетъ быть въ надеждѣ на милость къ себѣ Государеву, объявивъ имъ чины сержантовъ, далъ о семъ знать въ полкъ; чрезъ нѣкоторое же время *Его Величество*, яко Полковникъ полку того, усмотря изъ рапортовъ о пожалованіи ихъ сержантами, призвалъ къ себѣ *Черкасова* и со гнѣвомъ сказалъ: Я велѣлъ тебѣ объявить *Меньшикову*,

ф

чтобъ онъ пажей своихъ записалъ въ солдаты, а не въ сержанты. *Черкасовъ* отвѣчалъ, что онъ въ точности исполнилъ Указъ Его. Не льзя статься, сказалъ паки Государь, чтобъ *Меньшиковъ* преступилъ мое повелѣніе. Я — не знаю того, Государь, а знаю только то, что именно исполнилъ Ваше повелѣніе. Чтобъ записалъ онъ ихъ въ солдаты: — поди же къ нему и скажи моимъ именемъ, какъ онъ осмѣлился пренебречь Указъ мой? и вѣдаетъ ли онъ, что за сіе самъ онъ попадетъ въ солдаты?

Князь, не любя Г. *Черкасова*, въ досадѣ своей сказалъ: это все отъ тебя, подьячей; ты уже не разъ подводилъ меня подъ гнѣвъ Государевъ; но я съ тобою управлюсь. Сказавъ сіе, поѣхалъ самъ къ Монарху; но увидя *Его Величество* весьма гнѣвнымъ, упалъ на колѣни и просилъ простить его въ преступленіи своемъ. Великій Государь, бывъ подлинно весьма гнѣвнымъ, далъ ему почувствовать гнѣвъ свой нѣсколькими ударами палки своей, и повелѣлъ тотъ же часъ переименовать ихъ солдатами. Поподчиванный симъ образомъ Господинъ Подполковникъ гвардіи, вышедъ отъ Монарха и встрѣтившись съ Г. *Черкасовымъ*, пожавъ

дружески руки его, съ великою учтивостію сказалъ: все ли вы, другъ мой, въ добромъ здоровьѣ?

Предавшіе намъ сіе прибавляютъ, что *Его Величество*, дабы не столько чувствительны были *Меньшикову* побои тѣ, чрезъ три дни пожаловалъ пажей оныхъ паки въ сержанты (*).

83.

Поползновенія Князя Меньшикова и поступки Монаршіе въ отношеніи къ онымъ.

За достовѣрнѣйшее изъ преданій, касательно славнаго Князя *Меньшикова*, принято, что онъ родился въ Москвѣ въ 1674 году отъ бѣднаго Польскаго шляхтича, служившаго при Царской конюшнѣ въ стремянныхъ, и что оставшись послѣ отца въ дѣтствѣ, лишился и послѣдняго малаго его имущества, и принужденъ былъ искать себѣ пропитанія у одного изъ Московскихъ пирожника. Онъ, живя у него, разносилъ по улицамъ пироги, и припѣвами своими привлекъ на себя вниманіе Г. *Лефорта*. Свѣтлой голосъ и живость его ему полюбились; онъ спро-

(*) Отъ Коммисара *Крекшина* и отъ Г. *Веревкина*.

силЪ его, не хочетЪ ли онЪ принять у него службу? Предложеніе сіе охотно имЪ принято, что случилось вЪ 1686 году. Проворство его скоро замЪчено было младымЪ ГосударемЪ; онЪ взялЪ его кЪ себЪ и записалЪ вЪ потЪшную свою роту солдатомЪ. Природныя его дарованія, ревностное прохожденіе службы и точное исполненіе всего возлагаемаго на него, сдЪлали его отЪ Особы Монаршей неотлучнымЪ и пріобрЪли всю его довЪренность. ТакимЪ образомЪ время отЪ времени онЪ возвышаяся, достигнулЪ наконецЪ до первыя степени чиновЪ и богатства; и домЪ его представлялЪ, по волЪ Самодержца, не любившаго пышности, великолЪпіе Царскаго Двора, вЪ которомЪ отправлялись почти всЪ публичные церемоніалы и празднества. Какое, по видимому, щастіе!

Но какЪ однако же человЪкЪ по естеству своему не перестаетЪ желать себЪ новаго приращенія щастія: ибо то, какое онЪ уже имЪетЪ, какЪ бы ни было оно велико, его болЪе не прельщаетЪ, и посему-то таковые любимцы фортуны, все имЪя желаніями новаго пріобрЪтенія, безпокоются болЪе, нежели когда они ничего

не имѣли. Поелику же онъ, окончавши всѣ начальности свои, съ 1714 году оставляемъ былъ почти всегда отъ Монарха начальникомъ въ Петербургѣ и, живя въ недрахъ покойной пышности, не могъ болѣе ожидать чего-либо отъ Государя, истощившаго всѣ уже на него свои милости: то и стремились желанія его къ пріобрѣтенію новыхъ себѣ богатствъ, какими бы то ни было путями. Въ такомъ-то положеніи, при всемъ щастіи своемъ, находился сей мнимый щастливецъ; его мучили непрестанныя желанія обогащать себя паче и паче; слѣдовательно, ежели бы не всѣ, такъ сказать, истощены на него были милости Монаршія, тобъ былъ онъ несравненно щастливѣе; ибо остались бы у него тогда однѣ только законныя желанія, и надежда, когда-либо удовлетворить оныя, его бы услаждала; но лишася сея усладительныя надежды, попускается онъ въ порочныя крайности (*), какъ изъ слѣдующихъ откроется анекдотовъ.

(*) „ Человѣкъ, (говоритъ одинъ умный писа„тель) не имѣющій уже чего желать, или

ВЪ XI Томѣ *Дополненія къ Дѣяніямъ* ПЕТРА *Великаго* показано, что сей любимецъ Государевъ попускался въ казенные хлѣбные подряды, производя оные тайно подъ чужими лицами; и что производилъ оные по большой части преданный ему Санктпетербургской Вице-Губернаторъ *Корсаковъ*.

„получившій все то вдругъ во всей полности, „что только возмогъ бы пожелать, было бы „существо самое нещастнѣйшее; ничего бы для „него не было мучительнѣе, какъ быть внѣ „возможности ожидать еще кокого-либо при„бавленія къ щастію своему. Въ семъ-то „горестномъ положеніи видимъ мы человѣ„ковъ, достигшихъ, или лучше сказать, „слѣпымъ щастіемъ возведенныхъ на высочай„шую степень честей, знатности, могуще„ства и богатства, утопающихъ во всѣхъ „изощренныхъ вкусомъ изобрѣтенныхъ роско„шахъ, удовольствіяхъ и сладострастныхъ „нѣгахъ. Сіи возлюбленнѣйшія щастія чада „теряютъ напряженность воображенія; теря„ютъ нѣжную щекотливость чувствованія, дѣя„тельность самыхъ чувствъ; лишаются всѣхъ „силъ, желаній, вкуса, побужденій, скуча„ютъ, томятся, стонутъ въ позлащенныхъ „чертогахъ и златотканныхъ одеждахъ. Сіи „блестящіе свѣтомъ фосфора кумиры, при „всѣхъ, чинимыхъ имъ подлыми душами, ко„лѣнопреклоненіяхъ, стократно нещастливѣе

Видѣли также, что огорченный симъ Монархъ нарядилъ для изслѣдованія сего строгую Коммисію, подъ предсѣдательствомъ Князя *Василья Володимировича Долгорукова.*

Коммисія дѣло сіе изслѣдовала и *Меньшикова* нашла виновнымъ; Предсѣдатель докладываетъ о семъ Государю, и проситъ, чтобъ *Его Величество* разсмотрѣлъ производство и заключеніе ихъ, и сдѣлалъ бы конецъ оному, прибавя къ тому: теперь, Государь, все зависитъ отъ Твоего рѣшенія. Монархъ повелѣлъ ему съ дѣломъ тѣмъ притти въ свою токарню, назнача оному день и часъ.

Долгоруковъ въ сей самый часъ съ дѣломъ онымъ и пришелъ. *Его Величество* заперъ самъ дверь и велѣлъ ему

„въ посредственномъ состояніи, подъ тѣнію „тихой и спокойной добродѣтели благоденствующихъ мужей, взирающихъ на сіи лучезарные водяные пузыри, на сіи воздушные „*Монголфіеровы* шары, равнодушнымъ и незавидливымъ окомъ, такъ какъ на мгновенно показывающіяся явленія и мгновенно же „изчезающія.„

Но естьли, какъ извѣстно, никогда не престаютъ въ человѣкѣ желанія, то какимъ же имъ быть уже должно въ семъ мучительномъ положеніи таковыхъ мнимыхъ щастливцевъ?

читать; въ продолженіе чтенія сего стали въ дверь стучать. Монархъ, думая, что то супруга его, крайнѣ прогнѣвался; но отворя двери, увидѣлъ, что то былъ Князь *Меньшиковъ*, которой лишь только вошелъ, палъ предъ нимъ на колѣни, и со слезами просилъ помилованія, изъясняяся, что злодѣи его всѣ силы прилагаютъ погубить его. На сіе прежде еще, нежели что-либо произнесъ Монархъ, Князь *Долгоруковъ* сказалъ виноватому: *Александръ Даниловичъ*! дѣло твое разсматривалъ и судилъ я съ сочленами Коммисіи, а не злодѣи твои; самое дѣло безъ приговору нашего обличаетъ тебя въ похищеніи казеннаго интереса, и посему жалоба твоя крайнѣ несправедлива.

Между тѣмъ *Меньшиковъ* продолжалъ стоять на колѣняхъ и рыдать. Великій Государь, безъ сомнѣнія тронувшись слезами того, котораго онъ привыкъ изъ дѣтства любить, обратяся къ *Долгорукову*, сказалъ: Отнеси дѣло къ себѣ, я выслушаю оное въ другое время. Неизвѣстно, что Монархъ, оставшись съ однимъ *Меньшиковымъ*, дѣлалъ.

По прошествіи же нѣкотораго времени Предсѣдатель паки докладываетъ Государю о семъже самомъ, и *Его Величество*, назнача день, обѣщалъ для выслушанія дѣла быть къ нему въ домъ. Насталъ сей день, и Монархъ прибылъ, и выслушавъ оное, не говоря ни слова, сталъ ходить по комнатѣ. Князь паки проситъ резолюціи; тогда Великій Государь сказалъ ему: Не тебѣ, Князь, судить меня съ *Даниловичемъ*, а судить насъ съ нимъ будетъ Богъ. — Чтожъ съ дѣломъ симъ дѣлать? спрашиваетъ Князь. Я знаю, что я буду дѣлать, отвѣтствуетъ Государь. Вижу я, сказалъ паки Князь, что Тебѣ жаль *Меньшикова*, и что не хочешь Ты наказать его; но естьли Ты не знаешь, продолжалъ онъ, что съ нимъ дѣлать: то послушай пожалуй, что я Тебѣ скажу: Однажды пришелъ я къ родственнику моему *Лобанову*, и найдя его съ повязанною головою и очень смутнымъ, спросилъ: что ему сдѣлалось? — Голова у меня болитъ отъ крайней досады, отвѣтствовалъ онъ. — Какаяжъ сія досада? — Управитель мой *Кулига* обокралъ меня. — Такъ высѣки его и сошли въ деревню въ работу. — Но я

не могу сего сдѣлать; ибо привыкъ къ нему изъ дѣтства, и противъ воли люблю его. — Такъ я тебя научу, что тебѣ дѣлать съ нимъ: не помогалъ ли ему кто обкрадывать тебя? — Помогалъ ключникъ. — Ну такъ сего ключника при глазахъ плута *Калуги* высѣки хорошенько, и приговаривай общую ихъ кражу. Онъ такъ и поступилъ; такъ и Ты Государь сдѣлай: помогалъ въ плутовствѣ *Меньшикову Корсаковъ*, и ты накажи его при немъ за ихъ общее плутовство, да тѣмъ и дѣло кончи.

Монархъ, терпѣливо выслушавъ все сіе, сказалъ: Ты меня равняешь съ дуракомъ *Лобановымъ*? — Нѣтъ, не равняю, отвѣтствовалъ Князь, но надобно чѣмъ-нибудь да кончить; когда Ты не можешь съ нимъ разстаться, инъ накажи помощника и совѣтника его. Поди, сказалъ наконецъ Государь, я обдумаю лучше твоего (*).

(*) Отъ Князя *Александра Александровича Прозоровскаго.*

84.

Продолженіе того же.

Между тѣмъ открыты Коммисіею новыя сего же рода преступленія, въ которыя замѣшались многія другія особы.

Анекдотъ касательно до Князя *Меньшикова*, полученный мною отъ вѣрной руки (*), яко весьма любопытный, прилагаю при семъ.

Огорченный таковыми преступленіями Монархъ присовокупляетъ къ Коммисіи оной новыхъ судей, состоящихъ изъ Капитановъ обоихъ полковъ гвардіи своей. Безпристрастіе судей находитъ *Меньшикова* во многомъ виновнымъ, и опредѣляетъ допросить его въ судѣ лично по пунктамъ. На другой сего день самъ Монархъ присутствовалъ въ сей Коммисіи и, *Меньшиковъ*, чувствуя свою неправду, прибѣгъ къ надежнѣйшему средству, то

(*) Отъ Г. Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, которой доставилъ ему дядя его, служащій при семъ же Великомъ Государѣ въ гвардіи, *Илья Өедоровичъ Ушаковъ* же; но послѣ ли или прежде предупомянутаго происшествія сіе происходило, заподлинно неизвѣстно, но кажется что послѣ.

есть къ раскаянію и милосердію Монаршему. На сей конецъ написалъ повинную и, пришедъ въ судъ, подаетъ оную въ руки самаго Государя. Повинной видъ, съ каковымъ онъ предсталъ, и тонъ, съ какимъ произносилъ слова, тронули сердце *Его Величества*, великія же его заслуги у сего сердца были ходатаями за него. Онъ принялъ сію его бумагу и, прочтя про себя, сказалъ: э, братъ! и того ты написать не умѣлъ, и сталъ оную чернить. Таковое расположеніе сердца Монаршаго къ судимому видя одинъ изъ младшихъ членовъ, вставъ съ своего мѣста, сказалъ товарищамъ: пойдемте братцы, намъ дѣлать здѣсь нечего, и взявши шляпу, сталъ выходить изъ палаты. Монархъ, нѣсколько прогнѣвавшись толикою свободою, и остановя его, сказалъ: Куда это? Домой! отвѣтствовалъ Капитанъ. — Какъ домой? — Да! домой, ибо что намъ остается здѣсь дѣлать, когда Ты Самъ научаешь вора, какъ ему отвѣтствовать? Такъ Ты одинъ и суди его, какъ изволишь, а мы лишніе.

Великій Государь, вмѣсто, чтобъ прогнѣваться на толикую дерзость, говоритъ ему съ ласковымъ видомъ:

Сядь на свое мѣсто и говори, что ты думаешь. А вотъ что, отвѣтствовалъ сѣвши Капитанъ: когда мы по Твоей волѣ здѣсь судьи, то вопервыхъ бумагу его должно прочитать всѣмъ намъ въ слухъ; а *Меньшикову*, какъ виноватому, стать у дверей, а по прочтеніи выслать его вонъ; а я, какъ младшій членъ, долженъ буду первой оговаривать его бумагу и сказать мое мнѣніе, чего онъ достоинъ: а потомъ каждой по очереди скажетъ свое мнѣніе, и такимъ образомъ сохранится Тобою же установленный порядокъ и законъ. Монархъ, нѣкоторымъ образомъ пристыженный справедливостію сего вѣрнаго подданнаго, сказалъ *Меньшикову*: Слышишь *Даниловичъ*, какъ должно поступать? *Миньшиковъ*, яко виновный, сталъ у дверей; прочтена въ слухъ повинная его, и по прочтеніи онъ высланъ вонъ. Тогда Капитанъ сей началъ говорить: Сей недостойный толикія милости, каковою *Ваше Величество* его пожаловали, яко первый въ Государствѣ Вельможа, долженъ бы быть всѣмъ намъ образомъ въ вѣрномъ храненіи законовъ, и въ безпорочной къ Тебѣ и Отечеству службѣ; но какъ онъ,

кЪ великому соблазну всѣхЪ ТвоихЪ подданныхЪ, учинился самЪ причастникомЪ воровству, то по мѣрѣ своего возвышенія, примѣрнаго и наказанія достоинЪ, вЪ страхЪ всѣмЪ другимЪ: ибо *рабЪ, вѣдый больше волю господина своего, и не сотворивый по воли его, и біенЪ долженЪ быть больше.* И такЪ мое мнѣніе, заключаетЪ КапитанЪ, есть, отсѣчь ему публично голову, и отписать вЪ казну все имѣніе его, яко обличеннаго преступника, и вЪ чемЪ самЪ онЪ учинилЪ признаніе. По семЪ слѣдовали мнѣнія другихЪ, но также очень строгія: одинЪ говорилЪ, чтобЪ наказать его публично и сослать вЪ ссылку; другой, чтобЪ простоять ему у столба цѣлой день, и потомЪ также послать вЪ ссылку; самое легчайшее изЪ мнѣній было то, чтобЪ сослать его безЪ наказанія вЪ ссылку. Послѣ всѣхЪ сихЪ мнѣній Великій Государь сказалЪ судьямЪ симЪ: *Гдѣ дѣло идетЪ о жизни, или о чести человѣка, то правосудіе требуетЪ взвѣсить на вѣсы безпристрастія, какЪ преступленія его, такЪ и заслуги, оказанныя имЪ Отечеству и Государю; и буде заслуги перевѣсятЪ преступленія, то вЪ такомЪ случаѣ милость дол-*

жна хвалиться на судѣ. И потомъ Монархъ вычислилъ кратко всѣ его заслуги, а паче, что онъ неоднократно спасалъ и собственную его жизнь: и такъ, заключилъ Монархъ, по мнѣнію моему довольно будетъ, сдѣлавъ ему въ присутствіи за преступленія его строгій выговоръ, наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ мнѣ и впредь нуженъ, и можетъ еще сугубо заслужить оное.

По выслушаніи сей государевой рѣчи, тотъ же младшій членъ сказалъ: мы всѣ, надѣюсь, согласны теперь съ волею Твоею Государь. Когда онъ имѣлъ щастіе спасти Твою жизнь, то, по справедливости, должно и его жизнь спасти намъ, что подтвердили и всѣ другіе члены.

По семъ, въ сохраненіе порядка, сдѣлана выписка о подрядахъ его, которые онъ подъ разными производилъ видами съ 1710 году, и изъ оной докладъ отъ Коммисіи сей поданъ Монарху. На семъ-то докладѣ правосудный Государь, 1714 году Декабря 7, подписалъ резолюцію свою тако: *За первый подрядъ ничего не брать, понеже своимъ именемъ, а не подста-*

вою учинен, и прибыль зѣло умѣренна; с подрядов, кои своим же именем подряжал, но зѣло слишком взять всю прибыль; а кои под чужими именами, с тѣх взять всю прибыль, да штрафу по полтинѣ с рубля, также и тѣ деньги взять, которыя взяты за хлѣб, а хлѣб не поставлен (*).

Врочем из XI Тома *Дополненія* видно, что сіе рѣшеніе Монаршее не было еще окончательное: *Меньшиков* судим был весьма строго по другим его дѣлам, и слѣдствіе об оных крайнѣ его терзало во всю жизнь Монаршую, хотя и не был он однако же лишен ни чести, ни должности; наконец, к вящшему его же *Меньшикова* наказанію, с преданным ему Вице-Губернатором *Корсаковым*, спомоществовавшим ему в оных недозволенных подрядах, или паче присовѣтовавшим ему оные, поступлено так, как в предшествующем анекдотѣ совѣтовал Князь *Долгоруков*, весьма строго.

(*) Сей Анекдот, с малою токмо перемѣною, слышал я устно и от Г. Коммисара *Крекшина*.

85.

Сей же Князь Меньшиковъ впадаетъ въ новое преступленіе, но раскаяніемъ своимъ паки снискиваетъ себѣ милость Монаршую.

Сколь ни томимъ, такъ сказать, былъ Князь сей помянутыми слѣдствіями и наказаніями: однакожъ корыстолюбіе не оставляло его, которое и навлекло на него новое бѣдствіе.

Въ XIV Томѣ *Дополненія* показано, коль щедро Великій Государь наградилъ его заслуги, такъ что уже имѣлъ онъ у себя болѣе 50000 душъ крестьянъ, не считая движимаго великаго имѣнія: но первою переписью открыто, что сверьхъ помянутаго числа душъ нашлось въ деревняхъ его бѣглыхъ всякаго званія болѣе 32000 душъ и за сіе повелѣлъ Монархъ всѣ сіи души не только возвратить, кому оныя принадлежали прежде, но и на своемъ коштѣ развезти ихъ на первыя жилища. Прежде же нежели сіе открыто, главный управитель его *Вороновъ* представилъ ему, что можетъ онъ присовокупить къ деревнямъ своимъ немалое пространство земли отъ окрестныхъ владѣльцовъ,

и естьли дастся ему такой межевщикъ, которой бы преданъ былъ ему; то оныя и утвердятся неоспоримо за Его Свѣтлостію, тѣмъ, де, больше, что владѣльцы тѣ, яко люди мѣлкіе, и просить о томъ не посмѣютъ. И какъ корыстолюбіе, по нещастію, было его господствующею страстію, то онъ и не отринулъ сего безсовѣстнаго представленія; онъ ему дозволилъ дѣлать все и, выпрося такого межевщика, которой былъ ему совершенно преданъ, отпустилъ ихъ.

Вороновъ и межевщикъ отрѣзали не малое число у помянутыхъ владѣльцовъ земель, и обиженные, боясь принести на него Государю жалобы свои, молчали.

Но по нѣкоемъ времени нѣкоторые изъ нихъ пріѣхали въ Петербургъ и прибѣгли къ Князю *Якову Ѳедоровичу Долгорукову*; а сей прамодушный мужъ не умедлилъ донести о семъ Государю. Монархъ, не увѣряясь на семъ, сказалъ ему: надобно сего управителя *Меншикова* взять со всѣми у него находящимися письмами и привесть сюда.

Между тѣмъ *Меншиковъ* о семъ узнаетъ, и отлучаетъ его въ неизвѣстную на то время посылку; посы-

лается другой, но и тотъ его не находитъ, и возвращается ни съ чѣмъ. Монархъ замѣчаетъ сіе, и поручаетъ коммисію сію Офицеру гвардіи своей, *Аѳанасью Ѳедоровичу Микулину*, дабы, то есть, схватить ему того управителя, и со всѣми, какія найдутся у него, бумагами привезти къ себѣ. Но и сіе повелѣніе не скрывается отъ *Меньшикова*, о чемъ однако же узнаетъ и Г. *Микулинъ*, и употребляетъ хитрость, обманувшую Князя; онъ разславляетъ о себѣ, что Государь поручаетъ ему коммисію ѣхать по такой - то дорогѣ и заѣхать туда и туда, а потомъ въ село *Меньшиково* Ивановское, состоящее въ Рыльскомъ уѣздѣ, гдѣ пребываніе свое имѣлъ *Вороновъ*, и гдѣ главное правленіе волостей *Меньшикова* находилось. Князь сей посылаетъ преданныхъ ему людей на ту дорогу, по которой, по словамъ Г. *Микулина*, ѣхать ему надлежало; а между тѣмъ и управителю своему даетъ знать, чтобъ онъ взялъ всю осторожность; особливо же скрылъ бы всѣ письменныя дѣла, касательно до присвоенія тѣхъ земель, и самъ въ неизвѣстной никому путь отлучился. Но Г. *Микулинъ* предупре-

ждаетъ сіе Княжое повелѣніе; онъ, избравъ совсѣмъ не ту дорогу, о коей разславилъ, а самую кратчайшую, застаетъ *Воронова* еще спящаго, схватываетъ его и, забравъ всѣ бумаги, тою же дорогою привозитъ его въ Петербургъ прямо во Дворецъ Государевъ. *Меньшиковъ* узнаетъ о семъ и употребляетъ повинность, яко надежнѣйшее средство къ умилостивленію Монарха; онъ сначала упадаетъ къ ногамъ Императрицы, всегдашнія своея покровительницы, разсказываетъ ей все дѣло, и молитъ со слезами защитить его отъ заслуженнаго гнѣва; а потомъ въ простомъ Офицерскомъ мундирѣ, имѣя въ рукахъ всѣ свои ордены и шпагу, входитъ къ прогнѣванному Монарху, повергается къ ногамъ его, полагаетъ у оныхъ ордены и шпагу свою, признается недостойнымъ сихъ знаковъ чести и, проливая слезы, кается въ семъ преступленіи своемъ, и наконецъ молитъ наказать его, какъ *Его Величеству* угодно, не предая только его въ руки непріятелей его.

Монархъ всѣмъ симъ умягчается; всѣ заслуги его предстаютъ, такъ сказать, мыслямъ его, и за него хода-

пайствуютъ. Монархиня, ожидавшая расположенія таковаго, входитъ къ нему, и присоединяетъ и свои прозьбы о виновномъ.

За симъ слѣдуютъ жестокіе ему выговоры, означающіе, какъ выражалъ Монархъ, подлое его сердце и рожденіе (*); винитъ Самаго Себя, что возвелъ его на таковое достоинство, и наконецъ повелѣваетъ ему встать и удовлетворить обиженныхъ возвращеніемъ имъ всѣхъ земель и убытковъ, какіе они ни покажутъ. И такъ прощенъ былъ Князь и въ сей разъ, но дабы однако же онъ не могъ забыть преступленій своихъ: то всегда, когда Государь ни удостоивалъ его сажать за свой столъ, приглашалъ къ оному Г. *Ушакова* и повелѣвалъ вычитать ему оныя сими словами: *Ушаковъ* рѣжь, и *Меньшиковъ* напоминовенія таковыя почиталъ за самое величайшее себѣ наказаніе (**).

(*) *Подлая душа,* говоритъ одинъ писатель, *не укроется подъ сіяніемъ чиновъ и знатности.*

(**) Отъ самаго *Графа Андрея Ивановича Ушакова,* слышанное отъ него многократно Адъютантомъ его *Михайломъ Ивановичемъ Ярославовымъ,* отъ котораго сіе и заимствовано

Впрочемъ показано уже въ XI Томѣ *Дополненія*, коль строго былъ онъ судимъ за подобное присвоеніе къ пода-

---

Въ подтвержденіе сего же сообщилъ мнѣ почтенный любитель Ироя нашего и трудовъ моихъ Г. Статской Совѣтникъ, *Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ* же слѣдующее:

Когда, де, Монархъ бывалъ веселъ, то всегда, приказывая *Андрею Ивановичу* о комъ и о чемъ - нибудь сказать всю правду, говаривалъ (вмѣсто *Ушаковъ*): *Дѣтина рѣжъ*. Объясненіе же его о семъ словѣ потому любопытнѣе, что заключаетъ оно въ себѣ и Исторію молодости сего знаменитаго слуги ПЕТРОВА, а по сему и пріобщаю здѣсь оное.

Андрей Ивановичъ имѣлъ трехъ братьевъ, изъ которыхъ былъ одинъ старѣе, а два, *Поликарпъ* и *Еремей*, моложе его. Всѣ они жительство имѣли Новогородскаго уѣзду, Бѣжецкой пятины, въ Мегринскомъ погостѣ, и хотя фамилія ихъ есть старинная Дворянская: но обстоятельствами временъ такъ оскудела, что у всѣхъ сихъ четверыхъ братьевъ остался только одинъ крестьянинъ, по имени *Аноѳрій*, коего просто называли *Аноха*. Сей *Аноха* былъ весьма привеженъ къ господамъ своимъ; онъ для всѣхъ ихъ сшилъ одинъ праздничной балахонъ изъ холстины и сплелъ изъ семи лыкъ одни же лапти, которые потому и называются *семерички*. Въ Воскресные и праздничные дни, кто изъ нихъ ранѣе вставалъ, то и надѣвалъ на себя балахонъ тотъ и *семерички* и уходилъ къ обѣднѣ. Всѣ же другіе братья, за неимѣніемъ таковаго праздничнаго убору, оставались дома.

ренному ему отъ Гетмана *Скоропадскаго* городу Почепу двухъ сотенъ Мглинской и Баклановской, и часть

Андрей Ивановичъ былъ изъ нихъ проворнѣе и сильнѣе, онъ съ крестьянскими дѣвками хаживалъ по грибы и по ягоды, и хотя не имѣлъ еще совершенныхъ лѣтъ: однакожъ по прозьбѣ дѣвокъ перетащивалъ ихъ чрезъ лужи и грязь, и которыя, удивляяся не по лѣтамъ силамъ его, хвалили, говоря: *ахъ дѣтина! ай дѣтина!* Къ сему слову, часто ими повторяемому, онъ такъ привыкъ, что сдѣлалось оное и его пословицею. И естьли, де, когда сказать ему было надобно, *говори правду*, то обыкновенно говаривалъ онъ: *дѣтина рѣжъ*. Таково было состояніе, и такъ препровелъ молодость свою знаменитый сей Графъ.

Когда жъ Государевымъ Указомъ, подъ жестокимъ штрафомъ велѣно было всѣмъ недорослямъ Дворянскимъ явиться на смотръ, и объ укрывающихся доносить холопямъ ихъ: то помянутый *Аноха*, услыша въ церкви читанной Указъ сей, поплакалъ, что долженъ будетъ разставаться съ господами своими, а особливо съ *Андреемъ Ивановичемъ*, котораго онъ отлично любилъ. Онъ самъ его препроводилъ до Петербурга, и видѣлъ записаннаго его солдатомъ гвардіи въ Преображенской полкъ.

Ростъ, сила и проворство его, тотчасъ замѣчены были Монархомъ, и *Его Величество* скоро пожаловалъ его унтеръ-офицеромъ. Рачительное исправленіе званія его и всѣхъ возлагаемыхъ на него препорученій, пріобрѣли ему и отличную въ прозорливомъ Государѣ ми-

сотни Стародубовской, и что послѣ всѣхъ сихъ преступленій уменьшилась къ нему довѣренность и милость

лость, а чрезъ нѣсколько лѣтъ и чинъ Капитана гвардіи. Въ сіе-то время Монархиня, прогуливаяся однажды, удостоила новаго сего Капитана своимъ посѣщеніемъ. Милость сія обрадовала его неизреченно, и онъ, потчивая толь дорогую Гостью и всѣхъ бывшихъ съ Ея Величествомъ, подвеселяся разсказалъ Ей, какъ онъ препровелъ въ деревнѣ свою молодость, какъ переносилъ дѣвокъ, какъ хвалимъ былъ ими, и заключилъ оное сими словами: *Теперь-то прямо сталъ я дѣтина, что и сама Монархиня къ нему пожаловала въ гости. Ея Величество* восхищеніемъ и откровенностію его бывъ весьма довольна, по возвращеніи своемъ сказала Государю, что была она въ гостяхъ *у дѣтины.* Угадайте же, Батюшка, у кого? Потомъ разсказала и слышанное Ею отъ него. И какъ на другой день *Андрей Ивановичъ* пришелъ благодарить Монархиню за оказанную ему милость: то Монархъ приказалъ ему разсказать и себѣ всю его молодость. Сіе исполнилъ онъ съ радостнымъ видомъ, не утая ни бѣдности, ни забавъ своихъ и ничего. Искренность таковая такъ полюбилась Монарху, что Онъ тогда же пожаловалъ ему изъ Комарицкой волости не малое число дворовъ крестьянскихъ. И съ сего-то времени, когда угодно было *Его Величеству* повелѣть ему о чьихъ, а особливо о знатнѣйшихъ изъ Вельможъ дѣлахъ и повелѣніяхъ говорить: то обыкновенно приказывалъ разсказывать объ оныхъ сими словами: *Дѣтина*, или *Ушаковъ, рѣжь.*

Монаршая, хотя Великія заслуги и были всегда у сердца его, которыя и удержали при немъ всѣ его чины и должности (*).

Сообщившій мнѣ сіе заключаетъ тако: „Сіе „я слышалъ отъ роднаго моего Дяди, *Ильи* „*Ѳедоровича Ушакова*, которой, имѣвъ жи-„тельство невдалекѣ отъ Мегрина, все „зналъ, а прочее, по всегдашнему по службѣ „бытію своему при *Андреѣ Ивановичѣ*, отъ „него самаго слышалъ."

Такимъ - то образомъ Великій Государь извлекалъ изъ самыя, такъ сказать, мрачныя бѣдности, имѣвшихъ - какія либо природныя дарованія, образовалъ ихъ, употребляя оныя на исправленіе другихъ и въ пользу Отечества, и по мѣрѣ усердія и заслугъ награждалъ ихъ; равно же сему не укрывалась отъ него и подлая душа подъ сіяніемъ величайшей надменности и богатства; и естьли знаменитые критики почитаютъ въ Государяхъ за вышшее всякаго ученія *дарованіе различать истинныя достоинства отъ ложныхъ*, въ разсужденіи каковаго достоинства сказано о *Генрихѣ IV*, что онъ столько былъ ученъ, сколько Королю быть должно: то Ирой нашъ въ разсужденіи сего же самаго дарованія неоспоримо имѣть долженъ первое изъ нихъ мѣсто.

(*) Въ XIV Томѣ *Дополненія*, стр. 45 и слѣд. описанъ уже характеръ Кн. *Меньшикова*; а здѣсь представляю я портретъ его, описанной единовременникомъ его Генераломъ *Манштейномъ*. „Онъ былъ весьма преданъ своему Го-

86

Нѣчто о Князѣ - Кесарѣ Ромодановскомъ.

КЪ Князю, *Θеодору Юрьевичу Ромодановскому*, названному ПЕТРОМЪ Великимъ *Княземъ - Кесаремъ*, кото-

---

„сударю и правиламъ Его, касательно до ис-
„правленія Россійской націи; благосклоненъ и
„учтивъ къ чужестраннымъ; снисходителенъ
„къ тѣмъ, кои не хотѣли казаться его умнѣе;
„которые изъ Россіянъ умѣли ему угождать,
„тѣмъ никакого не дѣлалъ зла а кои не
„столь знатны были какъ онъ, съ тѣми по-
„ступалъ кротко, и не забывалъ оказанныхъ
„себѣ заслугъ; отваженъ до самыя дерзости;
„ревностной другъ всѣмъ тѣмъ, кои преданы
„были къ его интересамъ. Съ другой стороны
„имѣлъ онъ безпредѣльное любочестіе, не тер-
„пѣлъ ни знатнѣе себя, ни равнаго; никогда
„не прощалъ тѣхъ, о коихъ подозрѣвалъ, что
„хотѣли казаться его разумнѣе; былъ нена-
„сытимый любостяжатель и непримиримый
„непріятель. Отъ гоненія его многіе изряд-
„ные Генералы принуждены были оставить
„службу Россійскую; впрочемъ былъ онъ
„разуменъ, но, не имѣя воспитанія, въ поступ-
„кахъ своихъ казался грубъ. Сребролюбіе ча-
„сто доводило его до отвѣтовъ предъ ПЕТРОМЪ
„*Великимъ*, за что неоднократно плачивалъ
„денежные штрафы; но со всѣмъ тѣмъ, по
„арестованіи его, нашли у него въ дорогихъ
„каменьяхъ, посудѣ и въ деньгахъ до трехъ
„миліоновъ рублей.

рому порученъ былъ страшный *Приказъ Преображенской*, на канунѣ праздника Св. Чудотворца *Николая*, одинъ изъ содержащихся по смертоубійству разбойникъ просился допущенъ быть предъ Его Кесарское Величество, объявляя, что онъ имѣетъ важное дѣло. Князь велѣлъ его представить предъ себя; онъ палъ къ ногамъ его и, для великаго угодника Божія Св. Чудотворца *Николая*, просилъ отпустить его въ деревню свою, не далеко отъ Москвы отстоящую, дабы могъ онъ въ послѣдніе съ родственниками своими отпраздновать день сей и проститься; ибо, де, я знаю, что по винѣ своей буду казненъ. — Какъ ты смѣешь, злодѣй, просить о семъ? закричалъ на него Князь. — Помилуй отецъ мой! возопилъ убійца, Святый Чудотворецъ *Николай* воздастъ тебѣ за сіе со вторицею. Почитаніе, какое имѣлъ сей Князь къ сему Святому,

---

„Онъ, будучи изъ ничего возвышенъ до пер„выхъ достоинствъ государства, могъ бы безъ „сомнѣнія окончать жизнь свою со славою, есть„ли бы не обладала имъ самая безразсудная „страсть любочестія, чтобъ имѣть потомковъ „своихъ на престолѣ. О сей-то камень многіе „любимцы подобно ему разшибались.“

умягчило его. — Да кто будетъ порукою по тебѣ, что ты возвратишься? сказалъ Князь. — Самъ Святый Чудотворецъ, отвѣтствовалъ просящій, и онъ не попуститъ солгать мнѣ. Сего увѣренія довольно казалось Князю; онъ велѣлъ ему предъ образомъ его учинить клятву, что онъ чрезъ пять дней неотмѣнно возвратится, и потомъ за симъ порукою былъ отпущенъ.

Недоброхоты Князя *Ромодановскаго*, узнавъ сіе, тотчасъ донесли оное Монарху, и *Его Величество*, прибывъ къ нему, спрашиваетъ его: Отпустилъ ли ты разбойника въ деревню? Отпустилъ, сказалъ Князь, но только на пять дней, дабы онъ простился съ своею роднею. Да какъ ты могъ сіе сдѣлать и повѣрить злодѣю, что онъ возвратится? — Онъ далъ мнѣ въ томъ порукою великаго угодника Божія, которой не попуститъ солгать ему. — Но когда онъ могъ убить человѣка, то легче солгать ему Святому, и тѣмъ больше, что онъ уже изобличенъ въ убійствѣ и вѣдаетъ, что казненъ будетъ. — Но Князь стоялъ въ томъ, что Чудотворецъ не попуститъ ему солгать.—

Ну! дядя, чтобъ не отвѣчать за него тебѣ, ежели онъ не будетъ на срокъ, заключилъ Государь.

Въ самомъ дѣлѣ убiйца явился на срокъ и, упавъ Князю въ ноги, благодарилъ его, сказавъ, что Св *Николай* заплатитъ ему за оказанную ему милость, и онъ теперь съ радостiю готовъ принять заслуженную казнь.

Обрадованный Князь тотъ же часъ поѣхалъ къ Государю, и донесъ о томъ. Монархъ, удивившись сему, приказалъ представить къ себѣ убiйцу того, и спросилъ его: Вѣдаетъ ли онъ, что по законамъ за убiйство, имъ учиненное, долженъ быть казненъ смертiю? Вѣдаю, Надежа Государь, отвѣчаетъ сей. — Да какъ же, вѣдая сiе, возвратился ты на извѣстную казнь? — Я далъ въ томъ порукою Святаго Чудотворца *Николая*; а къ тому же, заключилъ онъ, я уже заслужилъ казнь смертную и приготовился къ оной покаянiемъ моимъ предъ Богомъ; да и буде бы я вздумалъ убѣжать, тобъ Святый *Николай* не попустилъ мнѣ того, и я бы скоро, или не скоро былъ пойманъ и жесточайшую претерпѣлъ бы казнь.

Сколь ни склоняли Монарха на милость раскаянія преступниковЪ, ежели оныя были чистосердечны: однако же изключались изЪ сей милости смертоубійцы; вЪ семЪ же случаѢ Великій Государь, раскаяніемЪ сего убійцы, добровольнымЪ его возвращеніемЪ на извѢстную казнь доказаннымЪ, такЪ былЪ тронутЪ, что повелѢлЪ его вмѢсто казни написать вЪ солдаты и послать вЪ Сибирской гарнизонЪ (*).

87.

НѢчто любопытное касательно бытности Монарха во Франціи.

ИзЪ *ДѢяній* Великаго Государя видимЪ мы, какое безпримѢрное любопытство имѢлЪ сей МонархЪ вЪ бытность свою вЪ ПарижѢ, при осматриваніи домовЪ и садовЪ КоролевскихЪ внутри и внѢ онаго, больницЪ, госпиталей, военныхЪ учрежденій и ученій, Академій, судебныхЪ мѢстЪ и законовЪ оныхЪ, фабрикЪ и всѢхЪ публичныхЪ зданій и заведеній. Между прочимЪ посѢщалЪ онЪ не токмо всѢхЪ знатныхЪ, но и многихЪ фабрикан-

(*) ОтЪ Коммисара *Крекшина*.

товъ, художниковъ, мастеровъ всякаго рода, банкировъ, купцовъ, разговаривалъ со всѣми дружески и съ самымъ даже народомъ, вмѣшиваяся въ толпы онаго, и ласковостями своими привлекъ въ службу свою многихъ во всякомъ родѣ людей. Все сіе описываютъ сами Французы, изъ которыхъ одинъ между прочимъ такъ о немъ изъясняется: Онъ, каж„дое утро вставая въ 3 часа, ѣздилъ „для осмотрѣнія всего того, что въ „Парижѣ и внѣ онаго было изящнаго, „и возвращался не прежде, какъ въ 10 „часовъ вечера; самъ начерталъ планы лучшихъ зданій въ Парижѣ и Вер„саліи, и въ тоже время между про„чимъ посѣщалъ Академіи и увѣдом„лялся объ открытіяхъ *Реомюровъ*, „*Лемеріевъ и Далемовъ*, многократно „бывалъ въ обсерваторіи и навѣдывал„ся обо всемъ съ великимъ стараніемъ, „а при осматриваніи въ Академіи „картъ Географическихъ, въ тѣхъ „изъ нихъ, которыя касались до зе„мель его и моря Каспійскаго, попра„влялъ своею рукою многія въ нихъ „погрѣшности, и проч. и проч. (*).

(*) Былъ до Ироя нашего въ Парижѣ и *Карлъ* IV Римскій Императоръ, и тѣ же Французы

Между прочимъ Великій сей Государь не оставилъ посѣтить и славную Госпожу *Ментенонъ*, жившую въ построенномъ ею въ помѣстьяхъ своихъ монастырѣ, посвященномъ отъ нея на воспитаніе благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ. Онъ пріѣхалъ въ оной въ такое время, когда она, бывъ больна, никого къ себѣ не принимала, а

описали оную бытность его въ немъ, и которое кстати помѣстимъ мы и здѣсь. „Онъ „(говорятъ они) показалъ себя тамъ въ той „пышности и великолѣпіи, кои великія души „презираютъ; не хотѣлъ онъ видѣть ни кабинетовъ ученыхъ людей, ни художниковъ, ни „пристанищъ бѣдныхъ, ни Приказовъ Правосудія, ничего напослѣдокъ такого, что народъ просвѣщенной и городъ великой можетъ полезнаго и важнаго представить чужестранному Монарху, умѣющему обращать все „въ наученіе своихъ подданныхъ, на славу своего государства, на благоустроеніе своего „народа; но онъ, занимаясь несмысленно величіемъ своего сана, требовалъ отъ всѣхъ себѣ „непристойныхъ токмо почестей, стараясь „болѣе показать себя Императоромъ, нежели „заслужить быть онымъ; не испыталъ онъ „пріятнаго удовольствія, каковое ощущаетъ „Государь, мѣшаяся въ толпу народа, говоря „съ людьми достойными быть вопрошенными, „ища нещастныхъ, ожидающихъ вспоможенія, и „пріобрѣтая нужныя свѣденія." *Словарь Исторической, изъ коего и вышеприведенное засвидѣтельствованіе о Ирое нашемъ изъято.*

потому отказалась принять и сего Монарха; но *Его Величество*, не взирая однако же на сіе, вошелъ въ ея спальню и, отдернувъ занавѣсъ кровати ея, сказалъ: *Мадамъ! извините мое любопытство; я пріѣхалъ во Францію, въ намѣреніи видѣть все рѣдкое, съ ней находящееся, такъ не могъ я не видѣть и васъ.* Потомъ спросилъ ее, чѣмъ она больна? Старостію, отвѣтствовала Госпожа *Ментенонъ*. — *Она утѣшать васъ должна, послѣ всѣхъ тѣхъ благодѣяній, которыми Франція обязана вамъ, и когда напослѣдокъ окружаетесь вы толь многими дѣвицами, воспитаніемъ и щастіемъ своимъ вамъ единой обязанными, и память вашу безсмертною учинить имѣющими.* Напослѣдокъ, пожелавъ ей лучшаго здоровья, осмотрѣлъ все учрежденіе воспитанія дѣвицъ, порядокъ ихъ жизни и упражненія, и записалъ все то въ книжкѣ своей (*).

Съ каковымъ же вниманіемъ Великій Государь смотрѣлъ на все, доказательствомъ того послужитъ и одно

(*) Сія Госпожа была та благодѣтельная любовница *Людовика* XIV коея память благословляютъ Французы.

сказанное имъ острое слово объ нѣкоемъ придворномъ чиновникѣ, казавшемся ему всякой разъ при Дворѣ въ новомъ кафтанѣ. *Сей Дворянинъ*, сказалъ Монархъ окружавшимъ его, *кажется мнѣ, весьма не доволенъ своимъ портнымъ* (*).

88.

Смѣлость, съ каковою представляли Монарху подданные свои чувствованія.

Одного Философа спросили: какое животное страшнѣе всѣхъ человѣку? *Въ простомъ народѣ*, отвѣчалъ онъ, *клеветникъ, а при Дворѣ льстецъ.*

Графъ *Оксенстирнъ*, утверждая мнѣніе Философа сего, разсматриваетъ льстеца со всѣхъ сторонъ, и находитъ въ свойствѣ его всѣ пороки; вотъ слова его: „Онъ есть „лжецъ, предлагая такія вещи, коимъ „онъ самъ не вѣритъ; обманщикъ, го„воря противъ своего мнѣнія; трусъ, „не смѣя сказать того, что думаетъ; „злобный, ибо взливаетъ масло на „огонь самолюбія каждаго; безбож-

(*) Оба сіи анекдота заимствованы мною отъ *Ивана Ивановича Неплюева.*

„никъ, ибо одобряетъ пороки; тай-
„ный врагъ всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ
„называетъ своими друзьями, ибо ле-
„стію своею утверждаетъ ихъ въ ху-
„дой привычкѣ.„ Далѣе: „Лесть есть
„подслащенный ядъ, отравляющій вели-
„кихъ людей, коихъ она увѣряетъ,
„будто-бы пороки ихъ суть только
„несовершенныя добродѣтели. Удиви-
„тельно, заключаетъ онъ, что опа-
„сный порокъ сей при Дворахъ Госу-
„дарей взошелъ на толь высокую сте-
„пень, что безъ его помощи честно-
„му человѣку почти и пробыть тамъ
„не можно.„

Смѣлость, съ каковою подданные предлагали истинну ПЕТРУ Великому, показываетъ, что лесть не имѣла входу ко Двору Его; а снизхожденіе, съ каковымъ Онъ принималъ сію, колкую впрочемъ истинну, доказываетъ, что Онъ ненавидѣлъ льстецовъ, и что ядомъ симъ не былъ Онъ отравленъ. Между прочимъ подтверждаетъ сіе Князь *Долгоруковъ*, какъ-то мы видѣли сіе изъ анекдотовъ, до него касающихся, слѣдующій же паче еще сіе подтвердитъ.

По прибытіи *Его Величества* изъ чужихъ краевъ въ Москву, дошли до

Него жалобы на нѣкіихъ судей во взяткахъ, крайнѣ его прогнѣвившія. Сіе видя бывшій съ нимъ въ путешествіи ономъ Генералъ-Лейтенантъ, *Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ*, сказалъ Ему: пока самъ Ты не перестанешь брать взятковъ, то никогда не истребишь оныхъ и въ подданныхъ Твоихъ; Твой примѣръ сильнѣе всѣхъ Указовъ дѣйствуетъ надъ сердцами ихъ.

Монархъ, болѣе еще раздражившись толь дерзкими словами, сказалъ: Какъ ты смѣешь такую сплѣсть на меня ложь? Не ложь, перебилъ рѣчь его Г. *Бутурлинъ*, а правду. Въ проѣздъ нашъ чрезъ городъ Тверь, продолжалъ онъ, имѣлъ я квартиру у тамошняго купца, бывшаго тогда въ отлучкѣ, а оставалась въ домѣ жена его Ивановна съ дѣтьми; случились въ тотъ день ея именины, и собрались на обѣдъ гости, на которой приглашенъ былъ и я, и лишь только сѣли мы за столъ, пришелъ изъ Магистрата городской староста, съ требованіемъ тотъ же часъ ста рублей, говоря, что Магистратъ опредѣлилъ съ общаго совѣта поднести поутру Государю въ подарокъ отъ го-

рода такую сумму, что по расчисленію досталось съ ихъ дому взять сто рублей. Встревоженная симъ именинница проситъ обождать пріѣзду мужа ея, котораго она ожидаетъ къ завтраму: но староста отвѣтствуетъ, что время не терпитъ; она клянется, что у ней нѣтъ наличныхъ денегъ; но ей сказываетъ онъ, что безъ денегъ не велѣно ему выходить ни изъ котораго дому, и что, буде тотъ же часъ она не сыщетъ ихъ, то долженъ будетъ онъ взять ее подъ караулъ. Веселье превращается въ тоску, и бѣдная *Ивановна* со слезами снимаетъ съ себя жемчужной уборъ и отдаетъ оной ему; но староста не беретъ его, а требуетъ денегъ. Въ крайности сей именинница взвыла; а гости изъ-за стола одинъ по другому съ сѣтованіемъ вставая разходятся, дабы на тотъ же подарокъ припасти доставшіяся и на ихъ часть деньги. Я уговаривалъ старосту, чтобъ подождалъ до утра пріѣзду ея мужа: вить, де, не такая бѣда, чтобъ не можно обождать; но староста и мнѣ сказалъ: баринъ! я человѣкъ подвластной, и мнѣ отсрочивать никому не велѣно ни до вечера.

Жалость, смотря на хозяйку мою, столько тронула меня, что я принужденЪ былЪ дать ей свои деньги, и она такЪ обрадовалась, что бросившись ко мнѣ вЪ ноги, произносила и БогЪ знаетЪ какую благодарность. ВотЪ каковы добровольные-та, какЪ говорятЪ, Тебѣ подарки; и ты часто, получа оные, не представляешь таковыхЪ печальныхЪ послѣдствій: такЪ разсуди же, заключилЪ Г. *Бутурлинъ*, можно ли послѣ сего требовать отЪ подданныхЪ, чтобЪ не брали взятковЪ, когда видятЪ они, что и самЪ Ты берешь оныя?

Великій Государь, по выслушаніи таковыя, толь непріятныя истинны, обнялЪ *Бутурлина*, благодарилЪ, что онЪ, какЪ выражалЪ МонархЪ, вразумилЪ его, и не только сей подарокЪ, но и отЪ прочихЪ городовЪ подобно же поднесенные, повелѣлЪ возвратить, и за правило положилЪ себѣ, никогда уже не принимать ни отЪ кого оныхЪ (*).

(*) ОтЪ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева* и отЪ Г. *Крекшина*.

89.

Государь наказываетъ деньщика своего за его небреженіе, а при другомъ случаѣ сей же деньщикъ отъ побой отшучивается.

Монархъ въ проѣздъ свой изъ Москвы въ Петербургъ, остановяся при работахъ, въ Вышнемъ Волочкѣ производившихся, и какъ было сіе въ ненастливую осень, то, при осматриваніи оныхъ, простудился и занемогъ, до того, что не могъ продолжать ѣзды въ обыкновенномъ своемъ экипажѣ, а приказавъ наскоро сдѣлать нѣкій родъ качалки, везти себя въ оной. И какъ таковый новый экипажъ для ямщиковъ былъ необыкновененъ, то указалъ онъ вмѣстѣ съ ямщикомъ сѣсть на козлахъ деньщику своему *Шемякину*, и накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ дурныхъ мѣстахъ дороги, а паче ночью ѣхать съ осторожностію, дабы не опрокинуть качалки. Но деньщикъ сей слѣдующею ночью задремалъ, и чего опасался Монархъ, то оное и случилось, то есть, качалка опровинута была. *Его Величество* въ первомъ движеніи гнѣва своего наказалъ деньщика того палкою, чѣмъ и кончилось дѣло.

По пріѣздѣ въ Петербургъ сей же самый деньщикъ, однажды съ пріятелями своими прогулявъ цѣлую ночь, проспалъ за полдень, въ которой съ утра надлежало ему быть при комнатѣ Государевой дневальнымъ. Исправлявшій за него должность прежній дневальный деньщикъ жалуется Монарху на *Шемякина*, что онъ на смѣну ему не явился. Сысканъ былъ *Шемякинъ* и почти полусонной представляется предъ *Его Величество*, что было уже послѣ обѣда. Государь высылаетъ изъ комнаты всѣхъ, запираетъ двери и говоритъ ему безъ гнѣва: такъ-то помнишь ты, бездѣльникъ, свою должность! Виноватъ, отвѣчаетъ *Шемякинъ*, загулялся и проспалъ. — Ты уже многія надѣлалъ пакости и мнѣ досады, и я тебѣ упускалъ оныя, но пора мнѣ раздѣлаться съ тобою, и съ словомъ симъ принимается за палку. — Умилосердись, говоритъ виноватый, давно ли Вы меня били и опять хотите. — Бить ты за твое небреженіе; я на тебя понадѣялся больше, нежели на ямщика, а ты, плутъ, не успѣвъ почти выѣхать, заснулъ и меня съ качалкою опрокинулъ и зашибъ; а теперь ты будешь битъ

за небреженіе должности и за многія твои шалости, которыя и началъ ему вычитать. *Шемякинъ*, не видя въ Государѣ гнѣва, вздумалъ употребить шутку, не удастся ли ему, разсмѣшивъ Его, избавиться отъ побой? Онъ закричалъ во все горло: *Есть за много слово и дѣло.* Сіе показалось Монарху столь страннымъ, что онъ принялъ оное не за шутку, но за нѣчто важное, бросилъ палку, вышелъ изъ комнаты той и заперъ за собою дверь. *Шемякинъ*, видя, что шутка его принята инако, нежели какъ онъ предполагалъ, затрепеталъ, возмня, что ежели не жизни, то жестокаго наказанія стоить ему оная будетъ. Въ семъ положеніи его, чрезъ четверть часа отворились двери и онъ позванъ былъ къ *Ея Величеству*. Монархиня спросила его съ важнымъ видомъ, что значитъ слово, произнесенное имъ предъ Государемъ? Ничего инаго, отвѣтствовалъ онъ трепещущимъ голосомъ, какъ крайность, въ какой я находился, не удастся ли мнѣ избавить себя тѣмъ отъ побой и, упадши къ ногамъ Ея, просилъ со слезами заступить его.

Государь, бывъ за ширмами, все сіе слышалъ, какъ и то, въ какомъ онъ находился страхѣ, и вышедъ изъ за оныхъ, сказалъ ему милостиво: щастливъ ты плутъ, что увертка твоя на сей разъ удалась тебѣ; я забываю по сей день всѣ твои шалости и свои досады; но вѣдай, что естьли впредь что-нибудь сдѣлаешь ты подобное, то безъ отлагательства больно будешь наказанъ (*).

90.

Монархъ нечаянно пріѣзжаетъ въ Олонецъ, и посѣщаетъ Канцелярію Воеводскую.

Великій Государь посѣщалъ часто и нечаянно города, когда управлявшіе оными, а еще меньше жители, никакъ его не ожидали; а для сего употреблялъ на таковыя поѣздки свои самые простые экипажи, и весьма малую свиту. Въ одну изъ таковыхъ поѣздокъ *Его Величество* прибылъ въ городъ Олонецъ прямо къ Канцеляріи, и, вошедъ въ оную, засталъ въ ней

(*) Отъ внука сего деньщика Г. Генералъ-Маіора, *Ивана Степановича Шемякина.*

Воеводу, украшеннаго сѣдиною, простосердечіемъ и непорочностію, какъ изъ слѣдующаго объяснится.

Монархъ спросилъ его: какія есть въ Канцеляріи челобитчичьи дѣла? Воевода въ страхѣ повергается къ ногамъ Его, и дрожащимъ голосомъ говоритъ: виноватъ, Всемилостивѣйшій Государь, никакихъ нѣтъ. — Какъ никакихъ? вопрошаетъ паки Государь. — Никакихъ, повторяетъ въ слезахъ Воевода; виноватъ Государь, я никакихъ такихъ челобитенъ не принимаю и до разбора Канцелярскаго не допускаю, а всѣхъ соглашаю къ миру, и слѣдовъ ссоръ въ Канцеляріи не оставляю. Удивился Монархъ таковой винѣ и, поднявъ стоящаго на колѣняхъ Воеводу, поцѣловалъ его въ голову, сказавъ: я бы желалъ и всѣхъ Воеводъ видѣть также виноватыхъ, какъ и ты; продолжай, другъ мой, таковое служеніе, Богъ и я тебя не оставимъ.

Чрезъ нѣкое же время Монархъ, примѣтивъ въ Коллегіи Адмиралтейской между Господами *Чернышевымъ* и *Крейцомъ* несогласіе, послалъ Указъ къ Воеводѣ оному, повелѣвающій быть ему въ Петербургъ, и по пріѣздѣ определилъ его Прокурорoмъ въ Коллегію,

сказавъ: старикъ! я желаю, чтобъ ты и здѣсь былъ также виноватымъ, какъ и въ Олонцѣ и, не принимая никакихъ ссорныхъ объясненій отъ Членовъ, мирилъ ихъ. Ты ничѣмъ столько не услужишь мнѣ, какъ ежели поселишь между ими миръ и согласіе (*).

91.

Монархъ встрѣчается на пути съ вооруженнымъ Священникомъ.

Въ сіе ли или другое время Великій Государь, ѣхавшій изъ Олонца въ Санктпетербургъ, встрѣтился съ Священникомъ, ѣхавшимъ на лошади верьхомъ, у котораго висѣла на груди сумка, а за плечами ружье. Государь, остановя его, спросилъ: кто онъ и куда ѣдетъ? Священникъ, не зная, кто его вопрошаетъ, отвѣтствуетъ, что онъ попъ изъ села такого-то и ѣдетъ въ деревню своего прихода съ запасными Св. дарами для пріобщенія больнаго. Благочестивый Государь, при имени Святыхъ даровъ, встаетъ и

(*) Отъ Олонецкаго купца *Барсукова*, любимаго Государемъ, слышанное записалъ одинъ изъ пріятелей моихъ, но, къ сожалѣнію моему, не записалъ онъ фамиліи Воеводы сего.

съ благоговѣніемъ имъ поклонившись, спрашиваетъ паки его: для чего же онъ вооруженъ? Здѣсь не очень смирно, Баринъ, отвѣтствуетъ Священникъ, и иногда нападаютъ на проѣзжихъ злые люди и грабятъ, а были примѣры, что и убиваютъ. — Ну естьли ты кого изъ нихъ убьешь, такъ вить не будешь ты тогда и попомъ. — Это правда, Баринъ, но какъ и меня убьютъ, такъ я не буду уже и человѣкомъ; а живъ оставшись, куда-нибудь да гожусь. Отвѣтъ таковый *Его Величеству* весьма полюбился; Онъ похвалилъ его за рѣшимость сію, записалъ его имя, и пожелалъ, чтобъ никогда не встрѣчался съ разбойниками (*).

92.

Дерзость Государева деньщика Головина, въ доставленіи Графу Шереметеву свиданія съ Монархомъ.

Сей, толико впрочемъ заслуженный Фельдмаршалъ, имѣлъ однажды нещастіе, по какимъ-то дѣламъ подпасть подъ гнѣвъ Монаршій, по ко-

---

(*) Отъ Протоіерея Архангельскаго Собора *Петра Алексѣевича*, сообщенный ему отъ гвардіи Капитана - Поручика, П. С. *Хлопова*.

торому не велѣно было ему выѣжжать изъ дому. Болѣзненно было ему сколько то, что онъ прогнѣвилъ своего Государя и благодѣтеля, столько и то, что лишенъ былъ способа испросить у него прощеніе. И такъ прибѣгнулъ онъ къ любимому Его деньщику *Ивану Михайловичу Головину*, которой и обѣщалъ ему завести Государя къ нему въ домъ. Случай же къ сему избралъ онъ слѣдующій:

Какъ Великій Государь, зимою въ санкахъ, поутру, при случившемся въ тотъ день жестокомъ морозѣ съ вѣтромъ, поѣхалъ изъ Кремля въ Преображенскъ, взявъ съ собою одного только помянутаго своего деньщика; и какъ дорога лежала мимо дому Фельдмаршала, то *Головинъ*, подъѣжжая къ дому его, притворилъ себѣ болѣзнь живота и тѣлесную не терпящую времени нужду, и вскричалъ ой, ой, ой! соскочилъ съ санокъ, прося Государя, или обождать его, или заѣхать въ домъ къ Фельдмаршалу и, не дожидаяся отвѣта, побѣжалъ сколько было силы въ домъ его. А какъ Головинъ *Его Величеству* былъ тогда надобенъ, то для обожданія Его жестокая стужа и принудила Государя

заѣхать къ Графу, а сей и воспользовался минутою тою: онъ палъ предъ Монархомъ на колѣни, и со слезами просилъ простить Его, изъясняяся, что гнѣвъ *Его Величества* страшнѣе ему самой мучительной смерти. Заслуги сего мужа, слезы и таковое объясненіе тронули сердце Государево, и Онъ простилъ его.

По окончаніи сего явился и *Головинъ*, и Монархъ сказалъ ему съ видомъ удовольствіе означающимъ: кстати приключилась тебѣ болѣзнь твоя, я чрезъ оную избавился отъ досады, какую имѣлъ на хозяина. Простите же и меня, Всемилостивѣйшій Государь, что я изъ сострадания о семъ же хозяинѣ притворилъ себѣ болѣзнь, дабы только завести Васъ въ домъ къ нему. Щастливъ ты, отвѣчалъ Государь, что плутовство твое имѣло удачу, но берегись впредь подобно шутить надо мною. Мнѣ жаль будетъ тогда, ежели не такъ удачно съ рукъ тебѣ сойдетъ оное, какъ теперь. — Я бы и не открылся въ томъ *Вашему Величеству*, естьли бъ имѣлъ намѣреніе что-нибудь

подобное сему и впредь сдѣлать, сказалъ *Головинъ* (*).

93.

Правосудїе Его Величества, и уваженїе къ закону Божїю.

Деньщикъ *Его Величества, Иванъ Михайловичь Орловъ*, узнавши объ одномъ тайномъ по вечерамъ сходбищѣ и о составляющихъ оное людяхъ, подалъ о семъ ввечеру же Монарху записку. Великїй Государь, прочтя оную, положилъ въ карманъ сюртука своего; но какъ карманъ на то время подпоролся, то бумага ошибкою попала между сукна и подкладки.

Сюртукъ сей, Монархъ, ложася почивать, обыкновенно приказывалъ класть или подъ подушку свою, или на стулѣ у кровати.

Когда же *Его Величество* заопочивалъ, а Г. *Орловъ*, окончавши дневанье свое, прогулялъ съ прїятелями всю ночь, Монархъ проснувшись захотѣлъ записку ту разсмотрѣть точнѣе; но

(*) Отъ невѣстки Г. *Головина, Марьи Іоничны Головиной* же, сообщенное мнѣ отъ предупомянутаго же Протоїерея.

не найдя оныя въ карманѣ, заключилъ, что она украдена, и крайне прогнѣвался; Онъ приказалъ позвать къ себѣ *Орлова*, которой раздѣвалъ Его, но его не нашли; Онъ велѣлъ его сыскать скорѣе, но какъ не могли долго его отыскать: то отъ сего гнѣвъ Его паче еще увеличиться былъ долженъ. Наконецъ *Орловъ* бывъ сысканъ, и узнавши, что Монархъ чрезмѣрно на него гнѣвается; не вѣдая же тому причины, заключилъ, что конечно узналъ Государь о любовной его связи съ Камеръ-Фрейлиною *Гамильтонъ*, любимицею Ея Величества. Въ таковыхъ мысляхъ вошедши, и увидя Монарха весьма гнѣвна, упалъ къ ногамъ Его, вопія: виноватъ, Государь! люблю *Марьюшку* (такъ называлась Фрейлина оная.) Государь изъ сего узнавъ, что въ похищенiи бумаги онъ невиненъ, успокоился, особливо же когда въ то же самое время дневальной деньщикъ *Пословъ*, сыскавъ оную въ сюртукѣ, принесъ къ Монарху, сказавъ, гдѣ онъ ее нашелъ.

И такъ съ спокойнымъ уже видомъ спрашивалъ Государь *Орлова*, давно ли онъ любитъ ее? — Третiй годъ. — Бывала ли она беременна? —

Бывала. — Слѣдовательно и рожала? — Рожала, но мертвыхъ. — Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ? — Нѣтъ, не видывалъ, а онъ нее сіе зналъ, отвѣтствуетъ *Орловъ*. Къ нещастію сея любовницы не задолго предъ тѣмъ, при вычоженіи нечистотъ найденъ мертвой младенецъ, обвернутой въ дворцовой салфеткѣ; но не могли тогда дойти до виновницы того. Изъ отвѣтовъ же сихъ заключилъ Монархъ, что сія убійца мать есть точно Фрейлина *Гамильтонъ*. Онъ тотъ же часъ призываетъ ее къ себѣ, и при *Орловѣ* же спрашиваетъ ее о томъ. Къ нещастію виновная сія вздумала въ томъ запираться, и клятвенно невинность свою утверждать; однакожъ наконецъ, бывъ уличена обстыдною ея любовію съ *Орловымъ*, принуждена была признаться во всемъ, и что уже двухъ такимъ образомъ погубила младенцовъ. — Монархъ паки спрашиваетъ ее: зналъ ли о семъ *Орловъ*? Не зналъ, отвѣчаетъ она; но Монархъ, оставшись въ подозрѣніи на него, повелѣваетъ его отвести въ крѣпость подъ стражу, а виновную, яко смертоубійцу и нераскаянную, отдать Уголовному Суду.

Судъ сей не могъ не осудить ее на смерть; опредѣленіе сіе Монархъ (въ 1719 году) подтверждаетъ, и дается ей нѣкое время на покаяніе и пріуготовленіе себя къ казни.

Ея Величество, любя сію нещастную, всѣ силы свои употребляла спасти ее, присоединила она и прозьбы любимыхъ Монархомъ особъ, но все было тщетно. Наконецъ склонила она къ убѣжденію Великаго Супруга своего любимую его невѣстку Царицу, *Параскевію Θеодоровну*; (которой, говоритъ Г. *Татищевъ* (*), совѣты и прозьбы никогда Государь не презиралъ) и условленось, чтобъ на канунѣ казни *Гамильтоншиной* сія Царица позвала Монарха къ себѣ съ Государынею, и пригласила бы къ тому же Графовъ: *Апраксина*, *Брюса* и *Толстова*. По прибытіи Ихъ Величествъ и сихъ Особъ, въ продолженіи разговоровъ Царица склонила рѣчь на нещастную *Гамильтонъ*, извиняла преступленіе ея слабостію человѣческою, страмомъ и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ Государѣ, милосердіе, уподобляю-

(*) Въ примѣчаніи на судебникъ Царя *Иоанна Васильевича*.

щее его Богу, предЪ которымЪ всѢ смертные виновны и нечисты, но ОнЪ терпитЪ оныя и ожидаетЪ покаянія нашего и проч. Сіи разсужденія Царицины утверждали, какЪ самыя справедливѢйшія, и помянутые Министры, заключая свои разсужденія Псаломниковыми словами: *аще беззаконїя назриши Господи, кто постоитЪ?*

МонархЪ, все то выслушавЪ терпѢливо, не перебивая рѢчей ихЪ, спросилЪ невѢстку свою: чей законЪ есть на таковыя злодѢянія? Царица должна была признаться, что вЪ началѢ Божій, а потомЪ ГосударевЪ. — ЧтожЪ именно законы сіи повелѢваютЪ? не то ли, что проливаяй кровь человѢческую, да проліется и его? Должна была подтвердить Она и сіе, что за смерть смерть. А когда такЪ, сказалЪ паки Государь, то разсуди невѢстушка: ежели тяжко мнѢ и законЪ отца или дѢда моего нарушить, то коль тяжчае законЪ Божій уничтожить и, обратяся кЪ помянутымЪ ОсобамЪ, сказалЪ: я не хочу быть ни *СауломЪ*, ни *АхавомЪ*, которые неразсудною милостію законЪ Божій преступя, погибли и тѢломЪ и душею; и естьли вы имѢете смѢ-

лость: то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите какъ хотите, — я спорить не буду. Послѣ сего всѣ умолкли, не смѣя ни на себя того взять, и ниже просить за нещастную Государя; и Царица увидѣла себя принужденною замять рѣчь, (говоритъ паки Г. *Татищевъ*) шуточнымъ прикладомъ. И такъ бѣдная *Гамильтонъ* заплатила за убійство рожденныхъ ею младенцовъ своею головою, которая на другой день сего разговора была отрублена публично.

Смертоубійство, особливо же когда не примѣчалъ Государь въ убійцѣ сердечнаго раскаянія, никогда имъ не прощалось, какія бы о прощеніи его ни были прозьбы. Въ семъ случаѣ подобенъ былъ ему *Генрикъ IV*. Одинъ изъ знатныхъ придворныхъ просилъ Его о пощаженіи своего племянника, обвиненнаго въ смертоубійствѣ: „Вамъ, „сказалъ сей Государь, очень кстати, яко дядѣ, просить племяннику „помилованія; а мнѣ также прилично, яко Королю, слушать гласу правосудія. Я извиняю васъ въ вашей „прозьбѣ, извините же и меня въ моемъ отказѣ.“

Впрочемъ, касательно до Г. *Орлова*, хотя онъ и всегда утверждалъ свою невинность въ соучастіи убійства помянутыхъ младенцевъ; однакожъ правосудный Государь оставался въ сомнѣніи о немъ очень долго, и сіе-то было причиною, что онъ оставилъ его на цѣлой годъ подъ стражею, по прошествіи котораго *Его Величество*, бывши въ Адмиралтействѣ, повелѣлъ его представить себѣ, увѣщевалъ паки, что естьли онъ соучаствовалъ въ убійствѣ томъ, тобъ признался; ибо, де, согрѣшить есть дѣло человѣческое, а не признаваться въ грѣхѣ есть дѣло дьявольское, увѣряя притомъ, что естьли онъ чистосердечно раскается: то онъ его проститъ, замѣнивъ казнь его долговременнымъ тюремнымъ заключеніемъ; но какъ однако же Г. *Орловъ* не признался и невинность свою утверждалъ клятвою: Ну, сказалъ Государь, ежели ты виновенъ: то, какъ нѣтъ точныхъ тому доказательствъ, судить тебя будетъ Богъ, а я долженъ наконецъ положиться на твои клятвы. И такъ повелѣвъ отроствую бороду его выбрить, одѣть въ новой гвардейской Офицерской мундиръ, по-

жаловалъ его Поручикомъ гвардіи, сказавъ при ономъ слѣдующія слова: *Страхъ подпать подъ неправосудіе, въ толь сомнительномъ дѣлѣ, принудилъ меня заключить тебя на годъ, яко виновника нещастію любовницы твоей, и ты самъ долженъ признать наказаніе сіе справедливымъ; оно послужитъ и тебѣ и другимъ наставленіемъ хранится поползновеній* (*)

Представя толь строгую Ироя нашего справедливость и ревностное тщаніе о сохраненіи во всей точности законовъ Божіи и Государственныхъ, удобно заключить, что не имѣлъ Онъ надобности издавать Указа, подобнаго изданному древнимъ Царемъ Сирійскимъ, *Антіохомъ* Великимъ, которой, по свидѣтельству Исторіи, „ненавидя прихотливое своевольство, „издалъ Указъ, коимъ запрещалъ повиноваться себѣ всякой разъ, когда „что-нибудь повелитъ Онъ исполнить „противное закону, утверждая, что „Онъ не по чему другому желалъ „царствовать, какъ по закону." Слѣдующіе анекдоты подтверждаютъ сіе же заключеніе.

(*) Отъ *Ивана Ивановича Неплюева.*

94.
Примѣрная справедливость Великаго Государя.

Корабельной, или камельной мастерЪ изЪ ДворянЪ, *ГурЪ ИвановЪ*, сынЪ *ГурьевЪ*, коего МонархЪ за исправность и прилѣжаніе любилЪ, вЪ одно время, когда *Его Величество* былЪ на работахЪ АдмиралтейскихЪ, подаетЪ Ему бумагу. Государь, думая, что оная касается до какого-нибудь обЪясненія по должности его, принялЪ, развернулЪ и, увидя челобитную на СенатЪ, сЪ торопливостію сказалЪ ему: это челобитная на СенатЪ! — Да, Государь, отвѣчалЪ *ГурьевЪ*. — Да вѣдаешь ли ты законЪ, что тому опредѣлено, кто на СенатЪ бьетЪ челомЪ? — Вѣдаю, что подвергается тотЪ смертной казни, кто вЪ неправдѣ на оной бьетЪ челомЪ. — И ты вѣдая сіе, просишь на него? — Вѣдаю и бью челомЪ, отвѣчаетЪ паки *ГурьевЪ*. — „Пожалуй, *ГурЪ*, возьми на„задЪ челобитную свою, продолжаетЪ „МонархЪ; покажи ее знающимЪ бо„лѣе твоего законы, и потолкуй сЪ „ними гораздо, на что даю тебѣ „сроку три дни; мнѣ весьма жаль „потерять тебя.“

Чрезъ три дни *Гуръ* сей подаетъ Государю паки оную, и Монархъ спросилъ его: это та же бумага? Та же, отвѣчаетъ онъ. И ты казалъ ее Юристамъ? — Казалъ, Государь, и они меня оправдываютъ. — Боюсь я, *Гуръ*, чтобъ ты не былъ виноватъ, и для того пожалуй поищи лучшихъ изъ нихъ, и поприлѣжнѣе съ ними потолкуй, разсказавъ чистосердечно все дѣло, и чрезъ три дни скажи мнѣ о томъ. — Хорошо, Государь! отвѣчаетъ *Гурьевъ*.

Онъ чрезъ три дни паки подаетъ Государю челобитную свою, и паки спрашиваетъ его Монархъ: Подлинно ли ты удостовѣрился о своей справедливости? Удостовѣрился, отвѣчаетъ *Гуръ*. Дай Богъ, чтобъ ты былъ правъ! заключилъ Государь.

Дѣло же Г. *Гурьева* состояло въ томъ: сосѣдъ по деревнѣ его, Господинъ знатной N. . . надѣясь на свою знатность и знакомство съ Господами Сенаторами, завладѣлъ частію земли его, которая была ему кстати. Дѣло, бывши въ нижнихъ Судахъ, по апелляціи дошло до Сената. Господинъ сей прозьбами своими и хитрыми объясненіями склонилъ Господъ Сенато-

ровъ на свою сторону; онъ былъ оправленъ, а *Гурьевъ* обвиненъ.

Между тѣмъ Монархъ, разсмотря челобитную, приказалъ того же еще вечера быть къ себѣ Оберъ-Секретарю Сенатскому и съ дѣломъ тѣмъ; прочелъ все производство онаго, и нашедъ дѣло *Гурьево* справедливымъ, — и Оберъ-Секретарь заключенія *Его Величества* не могъ оспорить: Чего же ты смотрѣлъ? вопрошаетъ Монархъ. Виноватъ, Всемилостивѣйшій Государь, не доразумѣлъ, отвѣтствуетъ онъ. Не доразумѣлъ! такъ я тебя вразумлю — и далъ ему почувствовать оное палкою своею; потомъ, отдавши ему дѣло, велѣлъ приготовить оное къ завтрешнему дню паки къ докладу: я самъ буду въ Сенатѣ, примолвилъ Монархъ.

Оберъ-Секретарь съ дѣломъ симъ зашолъ къ старшему изъ Сенаторовъ Князю, *Якову Ѳедоровичу Долгорукову*, которой также подписалъ обвиняющее *Гурьева* опредѣленіе. Сей достойнопочтенный мужъ, той же ночи разсмотрѣвъ прилѣжнѣйше дѣло, нашелъ оное дѣйствительно неправо рѣшенымъ, и рано поутру привезъ оное съ собою въ Сенатъ. Скоро по семъ

прибылъ и Монархъ; *Гурьевъ* же, дождавшись прибытія *Его Величества* на крыльцѣ, поклономъ своимъ напомнилъ Ему о дѣлѣ своемъ.

Первое слово Государево, взошедши въ Сенатъ, было: Подайте дѣло *Гурьево.* При семъ словѣ Князь *Долгоруковъ*, вставши съ мѣста своего и подойдя къ Монарху, говоритъ: Великій Государь! признаюсь предъ *Вашимъ Величествомъ*, яко предъ самимъ Богомъ, что никогда я не разсматривая и не читая дѣла не подписывалъ, а сіе подписалъ впервые не читая; я, продолжалъ онъ, при рѣшеніи онаго за болѣзнію моею не былъ въ Сенатѣ, и подписалъ оное въ домѣ моемъ, будучи въ постелѣ, не читая, положася на сотоварищей моихъ, подписавшихъ оное. Но какъ узналъ я, что Вы, Государь, дѣло сіе брали къ себѣ, взялъ и я, разсмотрѣлъ оное и увидѣлъ, что Сенатъ, не вникнувъ въ дѣло, въ рѣшеніи своемъ погрѣшилъ; чего ради и прошу простить не умышленное погрѣшеніе рабу Твоему.

Монархъ, не отвѣчая на сіе ничего, далъ повелѣніе, дѣло то перерѣшить, отнятое у *Гурьева* возвратить; съ соперника его, яко коварника, от-

писавъ у него столько же земли и пятьдесятъ душъ крестьянъ, отдать *Гурьеву*; съ Оберъ-Секретаря и Сенаторовъ взявъ по 200 рублей штрафу, отослать въ госпиталь, съ таковымъ напослѣдокъ заключеніемъ: Поелику же по законамъ положена смерть тому, кто неправо бить челомъ будетъ на Сенатъ; то разумѣется, что и Сенаторы подвергаются той же казни за неправое рѣшеніе, отъ которой и не можетъ Онъ ихъ избавить, естьли не проститъ ихъ *Гуръ Гурьевъ*. Давъ сію резолюцію, вышелъ изъ Сената; и увидя на крыльцѣ же сего *Гурьева*, ударилъ его по плечу, сказавъ: поди домой и ѣшь щи съ чеснокомъ.

Гурьевъ обрадовавшись побѣжалъ домой, и дѣйствительно расположился ѣсть щи съ чеснокомъ.

Между тѣмъ по выходѣ Монарха изъ Сената, Князь *Яковъ Ѳедоровичъ* выговаривалъ съ горестію товарищамъ своимъ за ихъ неосмотрительность, а можетъ, де, и за пристрастіе; охулялъ и свое легкомысліе, что, положася на нихъ, столь много обманулся, подписавъ толь несправедливое ихъ опредѣленіе; и заключилъ, что къ избав-

ленію всѣхъ ихъ отъ бѣды другаго нѣтъ спасенія, какъ испросить у *Гурьева* прощеніе.

Пораженные Господа Сенаторы приговоромъ Монарха, просили его призвать Г. *Гурьева* къ себѣ въ домъ, гдѣ всѣ они будутъ его просить о томъ. Князь изъ Сената, со всѣми ими прибывши въ домъ свой, послалъ къ нему Адъютанта своего и свою одноколку, наказавъ ему, какъ его просить, а именно: поклоняся ему, сказать, что Князь *Долгоруковъ* приказалъ Его Высокоблагородіе просить, пожаловать теперь же къ нему въ домъ; для чего, де, прислалъ онъ и одноколку свою; онъ бы, де, и самъ былъ къ вамъ, но старость его и недосуги тому воспрепятствовали.

Господинъ *Гурьевъ*, тотъ же часъ одѣвшись, пріѣхалъ къ сему Князю, и сколь скоро вошелъ, то всѣ Сенаторы съ покорностію убѣдительнѣйше просить его стали, чтобъ онъ пожаловалъ простилъ ихъ. Сей, ни мало сего не воображавши, кланяяся каждому изъ нихъ, повторялъ: Богъ проститъ Ваши Сіятельства и Ваши Превосходительства. Обрадованные Гг. Сенаторы благодарили его чувствительно и, одаря

щедро, кто чѣмъ могъ, отпустили. Послѣ чего Князь *Долгоруковъ* поѣхалъ къ Государю, и донесъ *Его Величеству*, что *Гуръ Ивановичъ* пожаловалъ простилъ ихъ. — Хорошо, щастливы вы, сказалъ Монархъ, что попали вы на добраго человѣка: а то бы я показалъ вамъ, какъ поступать съ тѣми, которые, должны бы примѣромъ быть правосудію, сами оное нарушаютъ. По отпускѣ же его Великій Государь послалъ за *Гурьевымъ*, чтобъ онъ тотъ же часъ былъ къ Нему. Повелѣніе такое устрашило его до крайности; онъ воображалъ себѣ, что Государь прогнѣвался на него, что безъ воли Его простилъ Сенаторовъ. Въ такомъ бывъ предувѣреніи, упалъ онъ предъ Монархомъ, произнося: виноватъ, Государь; я ихъ простилъ! Не о томъ рѣчь, дуракъ, сказалъ Государь, что ты ихъ простилъ, да какъ простилъ? Не угрaживали ли они чѣмъ тебѣ, буде ты ихъ не простишь? Сей разсказалъ съ подробностію *Его Величеству* всѣхъ ихъ униженность, и всѣ ихъ слова, и чѣмъ кто изъ нихъ его подарили. Монархъ усмѣхнувшись отпустилъ его.

95.

Солдатъ уличаетъ Монарха въ неправосудіи.

Великій Государь въ лѣтнемъ своемъ саду имѣлъ одинъ дубъ, посаженной собственными Его руками; около онаго сдѣланъ былъ круглой столъ, и стояли у онаго кресла, а на столъ, въ хорошую погоду, ставливалась черниница и клалась бумага, за коимъ не рѣдко Монархъ садяся, углублялся въ размышленія; почему у мѣста сего и ставливался особой часовой.

Въ одно время *Его Величество*, писавъ на семъ столѣ, всклонился на кресла, и довольно громко проговорилъ: Слава Богу! кажется правосудіе я возстановилъ. Гренадеръ, стоявшій на часахъ, (которой былъ изъ Дворянъ) услышавши сіе, также довольно громко сказалъ: всѣ правосудны, кромѣ Тебя. Государь, сіе услыша, подозвалъ его ближе, и спросилъ: что онъ сказалъ? Гренадеръ, не обинуяся, повторилъ тѣ же слова. — Какъ ты смѣешь сіе сказать обо мнѣ, и изъ чего ты такъ заключаешь? сказалъ Государь съ видомъ удивленіе означающимъ. — Вы Государь сами рѣшили мое дѣло, отвѣчаетъ гренадеръ,

и лиша меня онымъ послѣдней деревнишки, доставшейся мнѣ еще отъ прадеда моего, отдали обидчику моему, Господину знатному и богатому . . . . . назвавъ его именемъ. — Правду ли ты говоришь? спросилъ Государь. — Я не осмѣлился бы сказать Вамъ неправды, отвѣчаетъ смѣло гренадеръ.

Послѣ сего Великій Государь призвалъ къ себѣ караульнаго Офицера, и приказалъ: когда онъ придетъ рапортовать его, то напомнилъ бы о Преображенскомъ гренадерѣ; а при смѣнѣ своей сказалъ бы сей же приказъ Офицеру, которой его смѣнитъ. Поутру Офицеръ отрапортовавъ Монарха о состояніи караула, присовокупилъ: изволите ли помнить о Преображенскомъ гренадерѣ? — Помню, братъ, помню, скоропоспѣшно отвѣчалъ Государь. На другой день припомнено *Его Величеству* паки то же, и таковой же былъ отвѣтъ Его; но въ то же еще утро повелѣлъ принесть къ себѣ изъ Сената дѣло сіе, разсматривалъ его до самаго обѣда съ великимъ вниманіемъ; увидѣлъ, что соперникъ того гренадера умѣлъ столь хитро запутать дѣло, и при помощи коварнаго стряпчаго дать ему

такой видъ справедливости, что Сенатъ и самъ Государь сочли его за таковое. Сколько же сіе чувствительно было Монарху, то доказалъ Онъ въ слѣдующій за тѣмъ день; Онъ, прибывши въ Сенатъ, сказалъ Господамъ Сенаторамъ: Мы всѣ, паче же я, стыдиться должны, что столь грубо обмануты хитростію коварнаго ябедника, а ты, бездѣльникъ! обратяся къ Оберъ-Секретарю, сказалъ съ гнѣвнымъ видомъ, и не думалъ предостеречь насъ; я тебя научу вникать лучше въ дѣла; отведите его въ крѣпость на мѣсяцъ. И по семъ далъ Указъ, повелѣвающій прежнее рѣшеніе уничтожить; стряпчаго, писавшаго челобитную и за дѣломъ ходившаго, сослать, яко опаснаго ябедника, въ ссылку въ Сибирь; отнятое у того гренадера имѣніе и отданное сопернику его возвратить, а за убытки и за владѣніе у того корыстолюбиваго обидчика, изъ собственнаго его имѣнія, столько же земли и крестьянъ отписавъ, утвердить за обиженнымъ, и сверьхъ того съ него же взыскать 1000 рублей на госпиталь.

96.

Гвардіи Капитанъ лишается чина за ябедничество.

Капитанъ гвардіи Преображенскаго полку *Спицынъ*, бывшій у Государя, а паче у Ея Величества въ великой милости, имѣлъ въ Новогородскомъ уѣздѣ не малыя деревни, въ сосѣдствѣ съ Двоpяниномъ, оставшимся отъ отца въ малолѣтствѣ. Г. *Спицынъ*, воспользовавшися симъ, завладѣлъ деревнею сего безпомощнаго сироты; но дабы насильственное завладѣніе свое упрочить, такъ сказать, за собою, то, принудивъ сироту того подать на себя исковую челобитную, завязалъ дѣло такъ, что оное, переходя изъ нижняго въ вышшіе суды, дошло напослѣдокъ, по аппелляціи того же сироты, до Сената; чего самаго Г. *Спицынъ* и желалъ, дабы, то есть, рѣшеніемъ онаго быть ему оправданну, въ чемъ онъ и не сомнѣвался; ибо заблаговременно предубѣждены уже были имъ въ пользу его Господа Сенаторы. А какъ къ тому же съ одной стороны интересовались въ немъ Князь *Меньшиковъ* и сама Императрица, а съ другой, стряпчимъ его хитрымъ и

коварнымъ данъ дѣлу такой видъ правдоподобія, что и самые безпристрастные изъ Сенаторовъ не могли не обмануться: то и рѣшено дѣло въ его пользу. Осталось для обидчика одно только сомнѣніе, чтобы, по прибытіи въ Петербургъ Государя, обиженной на рѣшеніе сіе не подалъ *Его Величеству* жалобы; и для того убѣдилъ Сенатъ прозьбами и происками своими къ тому, что нещастной юноша, якобы за неправое утружденіе Сената, сосланъ въ Олонецъ, откуда не велѣно было его отпускать никуда безъ Указу.

По щастію однакожъ его, скоро послѣ сего открылись въ Олонцѣ минеральныя воды, и Великій Государь, желая привести ихъ въ славу, и тѣмъ привлечь къ онымъ многихъ изъ тѣхъ, кои для излѣченія своего ѣздятъ къ подобнымъ симъ иностраннымъ водамъ, рѣшился подать имъ примѣръ собственнымъ употребленіемъ оныхъ, и для того со всѣмъ *Дворомъ* своимъ прибылъ въ Олонецъ. При *Ихъ* Величествахъ находился между прочими и Г. *Слицкинъ*. Невинно сосланный туда юноша нашелъ случай упасть къ ногамъ Монарха и объяснить Ему все

происшедшее и свою ссылку. Великій Государь, выслушавши все, сказалъ бывшему при томъ *Слицыну*: слышалъ ли, *Слицынъ*? Но сей, не показавъ ни малаго смущенія, отвѣтствовалъ, что глупому мальчишкѣ не можно вѣрить въ томъ, что уже Сенатъ, входя въ подробность дѣла, изслѣдовалъ и его оправдалъ. Монархъ сказалъ потомъ жалующемуся: Здѣсь разсматривать дѣла твоего не можно, а поѣзжай со мною въ Петербургъ. На сіе слезящій юноша сказалъ: страшусь, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ далѣе еще куда меня не услали. — Врешь, будь при мнѣ, никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ, заключилъ Монархъ.

Коль же скоро Великій Государь прибылъ въ Петербургъ, то прежде всего повелѣлъ Сенату представить себѣ все дѣло оное. Можно себѣ вообразить, коль огорчиться Онъ былъ долженъ, когда нашелъ въ самомъ дѣлѣ несправедливость *Слицына*, оправданную Сенатомъ. Онъ сдѣлалъ Сенату, за невнимательность и пристрастіе его по дѣлу тому, жестокой выговоръ; опредѣлилъ Секретаря, за болѣзнію Оберъ-Секретаря и повытчика,

исправлявшаго должность Секретарскую, яко соучастниковъ плутовства *Слицына*, лиша чиновъ, написать въ солдаты; деревню, завладѣнную *Слицынымъ* и Сенатомъ за нимъ утвержденную, возвратить законному владѣльцу оныя, и всѣ понесенные обиженнымъ убытки, изъ имѣнія обидчикова взыскавъ вдвое, отдать ему же. Но симъ не кончено еще дѣло: Великій Государь, желая, дабы подобное ябедничество истребить и Сенату оплошность его сдѣлать чувствительнѣйшею, прибывъ предъ поставленный по приказу Его въ строй полкъ Преображенской, повелѣлъ туда же быть и тѣмъ Господамъ Сенаторамъ, а потомъ, полку оному окружа себя и ихъ, читать громогласно Секретарю своему сдѣланную изъ дѣла выписку, объяснявшую все коварное ябедничество и насиліе *Слицына*, учиненное невинному, и обольщеннаго имъ Сената рѣшеніе, и потомъ снять гвардейской мундиръ съ обидчика: ты достоинъ, бездѣльникъ! публичнаго наказанія, сказалъ Государь, и я стыжусь, что столь обманулся въ тебѣ; однакожъ повелѣлъ только изъ списка Капитановъ гвардіи изключить и, на-

писавъ въ армейскiе Прапорщики, послать безъ наказанiя въ дальной Сибирской гарнизонъ; касательно же Гг. Сенаторовъ, то, сдѣлавъ имъ предъ всѣмъ же полкомъ паки жестокой выговоръ, пригрозилъ, что естьли они что впредь подобное учинятъ: то будетъ съ ними поступлено какъ съ преступниками со всею строгостiю (*).

97.

Признательность и снизхожденiе Великаго Государя.

Нижегородской Дворянинъ, Морской службы Офицеръ *Иванъ Прокуденъ*, извѣстяся, что дядя его, котораго былъ онъ ближайшiй наслѣдникъ, скончался, оставивши знатное имѣнiе и крестьянъ до 700 душъ, и что вступаются въ наслѣдство другiе и начали уже приказную прозьбу, все сiе донеся Монарху, бывшему у работъ Адмиралтейскихъ, просилъ отпустить его, дабы да не лишиться

(*) Недоросль сей былъ Новогородской Дворянинъ *Флоръ Исаковичъ Неплюевъ*, отъ котораго я все сiе слышалъ, равно какъ и предшествовавшiе сему два анекдота, въ Петербургѣ 1780 году.

мнѣ сего наслѣдства. Врешь, сказалъ на сіе Монархъ: когда ты по законамъ ближайшій наслѣдникъ, то никто у тебя онаго не отниметъ, а отпустить тебя до зимы не можно.

Огорченный симъ отказомъ *Прокудинъ* на другой день паки проситъ Монарха о своемъ отпускѣ; я уже сказалъ тебѣ, отвѣчаетъ Государь, что не льзя отпустить тебя до зимы. На третій день осмѣливается онъ паки о томъ же утруждать Государя. Монархъ съ гнѣвомъ закричалъ на него: что ты привязался ко мнѣ, дерзкой! поди прочь. Но сей однако же не отходитъ, говоря: бѣдной времени не терпитъ. Выведенный симъ изъ терпѣнія Монархъ даетъ ему пощечину, но въ тотъ же самый часъ раскаевается и съ ласковымъ уже видомъ говоритъ ему: ты вывелъ меня изъ терпѣнія своею неотвязностію и выговорами своему Государю. Признаніе таковое въ Самодержцѣ трогаетъ Офицера до слезъ, и онъ повергается къ ногамъ Государя и, признаваяся въ винѣ своей, проситъ великодушно простить его. Монархъ поднимаетъ его, и тогда же отпускаетъ его, пожаловавъ ему на дорогу 50 рублей.

Сей Г. *Прокудинъ*, получа наслѣдство, просилъ Монарха для поправленія разстроенной въ деревняхъ покойнаго дяди его экономіи, пожаловать отставить его отъ службы; и Великій Государь, хотя и рѣдко на таковыя прозьбы соглашался, отставилъ его съ награжденіемъ чина Коллежскаго Ассессора. Онъ, доживъ до глубокой старости, разсказывалъ сіе пріятелю своему Нижегородскому же Дворянину, *Михайлу Павловичу Жукову*, отъ котораго и мнѣ сіе сообщено.

98.

Доказательство, колико надъ страстьми своими владѣлъ Монархъ.

Когда начатъ дѣлаться большой Ладожской каналъ: то Монархъ, не рѣдко пріѣзжая самъ для надзиранія за работами онаго, обыкновенно останавливался въ Старой Ладогѣ у знаемаго имъ тамошняго купца *Барсукова*, котораго за расторопность болѣе еще полюбя, и удостоя его называть братомъ, поручилъ въ особое его надзираніе одну дистанцію канальной работы, и по его же выбору переселеніе купцовъ изъ Старой въ Новую Ладогу.

Снисходительнѣйшій Государь, имѣя въ домѣ сего *Барсукова* для пріѣзду своего особую комнату, всякой разъ, когда случалось Ему пріѣзжать въ сію квартиру свою ночью, останавливаяся у воротъ, приказывалъ навѣдываться, не спитъ ли хозяинъ, и буде спалъ: то вхаживалъ на дворъ сколько возможно тише, дабы не разбудить его, — и *Барсуковъ* не прежде узнавалъ прибытіе Императора, какъ уже поутру. Когда же онъ приносилъ предъ *Его Величествомъ* въ томъ, что не встрѣтилъ Его, извиненіе, тогда отвѣтствовалъ на оное великодушный Государь: *Я не люблю, когда меня кто разбудитъ, такъ долженъ судить по себѣ, что непріятно, когда кто разбудитъ и другаго, — такъ за чѣмъ же мнѣ безъ нужды безпокоить тебя?*

Купецъ сей имѣлъ жену молодую красавицу, веселаго и живаго свойства, и не меньше умную, какъ и добродѣтельную; а таковыя достоинства и не могли не полюбиться Монарху, истинному цѣнителю дарованій. Сія красавица умѣла притомъ угождать Ему и своей стряпни кушаньемъ, а паче щами. Частое же Его посѣщеніе дому ихъ, милостивое и безчиновное Его

съ ними обращеніе, оживляли болѣе еще пріятности красавицины смѣлыми и вольными ея поступками, смѣшанными съ разумными шутками, — и Монархъ, удостоя мужа названія братомъ, называлъ и ее невѣсткою.

Въ одинъ изъ сихъ пріѣздовъ *Его Величества* къ нимъ не было хозяина въ домѣ, и Государь, поелику случилось оное въ глубокую полночь, прошелъ безъ шуму же въ свою комнату. Хозяйка, узнавъ о прибытіи Монаршемъ поутру, пришла къ нему, когда не было еще у Него никого и, поздравя Его съ прибытіемъ, спрашивала: что угодно Ему приказать приготовить покушать?

Великій Государь, разговаривая съ нею съ удовольствіемъ на-единѣ, или хотѣлъ испытать добродѣтель ея, или и въ самомъ дѣлѣ плѣняся ея пріятностями, сдѣлалъ ей любовное предложеніе. Но онъ удивился, когда красавица сія вдругъ перемѣня пріятный и веселый видъ въ суровый, съ грубостію отвергла предложеніе Его, сказавъ: что она никакъ не воображала, чтобъ Государь, который долженъ собою подавать примѣръ добродѣтели подданнымъ, могъ сдѣлать

толь порочное предложеніе; развѣ потому, примолвила она, назвали Вы мужа моего братомъ, чтобъ отнять честь у жены его?

Монархъ, пораженный толикою добродѣтелію купеческой сей жены, оправяся, такъ сказать, сказалъ ей; *Спасибо невѣстка, что ты такова; я хотѣлъ только испытать твою добродѣтель и честность, и съ удовольствіемъ вижу, что не обманулся въ тебѣ. Я хвалю тебя за то, и болѣе еще любить обоихъ васъ буду.* И дѣйствительно отъ сего времени Великій Государь обращался съ нею съ особенною ласкою и съ нѣкоторымъ родомъ почтенія (*).

Естьли въ самомъ дѣлѣ Монархъ почувствовалъ къ ней страсть: то коль рѣдкая есть добродѣтель въ Самодержцѣ и человѣкѣ, толикое господствованіе надъ страстьми своими!

Генрихъ IV, великій же впрочемъ Государь, столько побѣжденъ былъ страстію сею, что хотя и чувствовалъ, что оная вредила славѣ его:

(*) Самъ *Барсуковъ* сей предалъ намъ сіе; и одинъ изъ пріятелей моихъ, слыша отъ него о семъ, сообщилъ мнѣ оное.

не могъ однакожe противиться оной. „Робость, трусливость и самая лживость и обманъ, (говоритъ Исторія „о немъ) сдѣлались извѣстными ему „съ тѣхъ поръ, какъ предался онъ „любострастію. Я часто примѣчалъ „(придаетъ къ сему Герцогъ *Сюлли*), „что онъ обманывалъ меня ложными „увѣреніями тогда, когда ничто не „заставляло его открываться мнѣ въ „истиннѣ; а наконецъ доходилъ онъ „даже до безстыдства, обѣщаяся пре„рвать цѣпь свою, какъ въ то же вре„мя внутренне клялся не только ни„когда не разрывать оковъ сихъ, но „тѣснѣе еще связываться ими.“

Читатель, къ описанію сему прибавя другую порочнѣйшую еще страсть сего Короля къ игрѣ, породившей многіе въ Парижѣ игрецкіе домы и мотовство (*), можетъ сдѣлать заключеніе, въ разсужденіи сравненія его съ Ироемъ нашимъ.

(*) Смотри Исторію его въ Историческомъ Словарѣ, подъ литерою Г.

99.

Отличное снисхожденіе ПЕТРА Великаго.

Извѣстно изъ Исторіи Ироя нашего, что никогда Онъ не отказывалъ просившимъ Его отцамъ о воспріятіи отъ купели дѣтей ихъ.

Одинъ, и именно Троицкаго Собора Священникъ, коихъ онъ каждаго зналъ по имени, просилъ *Его Величество* сдѣлать ему милость воспріятіемъ отъ купели новорожденнаго сына его.

Великій Государь, снисходя на сію прозьбу, обѣщалъ притти къ нему въ домъ на другой день послѣ обѣда, назнача и часъ тому. Священникъ спросилъ, кого благоволитъ назначить кумою? Какую ты изберешь изъ твоихъ родственницъ, отвѣчалъ Государь.

Священникъ ко дню тому заготовился къ принятію таковаго кума; но Монархъ, сверьхъ обыкновенія своего занявшись случившимися на томъ день важными дѣлами, забылъ данное слово свое, и не прежде вспомнилъ объ ономъ, какъ уже легши опочивать. Сколько же Ему забытіе слова своего было чувствительно, то пока-

жетЪ особенно сей анекдотЪ. АхЪ! сказалЪ ОнЪ Великой СупругѢ своей! Я забылЪ данное мною слово попу; вЪ какомЪ долженЪ онЪ и весь домЪ его быть безпокойствѢ, ждавЪ меня толь долго, и чаю по сей еще часЪ ждутЪ меня! И хотя былЪ уже одиннатцатой часЪ вечера, и время настояло осеннее и ненастное: однакожЪ ОнЪ, тотЪ же часЪ вставши, потребовалЪ одѢться, а между тѢмЪ велѢлЪ сыскать перевозное чрезЪ Неву судно. Найдена верейка, и МонархЪ сЪ дневальнымЪ деньщикомЪ своимЪ Г. *ТатищевымЪ*, переѢхавЪ на ней Неву, пришелЪ кЪ дому Священника; но сей, не ожидавши уже Монарха такЪ поздо, отпустя куму, легЪ спать. На стукЪ у воротЪ отперли оныя: можно себѢ представить изумленіе хозяина, узнавшаго о приходѢ Монарха; онЪ едва могЪ встрѢтить *Его Величество* вЪ дверяхЪ уже спални своея; но Великій Государь, не допуская его до изЪясненія, просилЪ простить себя, что надѢлалЪ ему столько безпокойства: я, продолжалЪ Государь, за суетами забылЪ, что обѢщалЪ быть кЪ тебѢ; и здѢсь ли еще кума? а узнавши, что она уже уѢхала, велѢлЪ послать за

нею, сказавъ: Я виноватъ предъ нею, заставивъ ее толь долго ждать себя, такъ долженъ и я подождать ее. Болѣе получаса прошло, какъ пріѣхала она, и Великій Государь, увидя ее, просилъ у нее прощенія въ безпокойствѣ, причиненномъ ей.

По окрещеніи младенца, Монархъ принесъ самъ онаго къ родильницѣ, поцѣловался съ нею и съ кумою, выкушалъ стаканъ пива и, пожелавъ доброй ночи, переѣхалъ на томъ же суднышкѣ паки во Дворецъ (*).

100.

Доказательство памяти, какою одаренъ былъ Монархъ.

Около 1720 году, Великій Государь, бывшій въ крестномъ ходу, между Священниками примѣтилъ, съ возчувствованіемъ нѣкоего отвращенія, одного, котораго Онъ видалъ нѣкогда не въ духовномъ званіи, и заключилъ, что долженъ онъ быть конечно изъ стрѣль-

---

(*) Отъ Г. *Крекшина*, и Императорской Академіи Библіотекаря, Г. *Бухвостова*.

цовъ, спасшихся отъ меча правосудія. И такъ, по окончаніи процессіи подозвавъ его къ себѣ, сказалъ: Лицо твое мнѣ знакомо, я видалъ тебя въ бѣльцахъ; изъ какого ты званія? скажи не утаевая. Приведенный сими вопросами попъ въ замѣшательство сдѣлался безгласенъ. Ты конечно изъ стрѣльцовъ? паки вопрошаетъ Государь. — Такъ, Всемилостивѣйшій Государь, упавши къ ногамъ Его, отвѣтствуетъ попъ: я одинъ изъ тѣхъ, которые заслуживали праведное наказаніе По разпросамъ, произведеннымъ ему, оказался онъ изъ самыхъ тѣхъ, которые въ большой бунтъ, взбѣгая на Красное крыльцо, спрашивали обоихъ Царевичей: они ли то? и проч.

Нещастнымъ тебя сдѣлать я не хочу, сказалъ наконецъ Государь; но не могу смотрѣть, безъ возчувствованія отвращенія моего, на измѣнничье твое лицо; и такъ избери себѣ для житья и отправленія нынѣшняго званія своего отдаленное отъ столицы мѣсто, гдѣбъ я не могъ съ тобою опять встрѣтиться, и берегись казаться мнѣ впредь на глаза.

Попъ принужденъ былъ избрать такое мѣсто, куда и былъ онъ отправленъ съ повелѣніемъ опредѣлить его на праздное Священническое мѣсто (*).

Толико-то сильное произвело въ Монархѣ впечатлѣніе звѣрскихъ лицъ, стремившихся на Его убіеніе, хотя то было и въ дѣтствѣ еще Его!

101.

Аудіенція прибывшему въ Петербургъ Датскому Послу на кораблѣ.

ПЕТРУ Великому, бывшему въ одно время на военномъ кораблѣ, и занявшемуся нужными разговорами съ Капитаномъ онаго Голландцемъ *Гослеромъ*, въ то самое время доложили о пріѣздѣ въ Петербургъ Датскаго Посла, и о требованіи онаго скорой у *Его Величества* аудіенціи. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, сказалъ Монархъ; представьте его ко мнѣ сюда теперь же. Вся церемонія со стороны Государя состояла въ томъ, что Онъ,

Щ

(*) Отъ Статскаго Совѣтника *Ивана Алексѣевича Ушакова*, слышавшаго сіе отъ предупомянутаго же дяди своего.

предъ прибытіемъ Посла на корабль, снялъ свой кортикъ, и отдавъ оной Секретарю корабля того Г. *Новикову*, опоясалъ на себя его шпагу, и принялъ Посла, стоя у мачты. По отпускѣ же его съ тою же шпагою сошелъ съ корабля, а кортикъ его остался у Секретаря, которой и понынѣ хранится въ фамиліи Господъ *Новиковыхъ*, изъ которой отъ одного (*) я сіе и слышалъ.

102.

Монархъ оборачиваетъ съ мосту своего одноколку, дабы пропустить въѣхавшій на оной возъ со щепами.

По устроеніи въ Санктпетербургѣ Адмиралтейства, и по учрежденіи кораблестроенія, чрезъ нѣкое время столько умножилось въономъ щепъ, что дѣлали онѣ затрудненіе въ самыхъ работахъ; и Коллегія опредѣлила было для свозу ихъ вызвать подрядчиковъ, — но Монархъ, присутствуя въ Коллегіи, и узнавши о семъ опредѣленіи, съ неудовольствіемъ сказалъ: У васъ все подряды да подряды! и по-

---

(*) *Николая Ивановича.*

велѣлъ тогдажъ публиковать, что желающіе могутъ изъ Адмиралтейства брать щепы безденежно. А какъ окружавшія городъ болота и не всѣ еще вымощенныя улицы доставленіе дровъ изъ лѣсовъ дѣлали въ тѣшнюю пору трруднымъ: то и наѣхало въ Адмиралтейство множество повозокъ за сими щепами. Въ сіе время Великій Государь ѣхалъ въ Адмиралтейство на своей одноколкѣ, и когда сталъ въѣжжать на подъемной мостъ онаго, то деньщикъ *Его Величества*, стоявшій за одноколкою Его, увидя тѣлегу съ возомъ щепъ въѣхавшую на тотъ же мостъ, кричалъ ѣдущему съ возомъ, чтобъ онъ поворотился. Молчи! сказалъ ему Государь, и того-то ты не можешь разумѣть, что поворотиться возу уже не возможно, а легче намъ съ одноколкою то сдѣлать. И такъ Великій Государь, сойдя съ оной вмѣстѣ съ деньщикомъ, своими руками поворотилъ оную и, пропустя возъ, паки, сѣвъ въ одноколку свою, поѣхалъ. Съ возомъ щепъ оныхъ ѣхалъ предупомянутаго корабельнаго Секретаря *Новикова* слуга, по имени *Ларіонъ*. Чрезъ нѣсколько же дней случилось такъ, что Мо-

нархЪ повстрѣчался на томЪ же мосту паки сЪ тѣмЪ же *Ларіономъ*, ѣдущимЪ сЪ возомЪ же щепЪ; и какЪ *Его Величество* взЪѣхалЪ на мостЪ первый, а возЪ оной только еще подЪѣзжалЪ кЪ мосту, то Государь и кричалЪ ему, чтобЪ онЪ остановился и не ѣхалЪ; однакожЪ *Ларіонъ*, не останавливаяся, продолжалЪ ѣхать. Тогда МонархЪ, сойдя паки сЪ одноколки и, узнавЪ того же самаго слугу, спросилЪ его: вить ты же былЪ тотЪ, для котораго я поворотился сЪ одноколкою моею назадЪ, дабы тебя пропустить? Я, отвѣтствовалЪ *Ларіонъ*. Но тогда взЪѣхалЪ на мостЪ прежде ты сЪ возомЪ своимЪ, сказалЪ паки Государь, и поворотиться уже тебѣ было неудобно; а теперь видѣлЪ ты, что прежде взЪѣхалЪ на мостЪ я, а ты только еще подЪѣзжалЪ кЪ оному, и поворотиться было мнѣ уже неудобно, — да я же и кричалЪ тебѣ, чтобЪ ты остановился и пропустилЪ меня; однакожЪ ты, не смотря на сіе, не останавливаяся все ѣдешь. ВиноватЪ, отвѣтствовалЪ слуга. ТакЪ надобно, чтобЪ ты оное помнилЪ и не озарничалЪ впредь, сказалЪ наконецЪ Государь; и тутЪ же далЪ ему нѣсколько

ударовъ палкою своею, приговаривая: не озорничай, не озорничай и пропускай прежде тѣхъ, кто прежде тебя на мостъ взъѣдетъ.

Слуга сей, доживший до глубокой старости, случай тотъ съ собою всякому разсказывалъ съ пролитіемъ слезъ, какъ бы гордяся тою честію, что самъ Государь изъ своихъ ручекъ изволилъ его наказывать (*).

Многіе, подобно сему *Ларіону* наказанные, и изъ самыхъ даже благородныхъ, съ таковыми же чувствіями удовольствія воспоминали и пересказывали о тѣхъ наказаніяхъ, — и сіе потому, что собственное ихъ признаніе оправдывало оныя, какъ то о семъ послѣднемъ ниже мы увидимъ (**); даже и самые тѣ, которые наказаны были отъ него не по винѣ, а по неосмотрительности во время гнѣва Его, съ равными же чувствованіями объ оныхъ воспоминали, — и сіе потому, что Великій Государь въ семъ случаѣ умѣлъ заглаждать оныя своимъ предъ ними въ томъ признаніемъ, прошеніемъ

(*) Отъ того же Г. *Новикова*, въ фамиліи котораго *Ларіонъ* сей, служа до старости, умеръ.

(**) Во 130 анекдотѣ.

у нихъ прощенія и обѣщаніемъ зачесть то впредь, какъ выражалъ Государь, естьли сдѣлаютъ они когда - либо какое преступленіе. Слѣдующій анекдотъ подтвердитъ послѣднее.

103.

Наказывается вмѣсто виноватаго невинный, и Монархъ проситъ у него прощенія.

Кумъ и деньщикъ *Его Величества*, *Аѳанасій Даниловичъ Татищевъ*, который умѣлъ кстати иногда и шутить, неисполненіемъ какого-то повелѣнія столько прогнѣвалъ Монарха, что *Его Величество* приказалъ его сверьхъ обыкновенія своего наказать батожьемъ (*). Офицеръ, кому было сіе приказано, заготовилъ барабанщиковъ, и виноватому должно было явиться предъ оныхъ; но какъ итти онъ не торопился, питаяся можетъ быть надеждою, что пройдетъ между тѣмъ

(*) Я говорю сверьхъ обыкновенія, ибо домашніе его каковы были сіи деньщики и всѣ приближенные къ Монарху, за шалости обыкновенно наказывались или палкою Его, или пощечиною, какъ ниже сіе признаніемъ сего же Г. *Татищева* подтвердится.

гнѣвъ Государевъ, то и пошелъ онъ кругомъ дворца. На дорогѣ попался ему Кабинета Государева писарь, *Замятинъ*, или *Замятнинъ*, — и Г. *Татищеву* пришла мысль подставить вмѣсто себя его. Куда ты засунулся? сказалъ онъ ему, Государь тебя нѣсколько уже разъ спрашивалъ и крайнѣ гнѣвается, — мнѣ велѣно тебя сыскать, — пойдемъ скорѣе, и какъ привелъ его къ барабанщикамъ, то въ самое то время Монархъ выглянувъ въ окошко, и сказавъ, раздѣвайте! отошелъ отъ онаго. *Татищевъ*, будто бы исполняя повелѣніе Государево, закричалъ на барабанщиковъ: чтожъ вы стали? принимайтесь, указавъ на *Замятина*. Въ мигъ бѣдняка сего раздѣли положили, и начали исполнять повелѣнное, а *Татищевъ* и за уголъ. Скоро *Его Величеству* уже и жалокъ сталъ *Татищевъ*; и такъ выглянувъ паки въ окно, закричалъ полно! — и потомъ уѣхалъ въ Адмиралтейство.

Татищевъ, по сдѣланіи сей, такъ сказать, проказы, явился къ *Ея Величеству*, и Монархиня изъявила ему свое сожалѣніе; но какъ вы дерзки, примолвила Она, забывая исполнять

то, что вамЪ приказывается? Сей, не допуская до дальнѣйшаго Ея Величества увѣщанія, бросился кЪ ногамЪ Ея: помилуй, сказалЪ, Матушка, заступи и спаси! вить сѣкли-то не меня, а подьячаго *Замятина*. КакЪ *Замятина?* спросила Государыня сЪ нѣкіимЪ смятеніемЪ. ТакЪ, *Замятина*; я грѣшникЪ вмѣсто себя подвелЪ его, отвѣтствовалЪ онЪ. — Что ты это надѣлалЪ? Вить не льзя, чтобЪ Государь сего обману твоего не узналЪ, и ОнЪ тебя больно прибьетЪ. — О томЪ-то я и молю Тебя, Всемилостивѣйшая Государыня! вступись за меня и отврати гнѣвЪ Его. — Да какЪ это сталось? спросила паки Государыня. *Татищевъ*, стоя на колѣняхЪ, отвѣтствовалЪ: вить подЪ батожье-то ложиться не весело; — и разсказалЪ все, какЪ было. Монархиня, пожуря его довольно, обѣщала предстательствовать за него. По щастію *Татищева* Государь пріѣхалЪ сЪ работЪ весьма веселЪ, — и Ея Величество за століомЪ заговорила о немЪ, и просила, чтобЪ простилЪ его. — Дѣло уже кончено, онЪ наказанЪ и гнѣву моему конецЪ, сказалЪ Государь. Должно при семЪ вѣдать, что ежели МонархЪ, прощая

кого, скажетъ: *Богъ тебя проститъ*, то никогда уже не воспомянетъ преступленія; и какъ бы ничего не бывало, начиналъ паки обращаться съ нимъ по-прежнему милостиво. До сего-то слова, такъ сказать, и добивалась Государыня; почему, не много погодя, паки просила, чтобъ Онъ уже не гнѣвался болѣе на него; и какъ на сіе промолчалъ Государь, то Ея Величество, не много погодя, и еще о томъ напомянула: да отвяжись пожалуй отъ меня, сказалъ наконецъ Государь Ну *Богъ его проститъ*. Коль скоро выговорилъ слово сіе Монархъ, *Татищевъ* по условію очутился уже у ногъ *Его Величества*, — и когда Монархъ подтвердилъ и ему прощеніе словомъ же Божіимъ, то *Татищевъ* въ тонѣ шутливомъ признался, что не онъ былъ сѣченъ, а *Замятинъ*, примолвя къ тому: и ништо ему подьячему крючку. Шутка сія однако же Монарху толь сильно не полюбилась, что Онъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ, принимаяся за палку: я тебѣ покажу, какъ поступаютъ съ таковыми плутами, каковъ ты, но Государыня напомнила *Его Величеству*, что прощеніе Его запечатлѣно именемъ Божіимъ. Слово сіе

Его останавливаетъ и укрощаетъ и, помолча нѣсколько, сказавъ, ну быть такъ! велѣлъ ему разсказать все произшедшее; и *Татищевъ* разсказалъ чистосердечно, не утая ничего, какъ онъ подвелъ *Замятина* подъ батожье; призванъ былъ и сей послѣдній, и подтвердилъ все сказанное первымъ, и Монархъ сказалъ ему: *ну братъ, прости меня пожалуй, мнѣ тебя очень жаль, но что дѣлать? пѣняй на плута Татищева; однако же я сего не забуду и зачту побои сіи тебѣ впредь.*

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣкоторое время *Замятинъ* сей впалъ въ такое преступленіе, которое по законамъ заслуживало жесточайшее наказаніе, къ чему судомъ былъ уже и приговоренъ; но Великій Государь далъ на приговоръ Судейскій такую резолюцію: *что хотя онъ и заслуживаетъ приговоренную казнь; но какъ нѣкогда наказанъ онъ былъ невинно, то и замѣнить ему оное за нынѣшнее преступленіе его* (*).

(*) Анекдотъ сей получилъ я отъ бывшаго Савинскаго Архимандрита *Евстафія*, увѣрявшаго, что онъ получилъ его отъ достовѣрной Особы.

104.

Доносятъ Монарху о взяткахъ Татищева; — резолюція на оное Его Величества.

Лѣнивый, говоритъ Графъ *Оксенстирнъ*, „бытіемъ своимъ дѣлаетъ творение Создателя безполезнымъ, и кажется мнѣ, такой человѣкъ не почтеннѣе любезной родственницы своей свиньи, за которую только и дѣла, что жретъ да спитъ; но и она, (заключаетъ онъ), по крайней мѣрѣ чрезъ то жирѣетъ и становится полезною для пищи человѣку; а напротивъ празднолюбецъ, ни въ жизни своей, ни по смерти, ни къ чему негоденъ.„

Ирой нашъ, таковыя же точно имѣя о праздныхъ людяхъ мысли, крайнѣ не терпѣлъ, а иногда и наказывалъ ихъ. Но чемъ таковые были ему несноснѣе, тѣмъ дѣятельные и неутомимые люди были ему любезнѣе; онъ всегда ихъ награждалъ и отличалъ какъ достойныхъ всей Его милости. Изъ таковыхъ былъ *Никита Демидовичь Демидовъ.* Великій Государь, замѣтивъ сію въ немъ неусыпную дѣятельность, когда еще былъ онъ только

что купецъ Тульской, полюбилъ его, и за послѣдующія заслуги его и ревность подалъ ему всѣ способы къ нажитію великаго имѣнія; наградилъ его и весь родъ его Дворянскимъ достоинствомъ, и до того простеръ къ нему милость свою, что намѣрился поставить въ Петербургѣ въ публичномъ мѣстѣ статую его. Напротивъ же и благодарность сего достойнаго подданнаго къ толико благодѣющему ему Государю была безпредѣльна; онъ облегчилъ великія Государственныя издержки, доставленіемъ для арміи, артиллеріи и флота, воинскихъ потребностей половинною предъ другими цѣною; открылъ не мѣдныя и желѣзныя только, но и богатыя серебреныя Колыванскія руды; и словомъ, всѣ его мысли и силы наиглавнѣйше къ тому были устремлены, чтобъ предупреждать всѣ тѣ желанія *Его Величества*, кои въ силахъ былъ онъ выполнить (*).

(*) Я отъ почтеннѣйшихъ старцовъ врем ъ ПЕТРОВЫХЪ слыхалъ, что когда Гра ъ *Апраксинъ* однажды сказалъ Государю: хс - щобъ было, ежелибъ такихъ, каковъ *Дем-довъ*, было у тебя человѣкъ десятка два; бы щастливымъ себя почелъ, отвѣчалъ на сіе Государь, ежелибъ было такихъ пять шесть или и меньше.

Мы все сіе частію описали уже въ IX Томѣ Дѣяній, на стр 443 и слѣд.; а здѣсь къ чести же его прибавимъ слѣдующій анекдотъ.

Сей Г. *Демидовъ* почиталъ за невѣрность, естьли, видя что дѣлающееся противно волѣ и Указамъ Государевымъ, не донесетъ о томъ *Его Величеству.* Такимъ образомъ, узнавъ, что Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Василій Никитичъ Татищевъ* по дѣламъ, до рѣшенія его доходившимъ, бралъ взятки, не могъ не объявить объ ономъ Монарху. Великій Государь объявленію сему вѣрилъ; ибо вѣдалъ, что *Демидовъ* не донесетъ ему неправды, и въ чемъ бы не былъ онъ точно удостовѣренъ. Но какъ же однако поступилъ Онъ съ *Татищевымъ*? Онъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: Правду ли объявляетъ на него *Демидовъ*? Правду, Государь, отвѣтствуетъ сей: я беру; но въ томъ ни предъ Богомъ ни предъ *Вашимъ Величествомъ* не погрѣшаю: лихоимство есть грѣхъ достойный наказанія, продолжаетъ *Татищевъ*; а мзда за труды не есть грѣхъ, приводя слова Апостольскія, что *мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу.*

Монархъ, нѣсколько остановяся, велѣлъ ему изъяснить сiе. *Татищевъ* продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

1) Судья долженъ смотрѣть на состоянiе дѣла; то естьли и ничего онъ не взялъ, а противъ закона сдѣлалъ, повиненъ будетъ наказанiю; а естьли еще сдѣлаетъ сiе и изо мзды, тогда къ законопреступленiю присовокупится уже и лихоимство, и повиненъ онъ будетъ сугубому наказанiю. Когда же право и порядочно сдѣлаетъ, и отъ праваго изъ благодарности его что возметъ, не можетъ за то осужденъ быть. 2) Естьли мзду за трудъ пресѣчь, и только одно мздоимство судить: то болѣе вреда Государству и разоренiя подданнымъ послѣдуетъ; ибо судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ Приказѣ только до полудни, въ которое на рѣшенiе всѣхъ нужныхъ прозьбъ конечно не достанетъ времени; а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ (*).

(*) Сiе мѣсто показываетъ общую тогдашняго времени всѣхъ привычку вставать рано, и рано же приниматься за должность, каковая привычка такъ была сильна, что въ сообразность оныя и законъ состоялся, то есть, дабы до полудни только судьямъ присудствовать въ Приказахъ.

3) Когда, видя чье дѣло сомнительное и запутанное, никогда внятно его изслѣдовать и о истиннѣ прилѣжать, причины не имѣя, будетъ день ото-дня откладывать; а челобитчикъ съ великимъ отъ того убытковъ волочиться и всего лишиться принужденъ будетъ. 4) Дѣла въ Канцеляріяхъ рѣшатся по реэстрамъ, по порядку, и случается, что нѣсколько дѣлъ впереди весьма ненужныхъ, а послѣднему по реэстру такая нужда, что естьли ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячь убытка понести, что по купечеству не рѣдко случается. И такъ, Государь, (продолжалъ Г. *Татищевъ*) естьли я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся; а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всякія другія увеселенія оставлю и, не смотря на реэстры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу принесу, никого другаго не обидя; слѣдовательно въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога ни отъ *Вашего Величества* осужденъ быть не могу.*

Съ такою-то свободою объяснялись подданные съ Государемъ!

Великій Государь слушалъ все сіе, не перебивая рѣчи и, по выслушаніи, сказалъ: Хотя сіе и правда, и для совѣстныхъ судей невинно; но позволить сего отнюдь не льзя для безсовѣстныхъ, чтобъ подъ видомъ доброхотнихъ подарковъ не стали принужденно вымогать.

Такъ предалъ намъ самъ Г. *Татищевъ*. Но какъ произшествіе сіе было тогда извѣстно многимъ, то и слышалъ я отъ почтеннѣйшихъ старцовъ тѣхъ же самыхъ временъ (*), что Монархъ къ предупомянутымъ словамъ приложилъ еще и слѣдующія: но ты позабылъ, (говоря *Татищеву*), что прямо добродѣтельный судья служеніе свое почитаетъ священнымъ долгомъ, которому всегда слѣдуя, не приходитъ ему и въ мысль временная корысть, и что ты дѣлаешь изъ мзды, то дѣлаетъ онъ изъ добродѣтели, имѣя въ виду одну только вѣчную награду отъ мздовоздаятеля Бога, которую предвкушаетъ онъ и въ временномъ житіи отъ совѣсти своея. И такъ, заключилъ Государь, я бы же-

(*) ***Ивана Ивановича Неплюева и Ѳедора Ивановича Соймонова,***

лалъ видѣть и въ тебѣ таковаго судію, дабы дѣлалъ ты все сказанное тобою изъ утѣшенія совѣсти, что дѣлаешь изъ мзды.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе, какъ судія, жертвующій всѣми забавами своими долгу служенія своего; поставляющій себя превыше прелести подарковъ; превыше корыстолюбивыхъ, раболѣпствующихъ низкихъ душъ; превыше личныхъ неудовольствій, убѣдительныхъ прозьбъ и самой жалости? Не можетъ ли онъ тогда, по части ввѣренной ему, назваться намѣстникомъ самаго Бога, награждающаго добродѣтель и наказывающаго порокъ? „Человѣкъ, по изреченію мудраго *Конфуція*, въ должностяхъ служенія „отечеству возбраняетъ себѣ всякаго „роду игры и забавы; часы жизни его „не ему принадлежатъ, а отечеству; „на общее только благо употреблять „оные надлежитъ ему; часы, провождаемые въ забавахъ, похищаются „имъ у отечества.“

105.

Монархъ наказываетъ одного вольнодумца.

Нѣкто изъ ученыхъ чиновникъ (*), будучи въ одной компаніи, говорилъ слишкомъ вольно на счетъ преданій церковныхъ, относя оныя къ вымысламъ корыстолюбиваго духовенства; при чемъ касался онъ въ ироническомъ тонѣ и нѣкіихъ мѣстъ Св. Писанія.

Великій Государь о семъ узнаетъ, и на другой день поутру призываетъ вольнодумца того къ себѣ, спрашиваетъ его: говорилъ ли ты во вчерашней компаніи такія слова? Не льзя было не признаться. — Какъ же ты осмѣливаешься ослаблять такую струну, которая составляетъ наилучшую гармонію всякаго благоустроеннаго общества? да ты же не съ должнымъ еще уваженіемъ касался и до нѣкіихъ мѣстъ Св. Писанія, чѣмъ уже ты, бездѣльникъ, и успѣлъ соблазнить многихъ изъ бывшихъ съ тобою въ компаніи. Я тебя научу, какъ должно

(*) Предавшій сей анекдотъ Г. *Бухвостовъ*, сего ученаго чиновника разумѣетъ предупомянушаго *Вас. Ник. Татищева.*

почитать оное и не разрывать цѣпи, все въ устройствѣ содержащей; и тогда же далъ ему нѣсколько ударовъ своею палкою, приговаривая: *не соблазняй вѣрующихъ честныхъ душъ; — не заводи вольнодумства пагубнаго благоустройству; — не на тотъ конецъ старался я тебя выучить, чтобъ ты былъ врагомъ общества и церкви.*

Мы уже впрочемъ видѣли въ *Дѣяніяхъ* Великаго Государя, колико Онъ не терпѣлъ вольнодумцовъ, а паче дерзающихъ что-либо говорить противъ вѣры и безсмертія души, какъ опаснѣйшихъ враговъ общества; и поистиннѣ „невѣрующій жизни буду„щей, (говоритъ Гр. *Оксенстирнъ*) „есть чудовище природы; потому что „живетъ онъ, не зная для чего, и „умираетъ, не вѣдая, что онъ бу„детъ. На семъ свѣтѣ лишенъ онъ „утѣшенія, надежды; а въ будущемъ „устыдится подлинностію вѣчныхъ „мукъ. Два друга (продолжаетъ онъ „же) разстались въ младости: одинъ „изъ нихъ сдѣлался монахомъ, а „другой военнослужащимъ; сей по„слѣдній, къ нещастію попавшись въ „шайку пагубныхъ вольнодумцовъ,

„сдѣлался невѣрующимъ безсмертію „души. По нѣсколькихъ лѣтахъ встрѣ„тились они нечаянно въ Парижѣ, и „узнали другъ друга. Ахъ! сказалъ „Офицеръ, бѣдный мой другъ! какъ „ты мнѣ жалокъ, естьли нѣтъ „рая! — Я тогда ничего не потеряю; „а ты гораздо меня жалчѣе, буде „есть адъ, отвѣтствовалъ монахъ.“

Какое по истиннѣ ослѣпленіе бѣдныхъ вольнодумцовъ таковыхъ, добровольно лишающихся сладостнѣйшаго утѣшенія, доставляемаго вѣрою во *Іисуса Христа*, вѣрою, вливающею въ щастіи умѣренность, въ напастяхъ услажденіе, вѣрою, совѣсть, ужасъ пороковъ, сомнѣніе разума, возстаніе страстей, страхъ смерти, суда, вѣчности успокоивающей! „Торжество „вѣры, говоритъ одинъ славный Писа„тель, утѣшать человѣка въ нещастіи, „растворяетъ сладостію небесною „горести жизни сея“ И можетъ ли посему другъ добродѣтели, Евангеліемъ проповѣдуемой, быть въ согласіи съ *Гоббесомъ*, *Спинозою*, *Гелвеціемъ*, *Белемъ*, *Волтеромъ*, *Ламетріемъ* и съ подобными имъ, изъ которыхъ не было ни одного, которой бы послѣ не опровергалъ зломудрствованія своего,

не раскаявался о заблужденіяхъ своихъ и, находяся при смерти, не проклиналъ ихъ съ робостію отчаяннаго. Самый отважнѣйшій изъ нихъ *Гоббесъ* умеръ съ такимъ малодушіемъ, съ какою отвагою возставалъ противъ самыхъ священнѣйшихъ догматовъ вѣры, какъ предаетъ намъ Исторія.

106.

Доносъ на Архіепископа Ѳеофана Прокоповича въ соблазнительной якобы его жизни. Рѣшеніе Монаршее.

Славный сей Архіепископъ, мужъ великаго ума, жилъ въ тогдашнее время не токмо съ приличною первой духовной особѣ, но и первому Министру, знатностію; онъ имѣлъ у себя лучшую, какая только быть тогда могла, музыку инструментальную и вокальную. Министры иностранные, находя удовольствіе искать въ немъ дружества, часто его посѣщали и были отъ него угощаемы пышнымъ столомъ, и таковыя пирушки продолжались иногда за полночь. Знаменитый сей Пастырь, пользуяся симъ, проникалъ въ самые секретнѣйшіе ихъ планы и сообщалъ

оные Монарху; почему и были ему весьма угодны таковыя сего Архіерея обращенія.

Но все сіе однако же казалось другимъ Архіереямъ, а паче первенствующему изъ нихъ Митрополиту Рязанскому *Стефану Яворскому*, весьма соблазнительнымъ; они жаловались на него о семъ Государю, представляя притомъ, что онъ проводитъ время въ гульбѣ и пьянствѣ, а паче, де, съ иновѣрцами. Монархъ казался сему невѣрующимъ; но однажды нѣкто изъ сихъ духовныхъ, узнавши, что помянутые иностранные Министры у него ужинаютъ и веселятся, доноситъ *Его Величеству*, что ежели Онъ еще сомнѣвается о доносимомъ: то можетъ въ сію же ночь удостовѣриться въ ономъ своими очами.

Монархъ сказалъ на сіе: Хорошо, поѣдемъ, батюшка, къ нему съ тобою; и увидимъ, правда ли то? назнача къ сему самую полночь. И такъ Великій Государь съ симъ Архіереемъ въ простыхъ саняхъ безъ всякаго шуму прибылъ къ самымъ дверямъ *Ѳеофановой* залы, — слышатъ огромную музыку, и сверьхъ чаянія пирующихъ. Монархъ съ Архіереемъ входитъ

въ собраніе, — и случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина и готовился пить; но, увидя Государя, давъ знакъ, чтобъ музыка замолкла, поднявъ съ покаломъ руку, громогласно произноситъ: *Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, не достоинъ же, его же обрящетъ унывающа.* Здравствуй Всемилостивѣйшій Государь! и выпилъ. Въ мигъ подносится всѣмъ присутствовавшимъ по такому же покалу вина, и всѣ за здоровье *Его Величества* выпиваютъ; а потомъ хозяинъ самъ подноситъ и Монарху, и *Его Величество* благодаритъ при звукѣ трубъ, — и по семъ сопровождавшему Его Архіерею говоритъ: Ежели хотите, то можете остаться здѣсь; а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду здѣсь съ столь пріятною компаніею (*).

(*) Отъ Господина Сенатора и Кавалера *Григорья Николаевича Теплова.*

107.

Монархъ осматриваетъ въ полночь караулы и попадается въ полынью.

Въ продолженіе Шведской войны, для большей осторожности зимою поставлялись чрезъ Неву, съ Выборгской къ Московской сторонѣ рогатки, а по концамъ ихъ у береговъ часовые, съ повелѣніемъ, по пробитіи вечерней зари, чрезъ оныя не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга никого, ктобъ онъ ни былъ.

Въ одно время Великій Государь былъ въ театрѣ, находившемся на Литейной улицѣ, подлѣ двора любимой кумы *Его Величества*, Генеральши *Настасьи Васильевны Бобрищевой-Пушкиной*, которая также была въ театрѣ ономъ. Кума сія звала *Его Величество* изъ театра къ себѣ на вечеринку, что отъ Монарха и обѣщано.

При окончаніи комедіи Государь непримѣтнымъ никому образомъ вышелъ изъ театра, и съ однимъ деньщикомъ, въ маленькихъ санкахъ заѣхалъ со стороны Охтинской къ помянутой рогаткѣ и, сказавшись часовому, стоявшему отъ Московской стороны близъ Литейнаго двора, Петер-

бургскимъ купцомъ, запоздавшимъ на Охтѣ, просилъ пропустить его чрезъ рогатку; но часовой отвѣтствовалъ: не велѣно, поѣзжай назадъ. Монархъ даетъ ему рубль, и прибавляя по рублю, наконецъ давалъ десять, чтобъ только пропустилъ его; однакожъ часовой отвергъ сей подкупъ, и сказалъ: вижу, что ты человѣкъ доброй, такъ пожалуй поѣзжай назадъ: буде же еще будешь упорствовать, то я или принужденъ буду тебя застрѣлить, или, выстрѣля изъ ружья, дамъ знать гауптвахтѣ и тебя возьмутъ подъ караулъ какъ шпіона. По семъ Государь обратился къ часовому, стоявшему на Выборгской сторонѣ и, сказавшись также купцомъ, нашелъ онаго не такъ незговорчиваго; онъ прельстился деньгами, и за два рубля пропустилъ Его. Великій Государь, проѣхавъ рогатку, пробирался по Невѣ дорогою, въ домъ къ помянутой госпожѣ *Бобрищевой-Пушкиной*, но какъ было поздо и темно, то наѣхалъ на полынью, и едва выхваченъ былъ изъ оныя деньщикомъ, а лошадь съ санками, сама выпрыгнувши, спаслась же. Монархъ, обмокши весь, прибылъ къ Госпожѣ оной, которая и

всѣ бывшіе у ней гости, увидя *Его Величество* всего мокраго, пришли въ ужасъ, паче же когда Онъ разсказалъ имъ все происшедшее, и что попался Онъ въ полынью. Хозяйка выговаривала Ему за таковую неосторожность: да и за чѣмъ, батюшка, примолвила она, самому Тебѣ такъ трудиться? развѣ не могъ Ты послать для осмотру карауловъ кого другаго? Когда часовые, отвѣтствовалъ Государь, могутъ измѣнять, то кто же лучше испытать то можетъ, какъ я самъ!

На другой день Монархъ повелѣлъ пропустившаго Его часоваго, какъ измѣнника, повѣсить, — и провертя два оные рубля, навязать ему на шею; а другаго, призвавши къ себѣ, пожаловалъ капраломъ и десятью рублями, даванными ему на канунѣ; о чемъ и предъ собраніемъ всего полку повелѣлъ объявить (*).

(*) Отъ Г. Библіотекаря *Бухвостова*.

108.

Монархъ зажигаетъ самъ въ Преображенскомъ селѣ дворецъ свой, построенной вопреки Его приказанія.

Великій Государь, прибывши въ Москву и между прочимъ найдя Преображенской дворецъ свой ветхимъ, далъ повелѣніе Князю *Ромодановскому* починить его, перемѣня нѣсколько бревенъ. По отсутствіи же *Его Величества*, когда начали сію починку, то увидѣли, что весь оной весьма ветхъ; и Князь разсудилъ, сломавъ его, построить новой. Вызваны были къ поставкѣ лѣсу подрядчики, изъ коихъ Московскіе купцы *Гущинъ* и *Милюковъ* обязались контрактомъ поставить оный за четыре тысячи пять сотъ рублей, — и дворецъ ко вторичному пріѣзду Монарха былъ построенъ въ Чернѣ.

Великій Государь, увидя оной новой, спросилъ Князя: Для чего не починенъ старой? я именно приказалъ починить его, а не вновь построить. Онъ такъ былъ ветхъ, отвѣтствовалъ *Ромодановской*, что не льзя было уже починить; почему и разсудилъ я построить новый. — Но какъ ты

осмѣлился сдѣлать вопреки приказа моего? Ежели былъ онъ такъ ветхъ, то должно бы тебѣ о семъ отписать ко мнѣ, и подождать моей резолюціи. Я покажу тебѣ, какъ бѣдственно пренебрегать приказъ мой. Сказавъ сіе, велѣлъ подать огня и самъ зажогъ оный, которой и сгорѣлъ до подошвы. Какое наказаніе понесъ Князь, не извѣстно; но извѣстно слѣдующее:

Помянутые лѣсники, не получившіе за поставку лѣсу денегъ, просили объ оныхъ Князя; но сей отвѣтствовалъ, что онъ не можетъ выдать имъ оныхъ безъ приказу Государева, а доложить о томъ не смѣетъ; и такъ должно вамъ подождать до времени, пока Государь забудетъ досаду за построеніе дворца. Что оставалось дѣлать лѣсникамъ? Они также не смѣли просить о выдачѣ имъ денегъ у прогнѣваннаго Государя; и такъ прибѣгли къ предупомянутой любимой кумѣ *Его Величества*, Госпожѣ *Бобрищевой-Пушкиной*, которая и обѣщала доложить о томъ Государю, велѣвъ имъ притти къ ней тогда, когда будетъ у нее Монархъ, и стать на дворѣ у того окна, у котораго обыкновенно Государь игрывалъ съ нею

въ шахматы. Они сего не упустили. Великій Государь, увидѣвъ ихъ, спросилъ: Что за мужики? Знакомые мои лѣсники, отвѣтствовала Госпожа *Пушкина*; они мнѣ жалки, продолжала она; поставили исправно по контракту своему лѣсъ, а денегъ получить не могутъ. Какой лѣсъ? спросилъ паки Монархъ. — На Преображенской дворецъ. — Для чего же не получили? — Для того, что не выдаютъ безъ докладу Вамъ, а доложить не смѣютъ — Такъ! старой чортъ, надѣлавъ пакости, да и трусить какъ заяцъ. Хорошо, заключилъ Государь, они невиноваты, что поставили лѣсъ, и я велю имъ выдать деньги. И въ тотъ же еще день, приказавъ подать къ себѣ контрактъ ихъ, повелѣлъ привезти къ нимъ въ домъ всю сумму.

Сверьхъ чаянія сихъ подрядчиковъ, на другой сего день поутру, когда они еще спали, ни мало не воображая, чтобъ такъ скоро могли получить деньги, разбужены они были стукомъ въ вороты ихъ, и увидѣли цѣлой обозъ съ мѣдными деньгами, взъѣхавшій на дворъ ихъ. И сказываютъ, что въ наказаніе Князя повелѣлъ Монархъ не выдавать ему жало-

ванья, пока сумма сія замѣнится онымъ (*).

109.

Мудрая разсмотрительность Монаршая.

По учиненной публикаціи изъ Адмиралтейской Коллегіи, о вызовѣ подрядчиковъ для торгу и поставки потребныхъ къ Адмиралтейству матеріаловъ, явились не малое ихъ число: но изъ нихъ остались только трое купцовъ, которые другъ предъ другомъ старались удержать подрядъ за собою; и наконецъ одинъ изъ нихъ обьявилъ, что онъ возметъ за трудъ свой за очисткою разходовъ по гривнѣ на рубль; другой сказалъ: а онъ возьметъ только по пяти копѣекъ; третій же вызвался, что онъ изъ усердія и ревности къ Государю берется поставить и безъ барыша, надѣялся, что впредь не будетъ онъ оставленъ.

Коллегія взошла о семъ съ докладомъ Государю, и *Его Величество* подписалъ на онόмъ: Отдать тому, которой требуетъ за труды по гривнѣ

(*) Отъ потомковъ сихъ поставщиковъ.

на рубль; другому отказать, понеже изъ пяти копѣекъ прибыли не изъ чего трудиться; а третьяго, яко плута, отдать на два мѣсяца на галеру, сказавъ ему, что Государь его богатѣе (*).

110.

Монархъ издѣвается надъ старинною спѣсью Боярскою.

Ближній Бояринъ, Князь *Иванъ Борисовичь Репнинъ*, управлявшій до 1698 году Сибирскимъ Приказомъ, мужъ знаменитостію рода, заслугами и старостію почтенный, имѣлъ непреоборимую упорность слѣдовать нововводимымъ обычаямъ, обрядамъ и образу жизни; а для сего не принялъ онъ отъ *Его Величества* и новыхъ чиновъ и званій иностранныхъ, предпочитая всѣмъ титламъ титло *Ближняго Боярина*. Снисходительнѣйшій Монархъ, почитая заслуги и душевныя свойства сего мужа, оставилъ его при своихъ предразсудкахъ. Въ одно время Великій Государь любимому деньщику своему *Павлу Ивановичу Ягу-*

(*) Отъ Г. Статскаго Совѣтника *Войнюкова.*

шинскому сказалъ: хочешь ли, *Ягушинской*, нынѣшній день получить знатной подарокъ? — Ктобъ сего не хотѣлъ? отвѣтствовалъ *Ягушинской.* — Такъ слушай же: старикъ *Репнинъ* нынѣ недомогаетъ; — поѣзжай къ нему и спроси отъ меня о здоровьѣ, но умѣй угодить старинной его Боярской суетности: оставь лошадь у воротъ и взойди на дворъ пѣшій и безъ шляпы; вели о себѣ доложить, что ты присланъ отъ Государя спросить о здоровьѣ Его Сіятельства. Тебя будутъ просить къ нему, но ты скажи, что не достоинъ увидѣть очей его Боярскихъ, и не прежде взойди, какъ по двукратному зову, а взойдя, съ раболѣпнымъ видомъ ставши у дверей, поклонись ему объ ручку, и естьли старикъ велитъ тебѣ сѣсть, отнюдъ не садись, говоря, что ты недостоинъ толикой чести; и я увѣряю, что не отпуститъ онъ тебя съ пустыми руками.

Г. *Ягушинской* точно поступилъ по предписанію сему. Такимъ къ себѣ уваженіемъ Государева посланца Князь тронутый спросилъ его: пьешь ли что, другъ мой? — Не пью, Ваше Сіятельство, отвѣтствовалъ онъ

униженностію; потомъ спрашивалъ его о лѣтахъ: давно ли онъ у Государя? довольно ли *Его Величество* его жалуетъ? и проч. На все сіе отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ. Старикъ хвалилъ его за все, что онъ умѣетъ почитать людей старыхъ и заслуженыхъ. Я не оставлю похвалить тебя и Государю, примолвилъ Князь. *Ягушинской* благодарилъ за толикую Его Сіятельства милость, и чуть не въ ноги ему поклонился, объясняяся, что онъ во всю жизнь свою хвалиться будетъ симъ щастіемъ; и потомъ откланиваяся спросилъ: что Его Сіятельство прикажетъ ему донести Государю? Донеси, другъ мой, что мнѣ слава Богу есть получше, и что я самъ лично благодарить буду *Его Величество*, что вспомнилъ меня старика; — да побудь еще у меня другъ мой, примолвилъ Кн. *Репнинъ*, и поговоримъ что-нибудь. Не смѣю преслушать Вашего Сіятельства повелѣнія, отвѣтствовалъ *Ягушинской* съ низкимъ поклономъ. Князь, обратяся потомъ къ брюхану дворецкому своему, стоявшему за креслами его, поди, сказалъ, въ такомъ-то шкафѣ и ящичкѣ лежитъ мѣшечикъ съ червон-

ы

ными — возьми и принеси его ко мнѣ. Дворецкой пошелъ; но Князь, остановя его, принеси, сказалъ ему, еще такой-то подносъ серебреной; и какъ сей пошелъ, то Князь, паки остановя его, сказалъ: на тотъ подносъ поставь кубокъ вызолоченной съ крышкою такою-то, и въ него изъ мѣшечка высыпь червонцы, и принеси ко мнѣ. Между тѣмъ *Ягушинской* усугубилъ свои учтивости и униженность. Тронутый симъ паче еще старикъ велѣлъ паки кликнуть къ себѣ дворецкаго: да поставь, сказалъ ему, на тотъ же подносъ еще чару золотую. Все сіе принесли къ Князю — и онъ взявъ въ свои руки подносъ сей, поддерживаемый дворецкимъ, подозвалъ къ кресламъ своимъ *Ягушинскаго*, и отдая все то ему, сказалъ: за то, что ты такъ уменъ, возьми сіе себѣ, другъ мой, и съ моей руки разживайся; да не оставляй и впредь почитать людей знатныхъ, старыхъ и заслуженыхъ, а тогда и Богъ и Царь тебя не оставятъ. *Ягушинской* съ низкими поклонами отговаривался отъ принятія онаго, изъясняяся, что Его Сіятельство приводитъ его неслыханною таковою милостію въ замѣша-

тельство, и онъ боится и Его Сіятельство прогнѣвить отказомъ, и Государя принятіемъ толико великаго и незаслуженнаго имъ подарка. Возьми, возьми, другъ мой, и не опасайся ничего; я коль скоро выѣду, то буду къ Государю, и скажу, что я принудилъ тебя взять оной. Право, примолвилъ Князь, Государь умѣетъ выбирать людей, самъ Богъ Его Царя Государя наставляетъ на разумъ, и проч.

Г. *Ягушинской*, все сіе пересказавъ Государю, показалъ все ему подаренное, — и *Его Величество* крайне смѣялся суетности стариковъ боярствомъ и родомъ своимъ толико зараженныхъ; и потомъ сказалъ *Ягушинскому*: ну не правду ли я тебѣ сказалъ, что получишь знатной подарокъ? Случай сей подалъ Государю матерію за столомъ того же дня говорить о бывшемъ мѣстничествѣ, и коликія отъ онаго произходили бѣдствія: *Я почитаю*, между прочимъ сказалъ Государь, *заслугами своими Отечеству доставшихъ себѣ знатность, и уважаю ихъ потомковъ, каковы на примѣръ Репнины и имъ подобные; но тотъ однако же изъ потомковъ знатныхъ родовъ заслужи-*

вает презрѣніе мое, котораго поведеніе не соотвѣтствуетъ предкамъ ихъ; и дуракъ сноснѣе въ моихъ глазахъ изъ низкаго роду, нежели изъ знатнаго (*).

III.

Посланный Монархомъ Офицеръ съ повелѣніемъ разрубить всѣ барки, старымъ манеромъ построенныя, и не пропускать оныхъ въ Петербургъ.

Великій Государь, между безчисленными учрежденіями, обращалъ вниманіе свое и на бережение лѣсовъ, и на введеніе новаго роду рѣчныхъ судовъ, на которыя бы и меньше онаго исходило, и были бы онѣ прочнѣе, легче и надежнѣе. На сей конецъ сдѣланы были разныхъ родовъ образцовыя суда, въ числѣ которыхъ и барки, и посланы во всѣ пристани рѣчныя и въ тѣ мѣста, гдѣ строились суда, изъ Адмиралтейства мастера, для построенія въ тѣхъ мѣстахъ такихъ же образцовыхъ судовъ, а старымъ назначенъ срокъ, послѣ котораго отнюдь бы не употреблять оныхъ; но предразсудки такъ были сильны, что

(*) Отъ Князя *Петра Ивановича Репнина.*

многіе промышляющіе по рѣкамъ, и послѣ сроку онаго не оставали онъ старыхъ. Сіе принудило Монарха повелѣть разрубать таковыя суда и барки; и поручено было сіе разосланнымъ съ Указами сими по пристанямъ и по рѣкамъ гвардіи Офицерамъ, между которыми Порутчикъ *Ѳедоръ.... Румянцовъ* посланъ въ Ладогу, съ точнымъ отъ Монарха повелѣніемъ, чтобъ, естьли сыщетъ онъ тамъ таковыя суда и барки, разрубить неотмѣнно.

Сей, прибывши туда, нашолъ множество, или паче всѣ барки старымъ манеромъ построенныя, и которыя по большой части нагружены были хлѣбомъ для Петербурга. И какъ тогда настоялъ уже мѣсяцъ Сентябрь; слѣдовательно, ежели барки оныя по Указу будутъ разрублены, то достать имъ указныхъ барокъ уже было поздо, и хлѣбъ не могъ бы быть доставленъ въ Петербургъ, въ которомъ тогда былъ въ ономъ крайній недостатокъ; описываться же объ ономъ и ждать повелѣнія боялся онъ, чтобъ упущеніемъ времени не причинить въ немъ голода: и такъ рѣшился пропустить всѣ тѣ барки, которыя были съ хлѣбомъ.

Монархъ, увидя изъ нихъ первую прибывшую партію, крайне прогнѣвался; когда же усмотрѣлъ и вторую и третью партіи таковыхъ же барокъ, то въ великомъ гнѣвѣ призываетъ къ себѣ Господина *Александра Ивановича Румянцова*, и говоритъ ему, указывая на барки: Посмотри, какъ родня-то твоя исполняетъ мое повелѣніе; я именно приказалъ ему разрубить всѣ таковыя барки, а онъ напротивъ всѣ ихъ пропустилъ; и тотъ же часъ послалъ строгой Указъ, чтобъ былъ онъ для отвѣта въ Петербургъ. Между тѣмъ повелѣлъ Сенату, яко преслушника Указовъ, судить его Уголовнымъ Судомъ.

Наконецъ Г. *Румянцовъ* является въ Сенатъ, въ которомъ тогда присудствовалъ и самъ Монархъ, и спрашивается отъ Сената: какъ онъ осмѣлился преступить Имянной Монаршій Указъ? и вѣдаетъ ли онъ, что законъ ослушниковъ таковыхъ повелѣваетъ казнить смертію?

Виноватъ, отвѣтствуетъ съ спокойнымъ духомъ Г. *Румянцовъ*, и вѣдаю, что подвергаю себя ослушаніемъ

Указа казни; но я готовъ умѣреть съ удовольствіемъ, удовольствовавъ хлѣбомъ всѣхъ здѣшнихъ жителей, безъ котораго бы они, ежелибъ я по Указу разрубилъ барки, такъ какъ разрубилъ нагруженныя товарами, могли понести великую нужду, а можетъ быть и голодъ. Сіе-то самое, продолжалъ онъ, понудило меня преступить Указъ и пропустить барки сіи, безъ чегобъ онѣ не могли сюда доставить хлѣба. Правда, заключилъ онъ, долженъ бы я былъ о семъ представить прежде Государю; но боялся задлить тѣмъ время, и не былъ увѣренъ, чтобъ *Его Величество* во гнѣвѣ своемъ не запамятовалъ о слѣдствіяхъ того, какое бы произвесть могъ недостатокъ въ хлѣбѣ.

Великій Государь, выслушавъ все сіе, сказалъ: Ну! *Румянцовъ*, я прощаю тебѣ сіе, яко первое еще ослушаніе твое: но берегись впредь подобное сему что учинить. По чему ты вѣдаешь, чтобъ я не могъ того разсудить, ежелибъ ты, по пріѣздѣ въ Ладогу, далъ мнѣ о семъ знать? Симъ дѣло и кончено, и примѣчено было, что Монархъ съ сего времени большую предъ

прежнимъ оказывалъ къ нему милость и довѣренность свою (*).

112.

Монархъ искореняетъ злоупотребленіе банкротовъ.

Законъ, существовавшій до сего Великаго Государя, — по которому должники, приходившіе въ несостояніе платить долговъ своихъ, отдавались заимодавцамъ головами, — и самъ по себѣ былъ варварской, служилъ сверьхъ того поводомъ и къ различнымъ злоупотребленіямъ. Плуты подъ личиною притворства, снискавши себѣ довѣренность, нахватывали въ долги немалыя суммы, объявляли себя къ платежамъ несостоятельными и отдавались въ заживъ тому, съ которымъ сговоряся надавали ему на себя въ великихъ суммахъ ложныхъ долговыхъ обязательствъ; а тѣмъ и лишали настоящихъ заимодавцовъ имъ принадлежащаго. Другіе, во избѣжаніе положенныхъ по купечеству податей и всякихъ гражданскихъ службъ и тягостей, отдавались въ заживъ по

(*) Отъ Г. *Крекшина*.

ложнымъ же кабаламъ на себя даннымъ, знатнымъ людямъ; и подъ ихъ именами и покровительствомъ производили свои промыслы со всякою свободою. Толикія злоупотребленія не укрылись отъ проницанія Ироя нашего; *Его Величество*, законъ сей отмѣня, на мѣсто его издалъ другой, по которому несостоятельныхъ плательщиковъ, когда они не докажутъ ясными свидѣтельствами нещастій своихъ, приведшихъ ихъ въ несостояніе, отдавать въ казенную работу, что все Монархъ изъяснилъ въ изданномъ тогда же (говоритъ Г. *Татищевъ*) весьма благоразумномъ Банкротскомъ Уставѣ (*).

Но какъ злыя и коварныя души и самые благоразумные законы обращаютъ въ злоупотребленіе: то и подъ сей Уставъ, буде можно такъ сказать, подводили мины. Нашлись многіе таковые, которые, скрывая имѣніе взятое въ долгъ, обѣявляли искусно вымышленныя нещастія, лишившія

(*) Въ изъясненіи своемъ на Судебникъ Царя *Ивана Васильевича*, но которой, де, Уставъ не извѣстно для чего отмѣненъ; когда же отмѣненъ, того не извѣстно же и мнѣ.

будто бы ихъ онаго. Изъ таковыхъ одинъ купецъ, купя въ срокъ товаровъ у гостя *Сверчкова* на десять тысячь рублей, обьявилъ, что когда онъ ѣхалъ изъ города Архангельскаго съ товарами, то оные, по нещастію обрушась на льду рѣки Волги, потонули безъ остатка, и что онъ отъ того раззорился до основанія, представляя нѣсколькихъ свидѣтелей, видѣвшихъ то потопленіе.

Между тѣмъ *Сверчковъ* увѣдавъ, что показаніе сего коварнаго должника его было ложно, и что привезъ онъ въ Москву тайно на знатную сумму товаровъ, подалъ на него въ Судъ, съ показаніемъ всего того, прошеніе. Но плутъ сей, на случай, дабы не открылось сіе его коварство, подговоря подобныхъ себѣ бездѣльниковъ, далъ имъ на себя въ великой суммѣ долговыя обязательства, которыя по условію въ то же время и поданы были на него въ тотъ же Судъ. *Сверчковъ* увидѣлъ изъ сего, что естьли онъ и докажетъ привозъ имъ въ Москву товаровъ, то по множеству ложныхъ сихъ долговъ онъ ничего же не получитъ, тѣмъ больше, что и Судьи были въ великомъ недоумѣніи,

какъ рѣшить дѣло сіе, потому особливо, что свидѣтели утверждали, что они точно видѣли, какъ возы его потонули на Волгѣ. И такъ пришедъ онъ къ самому Монарху, объясня *Его Величеству* все въ точности.

Великій Государь, зная честность сего гостя, не могъ не проникнуть въ коварство плута того; Онъ наистрожайше повелѣлъ поступить съ бездѣльникомъ и, сдѣлавшись самъ, такъ сказать, истцомъ, открылъ, что плутъ тотъ дѣйствительно возы потопилъ, и что свидѣтели то и видѣли; но не знали того, что на возахъ сихъ накладены были каменья вмѣсто товаровъ, которые онъ скрывъ привезъ тайно въ Москву. По открытіи же сего можно уже заключить и о послѣднемъ плутовствѣ его, то есть касательно до ложно данныхъ на себя долговыхъ обязательствъ, и соучастники сего плутовства принуждены были наконецъ признаться въ томъ. И такъ Г. *Сверчковъ* получилъ все свое; а плутъ сей и ложные его кредиторы наказаны, какъ злодѣи, по всей строгости законовъ.

113.

Монархъ наказываетъ строго ябедниковъ.

Колико Юриспруденція въ Государствѣ нужна, тому не требуется доказательствъ; *но Юриспрудентъ безъ знанія совершеннаго Наукъ касательно до сей части, есть невѣжа въ Наукахъ, а мудрецъ въ ябедахъ,* говоритъ славный *Ришелье.* Таковыхъ-то ябедниковъ Великій Государь ненавидя, издалъ законъ: что кто на праваго бьетъ челомъ, и то сыщется: то поступить съ челобитчикомъ такъ, чему бы достоинъ былъ отвѣтчикъ, ежели бы оказался онъ виновнымъ. Но слѣдующіе два анекдота докажутъ, что безсовѣстнѣйшіе изъ ябедниковъ строжайше еще сего были наказываемы отъ него.

Одинъ Московской купецъ билъ челомъ на сосѣда, что корова его, ворвавшись къ нему въ огородъ, поѣла его капусту, и причинила ему убытку на 300 рублей, и просилъ убытокъ сей взыскать съ него; и какъ *Его Величество* въ сіе время находился въ Москвѣ, то и не сокрылась отъ него таковая ябеда. Онъ приказалъ Суду

тому свидѣтельствовать въ городѣ его, сколько поѣдено капусты и причинено ему убытку; и поелику не могло уже быть пристрастное свидѣтельство, то найдено что капусты поѣдено, (въ чемъ и весь убытокъ тотъ состоялъ) не больше какъ рубли на три. Донесено о семъ Государю, и Монархъ повелѣлъ съ безсовѣстнаго сего просителя взыскать три ста рублей, и отдать оные отвѣтчику сосѣду его, а сверхъ того взыскать съ него же въ казну 3000 рублей, и употребить оные на построеніе мундировъ солдатамъ Преображенскаго полку: а дабы коварный проситель и все Московское купечество таковаго рѣшенія не забыли, повелѣлъ впредь писаться ему *Капустинымъ.*

114.

Подобное сему наказаніе другому ябеднику.

Въ другое время, одинъ изъ Московскихъ же купцовъ билъ челомъ въ Судѣ на должника своего въ неплатежѣ ста рублей, и въ причиненныхъ ему незаплатою оныхъ убытка. Какіе же сіи убытки? Онъ состроилъ себѣ

(пишетъ сей ябедникъ) палаты; но не могъ только за неполученіемъ тѣхъ ста рублей сдѣлать затворъ къ окнамъ; а между тѣмъ случившимся пожаромъ палаты его за неимѣніемъ затворовъ выгорѣли, и пожаръ изъ палатъ, разпространяяся на дворъ, дошелъ до кладовыхъ его, и истребилъ товаровъ его по цѣнѣ на 5000 рублей, отъ чего онъ въ конецъ разорился; и чего бы онъ избѣжалъ, ежелибъ заимщикъ заплатилъ ему въ срокъ помянутые сто рублей, на которые бы онъ сдѣлалъ тѣ затворы, и пожаръ не могъ бы вкрасться въ его палаты и проч.

Не укрылось и сіе криводушничество ябедника того отъ *Его Величества.* Монархъ, подобно же первому самъ прибывъ въ Судъ тотъ, повелѣлъ изслѣдовать, какъ и отъ чего послѣдовалъ пожаръ оный? и въ самомъ ли дѣлѣ все его сгорѣло имѣніе; и наконецъ описать все, что сыщется въ домѣ его.

По изслѣдованіи таковомъ, найдено, что загорѣлось у сосѣда его; что палаты его не были отдѣланы; и что на полы только припасены были доски; что весь его убытокъ состоялъ

въ сихъ доскахъ и въ прикосновенномъ къ онымъ сараѣ; что кладовыя его цѣлы, и въ нихъ нашлося товаровъ и имѣнія съ лишкомъ на 20000 рублей.

Великій Государь, дабы дать примѣръ строгости къ унятію отъ подобныхъ криводушничествъ ябедниковъ, повелѣлъ отвѣтчику заплатить истцу показанные его убытки 5000 рублей; а погорѣвшій дворъ истцовъ со всѣмъ найденнымъ въ немъ имѣніемъ и товарами отдать ему отвѣтчику.

Предавшій намъ сіе, однако же прибавляетъ, что ябедникъ сей слезами и прозьбами склонилъ заимщика своего на милость; и что сей добрый человѣкъ удовольствовался взысканіемъ съ него однихъ только убытковъ своихъ, причиненныхъ ему криводушничествомъ его (*).

(*) Три сіи анекдота получены мною отъ Его Высокопревосходительства *Ивана Ивановича Неплюева*; и о сихъ же самыхъ произшествіяхъ упоминаетъ кратко и Г. *Татищевъ* въ примѣчаніяхъ своихъ на Судебникъ Царя *Ивана Васильевича.*

115.

Монархъ хвалитъ краткость рѣшенія прежнихъ Бояръ.

Великій Государь, въ небытности въ Сенатѣ Оберъ-Прокурора, приказалъ заступить мѣсто его гвардіи своего полку Маіору *Ивану Ильичу Дмитріеву-Мамонову большому*, повелѣвая притомъ ему напоминать Господамъ Сенаторамъ, дабы внимательнѣе слушали дѣла и посторонними разговорами отнюдь бы въ Сенатѣ не занималися.

Въ одно время сей повѣренный Монаршій изъ любопытства показалъ *Его Величеству* одинъ приговоръ прежнихъ Бояръ, которой состоялъ въ сихъ токмо словахъ: *сидѣли въ палатѣ трое Бояръ, слушали дѣло, и быть дѣлу такъ*, и подая оной Монарху съ насмѣшкою надъ Боярами сими, сказалъ: посмотрите, Государь, какъ они хорошо объясняли дѣла.

Великій Государь, прочтя оное, отвѣчалъ: „Ничего здѣсь нѣтъ смѣшнаго, и я ихъ еще хвалю за краткость сію, въ которой очень много „смыслу. Они краткими сими словами „утвердили крѣпко прежнее рѣшеніе,

„которое довольно уже было объясне„но, а потому и не почли за надоб„ность повторять онаго; и я бы же„лалъ, чтобъ и вы подражали имъ и „менѣе бы марали бумаги. Довольно „обнаружить только дѣло, и огово„ря кратко содержаніе неправой прозь„бы, или незаконнаго рѣшенія, напи„сать приговоръ безъ предисловія и „краснорѣчія, затемняющаго только „дѣло; нерѣдко же наполняя оной дву„смысліями и пустословіями, свой„ственными однимъ ябедникамъ, по„мрачается и самая истинна. Безпри„страстіе (заключилъ Монархъ) не „требуетъ ни прикрасъ, ни пусто„словія.„

116.

Монархъ отвѣдываетъ кашу солдатскую, и наказываетъ коммисара, отпустившаго крупу прогорьклую.

Въ одномъ изъ заграничныхъ походовъ солдаты, по артельно сидя, ѣли кашу — одинъ изъ нихъ роптaлъ на прогорьклость крупы, говоря громко: вотъ какую за всѣ наши службы и труды даютъ намъ крупу! вотъ какъ кормятъ насъ! — Монархъ про-

ходя въ то же время лагерь, съ крайнею прискорбностію слышитъ ропотъ сей; а дабы не разпространился оной по всему лагерю, подходитъ къ артели сей и, по обыкновенію своему, говоритъ: Хлѣбъ соль товарищи! — Милости просимъ хлѣба кушать, отвѣчали они. Великій Государь, не показывая ни малаго вида неудовольствія, взявъ у одного солдата ложку, нѣсколько покушалъ ихъ каши, и какъ бы не примѣтивъ горькости крупы, сказалъ: Каша-то ребята хороша; ѣшьте на здоровье, и пошелъ отъ нихъ. — Слышь ли, сказалъ другой солдатъ ропщущему, что говоритъ Государь? и самому Ему не противна показалась наша каша, а ты ропщешь; какъ быть, хотя она не много и горьковата! въ походѣ не льзя, чтобъ все было свѣжее, — придемъ въ другое мѣсто, такъ и пищу имѣть можемъ лучшую, и проч. Недовольной отвѣчалъ на сіе: подлинно братъ такъ; мнѣ уже и самому стыдно стало, когда Государь похвалилъ оную. Такимъ образомъ Монархъ, пресѣкши ропотъ и успокоя недовольнаго, наказалъ послѣ коммисара за его несмотрѣніе въ принятіи такой крупы, и далъ строжайшія

повелѣнія, чтобы все отпускаемое на пищу солдатамъ было хорошее и неиспорченное; о чемъ дано было знать и во всю армію.

117.

Монархъ прощаетъ солдатъ за учиненную ими обиду Графинѣ Шереметевой.

Великій Государь, колико строго взыскивалъ отъ военнослужащихъ исправности воинской, паче же касательно до дисциплины: толико снисходителенъ былъ въ личномъ съ ними обращеніи; они могли съ нимъ въ нуждахъ своихъ обьяснятся всегда сами. Такимъ образомъ четыре Преображенскаго, и три Семеновскаго полковъ солдата изъ Дворянъ, бывшіе между прочими на караулѣ въ Преображенскомъ, когда Монархъ проходилъ мимо ихъ, попросились у *Его Величества* въ городъ, то есть въ ряды Московскіе для покупки нужныхъ имъ вещей. Монархъ тотчасъ отпустилъ ихъ, но съ тѣмъ, чтобъ возвратились непремѣнно къ вечерней зарѣ; но какъ они за исправленіемъ покупокъ тѣхъ въ рядахъ и на красной площади, часъ за часомъ нечувствительно

провели время до самаго вечера, и не прежде, такъ сказать, опомнились, какъ уже тогда, когда не могли они поспѣть въ Преображенскъ въ назначенное имъ время иначе, какъ на извощикахъ: но къ нещастію не могли ихъ отыскать, въ крайности сей рѣшились они остановить первую повозку, какая имъ попадется, дабы на оной доѣхать до Преображенска. Первая попавшаяся имъ въ стрѣчу повозка была карета, въ которой ѣхала Фельдмаршалша *Шереметева*; они остановили ее, и съ учтивостію просятъ Графиню, приказать ихъ довезти до Преображенска, объясняяся, что сею милостію Ее Сіятельство избавитъ ихъ отъ бѣды. Графиня отвергаетъ прозьбу ихъ, и что за дерзость таковую не меньше они будутъ наказаны; однакожъ солдаты сіи не отпускаютъ кареты, и неотступно убѣждаютъ Фельдмаршалшу тою же прозьбою. Словомъ: Графиня принуждена была выдти въ знакомой ей домъ, на той улицѣ случившійся и отдать въ ихъ волю карету, въ которой они и поспѣли къ назначенному часу въ Преображенскъ.

На другой день Фельдмаршалъ жаловался Монарху на дерзость, оказанную солдатами сими его супругѣ. Великій Государь, повелѣвшій ихъ представить себѣ, спросилъ, правда ли то, что они отняли карету у Фельдмаршалши? Солдаты, упавши къ ногамъ *Его Величества*, разсказали все, какъ дѣло происходило, и причину, принудившую ихъ къ такому поступку. Монархъ, бывъ тронутъ не столько признаніемъ ихъ, сколько тою заботливостію, которую они оказали въ выполненіи своей обязанности и страхомъ, дабы не подпасть подъ штрафъ, сдѣлавъ имъ жестокой выговоръ, просилъ Фельдмаршала простить ихъ, и Графъ долженъ былъ исполнить прозьбу своего Монарха. *Его Величество* наконецъ сказалъ имъ: Вы должны благодарить Графа, что онъ васъ простилъ и избавилъ тѣмъ отъ заслуженнаго вами наказанія; и что естьли впредь дерзнутъ они подобное что учинить: то вѣдали бы, что будутъ наказаны по всей строгости; а симъ и кончено дѣло (*).

(*) Три сіи анекдота преданы Господиномъ *Ильею Ѳедоровичемъ Ушаковымъ*, которой

118.

Монархъ, въ самой день прибытія въ Петербургъ, посыланнаго имъ въ Италію для ученія живописи Г. Никитина посѣщаетъ въ квартирѣ его.

Извѣстно уже изъ *Дѣяній Его Величества*, коль многое число Россійскаго юношества всякаго званія разослано было имъ по чужимъ краямъ для изученія различнымъ Наукамъ и

въ послѣднихъ двухъ былъ самъ дѣйствующею особою, находяся тогда солдатомъ Преображенскаго полку. Онъ сказывалъ также, что когда Монархъ съ военнаго корабля поѣхалъ въ первой разъ во Гданскъ на шлюбкѣ, взявъ въ гребцы выборныхъ солдатъ, въ числѣ которыхъ находился также и онъ *Г. Ушаковъ*, то подъѣжжая къ городу, сказалъ солдатамъ: ребята! вить это городъ Нѣмецкой; надѣньте бѣлыя манишки, (передъ рубашки, съ обшитымъ воротникомъ, завязывающимся назади). Племянникъ сего Г. *Ушакова*, Г. Статской Совѣтникъ *Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ*, сообща мнѣ сіи и вышеприсанные анекдоты при своемъ письмѣ, заключаетъ тако: „Сей „дядя мой, разсказывая часто все оное, и „многія другія обстоятельства, касающіяся до „разсмотрѣнія дѣлъ и до разбирательства „*Его Величествомъ* словесныхъ прозьбъ бѣд„ныхъ на богатыхъ и знатныхъ людей, а „также и разговоры его при разныхъ случа„яхъ во время походовъ съ солдатами, проли„валъ всегда обильныя слезы."

художествамъ. Въ числѣ томъ посланъ былъ въ Италію изъ разночинцовъ Г. *Никитинъ* для изученія живописи, гдѣ онъ довольно и успѣлъ въ семъ искуствѣ; что уже извѣстно было и *Его Величеству*. Сей Г. *Никитинъ* прибылъ съ Санктпетербургъ въ ночи на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Великій Государь во время Литургіи, которая непосредственно послѣ заутрени отправлялась въ Троицкомъ Соборѣ, узнавши о пріѣздѣ его, по выходѣ изъ сего Собора, прямо пошелъ въ квартиру его, недалеко отъ онаго бывшую. Онъ поздравилъ его съ пріѣздомъ и съ праздникомъ, похристосовался и благодарилъ его за прилѣжность къ ученію. Обрадованный живописецъ толикою милостію своего Государя хотѣлъ-было *Его Величеству* показать новыя свои картины, которыя писалъ онъ въ Италіи, и которыя были завернуты, обвязаны рогожами и лежали на полу; но Монархъ, остановя его, сказалъ: Оставь ихъ въ сихъ дѣдовскихъ нашихъ коврахъ; тебѣ должно отъ дороги успокоиться, и я послѣ разсмотрю ихъ съ тобою. Во время же обѣда Великій Государь послалъ ему со

стола своего нѣсколько блюдъ кушанья, и нѣсколько бутылокъ разныхъ напитковъ. Какое ободреніе (*)!

Никто не зналъ столько, какъ сей Великій Государь, что человѣкъ, напрягающій ревностно всѣ свои силы въ какомъ-либо полезномъ искуствѣ, трудѣ, или въ службѣ, и неимѣющій ободренія, теряетъ наконецъ всю бодрость духа; и что сердце его тогда оскорбляется, стонетъ, вкушаетъ всю горечь неуваженія трудовъ своихъ и терзанія самолюбія; а сіе всего мучительнѣе.

Одинъ изъ писателей нашихъ (**), разсуждая о семъ толико нужномъ ободреніи, говоритъ между прочимъ: „Весьма много похищаетъ чести и дарованія Россіянъ язва моднаго воспитанія; она заразила большую часть „людей, въ которыхъ бы Науки и художества должны обрѣтать своихъ „покровителей, и до того довела нѣ„которыхъ именемъ знатности облеченныхъ, что они, бывъ Рускими,

---

(*) Отъ родственниковъ сего Г. *Никитина.*
(**) Ежемѣсячное Изданіе 1792 года, подъ названіемъ *Зритель.*

„объ Рускихъ (художникахъ) и слы-„шать не хотятъ.“

119.

Отвращеніе Монаршее отъ расточенія и роскоши.

„Богатство Государей, говоритъ „Графъ *Оксенстирнъ* (*), не ихъ соб-„ственное, но народное; за безпоря-„дочное употребленіе онаго, должны „они будутъ со временемъ дать ужас-„ный отчетъ Судіи Всевышнему; дѣла „ихъ цѣнятся и пересуживаются „всѣмъ свѣтомъ и нѣтъ никого, „даже до послѣдняго нищаго, кто бы „не разчитывалъ ихъ поведенія.„

Истинну словъ сихъ Великій Государь доказалъ намъ образомъ своея жизни. мы видимъ во многихъ мѣстахъ *Дѣяній* Его, колико Онъ собираемыя съ народа деньги почиталъ священными, и употреблялъ ихъ единственно въ пользу того же самаго народа. Баронъ *Гизенъ*, служившій при *Его Величествѣ*, слышалъ при полученіи жалованья, по чинамъ носимымъ имъ, Бомбардирскаго Капитана и ко-

(*) Часть 1. Стр. 406, нашего переводу.

рабельнаго мастера, изъ устъ Его произнесенныя слѣдующія слова: *Понеже я службою для Государства тѣ деньги, какъ и другіе Офицеры, заслужилъ, то и могу оныя употреблять по своей волѣ; а народныя деньги оставляю для пользы Государства и соблюденія его, будучи обязанъ нѣкогда о томъ отдать отчетъ Богу.* Здѣсь же представляются и еще два сея же истинны доказательства.

I). Императрица, къ своей коронаціи, вышила для Великаго Супруга своего по голубой объяри серебромъ кафтанъ, которой когда Монархъ въ первые надѣлъ на себя, то Государыня сказала: Ахъ Батюшка! какъ онъ къ Тебѣ присталъ, и какъ бы я желала видѣть Тебя и всегда такъ одѣтаго! *Безразсудное желаніе!* отвѣтствовалъ Монархъ, *ты того не представляешь, что всѣ таковыя и подобныя издержки не только что излишни; но что и не могутъ оныя иначе быть, какъ на счетъ народа моего, а за злоупотребленіе народныхъ денегъ долженъ я буду отвѣчать Богу въ каждомъ оныхъ рублѣ, вѣдая при томъ же, что Государь долженъ отличаться отъ подданныхъ не щегольствомъ и пышностію,*

а менѣе еще роскошью; но неусыпнымъ ношенiемъ на себѣ бремени Государственнаго и попеченiемъ о ихъ пользѣ и облегченiи. Къ томужъ, заключилъ Монархъ, *таковыя убранства только лишь вяжутъ меня и отнимаютъ руки* (*).

II. Въ одно изъ присутствiй *Его Величества* въ Сенатѣ, когда оное окончалось ранѣе обыкновеннаго, и Монархъ, спрося: развѣ еще нѣтъ заготовленныхъ къ докладу дѣлъ? и получа отвѣтъ, что нѣтъ, занялся съ Господами Сенаторами посторонними разговорами, — и какъ между прочимъ зашла рѣчь о бережливости, то Великiй Государь, какъ о прiятнѣйшей ему матерiи, и разпространился, доказывая, сколь она во всякомъ случаѣ, а паче въ хозяйствѣ нужна, и что потому каждому хозяину за правило почитать должно, чтобъ изъ доходовъ его оставалось ему отъ расходовъ сколько-нибудь для непредвидѣнныхъ его нуждъ, и для вспоможе-

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*. Кафтанъ сей есть тотъ самый, который и по-нынѣ зрится на восковой статуѣ *Его Величества*, хранящейся въ Императорской Кунстъ-Камерѣ.

нія требующимъ помощи его. — Это хорошо, сказалъ на оное Графъ *Апраксинъ*, но чтобъ только не была тому основаніемъ скупость; скупцы, де, обыкновенно въ закрытіе скупости своей, также о бережливости проповѣдуютъ. Не прогнѣвайся Государь. (примолвилъ Графъ улыбаючись), когда посмотрѣть и на собственные Твои расходы, то кажутся оные всякому похожими не столько на бережливость, сколько на скупость. Вы не рѣдко отказываете себѣ и въ самомъ нужномъ, (разумѣя подъ симъ о гардеробѣ и экипажѣ Его), а касательно до даемыхъ тобою подарковъ родильницамъ кумамъ, и проч., то оные такъ нетопороваты, что и нашему брату стыдно давать такіе.

Монархъ, ни мало не прогнѣвавшись на сіе, сказалъ: *Это происходитъ отнюдь не отъ скупости, а отъ того 1) поелику самый способнѣйшій способъ къ уменьшенію пороковъ есть уменьшеніе надобностей: то и долженъ я въ томъ быть примѣромъ подданнымъ моимъ; 2) благоразуміе требуетъ держать расходы соотвѣтственно доходамъ, а мои доходы меньше вашихъ; почему вы и можете издерживать на*

себя и дарить больше, нежели я, ибо вы имѣете свои собственности, а я не имѣю. Какъ это! возразилъ Графъ, наши доходы состоятъ въ нѣсколькихъ только тысячахъ, а Ваши въ миліонахъ. — *Миліоны сіи, о коихъ ты разумѣешь,* отвѣтствовалъ Государь, *не мнѣ принадлежатъ, но Государству; а потому и должны оные употребляться не на мои разходы, а на Государственныя нужды, и съ которыхъ я, буде что изъ оныхъ на собственныя свои надобности, а паче на прихотливыя употреблю, обязанъ буду нѣкогда отдать отвѣтъ строгому Судіи; мои же собственные доходы состоятъ единственно въ получаемомъ только жалованьѣ по чинамъ, какіе я несу по сухопутной и морской службамъ, и изъ сихъ-то денегъ я и одѣваю и себя и на другія нужды свои держу, и на подарки употребляю. Такъ разсуди же,* заключилъ Государь, *могу ли я больше издерживать и дарить* (*)?

(*) Сей послѣдній анекдотъ сообщенъ мнѣ чрезъ почту отъ неизвѣстной особы, подъ именемъ *Старожила*; а сей же самый анекдотъ подтвердилъ мнѣ и Г. Генералъ-Порутчикъ *Иванъ Матвѣевичъ Толстой*, слышанной имъ отъ предковъ своихъ.

Тако мыслила великая сія душа! Тако мыслили, въ отношеніи къ сему же предмету, *Антонинъ* и *Маркъ Аврелій*, изъ коихъ первый говаривалъ: *Я не имѣю ничего собственнаго*; а другой: *и самый дворецъ, въ коемъ я живу, не есть мой.*

120.

Монархъ не терпитъ расточенія и никакихъ излишествъ въ подданныхъ своихъ.

Великій Государь подобныя показаннымъ чувствованія свои всячески старался внушить и въ подданныхъ своихъ, употребляя на оное увѣщанія, подкрѣпляемыя собственнымъ примѣромъ жизни своей, иногда же и наказанія; а посему и не смѣлъ никто изъ нихъ держать разходы несоразмѣрные доходамъ своимъ, а кареты имѣли одни только знатные Господа, и то немногіе, и въ одно только ненастливое время употребляемыя.

Сей отецъ подданныхъ, естьли усматривалъ кого, а особливо изъ молодыхъ людей, богато одѣтаго, или въ щегольскомъ экипажѣ ѣдущаго, всегда останавливалъ таковаго и спрашивалъ,

кто онъ таковъ? сколько имѣетъ крестьянъ и доходовъ? и буде находилъ таковыя издержки несоразмѣрными доходамъ его: то, разчисля по онымъ, что такихъ излишествъ заводить ему не можно, наказывалъ, смотря по состоянію, или журьбою, или опредѣленіемъ на нѣкоторое время въ солдаты, матросы и проч., а мотовъ обыкновенно отсылалъ на галеры на мѣсяцъ, на два и больше.

Но естьли не терпѣлъ Монархъ мотовъ: то еще несноснѣе казались Ему такъ называемые *петиметры*, которыхъ почиталъ Онъ за людей негодныхъ и ни къ чему неспособныхъ. Одинъ изъ посыланныхъ для ученія во Францію молодой богатаго отца сынъ . . . . . . по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, желая показать себя городу, прохаживался по улицамъ въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ богатомъ и послѣдней моды платьѣ, засыпанномъ благовонною пудрою. Къ нещастію его встрѣтился онъ въ такомъ нарядѣ съ Монархомъ, ѣхавшимъ на работы Адмиралтейскія въ одноколкѣ. *Его Величество*, подозвавъ его къ себѣ, началъ съ нимъ разговоръ о Французскихъ модахъ, о об-

разѣ жизни Парижцовѣ, о его тамошнемѣ упражненіи и проч. Щеголь сей долженѣ былѣ на все то отвѣчать, идя у колеса одноколки, и Монархѣ не прежде отпустилѣ его отѣ себя, пока не увидѣлѣ всего его обрызганнаго и замараннаго грязью (*).

(*) Кстати, кажется, помѣстить здѣсь портретѣ *петиметра*, описанный искусною кистью; вотѣ онѣ:

„Примаслить волосы Французскою помадою, „усыпать голову благовонною пудрою, одѣться „вѣ самомѣ послѣднемѣ вкусѣ, говорить обо „всемѣ, ничего не размышляя и ничего не зная; „прельщаться и прельщать наружностію; „менѣе всего помышлять о внутреннемѣ укра„шеніи; сѣ гордою умѣренностію говорить о „своихѣ достоинствахѣ, не имѣя ихѣ; прези„рать дарованія, не умѣя оцѣнивать ихѣ; со„оружать системы и быть вѣ одно время *Ци„никомѣ*, *Эпикуромѣ*, *Стоикомѣ* и *Плато„никомѣ*, не зная никого лучше себя; быть „должну многимѣ, и не платить никому; го„ворить дерзновенно о заслугахѣ своихѣ и про„повѣдывать о своей неустрашимости и воло„китствахѣ; отзываться дерзко на счетѣ „добродѣтельныхѣ женщинѣ; пресмыкаться по „переднимѣ вельможѣ; желать снискать по„средствомѣ низости чины и почести: вотѣ „что значитѣ *петиметрѣ*! Ежели слово „petit maitre перевести литтерально на Руской „языкѣ, то оно знаменуетѣ маленькой госпо„динѣ - - - и подлинно - я ничего не знаю „менѣе и незначущѣе *петиметра*.“

Слѣдующій же анекдотъ покажетъ намъ, что Великій Государь не опускалъ безъ вниманія и ничего, хотя мало похожаго на расточеніе.

Воинъ Яковлевичъ Корсаковъ, бывшій потомъ Контръ-Адмираломъ, въ молодыхъ своихъ лѣтахъ посыланный отъ *Его Величества* въ Парижъ курьеромъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, явился къ Монарху въ дорожномъ платьѣ, но нижнее было новое бархатное. Монархъ, разспрося его обо всемъ, что было нужно въ отношеніи посылки его, непосредственно за онымъ сказалъ: *Корсаковъ*! штаны-то на тебѣ такія, какихъ не носитъ и Государь твой. Смотри братъ, чтобъ я съ тобою не побранился; это пахнетъ мотовствомъ, а я видь знаю, что ты небогатъ (*).

Мы заключимъ сей анекдотъ словами одного Писателя, касательно до сей же самой матеріи.

„Истребленіе расточительности „и роскоши (говоритъ онъ) зави„ситъ отъ хотѣнія и примѣра Го-

Ѣ

(*) Отъ *Ивана Ивановича Неплюева*, которому Г. *Корсаковъ* былъ зять и самъ ему сіе сказывалъ.

сударева. Когда скромному и добродѣ-
„тельному отъ Монарха лучшій бу-
„детъ пріемъ; когда онъ покажетъ
„пренебреженіе къ мотовству, къ
„тщеславнымъ издержкамъ, и къ рас-
„путной роскоши; когда воззритъ
„онъ прозорливымъ окомъ на порабо-
„тившихся нѣгѣ, а ласково и почти-
„тельно на жертвующихъ себя общей
„пользѣ; и когда простой и благо-
„родной вкусъ и мудрое домострои-
„тельство Дворъ его имѣть будетъ;
„тогда пышность не только въ по-
„чтеніи, даже благопристойностію
„быть перестанетъ; тогда чистое
„благонравіе заступитъ мѣсто раз-
„вращенныхъ и сластолюбивыхъ обы-
„чаевъ; тогда вся почесть обратит-
„ся къ достойнымъ людямъ, и тогда
„скоропостижно падетъ владычество
„роскоши и тщеславія. Извѣстно,
„сколь публика внимательна и послуш-
на, и потому съ поспѣшностію послѣ-
„дуетъ примѣру Двора; все же, что
„въ почтеніи, то и въ обычаѣ; воз-
„становленіе же древней умѣренности
„произведетъ некорыстолюбіе, а сіе
„великодушные нравы и проч: (*)„

(*) Безъименный писатель книги подъ названіемъ *Путешествіе разума*.

121.

Монархъ отвергаетъ предложенной Ему для покупки большой алмазъ, и смѣется суетности украшающихъ себя оными.

Къ чести *Генриха IV*, Исторіею замѣчено, что когда по одержаніи имъ великой побѣды надъ Католическою арміею, представили ему дорогой цѣны каменья и другія великолѣпныя бездѣлушки, принадлежавшія убитому на томъ сраженіи Генералу *Жайюзу*, то сей великій Государь, не удостоя ихъ и взглядомъ своимъ, сказалъ: „Однимъ только актерамъ прилично тщеславиться богатыми украшеніями; истинное же украшеніе Генерала есть храбрость, присутствіе духа въ сраженіи и милость послѣ побѣды."

Какое же присутствіе духа имѣлъ и нашъ Ирой въ сраженіяхъ и въ самыхъ величайшихъ опасностяхъ, и какую изъявлялъ милость къ побѣжденнымъ и въ плѣнъ взятымъ непріятелямъ, сіе видѣть мы можемъ въ Исторіи Его, а паче въ описаніи Полтавскія побѣды. Касательно же до гардероба Его, то и самой посредственной

изъ партикулярныхъ особъ не имѣлъ простѣе и малоцѣннѣе его, какъ видимъ мы оной, хранящійся по-нынѣ въ Императорской Кунстъ Камерѣ; колико же презиралъ Онъ бриліанты, сіе докажетъ намъ слѣдующій анекдотъ:

Одинъ иностранецъ привезъ въ Петербургъ большой и дорогой цѣны алмазъ; онъ мнилъ, что Императоръ, какъ любитель рѣдкостей, конечно его купитъ, но видно, что иностранецъ сей худо зналъ сего Монарха; Онъ подлинно любилъ рѣдкости, но такія, кои были полезны и нужны, а не такія, которыя не приносятъ ни малой пользы, а суетность оцѣняетъ ихъ весьма дорого.

Иностранецъ сей приноситъ его къ Монарху и предлагаетъ, не угодно ли *Его Величеству* купить оной? Но Великій Государь, взявъ его въ руки, и нѣсколько посмотря на него, сказалъ: Непростительнобъ было мнѣ на покупку безполезной вещи упратить знатную государственную сумму; и отпустя его съ камнемъ тѣмъ, сказалъ окружавшимъ его: *Безуміе одно оцѣняетъ столь дорого сіи блестящія бездѣлки, а суетность, спутница безумія, возбуждаетъ желаніе укра-*

щать себя оными; сіе безуміе и сія суетность столь далеко простираются, что ежели бы нашелся алмазъ въ ручной жерновъ, то кажется мнѣ, что не взирая на его тяжесть, повѣсили бы и оной на шею (*).

„Овладѣнная вещь, говоритъ Графъ „*Оксенстирнъ*, уменьшаетъ уже цѣну „оной. — Цѣна, которую налагаютъ на „вещи, по причинѣ ихъ рѣдкости, „нелѣпа, и кажется мнѣ, опредѣлять „цѣну должно бы по ихъ полезности. „Сіе есть доводомъ нашего безумія, „что даемъ мы предпочтеніе такимъ „вещамъ, кои одно то имѣютъ въ „себѣ достоинство, что привозятся „издалека. Разсудокъ намъ сказываетъ, „что вещь полезная, хотя бы родилася и въ нашей землѣ, больше имѣетъ „въ себѣ важности для насъ, нежели „безполезная, привозимая изъ Индіи.“

(*) Отъ Его Высокопревосходительства *Ивана Ивановича Неплюева*.

122.

Порядокъ, строжайше наблюдаемый Монархомъ въ произвожденіяхъ въ чины.

Великій Государь, бывъ въ Персидскомъ походѣ, между прочимъ предпринявъ сдѣлать крѣпость Святаго Креста, самъ пріискалъ подъ оную мѣсто, самъ снялъ съ онаго планъ, самъ сдѣлалъ чертежъ сея крѣпости и самъ же размѣрилъ оную; и какъ въ работѣ сей помогалъ *Его Величеству* Бригадиръ *Василій Яковлевичь Левашовъ*, то Монархъ, утрудяся работою, спросилъ у него, нѣтъ ли водки? — Водки нѣтъ, а есть добрая сивуха, отвѣтствовалъ Г. *Левашовъ*. — Хорошо; но не можно ли достать къ ней рѣдьки? — Г. *Левашовъ*, бывшаго при немъ на вѣстяхъ молодаго солдата изъ Дворянъ, по фамиліи *Аркатова*, послалъ просить о ней у поселенныхъ тамъ козаковъ. *Аркатовъ* былъ столько счастливъ, что сверьхъ чаянія Государева весьма скоро ее нашелъ и принесъ — и заслужилъ отъ Монарха слово: *спасибо братъ!*

Великій Государь, выкушавъ рюмку сивухи оной и закуся рѣдькою,

хвалилъ проворство солдата. Г. *Левашовъ*, не опустя употребить сей минуты въ пользу *Аркатова*, донесъ о исправности и способностяхъ его. Великій Государь спросилъ *Левашова*: Давно ли онъ въ службѣ? и услыша, что нѣтъ еще году, сказалъ: Можно бы его пожаловать капраломъ, но обидишь тѣмъ многихъ, которые старѣе его въ службѣ: однакожъ, заключилъ Монархъ, когда пройдетъ годъ службы его, напомни мнѣ объ немъ.

Сей Г. *Аркатовъ*, будучи уже въ отставкѣ Надворнымъ Совѣтникомъ, самъ разсказывалъ все сіе одному изъ моихъ пріятелей (*).

123.

Продолженіе того же.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ Княжескихъ родовъ, молодой 16ти-лѣтній баричь, по обыкновенію началъ службу свою съ солдата гвардіи. Видъ и проворство, а не меньше и знатный родъ его, привлекли на него особенное

(*) Г. Коллежскому Совѣтнику, *Михайлѣ Павловичу Жукову*, отъ котораго мнѣ и сообщенъ сей анекдотъ.

вниманіе и благоволеніе Ея Величества; почему и просила она Великаго Супруга своего пожаловать его сержантомъ. — Сержантомъ? отвѣтствовалъ Монархъ: Развѣ ты не знаешь, коль важно званіе сержантское; и ты должна его жалѣть, вить онъ всегда будетъ подъ палками за неисправность въ должности, которой онъ еще не разумѣетъ. — Такъ хотя унтеръ-офицеромъ. — И сего не можно! — По крайней мѣрѣ, Батюшка, пожалуйте его хотя капраломъ. — И сего не льзя — вить цѣлое капральство должно быть на рукахъ его, и онъ за всякую пуговицу солдатскую отвѣтствовать долженъ, не говоря уже о другомъ, и такъ будетъ онъ всегда неисправенъ, а слѣдовательно всегда же и битъ. Да и разсуди, заключилъ Государь, можно ли его пожаловать капраломъ, когда есть многіе старше его по службѣ? Это было бы имъ весьма обидно, а съ моей стороны несправедливо; и такъ пусть поверстается съ другими, а тогда по порядку и не будетъ онъ обойденъ, только бы между тѣмъ велъ себя порядочно (*).

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева.*

Изъ сихъ примѣровъ видно, что не такъ легко можно было при семъ Великомъ Государѣ дослужиться до Офицерства; но за то уже чины сіи весьма уважались, и отличіе, каковое имъ дѣлалось въ обществѣ, сугубо награждало терпѣніе ихъ; а порядокъ въ производствѣ, непопускавшій никому, такъ сказать, ни выпередить, ни отстать назади, нечувствительнымъ дѣлалъ мѣдленность произвожденія ихъ.

124.

Снисхожденіе Великаго Государя къ слабостямъ.

Московскій купецъ *Ситниковъ* имѣлъ счастіе знаемъ быть *Его Величествомъ.* Сей почтенный старецъ между прочимъ разсказывалъ со слезами видѣнное имъ слѣдующее великодушнѣйшее снисхожденіе Великаго Государя:

Въ свѣтлое Воскресеніе Христово, Монархъ, по отслушаніи въ Троицкомъ Соборѣ заутрени и Св. Литургіи, по всегдашнему обыкновенію своему, благоволилъ со всѣми не токмо

вЪ церквѣ бывшими, но и внѣ оныя находившимися поцѣловаться, и каждаго же поздравить сЪ великимЪ симЪ праздникомЪ. Сего еще недовольно: ОнЪ по переѣздѣ чрезЪ Неву, увидя по обѣимЪ сторонамЪ дороги до самаго дворца своего стоявшаго и Его дожидавшагося вЪ великомЪ множествѣ народа, перецѣловалЪ ближе кЪ судну на берегу бывшихЪ; а примѣтивЪ, что всѣ кЪ нему шли, остановился, и каждаго цѣлуя, привѣтствовалЪ словомЪ: ХристосЪ Воскресе! Сіе продолжалось около двухЪ часовЪ. ПосемЪ снисходительнѣйшій Государь, усмотря вЪ небольшомЪ отдаленіи кучу народа стоявшую, пожелалЪ узнать причину того, и увидѣлЪ вЪ срединѣ оныя работника сЪ барокЪ, лежащаго пьянаго. МонархЪ толкнулЪ его слегка ногою, говоря: вставай братЪ! но сей того не чувствовалЪ; отнеситежЪ его, сказалЪ МонархЪ Офицеру, вЪ караульню солдатскую, и положите на постелю; а когда проспится, дайте мнѣ знать. Послѣ обѣда донесено *Его Величеству*, что онЪ проснулся, и МонархЪ повелѣлЪ представить его себѣ. Сей вЪ страхѣ повергается вЪ ноги, вопія: виноватЪ, Надежа Государь!

простите меня ради воскресшаго Христа, Сына Божія.

Монархъ спрашиваетъ его, что онъ за человѣкъ? — Работникъ съ барокъ такого-то хозяина. — Какъ же ты въ такой праздникъ вмѣсто того, чтобъ поспѣшить въ Храмъ Божій, напился до безчувствія? Сей, не видя въ очахъ и голосѣ Государя ничего гнѣвнаго, отвѣтствовалъ что онъ яко рабочій человѣкъ, обрадовавшись празднику и отдохновенію отъ работы, согрѣшилъ, напился. Монархъ спросилъ его паки: Хорошо ли ты служишь хозяину и не пьянствуешь ли? и услыша, что хозяинъ имъ доволенъ: ну, сказалъ, я тебя прощаю; но естьли впредь ты такъ напьешься — и я о томъ узнаю, то будешь наказанъ какъ непотребной пьяница. Отведите его къ хозяину, и спросите: ежели онъ имъ подлинно доволенъ, то чтобъ на сей разъ простилъ его; да опохмѣлите его, примолвилъ Государь, чаю голова у него болитъ (*).

(*) Работникъ сей самъ сіе разсказывалъ между прочимъ и предупомянутому Г. *Ситникову*, а мнѣ сообщено все описанное отъ потомковъ сего же Г. *Ситникова*.

125.

Попеченіе Монаршее, доставить подданнымЪ свѣденія о бывшихЪ народныхЪ заблужденіяхЪ.

Прекрасно сказалЪ ЦицеронЪ: Nescire, quod, antequam natus esses, actum est, id est semper esse puerum, то есть: *Не знать того, что было прежде насЪ, значитЪ то же, что оставаться во всю жизнь ребенкомЪ.*

Колико же Великій Государь неусыпно старался вывести изЪ таковаго дѣтства своихЪ подданныхЪ, то извѣстно изЪ многихЪ по Указу Его переведенныхЪ ИсторическихЪ книгЪ. Между же тѣмЪ желалЪ МонархЪ, чтобЪ они знали и заблужденія язычества; на сей конецЪ повелѣлЪ онЪ перевести и *Аполлодора Аѳинскаго* родословную о богахЪ ЕллинскихЪ: но сего казалось Великому Государю недовольно; ОнЪ желалЪ, чтобЪ подданные Его и не соблазнились толь нелѣпыми древнихЪ баснями. О семЪ послѣднемЪ представляется слѣдующій анекдотЪ:

ВЪ XVI Томѣ *Дополненія кЪ ДѣяніямЪ* сего Великаго Государя показано, что на случай торжественнаго вЪ Москву по

Полтавской побѣдѣ въѣзда, сооруженъ былъ на Царицыномъ лугу деревянной дворецъ, которой и существовалъ болѣе двашцати лѣтъ. Великій Государь въ пріѣзды свои къ Москвѣ употреблялъ оной для торжественныхъ празднествъ и угощеній столами Чиновниковъ.

Въ одно изъ сихъ торжествъ, и именно 19 Февраля, 1723 году, Монархъ угощалъ въ немъ Вельможъ и Чиновниковъ своихъ, между которыми былъ и Псковской Архіепископъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ.*

Во многихъ мѣстахъ въ *Дѣяніяхъ* Великаго Государя показано, что за столами Его всегда занималися разговорами дѣльными: такъ и за симъ столомъ *Его Величество*, между прочимъ разговаривая съ помянушымъ Архіепископомъ о той переведенной о языческихъ богахъ книгѣ, повелѣлъ ему сдѣлать къ оной предисловіе, въ которомъ обьяснить намѣреніе, съ каковымъ книга та переведена; прибавить изъ Христіанскихъ книгъ, какъ язычники заблуждали, какихъ имѣли боговъ, съ показаніемъ слѣдовъ, что

оныe произошли изъ развратнаго понятія о Священномъ Писаніи (*),

Я представляю здѣсь Указъ сей, данный словесно тому же Архіепископу и записанный имъ въ Святѣйшемъ Синодѣ.

„1723 году Февраля въ 19 день, „Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій „ПЕТРЪ Великій, Императоръ и Само-„держецъ Всероссійскій, будучи на Ца-„рицыномъ лугу въ домѣ *Его Величества*, указалъ на переведенную книгу „*Аполлодора Аѳинскаго* о начатіи у „язычниковъ боговъ, учинить заглавіе „и въ концѣ той книги окончаніе „изъ Христіанскихъ писаній, для вѣ-„денія тоя книги прочитывающимъ, „въ которомъ объявить, како язычни-„ки прежде познанія Христіанскаго „благочестія въ невѣрствіи своемъ за-„блуждалися, и каковыхъ боговъ имѣли. „О чемъ сей Указъ отъ *Его Величе-„ства* самоустно сказанъ нижеподпи-„савшейся Синодальной персонѣ и проч.“

Уходило ли что отъ вниманія и попеченія *Его Величества?* Впрочемъ изъ Исторіи Великаго сего Государя

(*) Отъ Преосвященнѣйшаго Митрополита Новогородскаго *Димитрія Сѣченова.*

мы видимъ, колико Онъ старался о введеніи въ Отечество всѣхъ Наукъ. Но Его однакоже притомъ было правило, чтобъ отнюдь не всѣ званія людей (каковое особливо крестьянское) вдавались въ ученіе. *Общее благоденствіе требуетъ*, говаривалъ Онъ *чтобъ народныя званія не свыше простирались ихъ упражненія; проникающій далѣе своего ремесла, не можетъ упражняться въ ономъ спокойно, съ бодростію и терпѣніемъ.* Правило сіе имѣлъ и славный своего времени Министръ Французскій *Ришелье.* „Хотя „Науки (говоритъ онъ) и необходи„мо нужны въ обществѣ, но то одна„ко же истинно, чтобъ не всякаго „безъ разбору обучать онымъ; ибо, де, „какъ тѣло человѣческое, естьли бы „имѣло глаза на многихъ частяхъ сво„ихъ, было бы безобразно, таковобъ „было и тѣло Государственное, еже„либъ каждое сословіе людей вдалось „въ ученіе, поелику бы тогда было въ „немъ столь же мало послушанія, сколь „много гордости и тщеславія, и что „пагубнобъ то было земледѣлію, истин„ной сей питательницѣ Государствѣ, „опустошилобъ садъ солдатства, ко„торой возрастаетъ и успѣваетъ

„больше въ суровости невѣжества, „нежели въ мягкости ученія книжна- „го; и наполнилось бы тогда Государ- „ство ябедниками, способными разо- „рять домы гражданъ и возмущать „спокойствіе народное и проч."

126.

Способы, каковыми освобождаемъ былъ ПЕТРЪ Великій отъ припадковъ спазматическихъ.

Изъ анекдотовъ, изданныхъ Г. Профессоромъ *Штелинымъ*, видѣли мы, что сей Великій Государь, чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, подверженъ сдѣлался сильнымъ спазматическимъ припадкамъ, продолжавшимся до самыя кончины Его, въ каковыхъ случаяхъ бывалъ Онъ весьма мраченъ и гнѣвенъ; что признакомъ сихъ припадковъ было чрезвычайное искривленіе шеи на лѣвую сторону и кривлянье лица; что сіи припадки неврожденные Ему были, но произошли въ младыхъ Его лѣтахъ или отъ чрезвычайнаго страху, причиненнаго бунтовщиками, стремившимися на жизнь Его, или отъ яду, тайно даннаго Ему по приказанію

сестры Его Царевны *Софіи Алексѣевны*; что любимой Его деньщикъ, *Павелъ Ивановичъ Ягушинской* часто избавлялъ Его отъ сихъ припадковъ слѣдующимъ способомъ: онъ вводилъ къ нему безъ докладу Монархиню, или въ отсутствіе Ея другую какую молодую красавицу, и сказавъ: ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЬ! вотъ она, съ кѣмъ Ты хотѣлъ говорить, оставлялъ ее съ Нимъ наединѣ; что Монархъ нечаянно увидя себя одного съ красавицею, приходилъ въ себя — и конвульсіи прекращались, и что сіе самъ Г. *Ягушинской* разсказывалъ.

Но какъ сей господинъ не всегда былъ деньщикомъ, не всегда находился неотлучнымъ при *Его Величествѣ*, но употребляемъ былъ въ разныя посылки, а наконецъ, заступя мѣсто Генералъ - Прокурора въ Сенатѣ, не могъ и не имѣлъ времени употреблять сего способа, да и не всегда единообразный способъ могъ бы производить одинакое дѣйствіе; слѣдовательно должны быть употребляемы другіе къ тому люди и разные способы.

Я отъ столь же достовѣрныхъ мужей слышалъ (*), что въ таковыхъ случаяхъ Ея Величество по большей части употребляла придворнаго шута *Балакирева.* Способы симъ умнымъ шутомъ къ сему употребляемы были различные, изъ которыхъ представляются здѣсь два:

Въ одно изъ таковыхъ припадковъ время, шутъ сей пригналъ къ самымъ окошкамъ комнаты той, въ которой находился Монархъ, цѣлое стадо рогатой скотины, изъ которыхъ на каждой къ рогу привязана была бумага. Ревъ и топотъ скотины принудилъ Монарха выглянуть изъ окошка, и увидя на рогахъ ихъ навязанныя бумаги, велѣлъ одну изъ нихъ подать себѣ. *Балакиревъ*, какъ начальникъ сей, такъ сказать, депутаціи, принесъ первой ихъ къ Государю, говоря: это челобитная быковъ на Нѣмцовъ, что они у нихъ всю траву поѣли. Сіе развеселило Монарха, и Онъ самъ сталъ читать сію странную челобитную, въ которой скотина сія до-

(*) Отъ Адмирала *Алексѣя Ивановича Нагаева*, и отъ Генерала *Аврама Петровича Ганнибала.*

носитъ, что трава создана отъ Творца на ихъ только пищу, и они прежде однѣ оною и питались, а нынѣ, де, Нѣмцы лишаютъ ихъ оной, употребляя вмѣсто ихъ сами оную въ пищу себѣ, (разумѣя о салатахъ), и просятъ запретить имъ ѣсть ее, а оставить имъ однимъ по прежнему.

Въ другое время, когда гнѣвный Государь сидѣлъ въ крайней задумчивости, облокотяся на столикъ, цѣлой почти день, и когда никто войти къ нему не смѣлъ, *Балакиреевъ*, знавши одну женщину самаго безобразнаго лица, поутру съ двумя гвардейскими солдатами войдя къ ней, засталъ еще ее въ постелѣ; и по Имянному будто бы Указу, въ одномъ исподнемъ платьѣ и растрепанную посадя въ коляску, привезъ во дворецъ, и отворя потихоньку двери комнаты той, въ которой Монархъ въ мрачной сидѣлъ задумчивости, и потому не примѣтилъ вошедшихъ, поставя ее предъ Нимъ, и разсыпавъ на столикѣ сто рублей серебреныхъ, сказалъ: *вотъ Тебѣ сто рублей! полюби ее.* Стукъ, учиненной деньгами, развѣялъ мрачность Его, а слова *Балакирева*, и видъ предстоящаго предъ собою пугалища, разсмѣ-

шили Его. Онъ тотъже часъ кликнувъ Монархиню, которая того уже и ожидала, посмотри, сказалъ, *Катинька*, какую чертовку привелъ ко мнѣ плутъ *Балакиревъ*, и даетъ сто рублей, чтобъ я полюбилъ ее. Послѣдовавшій за симъ общій смѣхъ крайне развеселилъ Государя (*).

(*) Сей шутъ приводилъ многихъ изъ Господъ, которыхъ хотѣлъ онъ наказать за что-либо, а паче въ комъ примѣчалъ онъ гордость и какую-либо несправедливость, въ крайнія хлопоты. Я приведу одну шутку его, сыгранную надъ Архіепископомъ Новогородскимъ *Ѳеодосіемъ*.

Одинъ ставленикъ, не получая долгое время отъ Архіерея сего на прошеніе о посвященіи себя въ попы резолюціи, можетъ быть и по своему недостоинству, прибѣгнулъ съ жалобою къ *Балакиреву*; а сей и взялся за дѣло. Онъ надѣлъ на себя рясу ставленичью, и весьма искусно придѣлалъ себѣ такую же точно бороду; и какъ былъ онъ весьма способенъ принимать на себя голосъ и выговоръ каждаго, кого представлять хотѣлъ, то въ семъ нарядѣ пришедъ въ домъ Архіерейской, сталъ въ передней, въ ожиданіи выхода Его Преосвященства; и лишь только Архіерей вышелъ, то онъ, упавъ къ нему въ ноги, голосомъ ставленика завопилъ: помилуй, Владыко святый! доколь мнѣ мучиться? цѣлые полгода волочусь я по переднимъ вашимъ, ожидая резолюціи на мое прошеніе; весь прожился, жена и дѣти по міру пошли; и множество подобныхъ

127.

Отеческое попеченіе Монарха о воспитаніи благороднаго юношества; великодушнѣйшее Его съ ними обращеніе; искренность и честность приближенныхъ къ Нему особъ.

Описаніе о всемъ семъ оставилъ намъ знаменитый Господинъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Орденовъ Св. Апостола Андрея и Св.

наговорилъ грубостей. Архіерей, крайне прогнѣвавшись, велѣлъ его взять подъ стражу и посадить на хлѣбъ и на воду. И такъ заключили *Балакирева*.

Между тѣмъ Государь, не видя шута сего два дни, повелѣлъ его сыскать. Полиція замучилась, искавши его; разсыпаны были по всему городу Офицеры; одинъ изъ нихъ зашелъ навѣдаться и въ Невской монастырь. *Балакиревъ*, увидя его, прикликалъ изъ окошка къ себѣ, и обрадовалъ его несказанно, сказавшись, что онъ *Балакиревъ*. Офицеръ тотчасъ взялъ его, и въ томъ же нарядѣ представилъ предъ Государя. Монархъ едва его узнаетъ, смѣется и спрашиваетъ, за что и какъ попался онъ въ тюрьму монастырскую? Шутъ сей доноситъ, что одинъ ставленикъ, его знакомой, цѣлые полгода волочимъ бывъ Архіереемъ, привелъ его въ жалость; и какъ де, не могъ онъ получше изъясниться, то я изъ сожалѣнія, преобразился въ него, хотѣлъ въ видѣ его объяснить дѣло Архіерею: но вотъ

Александра Невскаго Кавалеръ, *Иванъ Ивановичъ Неплюевъ*, которое нашелъ я въ журналѣ сего достопочтеннѣйшаго старца временъ *Петровыхъ*, при случаѣ разбиранія бумагъ его (*).

Любопытному Читателю не непріятно будетъ, надѣюсь, прочесть выписку мою изъ сего журнала, по тому паче, что оная содержитъ въ себѣ многое неизвѣстное ему, особливо же касательно до тѣхъ пу-

---

Государь, каковы они! вмѣсто удовольствія бѣдному просителю, велѣлъ мѣня посадить въ тюрьму и мучить голодомъ. Такъ - то они поступаютъ съ подчиненными своими, а паче съ тѣми, кто осмѣлится выговорить имъ правду. Великій Государь сперва сему смѣялся, а потомъ и прогнѣвался на Архіерея того; Онъ призвалъ его къ себѣ, и сдѣлалъ жестокой выговоръ, для чего волочитъ онъ просителей, и поступаетъ съ ними не духомъ кротости, но съ жестокостію, противною сану его. Въ слѣдствіе чего и повелѣлъ, чтобъ впредь Архіереи ставлениковъ отнюдъ не волочили, и достойныхъ изъ нихъ посвящали немедленно, а недостойнымъ тотъ же бы часъ отказывали и отпускали ихъ съ прописаніемъ ихъ неспособности. Подобныхъ шутокъ сего *Балакирева* я слыхалъ отъ достовѣрныхъ же людей множество; но довольно и сей одной.

(*) Въ бытность мою у Его Высокопревосходительства, въ Новогородскомъ селѣ его *Подубьѣ*, въ которомъ остатки дней своихъ препровелъ сей достойный Ироя нашего питомецъ.

тей, какими проходить были должны питомцы *Его Величества.*

Я въ сокращеніи семъ, сколько возможно ближе, держаться буду подлинника.

Первая начальныхъ основаній Математики школа (пишетъ сей почтеннѣйшій мужъ) учреждена ПЕТРОМЪ Великимъ въ Новѣгородѣ, въ которую и я *Неплюевъ*, и уже женатой, былъ взятъ въ 1715 году въ Мартѣ мѣсяцѣ, и тогожъ году Іюня 29 дня. *По* Указу *Его Величества* велѣно изъ той школы выбравъ учениковъ 84 человѣка, отправить въ другую, учрежденную въ Нарвѣ школу, въ которой учителемъ былъ Навигаторъ *Митрофанъ Кашинцовъ*, а Директорами Оберъ Коммендантъ *Кирила Алексѣевичь Нарышкинъ*, и Коммендантъ *Василій Григорьевичь Титовъ.*

Октября 1 тогожъ года, по *Его же Величества* Указу, перевели насъ въ учрежденную въ Санктпетербургѣ Математическую же школу, состоявшую подъ вѣденіемъ Адмирала Графа *Апраксина* и Генерала Маіора *Григорья Петровича Чернышева*, и которая потомъ поручена была *Андрею Артамоновичу Матвѣеву*; учителемъ въ оной

былъ Французъ *Баро*; въ сей школѣ обучалось тогда Математикѣ и Навигаціи приста Дворянскихъ дѣтей.

Въ 716 году Великій Государь выбравъ изъ насъ тритцать, да изъ Нарвской школы двадцать четыре человѣка, повелѣлъ, каждому давъ на дорогу по 30 рублей, отослать въ Ревель и опредѣлить во Флотѣ гардемаринами; при чемъ выданы намъ парусинные бостроки, и опредѣлено жалованья по 2 рубли по 40 коп. на мѣсяцъ, да порціи каждому же: сухарей по 2 пуда по 10 фунтовъ, гороху и крупъ по 15 фунтовъ, масла коровьяго по семи фунтовъ съ половиною, соли по 2 фунта съ четвертью, муки ржаной на квасъ по одному четверику, вина простаго по 25 чарокъ, уксусу по полторы кружки, рыбы вялой по 6 фунтовъ: ветчины по 20 фунтовъ.

Іюня 30 прислано отъ *Его Царскаго Величества* съ Капитаномъ гвардіи *Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ* повелѣніе, отправиться флоту въ Копенгагенъ, и въ томъ же день оной, состоящій изъ десяти военныхъ кораблей, и отбылъ; а Іюля 18 сталъ оной у Копенгагена на якорь, гдѣ на-

шихъ же кораблей, прибывшихъ изъ Архангельска, находилось уже двенатцать; и тогожъ числа *Его Величество* самъ, бывъ во флотѣ, и осмотря все, выбралъ изъ насъ 30 человѣкъ, и указалъ послать въ Венецію и записаться тамъ въ галерную службу, въ числѣ коихъ былъ и я *Неплюевъ* (*); а 24 человѣка во Францію, назнача изъ нихъ двантцатерыхъ вступить въ тамошнюю корабельную службу, а четверыхъ обучаться Архитектурѣ. Повелѣлъ Послу своему, Князю *Василью Лукичу Долгорукову*, выдать намъ на дорогу жалованья по 6 ефимковъ, и за порцію деньгами, и отправить въ Амстердамъ, куда сухимъ путемъ и

(*) Сіи 30 человѣкъ были слѣдующіе: *Иванъ Неплюевъ, Василій Татищевъ, Степанъ Коносницынъ, Семенъ Мордвиновъ, Иванъ Аничковъ, Ефимъ Цымерманъ, Семенъ Дубровской, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Прохоровъ, Князь Алексѣй Бѣлосельской, Князь Тимоѳей Щербатовъ, Иванъ Коммисаровъ, Князь Иванъ Куракинъ, Артемій Толбухинъ, Яковъ Рославлевъ, Иванъ и Петръ Зиновьевы, Алексѣй Арбузовъ, Князь Михайла Прозоровской, Василій Квашнинъ-Самаринъ, Петръ Кошкинъ, Кукаринъ, Иванъ Воробьевъ, Кайсаровъ, Андрей Сухотинъ, Шипиловъ, Абрютинъ, Хрущовъ и Петръ Прохоровъ.*

самъ изволилъ отправиться съ Ея Величествомъ. По сему Указу прибыли мы въ Амстердамъ Декабря 27, и тогожъ числа явились къ *Его Величеству*. Государь опредѣлилъ каждому изъ насъ кормовыхъ денегъ на недѣлю по червонному, да на квартиру по полтора Гульдена. При *Его Величествѣ* были тогда: *Гаврила Ивановичъ Голоекинъ*, ***Петръ Андреевичъ Толстой***, *Петръ Павловичъ Шафировъ*, Посолъ Князь *Борисъ Ивановичъ Куракинъ*; Генералъ-Лейтенанты: *Князь Василїй Володимировичъ Долгоруковъ* и *Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ*; Кабинета Секретарь *Алексѣй Васильевичъ Макаровъ*, да Коммисаръ *Тимоѳей Девкинъ*.

8 Февраля 1717 года, 27 человѣкъ изъ насъ отправили въ Венецію; на дорогу каждому же дано по 25 червонныхъ. Въ Венецію прибыли Марта 25 дня, издержавъ въ пути, на всѣ разходы и на пищу по 24 червонца; явились у Г. Агента *Петра Ивановича Беклемишева*. Въ то же время въ Венеціи находился *Сава Владиславьевичъ Рагузинской*. Г. Агентъ, по Указу *Его Величества*, Маія 10 опредѣлилъ насъ въ Венеціанскую галерную службу, и посланы были отъ республики съ Ука-

зомъ на галерѣ, къ Генералъ-Капитану *Пизани* во флотъ, находившійся въ Корфу. На пищу въ пути далъ намъ Г. Агентъ по 20 цекиновъ. Маія 30 прибыли въ Корфу, а тогда между республикою и Портою была война; и перваго Іюня подали мы Указъ Генералъ-Капитану, и были имъ разпредѣлены на галеру по два человѣка.

Въ сей службѣ находились мы двѣ кампаніи, до самаго, то есть заключенія мира, и имѣли неоднократныя съ Турками на морѣ и при осадѣ крѣпостей сраженія (*).

По окончаніи войны получали мы во флотѣ 11 Январья 719 году, отъ Г. Агента *Царскаго Величества* повелѣніе, ѣхать немедлено въ Венецію; а Генералъ-Капитанъ объ отпускѣ насъ отъ Сената своего Указъ, и прибыли въ оную на военномъ кораблѣ 27 Февраля.

Г. Агентъ по Указу *Его Величества* сдѣлалъ намъ мундиръ, кафтаны и исподнее платье темносѣрыя, обшлага, отвороты и камзолы красные, и

(*) Въ журналѣ описана подробно вся ихъ служба и сраженія, также и данной Г. *Неплюеву* аттестатъ.

шляпы простыя; а *Татищеву*, *Дубровскому*, *Коновницыну*, *Щербатову* и *Алексѣеву*, *мундировъ* не дано, (такъ сiе записано въ журналѣ) понеже, де, въ своеручномъ письмѣ *Его Царскаго Величества* къ Г. Агенту написано, чтобъ сдѣлать мундиръ сей однимъ убогимъ, которые платья не имѣютъ.

4 Апрѣля Г. Агентъ объявилъ намъ Государевъ Указъ, повелѣвающiй отправить насъ въ Испанiю, и записаться въ тамошнюю галерную же службу; и давъ каждому на проѣздъ и пищу по 30 ефимковъ, при письмѣ Голланскаго Посла Князя *Куракина* къ Кадикскому Губернатору, *Дону Томазiю Дiакету*, и съ рекомендательнымъ письмомъ бывшаго тогда въ Венецiи Испанскаго Вице-Адмирала, тогожъ числа отправились (*). Во Флоренцiи нашли мы Русскихъ, *Ивана* и *Романа Никитиныхъ* съ товарищи, обучавшихся

(*) Въ журналѣ описанъ путь ихъ, которой былъ на Феррару, Болонiю, Флоренцiю, Пизу, Ливорну, Генуу, Тулонъ, Марсель, Аликантъ, Карѳагену, Малагу, Сантъ-Мари и Кадиксъ. Весь путь сей, разстоянiе мѣстъ, обычаи народовъ, законы, рѣдкости, флоты, число войскъ, и проч. описано съ великою подробностiю.

живописи, а въ Тулонѣ, Французскомъ приморскомъ городѣ, Русскихъ же. *Андрея Полянскаго, Воина* и *Михайлу Римскихъ-Корсаковыхъ*, Князей, *Александра Волконскаго*, *Бориса Борятинскаго* и *Бориса Юсупова*, да *Александра Жеребцова*, обучавшихся навигаціи, инженерству, артиллеріи, строенію и оснаскѣ кораблей, и проч. Мы въ Испанскомъ городѣ Карѳагенѣ были у Губернатора, который, принявъ насъ весьма ласково, объявилъ, что *Его Царскаго Величества* 40 кораблей придутъ въ помощь Королю ихъ, прогнавъ непріятелей его; и онъ имѣетъ уже Указъ, чтобъ въ Портахъ приготовить для нихъ провизію; и далъ намъ рекомендательное письмо къ Кадикскому Губернатору, куда прибыли мы Іюня 3 дня. Губернаторъ онаго писалъ объ насъ къ Королю; а 4 Августа полученъ Указъ, по коему и были мы приняты въ Академію Королевскую гардемаринами, гдѣ обучались артиллерійскому и инженерному искусству, биться на шпагахъ, танцовать и солдатскому артикулу. А какъ Король Испанской содержитъ у себя только 6 галеръ, да и тѣ находились тогда въ Сициліи, то и не могли мы,

по данному намъ Указу, опредѣлиться на оныя; чего ради и писали о семъ неоднократно въ Санктпетербургъ къ Генералъ-Адмиралу и въ Голландію къ Послу Князю *Куракину*; и 14 числа Декабря Губернаторъ обьявилъ намъ полученное имъ изъ Амстердама отъ помянутаго Посла нашего посьмо объ отправленіи насъ въ Амстердамъ, куда 17 Февраля и отправились мы; а 27 Марта въ оной прибыли. Князь обьявилъ намъ *Царскаго Величества* Указъ, повелѣвающій отправить насъ въ Санктпетербургъ. Въ то время обучились въ Амстердамѣ наши Русскіе экипажеству и механикѣ, *Андрей Хрущовъ*, *Иванъ Талызинъ* и *Алексѣй Вешняковъ*, да былъ тамъ же *Царскаго Величества* деньщикъ *Иванъ Толстой*, для покупки разныхъ птицъ, да 40 человѣкъ школьниковъ, обучавшихся разнымъ ремесламъ, какъ-то мѣдному, слѣсарному, столярному и разному судовому строенію.

22 Маія 1720 году прибыли мы въ Санктпетербургъ. Во весь мой вояжъ (*) издержалъ я собственныхъ 400, да Государевыхъ 600 рублей.

(*) Продолжавшійся пять лѣтъ.

Надругой день, по прибытіи, всѣ мы явились къ Генералъ-Адмиралу, а потомъ были у всѣхъ Флагмановъ и у присутствующихъ въ Адмиралтейской Коллегіи. Всѣ приняли насъ съ отеческою ласкою; а *Григорій Петровичь Чернышевъ* разспрашивалъ подробно о вояжѣ и о службѣ нашей, а паче что каждой выучилъ, и далъ намъ милостивое наставленіе, чтобъ мы, когда будемъ представлены Государю, говорили безъ робости и правду, кто въ чемъ успѣлъ. Флагманъ же *Змаевичь*, въ знаніи морской науки весьма искусный, разспрашивалъ каждаго изъ насъ о нашемъ знаніи въ навигаціи, и сколько примѣтить было можно, моими и *Куракина* отвѣтами былъ доволенъ.

На-завтрае рано пришли мы въ Коллегію и ожидали Генералъ-Адмирала, которой прибывши, и увидя насъ сказалъ, что онъ доложитъ объ насъ Государю, а теперь бы шли домой и ожидали повелѣнія.

26 Числа получили мы отъ Коллегіи приказъ, явиться въ оную. На другой день въ 5 часовъ утра мы пришли; и при насъ съѣжжались присутствующіе, изъ коихъ Генералъ-Адми-

ралѣ, идучи мимо насѣ, сказалѣ: я васѣ сего дня представлю Государю; а *Григорій Петровичь* (*Чернышевѣ*), остановяся сѣ нами, говорилѣ то же, что и вѣ своемѣ домѣ. Вмѣстѣ почти сѣ ними прибыть изволилѣ и *Его Величество*, но не тѣмѣ путемѣ прошелѣ вѣ Коллегію, на которомѣ мы Его ожидали; почему и не имѣли счастія видѣть очей Его; вѣ 7 же часовѣ ввели насѣ вѣ присутственную палату; мы *Его Величеству* поклонились вѣ ноги, а прочимѣ вѣ поясѣ. Государь былѣ невеселѣ, и спросилѣ только насѣ: имѣемѣ ли мы отѣ тамошнихѣ командировѣ аттестаты, и всель служили на галерахѣ? и получивѣ отѣ насѣ должной отвѣтѣ, сказалѣ Генералѣ - Адмиралу: Я хочу самѣ ихѣ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихѣ во флотѣ гардемаринами. При семѣ словѣ *Григорій Петровичь* громко сказалѣ Монарху, привставши сѣ креселѣ: грѣхѣ Тебѣ будетѣ, Государь! люди по Твоей волѣ бывши отлучены отѣ своихѣ родственниковѣ и отѣ отечества вѣ чужіе краи, сносили всякія нужды и учились по возможности, желая угодить Тебѣ, и по достоинству своему и тамѣ были

гардемаринами; а потомъ, объѣхавъ многія государства, возвратились по Твоей же волѣ и, надѣяся за службу и Науки получить награду, отсылаются ни съ чѣмъ, наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни дѣла столько не знаютъ. Монархъ на сіе изволилъ сказать ему: Ихъ награжу, пусть хотя одну кампанію при мнѣ прослужатъ. — Но легколь, отвѣтствовалъ Г. *Чернышевъ*, гардемаринами-то служить такимъ, изъ которыхъ есть достойны теперь же управлять галерою? — Ктожъ бы такіе были изъ нихъ? — *Неплюевъ* и *Кукаринъ*, сказалъ *Григорій Петровичъ*. Великій Государь, посмотря на насъ пристально, сказалъ: Чтобъ въ первой половинѣ будущаго мѣсяца было въ Коллегіи полное собраніе; я хочу, чтобъ при ономъ были они экзаменованы. — Это дѣло иное, сказалъ на сіе великодушный *Григорій Петровичъ*.

30 Іюня присланъ къ намъ отъ Коллегіи приказъ явиться 1 числа Іюля въ Коллегію на экзаменъ, въ 8 часовъ утра. *Его Величество* пріѣхать изволилъ въ одноколкѣ, и идучи мимо насъ, сказалъ намъ: здорово ребята! Чрезъ малое время ввели насъ предъ

собраніе, и Флагману *Змаевичу* поручено было насъ экзаменовать порознь; и когда дошла очередь отвѣтствовать мнѣ, то Государь самъ подойдя ко мнѣ и не давъ *Змаевичу* дѣлать задачь, спросилъ: всему ли ты научился, для чего былъ посланъ? На что я отвѣтствовалъ, ставъ на колѣни: Всемилостивѣйшій Государь! прилѣжалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, чтобъ всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ. Государь, показывая мнѣ ладонь руки своея, изволилъ сказать: Трудиться надобно; видишь братецъ, я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того, чтобъ показать вамъ примѣръ; и хотябъ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ Отечеству. Я, стоя на колѣняхъ, осмѣлился взять самъ Его Царскую ручку и многократно цѣлуя оную, пролилъ радостныя слезы. Потомъ Государь сказалъ мнѣ: Встань, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй; что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи; и оборотясь къ *Змаевичу*, приказалъ разспрашивать меня. И какъ

разспросы сіи касались до Навигаціи, и отвѣтами моими былъ онъ доволенъ, что Государь велѣлъ ему экзаменовать меня въ Математикѣ, далеколь я успѣлъ въ оной. Милостивое ободреніе, какое видѣлъ я въ очахъ Монарха, сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно, такъ что по окончаніи экзаменовъ Великій Государь пожаловалъ меня въ Порутчики морскіе галернаго флота, и другаго *Кукарина*; а всѣхъ другихъ Мичманами. Чрезъ малое же потомъ время указалъ Государь опредѣлить меня *Неплюева* смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися галерами и другими морскими судами; почему и имѣлъ я счастіе видѣть Государя почти ежедневно, когда Онъ не былъ въ отлучкѣ, и всякой пріѣздъ свой на работы разговаривать изволилъ со мною о разныхъ матеріяхъ, паче же касательно до должности и званія моего.

Между тѣмъ слышалъ я отъ Флагмановъ *Григорья Петровича Чернышева* и отъ *Змаевича*, къ которымъ я во всякое свободное время хаживалъ, что Государь, де, тобою является доволенъ, и говорилъ, что въ этомъ, де,

маломЪ будетЪ путь. Они подали мнѣ совѣты, чтобЪ прилѣжалЪ я кЪ должности и былЪ проворенЪ, а паче берегся бы лжи и всегда бы говорилЪ правду, хотябЪ случилось что и худо сдѣлать; то, де, Государь тебя не оставитЪ. Таковое отеческое наставленіе скоро доказало мнѣ, сколь оно было полезно. Однажды пришелЪ я на работу поздо, а Государь уже прежде меня на оную пріѣхалЪ. Я испужался и хотѣлЪ было бѣжать домой и сказаться больнымЪ; но вспомня тотЪ благодѣтельской совѣтЪ, пошолЪ кЪ тому мѣсту, гдѣ находился Государь. ОнЪ, увидѣвЪ меня, сказалЪ: Я уже здѣсь, другЪ мой! — ВиноватЪ, Государь, отвѣчалЪ я; вчера былЪ вЪ гостяхЪ, и долго меня продержали, и потому проспалЪ и опоздалЪ. МонархЪ, ударя меня по плечу, сказалЪ: *Богъ проститъ! спасибо, что правду говоришь: кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?*

По окончаніи работы Государь сказалЪ мнѣ: ты вчера былЪ вЪ гостяхЪ, а меня сего дня звали на родины — поѣдемЪ со мною. Я поклонился, и по приказу Его сталЪ за одноколкою, и пріѣхали кЪ плотнику

моей команды. Войдя въ хижину, Государь пожаловалъ родильницѣ нѣсколько гривенниковъ и съ нею поцѣловался, а я стоялъ у дверей; Онъ мнѣ приказалъ то же сдѣлать, и я далъ гривну. Государь спросилъ бабу: что далъ Порутчикъ? Она гривну показала, Монархъ усмѣхнувшись сказалъ: э братъ! вижу я, что ты даришь не по-за-морски. — Нечѣмъ мнѣ, Государь, даришь много: дворянинъ я бѣдной и имѣю жену и двоихъ дѣтей, и когда бы не Ваше Царское жалованье, то бы здѣсь живучи и ѣсть было нечего. Государь спросилъ, сколько за мною душъ и гдѣ испомѣщенъ? Я все разсказалъ справедливо и безъ утайки; Тогда хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ чарку горячаго вина, — Государь изволилъ выкушать и заѣлъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ; а потомъ поднесъ и мнѣ, но я не сталъ пить. — Выпей Порутчикъ, сказалъ Монархъ; а какъ я отвѣчалъ, что отъ роду не пилъ горячаго вина — инъ прикушай сколько можешь, а то обидишь хозяина; что я и сдѣлалъ; и *Его Величество*, отломя кусокъ пирога и подавая мнѣ, сказалъ: заѣшь, это родимая, а не Италіянская пища.

Потомъ Государь изволилъ поѣхать, а я пошолъ домой обѣдать.

Былъ я также, по Указу *Его Величества*, для переводу у чужеземскихъ Министровъ, когда ихъ трактовали на новоспущенномъ кораблѣ; и когда Государь изволилъ съѣзжать съ онаго, то идучи мимо меня, пожаловалъ поцѣловать свою руку.

1721 году, Января въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ для всѣхъ Бояръ и для гвардіи и морскихъ Офицеровъ; почему и я тутъ былъ. Государь съ Боярами сидѣлъ за однимъ столомъ, а Офицеры въ другой комнатѣ за другимъ, и отобѣдавъ прежде, вошло насъ нѣсколько въ ту камеру, въ коей Государь сидѣлъ еще за столомъ, и былъ очень веселъ; и между прочимъ изволилъ говорить, что мнѣ надобенъ человѣкъ, разумѣющій по-Италіански, послать въ Царьградъ Резидентомъ. Господинъ *Голоскинъ* отвѣчалъ, что онъ такого достойнаго не знаетъ, а *Ѳедоръ Матвѣевичъ* сказалъ: а я таковаго знаю и очень достойнаго, но та бѣда, что бедѣнъ. — Бѣдность не бѣда, сказалъ на сіе Государь; этому помочь можно скоро; а кто тотъ такой? при-

молвилъ Монархъ. — Вотъ онъ за Тобою-то стоитъ, отвѣчалъ Адмиралъ. *Его Величество* обратяся сказалъ: ихъ стоитъ много. — Твой хваленой-та, что у галернаго строенія? — Это правда, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось было при себѣ его имѣть, — однакожъ быть такъ; да и приказалъ назначить меня въ оную посылку, и при семъ словѣ изъ-за стола встали. Адмиралъ, поздравя меня Резидентомъ, взялъ за руку, и подвелъ къ Государю благодарить. Я упалъ къ ногамъ *Его Величества*, и схватя оныя, цѣловалъ, проливая слезы, называя Его отцомъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и сказалъ: *Я вашъ приставникъ отъ Бога, и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. — Буде хорошъ будешь: то не столько мнѣ, сколько Отечеству и себѣ добра сдѣлаешь; а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрою и правдою: то въ началѣ Богъ, а при немъ и я тебя не оставимъ; и тогда будешь ты имѣть во мнѣ отца.* Сіе выговоря, обратяся

къ Адмиралу сказалъ: Когожъ я возьму на его мѣсто? и произнеся сіе, изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой *Григорій Петровичъ* обнялъ меня, и съ искренностію сердца поцѣловавъ, поздравилъ съ новою моею должностію.

25 Января, изъ Коллегіи Иностранной въ Адмиралтейскую при сообщеніи присланъ Имянной Указъ, о присланіи меня въ ту Коллегію, для посылки Резидентомъ ко двору Султана Турскаго въ Константинополь; 26 Января въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ учиненъ мнѣ окладъ Резидентской по три тысячи рублей на годъ, да на подъемъ Государь пожаловалъ тысячу рублей. — Февраля 26 дана мнѣ изъ оной же Коллегіи инструкція, и того же числа имѣлъ я у Монарха отпускную аудіенцію. *Его Величество* обнадежить меня изволилъ своею милостію, естьли я буду того достоинъ, и прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ, сказавъ: прости братецъ, кому Богъ велитъ видѣться. Разговоровъ и отеческихъ наставленій *Его Величества* не могу припомнить, потому что находился тогда отъ печали, прощаясь съ Государемъ, внѣ себя,

и какъ бы помѣшаннымъ. Потомъ былъ я для прощанья у Господъ Министровъ, которые всѣ меня обнадеживали своею помощію; а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, яко безопытнаго въ дѣлахъ Министерскихъ. Послѣ былъ я у всѣхъ же нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина *Змаевича* просилъ я о неоставленіи въ нуждахъ жены моей и деревнишки; когда же благодарилъ Генерала-Адмирала и просилъ о великодушномъ продолженіи его милости, то онъ выслушавши сказалъ: дуракъ! Я удивяся такому пріему, осмѣлился сказать, что не знаю, чѣмъ прогнѣвилъ Его Сіятельство. — Дуракъ! паки онъ повторилъ: съ чѣмъ ты жену-то да дѣтей оставляешь? вить имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ Государя, чтобъ давать имъ безъ тебя, по крайней мѣрѣ по окладу твоему, прежнее жалованье твое? — Я, государь, того не посмѣлъ просить, да и не думалъ о томъ. — Потому-то ты и дуракъ, сказалъ Графъ; да добро, помиримся! коли будешь хорошо служить, то Государь тебя не оставитъ; Онъ и вчера со мною о тебѣ

говорилЪ; прикажижЪ женѣ-то своей, что буде ей вЪ чемЪ нужда будетЪ, за всѣмЪ ко мнѣ присылать, я ее не оставлю. — Я, государь, намѣренЪ ее отправить вЪ деревнишку свою, ибо здѣсь содержать ей себя не можно. — Фу какая бѣда! инЪ вели ей ко мнѣ писать, это все равно, заключилЪ ГрафЪ. НаконецЪ отЪ него пришелЪ я кЪ *Григорью Петровичу Чернышеву.* Сей добродѣтельный мужЪ прощался со мною какЪ сЪ кровнымЪ, далЪ мнѣ отеческое наставленіе, чтобЪ служилЪ я и отправлялЪ дѣло мое сЪ подлежащею вѣрностію и усердіемЪ; совѣтовалЪ еще сходить кЪ Г. *Остерману*, и болѣе сЪ нимЪ ознакомиться; ибо, де, онЪ по МинистерскимЪ вашимЪ дѣламЪ у Государя вЪ отмѣнности, а я, заключилЪ онЪ, уже просилЪ его за тебя, дабы любилЪ тебя. СверьхЪ сего благодѣтель сей далЪ мнѣ бывшаго его крестьянина, но отданнаго вЪ матросы, именемЪ *Афанасья Ерапольскаго*, говоря: возьми сего деньщика моего сЪ собою, онЪ, живя у меня, всему обучился и человѣкЪ вѣрной, умной и проворной, на котораго ты можешь во всемЪ положиться. Подробности сіи показались

мнѣ нужными, яко такія, изъ коихъ увидятъ читатели, какихъ имѣлъ у себя Монархъ слугъ, и какая обитала въ душахъ ихъ искренность, толь чуждая всякаго коварства, и пустаго и обманчиваго учтивства.

Я пропускаю уже все въ журналѣ Г. *Неплюева* съ подробностію описанное, касательно до службы его, и до дѣлъ между Портою и Россіею, а остановляюсь на краткое время токмо на слѣдующемъ:

Изъ Исторіи Ироя нашего уже мы видѣли, что завоеваніе, учиненное *Его Величествомъ* въ Персіи, возмутило Порту, и нужно было склонить оную, дабы гарантировала она провинціи, взятыя у Персіи, и сіе возложено было отъ Монарха на сего Г. *Неплюева,* которой подъ медіаціею Французскаго Министра *Марки де Бонака*, Іюня 27, 1724 году, и заключилъ съ Портою союзной трактатъ, къ полному удовольствію Монарха. Трактатъ сей помѣщенъ въ *Дополненіяхъ къ Дѣяніямъ* ПЕТРА Великаго, и сей Великій Государь удостоилъ его своеручнымъ благодарительнымъ за сіе письмомъ, и пожаловалъ его 1) перваго ранга морскимъ Капитаномъ Пол-

ковничья ранга; 2) вѣ Устюжнѣ желѣзнопольской 400 душѣ крестьянѣ; 3) женѣ и дѣтямѣ его производить указалѣ отѣ Адмиралтейской Коллегіи полное по морскому чину его жалованье, и 4) сыну его *Адріану*, находившемуся вѣ ученьѣ вѣ Голландіи, вѣ прибавокѣ производить вѣ годѣ по 300 рублей, и заключу все сіе словами сего знаменитаго Россіянина, и достойнаго ПЕТРА Великаго слуги, изѣявляющими нѣжнѣйшую чувствительность души, пораженной кончиною обожаемаго имѣ Государя:

„1725 года вѣ Февралѣ мѣсяцѣ, „(пишетѣ сей мужѣ) получилѣ я „плачевное извѣстіе, что Отецѣ Отечества ПЕТРЪ Великій, Императорѣ „первый отѣиде сѣ сего свѣта. Я „смочилѣ ту бумагу горестными слезами, какѣ по должности о моемѣ „Государѣ, и подданныхѣ своихѣ „истинномѣ Отцѣ, такѣ и по многимѣ Его ко мнѣ милостямѣ; и ей „ей! не лгу: былѣ болѣе суткѣ вѣ „безпамятствѣ, — да инако бы мнѣ и „грѣшно было. Сей Монархѣ Отечество наше привелѣ вѣ сравненіе сѣ „лучшими Державами, научилѣ узнавать насѣ свои дарованія и способно-

„сти, и однимъ словомъ: на что въ „Россіи ни взгляни, все Его началомъ „имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣла- „лось, отъ сего источника черпать „будутъ; а мнѣ собственно былъ Го- „сударь и Отецъ милосердый. Да вчи- „нитъ Господь душу сего многотру- „дившагося о пользѣ Отечества Мо- „нарха съ праведными (*)."

(*) Я продолжу остальную Исторію сего знаменитаго мужа, сколько можно однакожъ сокращеннее. Министерское званіе свое при Портѣ исправлялъ онъ съ великою похвалою, и отъ самыхъ Турокъ былъ почитаемъ, любимъ и уважаемъ. *Петръ II*, Іюня 17, 1728 году, пожаловалъ его флота Капитаномъ-Командоромъ; а Декабря 2, 1730, Императрица *Анна Ивановна* пожаловала въ галерной флотъ Шаутбенахтомъ; въ 1734 году, впадши въ такую жесточайшую болѣзнь, что всѣ Медики отказались, принужденъ онъ былъ на мѣсто свое аккредитовать бывшаго при немъ Надворнаго Совѣтника Г. *Вѣшнякова*, что подтверждено было и Дворомъ, и дано дозволеніе выѣхать ему въ Россію.

Въ 1735 году пожалованъ Тайнымъ Совѣтникомъ, и Членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1737 посланъ былъ въ Немировъ на Конгрессъ, для трактованія о мирѣ съ Турками; а какъ за несогласіемъ съ Цесарской стороны оной разорвался, то велѣно ему править Кіевскою Губерніею до Указу. По прекращеніи

128.

Знаменитѣйшіе изъ слугъ Петровыхъ имѣли отъ Него довѣренность исправлять все то, что признаютъ за полезное.

Мы представимъ сему два только примѣра въ особахъ Князя *Меньшикова* и *Григорья Петровича Чернышева.* Касательно до перваго, то для дока-

---

войны съ Турками, возложено на него разграниченіе земель, и отъ Императрицы обѣщаны ему въ награжденіе Орденъ Св. Александра и знатныя деревни. Сіе возложеніе на него совершилъ онъ къ удовольствію Двора, и велѣно ему быть въ Петербургъ для объясненія и переговоровъ съ Посломъ Турецкимъ. Хотя же за смертію Императрицы и не получилъ онъ обѣщаннаго награжденія, однакожъ правительница *Анна* оное выполнила: онъ при Орденѣ получилъ Ропскую волость и мѣстечко Быково; въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ Малороссіянъ, и сверьхъ того ввѣрена была его управленію вся Малороссія.

Сія милость, а паче дружба его съ Графомъ *Остерманомъ*, какъ онъ послѣ узналъ, привели его у восшедшія на престолъ Императрицы *Елисаветы Петровны* въ подозрѣніе, а личное фаворитовъ ея къ нему неудовольствіе, увеличило оное; онъ былъ смѣненъ съ важнаго того поста, лишенъ Ордена и деревень, ему пожалованныхъ въ Малороссіи, и по пріѣздѣ въ Петербургъ не велѣно было ему выѣзжать

зательства, того удовольствуюсь я только помѣщеніемъ здѣсь письма его къ Монарху.

„Господинъ Полковникъ!

„Писалъ я нынѣ въ Новгородъ къ „Комменданнту *Татищеву*, велѣлъ ему

изъ дому. Какъ Коммисія, при Дворѣ учрежденная для изслѣдованія Графа *Остермана* и другихъ исполнителей завѣщанія Императрицы *Анны Ивановны*, не сыскала никакихъ за нимъ преступленій и участія въ дѣйствіяхъ Графа *Остермана*, въ чемъ и самъ нещастный Графъ сей оправдалъ его: то и велѣно было явиться ему ко Двору. Императрица приняла его милостиво, пожаловала къ рукѣ и возложила на него паки снятый съ него Орденъ. „Я, увидевъ (пишетъ неповинный сей страдалецъ) дщерь Государя обожаемаго мною во „славѣ ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего Отца и Государя, такъ обрадовался, что забылъ всѣ приключившіяся мнѣ „огорченія„ Однакожъ отписанныя волости не возвращены ему; чрезъ нѣсколько же дней объявленъ ему въ Сенатѣ Имянной Указъ, по коему повелѣвалось ѣхать ему главнымъ командиромъ въ Оренбургскую Экспедицію; привесть въ устройство вновьзавидимую Губернію; обезопасить границы, простирающіяся болѣе нежели на 1000 верстъ; обуздать грабительства Киргисъ Кайсаковъ и другихъ народовъ; учредить и распространить Азіатическую торговлю, и проч: а хотя нашолъ онъ по пріѣздѣ туда все въ безпорядкѣ и неустройствѣ, однакожъ не только все возложенное на него съ-

„вѣдать всѣ Новогородскаго уѣзда Па-„тріаршія, Архіерейскія и мона-„стырскія вотчины; а Архіерею и „всѣхъ монастырей старцамъ давать „хлѣбъ противъ того, какъ въ мона-„стырскомъ приказѣ опредѣлено; а де-

---

полнилъ, но и болѣе того сдѣлалъ, особливо же въ отношеніи населенія обширной страны той Дворянами и крестьянами. Торговлю распространилъ до такого степени, что одного серебра ввезено было при немъ въ Россію до 15000 пудъ, не считая великихъ суммъ, состоящихъ въ золотѣ, скотѣ и въ великомъ множествѣ различныхъ товаровъ, вымѣненныхъ по большой части на Россійскія произведенія и издѣлья. А пошленныхъ денегъ столько уже собиралось, что доставало оныхъ на устроеніе главнаго имъ же заложеннаго города Оренбурга, и въ немъ двухъ большихъ каменныхъ, желѣзомъ крытыхъ гостиныхъ дворовъ съ двумя же въ нихъ церквами, двухъ прекрасныхъ каменныхъ же соборныхъ, съ богатою утварью, и нѣсколько приходскихъ каменныхъ же церквей и многихъ другихъ таковыхъ же публичныхъ зданій, и на всѣ прочія величія учрежденія, и словомъ, на приведеніе сего знатнаго города и всей новой Губерніи въ цвѣтущее состояніе. Сверхъ сего открылъ онъ во множествѣ въ обширной той Губерніи неизвѣстныя до него богатыя мѣдныя и желѣзныя руды, устроилъ заводы, укрѣпилъ крѣпостями и поселеніями всю пограничную линію, и привелъ въ послушаніе бунтовавшихъ Башкирцовъ и единовѣрныхъ съ ними наро-

„нетъ старцамъ давать противъ гар„низоннаго и иныхъ нашихъ солдатъ „по 6 рублей; не изволишь ли, Госу„дарь, и Московскихъ также и прочихъ

довъ трехъ большихъ Киргисъ - Кайсацкихъ Ордъ, не столько оружіемъ, сколько посѣяніемъ между ими, а паче между Башкирцами и Киргисцами вѣчныхъ сѣмянъ раздора, доставившаго навсегда безопасность и спокойствіе съ сей стороны Отечеству. Оставалось въ немъ одно еще желаніе, то есть, открыть и обезопасить торговлю чрезъ Хиву и Бухарію со всею Индіею, надъ планомъ чего трудился онъ неусыпно, и въ 1750 году пріѣхалъ онъ съ онымъ въ С. Петербургъ; и хотя въ слѣдующемъ году пожалованъ онъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники, однакожъ съ прискорбіемъ принужденъ былъ возвратиться въ Оренбургъ, мало успѣвъ касательно до оной Индѣйской торговли. Неутомимые труды сего ревностнаго сына Отечества ослабили напослѣдокъ силы его до того, что принужденъ былъ онъ просить увольненія отъ тамошней службы, которое и получилъ; однакожъ *Елисавета I*, не хотя лишиться толь опытнаго во всѣхъ частяхъ и ревностнаго слуги, пожаловала его Сенаторомъ и Конференцъ-Министромъ. Сіи важныя званія открыли больше еще его рѣдкія способности; и ЕКАТЕРИНА II, при возшествіи своемъ на престолъ, отправясь съ частію гвардіи полковъ и артиллеріи въ *Петергофъ*, вручила ему въ охраненіе дражайшій залогъ Отечества, единороднаго Сына и Наслѣдника своего ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, счастливо нынѣ государствующаго, а также и столицу

Я

„монастырей старцамъ деньги давать
„противъ гарнизонныхъ же солдатъ
;„по 6 рублей? Воистинну досыть, по-
„неже солдату противъ старца всегда

свою Петербургъ, со всѣми въ немъ находившимися войсками. Таковую же довѣренность къ нему оказала Императрица и при отсутствіи своемъ въ Москву для коронаціи, оставивъ его главнымъ Командиромъ столицы и войскъ, въ ней находившихся, и пожаловавъ ему Орденъ Св. Апостола Андрея, и столовыхъ денегъ по 500 рублей на мѣсяцъ. Подобную же довѣренность Великая Государыня изъявила ему и въ отсутствіе свое въ Остъ-Зейскія провинціи, препорученіемъ главнаго же ему начальства. Въ сіе-то время начальствованія его произошло извѣстное отъ изверга *Мировича* злодѣйское въ Шлиссельбургѣ возмущеніе, но предосторожностями, взятыми симъ ревностнымъ слугою Отечества, отвращено въ народѣ всякое вредное вліяніе возмущенія того. Наконецъ, когда старость лѣтъ лишила его зрѣнія: то увидѣлъ онъ себя принужденнымъ просить *Ея Величество* о увольненіи своемъ отъ всѣхъ дѣлъ. Праведная Цѣнительница заслугъ подданныхъ, исполняя сіе желаніе его, наградила оныя сверьхъ того и знатными деревнями. Два Имянныхъ Ея о семъ Указа, въ чести сего знаменитаго сына Отечества, помѣщаются здѣсь подлинникомъ:

„Г. Тайной Дѣйствительной Совѣтникъ и „Сенаторъ *Неплюевъ*, по долговременной предкамъ Нашимъ, Намъ и Отечеству службѣ, „пришедъ въ глубокую старость, всеподданнѣйше просилъ, по слабости своего изнурен-

„надобно излишнее: у инаго есть „жена и дѣти; однакожъ по милости „Вашей довольствуются; они же слу- „жатъ и работаютъ, не имѣя себѣ

„наго здоровья, увольненія отъ всѣхъ воен- „ныхъ и гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ и „свободы окончить остатки жизни своея спо- „койно, гдѣ онъ пожелаетъ. Мы, не токмо „совершенно вѣдая все прошедшее время похваль- „ной его службы, но и сами довольные имѣя „опыты отличной его вѣрности и усердія къ „Намъ и Отечеству, Всемилостивѣйше сни- „сходя на его прошеніе, дозволяемъ ему Сена- „тору *Неплюеву*, по смерть его жить сво- „бодно отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ „дѣлъ, тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ; и сверьхъ „того жалуемъ ему на оплату долговъ 20000 „рублей."

II. „Всемилостивѣйше пожаловали Мы На- „шему Тайному Дѣйствительному Совѣтнику „Сенатору и Кавалеру *Ивану Ивановичу Не- „плюеву* за долговременную и безпорочную его службу, а особливо за учиненное имъ въ „бытность его въ Оренбургѣ знатное прира- „щеніе государственныхъ доходовъ, Малорос- „сійскія волости, Чеховскую и Ямпольскую, „со всѣми принадлежащими къ нимъ хутора- „ми, деревнями, селами, мѣстечками и при- „надлежностьми, въ вѣчное и потомственное „владѣніе. Ноября дня 1764 году."

Остатки достохвальной жизни своей, сей питомецъ ПЕТРА Великаго препровелъ въ дерев- няхъ своихъ, въ богомысліи, въ приведеніи хлѣбопашества и хозяйства въ лучшее состоя- ніе, въ устроеніи блага крестьянъ своихъ и

„покою; а старцу что больше того „надобно, чтобъ былъ хлѣбъ да вода? „ибо оные въ то себя опредѣлили, „дабы послѣдовать Святымъ Отцамъ

въ наставленіяхъ сына и внуковъ своихъ. Всѣ окружавшіе жилище его дворяне находили удовольствіе ежедневно наслаждаться его же наставленіями и разсужденіями за столомъ его.

Сей достопочтеннѣйшій мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, рѣшимость въ дѣлахъ скорую и основательную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами неколебимое. Сіе между прочимъ и то одно доказать можетъ, что онъ никогда, ни отъ кого, ни за какое дѣло, ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подарками; засвидѣтельствуютъ сіе всѣ бывшіе подъ его начальствомъ. Доступъ до него былъ всякому невозбранной, выслушивалъ отъ каждаго, а особливо отъ просителя со внимательнымъ терпѣніемъ; интересы Отечества предпочиталъ самой жизни и благосостоянію своему, и правило его было, служить оному до послѣдняго изнеможенія силъ; а потому и несносны ему были всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе безъ важныхъ причинъ службу и выходящіе въ отставку; защищалъ весьма ревностно самодержавное, какъ наилучшее и древнѣйшее изъ всѣхъ правленіе, и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю верховной власти. Къ памяти ПЕТРА Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе, и имя Его не инако произносилъ, какъ священное, и почти всегда

„которые денегъ не любили; такъ и „имъ жить надлежитъ. За симъ здра„віе Вашей милости, моего Всемило-

---

со слезами. Вѣру и благочестіе соблюлъ до конца ненарушимо, и не выѣзжалъ со двора своего никогда, не отслушавъ Святыя Литургіи, которая въ домовой его церкви ежедневно отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія нещастія и прискорбности сносилъ равнодушно, за все благодаря Бога, вѣруя несомнѣнно провидѣнію Его, управляющему всѣмъ, какъ и жребіемъ каждаго смертнаго. Искренность сердца его изливалась и на языкъ его, однакожъ въ дѣлахъ только тайности неподлежащихъ; сему послѣднему послужитъ доказательствомъ и одно слѣдующее: Когда лишился онъ зрѣнія, и силы его тѣлесныя ослабѣли, и слѣдовательно продолжать служенія болѣе не могъ: то, написавъ просительное къ Императрицѣ письмо о увольненіи своемъ отъ службы, поѣхалъ съ онымъ въ день воскресный на куртагъ во Дворецъ; его подвели къ Ея Величеству. Монархиня, почитавшая его добродѣтели, посадила его подлѣ себя, — и старецъ заговорилъ, что онъ ослѣпъ и не можетъ исправлять должности службы. — Я разумѣю тебя, сказала Императрица, я разумѣю тебя *Иванъ Ивановичъ*! ты конечно хочешь проситься въ отставку; но воля твоя, я прежде не отставлю тебя, пока не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ таковыми достоинствами, съ каковыми и ты. Толь лестная Великой Государыни рѣчь тронула его даже до слезъ. Чтожъ онъ отвѣтствовалъ на оную? *Нѣтъ, Государыня*,

„ствивѣйшаго Государя, Господу Все-
„могущему вѣ сохраненіе предаю.

Александрѣ Меньшиковѣ.

26 Сентября 1706 году.

мы ПЕТРА Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили, инако жили и вели себя; а нынѣ инако воспитываются, инако живутъ и ведутъ себя, и инако мыслятъ; и такъ не могу я ни за кого, ниже за сына моего ручаться. Сей добродѣтельный старецѣ самѣ мнѣ сіе разсказывалѣ, пріѣхавѣ изѣ дворца, прибавя кѣ тому: *тутъ всѣ были, но мнѣ что за нужда? я сказалъ, что чувствовалъ.*

Впрочемѣ всѣ описанныя мною добродѣтели его извѣстны были мнѣ совершенно, и могу сказать, что всѣ движенія сердца его не могли отѣ меня быть сокрытыми; ибо имѣлѣ я счастіе быть имѣ любимѣ, и болѣе двадцати лѣтѣ жилѣ сѣ нимѣ почти неразлучно, вѣ теченіе которыхѣ почти ежедневно наслаждался утренними его сѣ собою разговорами и разсужденіями, открывавшими мнѣ всѣ чувствованія души его. Я запечатлѣю все сіе письмомѣ его, отправленнымѣ отѣ него кѣ достойному сыну его за три только дни Христіянскія кончины своея, которое нѣкоторымѣ образомѣ и подтвердитѣ все описанное и послужитѣ наставленіемѣ всѣмѣ молодымѣ людямѣ какѣ - то и слѣдуетѣ;

„Мой любезной сынѣ, *Николай Ивановичъ!*
„Святость Пророческихѣ словѣ: *днїе лѣтъ*
„*нашихъ яко семдесятъ, аще же въ силахъ,*
„*осьмдесятъ лѣтъ,* самымѣ дѣломѣ сбывается

Относительно же до другаго, докажетъ намъ то же слѣдующій анекдотъ:

„на мнѣ. Се уже приближился вѣкъ мой къ „послѣднему назначенному времени жизни человѣческой, а умножающаяся день отъ дня и „часъ отъ часу тѣла моего и памяти слабость „предвѣщаетъ разрушеніе храмины тѣла моего, въ чемъ и предаюсь я судьбамъ Всевышняго, и ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ, и по колику возможно, съ покойнымъ духомъ. Но прежде, нежели разлучится грѣшная моя душа отъ тѣла, въ должности нахожусь сказать тебѣ, мой любезный „сынъ! соблюди святую вѣру во всей ея непорочности, вразумляй о ней дѣтямъ твоимъ, напечатлѣй на младыхъ ихъ сердцахъ „страхъ Божій, иже есть начало премудрости; „исполняй по всей возможности заповѣди Господни; Онъ есть источникъ всѣхъ благъ „небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него не „постыдится никогда.

„Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ „Ея Величеству и къ учреждаемымъ отъ Нея „Наслѣдникамъ; наблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотябъ иногда и „непріятное тебѣ что случилось, вѣдая, что „Богъ и Ея Величество правды твоея будутъ „покровители; что естьли и не въ то время, „то послѣ чрезъ нихъ тебѣ откроется. Люби „Отечество свое, отъ коего весь родъ твой „облагодѣтельствованъ былъ и потомки будутъ, „и въ защищеніи существительной того пользы, не щади не токмо благосостоянія твоего, „но и жизни. Я по всей возможности симъ

Сей достопочтенный и вѣрнѣйшій изъ слугъ ПЕТРА Великаго проѣзжалъ однажды городъ Калугу. Купцы сего

„шествовалъ путемъ, мой любезный сынъ! и „ты всѣхъ лучше знаешь бывшія иногда мнѣ „огорченія, какъ и то, сколь я ихъ сносилъ „терпѣливо; и наконецъ Богъ, владычествуяй „всѣми, возвелъ меня въ такое состояніе, ка„коваго только человѣку при моихъ свойствахъ „ожидать было возможно.

„Подчиненнымъ твоимъ, а паче крестья„намъ, будь больше отецъ, нежели господинъ, „имѣя присно въ памяти слово Божіе: *мило„сти хощу, а не жертвы*; и что они такіе „же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и вла„сти, данной тебѣ гражданскими законами.

„Умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо „здравію твоему вредна, но и познанію кажда„го дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ. „Я знаю твое доброе сердце, знаю твои свой„ства, знаю и расположеніе души твоея; а „потому зная, что послѣдуешь сему моему „послѣднему наставленію, спокойнѣе умираю.

„Наконецъ къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и мило„сердія, обращаю мою молитву: Сохрани его, „дѣтей его, и весь родъ мой, и вразуми ихъ „совершить теченіе жизни сея Тебѣ угодное, „въ вѣрности къ нашей Государынѣ и въ поль„зу Отечества. Да будетъ благодать Господ„ня надъ тобою, дѣтьми твоими, *Ванею* и „*Митею*, невѣсткою моею *Аграфеною Алек„сандровною*, и всѣми моими дѣтьми и вну„ками.

„Когда любишь ты своихъ дѣтей, такъ „какъ я тебя люблю, то, представя мое тене-

города, вѣдая, въ какой находится онъ у Монарха милости, вышли за городъ для встрѣтенія его. Но какъ по нещастію граждане сіи имѣли тогда между собою ссору, раздѣлившую ихъ на двѣ партіи: то посему каждая изъ нихъ вышла съ особымъ хлѣбомъ и съ солью. *Григорій Петровичь*, поблагодаря ихъ за честь сію ему сдѣланную, тотчасъ спросилъ: какая же была бы тому причина, что они раздѣлились на двѣ партіи, и каждая

„решнее состояніе, можешь себѣ и то представить, сколь горестна моя съ тобою разлука. „Я долженъ наполнять мои мысли Творцомъ „вселенныя и Его правосудіемъ; но признаюсь „и каюсь въ томъ, что ты меня столько же „занимаешь; представленіе тебя предстоитъ „неотлучно предо мною, и молитва моя о „себѣ препровождается купно и о тебѣ. Не могу „больше говорить. Боже всякаго милосердія! „сохрани его и всѣхъ моихъ, какъ я желаю. „Въ послѣднее скажу тебѣ: прости, мой любезный сынъ, *Николай Ивановичь*!

Таковъ былъ сей питомецъ ПЕТРА Великаго! таковы были и многіе изъ нихъ!

Сей приснопамятный мужъ родился Ноября 5, 1693 года; скончался Ноября 11, 1773 года, въ Новогородскомъ уѣздѣ, въ селѣ своемъ *Подъдубьѣ*, имѣя 80 лѣтъ и 6 дней. Онъ, кромѣ умершихъ въ дѣтствѣ, имѣлъ двухъ достойныхъ себя сыновъ, *Андріана* и *Николая*, пер-

особо поднесла ему хлѣбъ и соль? Должно было имъ признаться, что тому причина есть ихъ ссора. *Какъ ссора?* сказалъ онъ на сiе съ великимъ гнѣвомъ; *одного города жители, одной церкви Христiане и одного Государя подданные, имѣютъ такую вражду, что и сообщаться другъ со другомъ не хотятъ? Такъ-то вы исполняете законъ Божiй и волю Государеву, желающую видѣть всѣхъ въ согласiи, плетей!* закричалъ онъ бывшимъ при немъ нѣсколькимъ гренадирамъ.

вый при жизни еще его скончался холостой въ Константинополѣ, будучи Статскимъ Совѣтникомъ и Министромъ при Портѣ, на 38 году жизни; второй, бывшiй Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ и Кавалеромъ (а), и двухъ же дочерей, *Марью* и *Анну*; первая была за Вице-Адмираломъ *Воиномъ Яковлевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ*, а вторая за Тайнымъ Совѣтникомъ и Вотчиной Коллегiи Президентомъ и Кавалеромъ *Михайлою Куприяновичемъ Луниными*.

(а) Послѣ сего послѣдняго остались два достойнѣйшiе сына, *Иванъ* и *Дмитрiй*. Мать перваго была дочь Санктпетербургскаго Оберъ-Коменданта Князя *Федора Васильевича Мещерскаго*, *Татьяна Федоровна*; втораго, дочь знаменитаго Господина *Александра Львовича Нарышкина*, *Аграфена Александровна*.

Устрашенные купцы пали на колѣни, и со слезами просили помилованія. Какой милости достойны вы, непотребные? закричалъ на нихъ больше еще Господинъ *Чернышевъ*; вы мятежники, разрушающіе спокойствіе города, и должны въ примѣръ другихъ быть безъ милости наказаны. Усугубляется просительный вопль и слезы, обѣщаются помириться и никогда не заводить подобныхъ между собою ссоръ. — Хорошо, сказалъ потомъ сей добродѣтельный Господинъ; и остановяся на томъ мѣстѣ, послалъ въ городъ за Протопопомъ, чтобъ вышелъ со крестомъ, Евангеліемъ и налоемъ, по прибытіи котораго велѣлъ имъ присягнуть въ томъ, что они искренне всякую между собою вражду оставляютъ и забываютъ, что мстить и напоминать злобы своея другъ другу никогда не будутъ, и что вѣчно жить станутъ въ мирѣ и согласіи. Все сіе было ими исполнено, и Г. *Чернышевъ* приказалъ имъ въ знаменіе мира другъ съ другомъ поцѣловаться. Теперь, сказалъ онъ имъ наконецъ, я долгомъ моимъ поставляю навѣдываться всегда, какъ вы будете себя вести, — и ежели узнаю, что вы

и послѣ сего заведете еще какую - либо между собою ссору: то поступлено будетъ съ вами яко съ клятвопреступниками, нарушителями крестнаго цѣлованія и мятежниками. Послѣ всего сего велѣлъ паки имъ поцѣловаться и самъ всѣхъ перецѣловалъ, и въѣхалъ въ городъ обще съ ними какъ бы въ торжествѣ. Слѣдствіемъ сего было, что Калужскіе граждане и по смерти Г. *Чернышева*, въ продолженіе цѣлыхъ семидесяти лѣтъ, не смѣли и помыслить о ссорахъ, и жили въ великомъ согласіи, и миръ сей назывался *Чернышевскимъ* миромъ. (*).

129.

Печаль, какую подданые чувствовали о лишеніи ПЕТРА Великаго.

Мы уже описали въ *Дѣяніяхъ* и *Дополненіяхъ* къ онымъ, коликою скорбію и сокрушеніемъ поражены были Россіяне, лишась сего Отца Отечества; а здѣсь представимъ еще одинъ примѣръ таковыя неизобразимыя ихъ горести.

(*) Отъ почтеннаго изъ гражданъ сего города, Оберъ-Инспектора *Никиты Тимоѳеевича Шемякина*.

Достопочтенный по заслугамъ, чинамъ и лѣтамъ своимъ Господинъ *Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ*, проливая слезы, сказывалъ, что во время бытности въ *Дербентѣ* главнымъ командиромъ Генерала - Лейтенанта *Матюшкина*, гдѣ тогда находился и онъ Г. *Соймоновъ*, получена печальнѣйшая вѣсть о кончинѣ Великаго сего Государя. Курьеръ, привезшій оную, не сказалъ о семъ никому прежде начальствующаго; и какъ только Г. *Матюшкинъ* то услышалъ, залился слезами, завылъ страшно и упалъ безъ чувствъ; въ мигъ печальная вѣсть сія разнеслась по всему городу, и наполнился бывшими тогда въ Дербентѣ Россіянами дворъ и домъ начальничій. Не можно себѣ представить безъ ужаса, продолжалъ Господинъ *Соймоновъ*, тѣхъ рыданій, вою и воплю, каковыя испускали пораженные кончиною возлюбленнаго своего Государя всѣ Россіяне; въ каковомъ ужасномъ состояніи всѣ они, забывъ все прочее на свѣтѣ, пробыли болѣе сутокъ безъ сна и безъ пищи; особливо же сцена сія ужаснѣйшею показалась въ церквѣ при пѣніи панихиды и при воскликнутіи вѣчной Ему памяти. Чтожъ примѣчательнѣйшее

было, что и самые Персіяне, новые подданные Его, соединили свой плачь и свое сѣтованіе съ плачемъ и сѣтованіемъ природныхъ Россіянъ.

Таковою неизобразимою печаліюпоражены были города и подданные всея Россіи!

130.

Благоговѣніе къ памяти ПЕТРА Великаго всѣхъ служившихъ при Немъ

Имѣвъ счастіе застать еще многихъ изъ почтеннѣйшихъ старцовъ временъ *ПЕТРОВЫХЪ*, и съ ними ознакомиться, всѣ они безъ изъятія оказывали безпредѣльное благоговѣніе къ памяти сего Отца Отечества; всѣ они не могли произнести священнаго для нихъ имени Его безъ слезъ. *Ивану Ивановичу Неплюеву*, (въ которомъ я имѣлъ особливаго себѣ благодѣтеля) во все время бытности моей при немъ, каждое почти утро отъ 4 до 6 часу угодно было препровождать со мною въ разговорахъ, или въ чтеніи книгъ и какъ я каждый разъ, между прочимъ, прашивалъ его сказать мнѣ, чтолибо, чего я еще не слыхалъ о семъ Великомъ Государѣ: что обыкновенно

начиналъ онъ повѣствованія свои о Немъ сими словами: *Эвося братецъ! ты опять хочешь, чтобъ я плакалъ:* и въ самомъ дѣлѣ всегда разговоры его о Немъ сопровождались слезами.

Столь-то былъ Онъ всѣмъ имъ любезенъ! Я представляю здѣсь еще одно сему же доказательство.

Графъ *Андрей Ивановичь Ушаковъ*, толь долго служившій при семъ Великомъ Государѣ, и скончавшійся въ глубокой старости уже при Императрицѣ *Елисаветѣ Петровнѣ*, въ послѣдней болѣзни своей почувствовавъ приближающуюся кончину свою, пріуготовился къ разлученію съ жизнію пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ и Елеосвященіемъ и, лежа на смертномъ одрѣ своемъ, возвелъ очи свои на портретъ ПЕТРА Великаго, всегда въ спальнѣ его стоявшій, и вдругъ необыкновенно возстеналъ, проливая слезы. Изъ предстоящихъ предъ нимъ любимой его Адъютантъ, *Михайла Ивановичь Ярославовъ*, спросилъ о причинѣ толикаго его стенанія; тогда почтеннѣйшій старецъ сей, какъ бы забывъ всѣ свои болѣзни и самой часъ смерти, предстоящей уже предъ нимъ, слабымъ голосомъ, указавъ на изображеніе сего

Государя, сказалъ: я, вообразя всѣ безпредѣльные труды Его и любовь къ Отечеству, всѣ милости Его, изліянныя на подданныхъ и собственно на меня, не могъ не возчувствовать, въ послѣднее разлучаяся со свѣтомъ, живѣйшей къ Нему благодарности и благоговѣнія. — *Добродѣтели* сего Великаго Государя, отвѣтствовалъ на сіе Г. *Ярославовъ*, безъ сомнѣнія сопричислили Его къ лику Святыхъ. Ваше Сіятельство, приготовяся сообщеніемъ со Христомъ чрезъ Святую Евхаристію предстать тому же праведному мздовоздателю Господу, предъ которымъ предстоитъ и сей Монархъ, тѣмъ больше радостнѣйшими чувствованіями наполнять себя должны, чѣмъ ближе приходитъ тотъ часъ, въ которомъ созерцать Его можете лицемъ къ лицу.

Умирающій старецъ, выслушавъ сіе съ покойнымъ духомъ и, собравъ всѣ остальныя силы свои, возвышеннымъ нѣсколько голосомъ произнесъ: а дабы сіе было такъ! тогда-то бы исполнилось все мое желаніе! тогда-то бы былъ я прямо блаженъ и преблаженъ! Сіи были послѣднія слова, умирающаго мужа сего, и замѣчено

всѣми присутствовавшими при смерти его, что сими пріятнѣйшими мыслями занявшись, съ радостію испустилъ духъ свой (*).

131.

Подтвержденіе того же.

Таковое же чувствованіе любви и благоговѣнія имѣли къ сему Великому Государю и самые тѣ изъ служившихъ при Немъ, которые были отъ Него наказаны палкою Его, какъ выше уже о семъ упомянуто; а здѣсь сему же послужитъ доказательствомъ и слѣдующій Анекдотъ:

Почтенный старецъ *Аѳанасій Даниловичь Татищевъ*, служившій долгое время при Немъ деньщикомъ, находилъ всегда, какъ и всѣ старики при Немъ же служившіе, пріятнѣйшее удовольствіе говорить о Немъ. Однажды, бывъ онъ въ компаніи разговорился о Его милостяхъ, о Его неусыпныхъ тру-

---

(*) Отъ упомянутаго почтеннаго Господина *Ярославова*, сообщенное мнѣ отъ достойнаго сына его *Алексѣя Михайловича Ярославова же.*

Ѳ

дахѣ, и о преждевременной кончинѣ, не допустившей совершить ему многаго еще полезнаго для отечества, и разговоры сіи сопровождалъ слезами. Одинъ изъ бывшихъ въ той же компаніи молодой богатой Дворянинъ сказалъ ему: я отъ тебя же слыхалъ, что не однажды и палка Его гуляла по спинѣ твоей, а воспоминаніе о семъ кажется должно бы осушить слезы ваши. Врешь! возразилъ съ гнѣвомъ старикъ; пусть бы Онъ билъ, только бы жилъ; ибо всѣ наказанные Имъ должны признаться, что они наказываны были праведно, и наказанія тѣ служили намъ исправленіемъ отъ шалостей, ни къ чему годныхъ, а безъ того были бы мы такіе же повѣсы, какъ и ты. Такъ, такъ! подхватили при томъ же бывшіе два старика, подобно же Имъ наказанные. Онъ никого не наказалъ безъ вины, и не прежде за наказанія принимался, какъ когда уже не дѣйствовали Его увѣщанія и журьба; и были ли бы мы таковы, каковы есть, ежели бы тѣмъ образомъ не были Имъ исправляемы? да и побои Его никогда не превышали мѣры погрѣшностей нашихъ, и ни одинъ еще изъ

наказанныхъ не былъ изувѣченъ, ни у одного еще не сократили оные жизни. Мы всѣ, благодаря отеческому Его наказанію, дожили до нынѣшней старости нашей, и воспоминаемъ о нихъ, какъ о дѣйствіяхъ милости и благодѣяній, а не гнѣва Его.

132.

Чувствованіе, каковое имѣли солдаты о семъ же Великомъ Государѣ, служившіе при Немъ.

Не столько удивительно, когда чиновныя особы, служившія при семъ Великомъ Монархѣ, яко имѣвшія лучшее воспитаніе и нѣжнѣйшія чувствованія, таковое изъявляли благоговѣніе къ памяти *Его Величества*, какъ то, что и самые простые и грубаго воспитанія люди, каковы суть солдаты наши, не меньше нѣжнѣйшія имѣли къ Нему чувствованія. Мы видѣли уже любовь и приверженность ихъ, какую оказывали они Ему при жизни Его; а слѣдующій Анекдотъ покажетъ, какое благоговѣйное отдавали они Ему почитаніе по смерти Его.

Изъ многихъ мѣстъ Дѣяній Великаго сего Государя безъ сомнѣнія замѣтили читатели, коль великое имѣлъ Монархъ попеченіе о воинахъ своихъ, а паче о престарѣлыхъ и раненыхъ изъ нихъ. Онъ упокоивалъ сихъ послѣднихъ въ Гошпиталяхъ, монастыряхъ и Архіерейскихъ домахъ, доставивъ имъ ненужное содержаніе, и которые по сему чувствуя всѣ Его милости, проводили остатки дней своихъ въ спокойствіи, благословляя имя Его и возсылая молитвы свои къ Господу о здравіи толико благотворящаго имъ Государя и Отца своего; а по кончинѣ Его о упокоеніи съ праведными души Его; многіе же изъ нихъ изъ безпредѣльнаго къ памяти Его благоговѣнія сопричисляли Его къ лику даже святыхъ, и молились Ему, яко угоднику Божію.

Изъ находившихся при домѣ Нижегородскаго Архіерея оставшійся одинъ престарѣлый солдатъ, по прозванію *Кириловъ*, имѣя у себя маленькой финифтяной портретъ ПЕТРА Великаго, чтилъ его ежедневнымъ лобызаніемъ и поклоненіемъ; онъ поставлялъ его

между образами святыхъ, и наравнѣ съ ними ставя и предъ нимъ зажженную свѣчу, молился, какъ угоднику Божію, каждую ночь. Во время Архіерейства въ Нижнемъ Преосвященнаго *Θеофана*, замѣтили служившіе при немъ сіе, то есть, что старикъ *Кирилловъ*, зажигая свѣчу предъ портретомъ Государевымъ, молился ему каждую ночь, и сказали о томъ Архіерею. Сей Пастырь, желая удостовѣриться своими очами, пришелъ въ келью его ночью нечаянно и, увидя въ самомъ дѣлѣ портретъ Государевъ и предъ нимъ зазженную свѣчу, стоявшій между образами святыхъ, и солдата предъ нимъ молящагося, спросилъ его, что онъ дѣлаетъ? Молюсь, Владыко святый, отвѣчалъ онъ. — Это очень похвально, сказалъ на то Архіерей, и потомъ, будто бы не примѣтивъ портрета Государева, сталъ осматривать образа, и говоритъ солдату, указавъ на портретъ сей: старикъ! это между святыми иконами стоитъ у тебя портретъ ПЕТРА Перваго — Да, Преосвященный Владыко, образъ батюшки нашего —

Но Онъ хотя былъ Великій и Благочестивый Государь, и достоинъ всего нашего почтенія; однакожъ церковь святая не сопричислила Его къ лику Святыхъ, а по сему и не должно тебѣ персону Его ставить между образами Святыхъ, зажигать предъ онымъ свѣчу, а меньше еще молиться Ему. — Не должно? (перебилъ рѣчь его съ великимъ негодованіемъ солдатъ) не должно? Вы Его не знали, а я зналъ: Онъ былъ нашъ Ангелъ Хранитель; защищалъ и охранялъ насъ и все Отечество отъ непріятелей, несъ наравнѣ съ нами всѣ тягости въ походахъ, ѣдалъ съ нами одну кашу, обращался съ нами какъ равной и какъ отецъ; самъ Богъ прославилъ Его побѣдами, не допустя коснуться до Него смерти и раны; а ты говоришь, не должно образу Его молиться! заключилъ солдатъ, проливая слезы.

Сколь ни старался Архіерей вывести его увѣщаніями своими изъ заблужденія, но тщетно: престарѣлый сей *воинъ Петровъ* остался при мнѣніи своемъ, и все, что онъ сдѣлалъ,

состояло только въ томъ, что онъ обѣщалъ не ставить предъ портретомъ Его свѣчи, но чтобъ однако же стоялъ оный вмѣстѣ съ образами (*).

(*) Отъ Господина Статскаго Совѣтника *Тимоѳея Григорьевича Миславскаго*, бывшаго въ описанное время въ Нижнемъ Новѣгородѣ при Консисторіи Секретаремъ, знавшаго сего *Кирилова* и слышавшаго все то отъ самаго помянутаго Архіерея.

КОНЕЦЪ.

